

**РУССКИЙ ЯЗЫК
В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ:
ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Коллективная монография

Казань
Издательство «Бук»
2019

УДК 811.161.1:39(571.53/.55)
ББК 81.2Рус-67
Р89

Авторы:

Т. Ю. Игнатович, Ю. В. Биктимирова, Л. В. Камедина, А. В. Иванова,
Н. А. Лиханова, Е. И. Пляскина, Е. О. Филинкова, Ц. Р. Цыдендамбаева,
М. А. Башурова

Редактор:

Игнатович Татьяна Юрьевна, доктор филологических наук, профессор
(Забайкальский государственный университет)

Рецензенты:

Соколянский Александр Анатольевич, доктор филологических наук,
профессор (Северо-Восточный государственный университет)
Глухоедова Надежда Николаевна, кандидат филологических наук,
проректор (Институт развития образования Забайкальского края)

*Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований, проект № 18-012-00270 «Русский язык
в полиэтническом Забайкалье: динамический аспект»*

Р89 Русский язык в полиэтническом Забайкалье: динамический аспект :
коллективная монография / [Т. Ю. Игнатович и др.]; [под общ. ред.
Т. Ю. Игнатович]. — Казань : Бук, 2019. — 394 с.

ISBN 978-5-00118-444-7.

Коллективная монография забайкальских учёных посвящена исследованию состояния и трансформации регионального варианта русского языка в полиэтническом Забайкалье в диахронии сихронных срезов конца XVII–XVIII вв. — конца XX и начала XXI в.

Коллективная монография адресована лингвистам, историкам, регионоведам, аспирантам, магистрантам и студентам филологических факультетов высших учебных заведений и всем, кто интересуется проблематикой региональных вариантов национальных языков.

УДК 811.161.1:39(571.53/.55)
ББК 81.2Рус-67

ISBN 978-5-00118-444-7

© Оформление. ООО «Бук», 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

Коллективная монография забайкальских учёных посвящена исследованию состояния регионального варианта русского языка и его трансформации в диахроническом контексте в полиэтническом приграничном регионе России — Забайкалье. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-012-00270 «Русский язык в полиэтническом Забайкалье: динамический аспект». Русская история освоения края с середины XVII в. в виде миграционных волн с разных территорий России, пребывание здесь коренных народов обеспечили полиэтничный состав населения, что нашло отражение в русском речевом узусе края. Эта речь и в настоящее время не однородна, на диалектную основу наслаиваются просторечие, жаргоны, воздействует литературный язык, наблюдается угасание воздействия автохтонных языков, что обуславливает своеобразную диахронную динамику языковой ситуации в Забайкалье.

Исследование диахронных трансформаций состояния русского языка в Забайкалье проведено на основе языковых данных в фонетике и морфологии, заимствованной из автохтонных языков лексики на синхронных срезах конца XVII — начала XVIII вв. и начала XXI века с учётом межъязыковых контактов. Осуществлено также описание современной забайкальской диалектной лексики, на её основе разработана этнолингвистическая модель региональной народной культуры с выявлением её этнолингвистической и лингвокультурной ценности, дана характеристика забайкальской лексикографии и фразеологии. В монографии также отражены результаты исследования языка современной забайкальской прозы и регионального медиадискурса с позиции региональной специфики и активных языковых процессов. В заключении представлен сравнительно-сопоставительный анализ языковых ситуаций и состояний русского языка на разных синхронных срезах (XVII–XVIII вв. и конец XX в. и начало XXI в.).

Авторы коллективной монографии надеются, что *результаты реализации проекта* будут иметь *научную значимость* для дальнейших исследований русского языка не только в Забайкальском крае, но и в

других регионах России, поскольку диахроническое исследование динамики языковой ситуации в полиэтническом Забайкалье позволяет понять механизмы изменений не только региональных языковых систем, но и на их основе — выявить трансформации общерусского языка. Исследование и лексикографическое описание диалектной лексики с выявлением её лингвокультурной ценности способствуют сохранению для науки русского языкового наследия региона.

Коллективная монография адресована лингвистам, историкам, регионоведам, аспирантам, магистрантам и студентам филологических факультетов высших учебных заведений и всем, кто интересуется проблематикой региональных вариантов национальных языков.

Введение. Теоретико-методологические основы исследования

Т.Ю. Игнатович

Актуальность проекта. Известно, что функционирующий на огромном российском пространстве русский язык представляет собой сложный конгломерат из литературной разновидности, общерусского просторечия, региональных модификаций языка и жаргонов.

В настоящее время возрос интерес отечественных лингвистов к исследованию диахронных и синхронных трансформаций русского языка под влиянием внешних и внутренних факторов [Русский язык сегодня, 2003; Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков, 2008; Валгина, 2003 и др.].

Проявляется научный интерес к исследованию изменений в истории и современности региональных языковых ситуаций и региональных форм русского национального языка [Беликов, 2006, с. 6–76; Беликов, 2013, с. 81–83; Нефедова, 2010, с. 810–811; Плешкова, 2003; Оглезнева, 2008, с. 119–136; Кудряшова, 2009, с. 3–7; Майоров, 2016, с. 51–55].

Актуальны исследования историков языка, реконструирующих региональный речевой узус по данным письменных памятников [Майоров, 2006; Городилова, 2004; Инютина, 2017, с. 53–63].

В контексте актуальности современных исследований русского национального языка во всех его формах исследование в динамическом аспекте его регионального варианта, функционирующего на восточных российских рубежах, представляется необходимым для формирования целостного представления о богатстве, разнообразии и возможностях русского национального идиома.

Русский язык появился в Забайкалье в середине XVII в. с приходом в этот регион русских первопроходцев и первопоселенцев. В силу различных экстралингвистических факторов за 350 лет он значительно трансформировался как в устном, так и в письменном формате коммуникации.

Русская история освоения края с середины XVII в. в виде миграционных волн с разных территорий России, пребывание здесь коренных народов обеспечили полиэтничный состав населения, что

нашло отражение в русском речевом узусе края. Исследование воздействия русского языка на автохтонные языки и отражения культуры и традиций коренных народов в региональном формате русского национального языка способствует пониманию механизмов языковой и культурной ассимиляции представителей разных национальностей на территории Забайкальского края в разные периоды.

Представляется своевременным, научно значимым и обладающим новизной исследование состояния русского языка в Забайкалье на разных синхронных срезах с учётом межъязыковых контактов в различных сферах коммуникации с выявлением диахронных трансформаций регионального варианта русского языка, а также лексикографическое описание забайкальской диалектной лексики и выявление её этнолингвистической и лингвокультурной ценности. В последние годы в результате мирового процесса глобализации наблюдается нивелирование самобытных черт забайкальского варианта русского языка.

Краткий экскурс в историю и аспекты исследования регионального варианта русского языка в Забайкалье. В контексте всестороннего изучения памятников Восточного Забайкалья XVII–XVIII вв. в разное время рядом исследователей предпринято исследование по уровням языка.

Фонетическая система данных памятников конца XVII — первой половины XVIII вв. была реконструирована Г.А. Христосенко в кандидатской диссертации (1975), в научных статьях [Христосенко, 1983, с. 81–91 и др.], орфографические особенности, фонетические, лексические, синтаксические средства в забайкальских памятниках XVIII в. в аспекте взаимодействия языковых вариантов и стилеобразующих функций в формирующемся деловом стиле русского литературного языка исследованы А. П. Майоровым в докторской диссертации (2006), монографии, статьях [Майоров, 2006 и др.]. Исследование морфологии забайкальских памятников деловой письменности конца XVII–XVIII веков нашло отражение в кандидатской диссертации Ю.В. Биктимировой (2012) и статьях [Биктимирова, 2011, с. 184–191 и др.]. Реконструкция забайкальского языкового узуса времён первопроходцев и первых поселенцев далека от завершения, поскольку

большинство архивных документов Нерчинской воеводской канцелярии не прочитано и не изучено лингвистами. Архивные документы нуждаются в транслитерации и введении их в научный оборот. Исследование забайкальского речевого узуса XVII–XVIII вв. не исчерпало себя, остаётся актуальным сравнительно-сопоставительный анализ языковых ситуаций и состояний русского языка на разных синхронных срезах (XVII–XVIII вв. и конец XX в. — начало XXI в.), который позволит выявить динамику трансформаций русского языка в Забайкалье.

Исследованием русского языка в Забайкалье в формате русской народно-разговорной речи, в основе которой лежат забайкальские русские говоры, учёные занимаются с 70-х годов прошлого века (Э.А. Колобова, Т.Ю. Игнатович, Е.И. Пляскина, О.Л. Абросимова и др.) [Игнатович, 2013; Пляскина, 2016]. Этот феномен требует тщательного изучения, так как за 60 лет (период одного поколения) появились существенные изменения, которые необходимо описать с целью дальнейшего прогнозирования развития русского национального языка на территории полиэтнического Забайкальского края. Эта речь сейчас не однородна, трансформируется, на диалектную основу наслаивались автохтонные языковые реалии, в настоящее время воздействует общерусское просторечие, жаргоны, литературный язык, она требует дальнейшего изучения.

Сравнительно-сопоставительный анализ языковых ситуаций и состояний русского языка на разных синхронных срезах (XVII–XVIII вв. и конец XX в. и начало XXI в.) позволяет выявить динамику трансформаций русского языка в Забайкалье. В забайкальском полиэтническом регионе русский язык является доминирующим идиомом, но за время функционирования в регионе он не избежал воздействия со стороны автохтонных языков в формате русской народно-разговорной речи. Начато исследование этого влияния, отражённого в рукописных нерчинских памятниках XVII–XVIII вв., сделана попытка рассмотреть динамику проникновения автохтонных заимствований и их функционирование в современной региональной русской речи.

Многие регионы имеют изданные словари русской диалектной лексики. Изданный в 80-е годы прошлого столетия «Словарь рус-

ских говоров Забайкалья» Л.Е. Элиасова [Элиасов, 1980] нуждается в уточнении и дополнении. Востребовано, но не является полным этнолингвистическое описание диалектного фонда Забайкалья [Лиханова, 2015]. Забайкальскими учёными проводятся этнолингвистические исследования регионального лексического и фразеологического фондов, в проекте ставится задача выявить языковую репрезентацию общенациональных и региональных культурных ценностей, особенностей мировосприятия забайкальцев и создать этнолингвистическую модель региональной народной культуры.

Ещё один аспект проекта — исследование языка современных забайкальских писателей и регионального медиадискурса: как в языке художественных произведений и медийном дискурсе региона преломляются личностные, региональные особенности и общерусские языковые новации.

Языковые процессы в современной русской прозе, в том числе в произведениях ряда забайкальских писателей, исследовались Г.Д. Ахметовой [Ахметова, 2008 а; Ахметова, 2008 б], но данный региональный объект остаётся до конца не изученным.

Все названные аспекты требуют научного описания и фиксации в словарях и научных изданиях, это позволит сохранить для науки региональные лингвистические реалии в быстро меняющейся лингвистической картине в эпоху скоростных коммуникаций и глобализации.

Цель и задачи проекта. Цель проекта — исследование динамики языковой ситуации в полиэтническом приграничном российском регионе, каким является Забайкалье, и комплексное сравнительно-сопоставительное описание состояния русского языка в Забайкалье на разных синхронных срезах, в частности во второй половине XVII–XVIII вв. и в современный период.

Цель достигается решением следующих задач:

1. Исследование современных разновидностей русского языка в Забайкалье (литературной разновидности, общерусского просторечия, региональных модификаций языка и жаргонов) в устном и письменном формате в различных коммуникативных дискурсах и жанрах русских жителей Забайкалья.

2. Исследование языка рукописных памятников Нерчинского воеводства XVII–XVIII вв. с реконструкцией отразившейся в них русской речи первопроходцев и первопоселенцев.

3. Сравнительно-сопоставительный анализ языковых ситуаций и состояний русского языка на разных синхронных срезах (XVII–XVIII вв. и конец XX в. и начало XXI в.), который позволит выявить динамику трансформаций русского языка в Забайкалье.

4. Исследование динамики проникновения автохтонных заимствований в русский язык, функционирующий на территории Забайкалья.

5. Характеристика диалектной лексики, забайкальской лексикографии и фразеологии, разработка на основе диалектной лексики этнолингвистической модели региональной народной культуры.

6. Исследование языка современных забайкальских писателей и медийного дискурса с позиции региональной специфики и активных языковых процессов.

Научная новизна исследования заключается в интегративном рассмотрении функционирования русского языка в полиэтническом Забайкальском крае на разных этапах развития региона. Применение синхронического и диахронического подходов в описании и фиксации разных временных состояний объекта исследования является не только оригинальным, но и позволяет более глубоко проникнуть в тенденции и процессы его трансформаций. Исследование регионального лексического и фразеологического фондов с выявлением языковой репрезентации общенациональных и региональных культурных ценностей, особенностей мировосприятия забайкальцев впервые позволяет создать этнолингвистическую модель региональной народной культуры.

Сравнительно-сопоставительный анализ языковых ситуаций и состояний русского языка на разных синхронных срезах (XVII–XVIII вв. и конец XX в. и начало XXI в.) выявляет динамику трансформаций русского языка в Забайкалье, а также динамику проникновения автохтонных заимствований в русский язык, функционирующий на территории Забайкалья.

В новом ракурсе исследуется язык самобытных современных забайкальских писателей, а именно с выявлением отражённых в худо-

жественных произведениях личностных свойств, региональных особенностей и общерусских языковых новаций.

Новая научная идея, реализуемая в проекте: комплексное исследование в синхроническом и диахроническом аспектах русского языка, функционирующего в разных форматах в приграничном восточном российском регионе, которым является Забайкальский край, выявляет диахронное изменение языковой ситуации от равновесной до неравновесной с доминирующим русским языком при современном полиэтническом составе жителей края. Результаты исследований по вышеназванным направлениям синтезируются в целостное научное представление о региональном варианте русского языка как сегменте русского национального языка и характере его трансформаций в диахронии.

Теоретико-методологические основы исследования. В разработанной концепции проекта *принцип* (подход) *интегративно-сти* исследования регионального варианта русского языка является ключевым, при этом многоаспектность исследования не означает разобщённости между результатами выбранных направлений научного описания, поскольку исследования сопряжены в идее выявления общерусской языковой основы и региональных особенностей, описании динамики русского языка в Забайкалье через сравнительно-сопоставительное исследование его состояний на разных синхронных срезах. Результаты исследований по вышеназванным направлениям в монографии синтезируются в целостное научное представление о региональном варианте русского языка как сегменте русского национального языка и характере его трансформаций в диахронии. Избранный в проекте *принцип аккумуляции* исследуемого языкового материала позволил коллективу проекта с целью сохранения регионального языкового наследия подготовить к публикации и издать материалы к диалектному словарю Забайкальского края и научное издание транслитерированных текстов архивных документов Нерчинской воеводской канцелярии.

В основе методологии научного проекта лежат ключевые принципы диалектики, которыми руководствуются в диахроническом и синхроническом языкознании: *принципы развития и историзма, прин-*

ция всеобщей связи (причинно-следственной обусловленности между явлениями и процессами, связь между элементами функционирующей системы на оси лингвистического времени), *системности* (осознание системного устройства объектов исследования). Принимается постулат, согласно которому в структуре национального русского языка имеются как стабильные общерусские элементы, так и элементы подвижные, соответственные, проявляющие специфику частных диалектных систем [Аванесов, 1974, с. 119–124]. При синхронном и диахронном аспектах под термином стабильные общерусские элементы понимаются характерные для всех русских говоров явления, не претерпевшие изменений со времени формирования языка великорусской народности и до настоящего времени определяющие систему русского национального языка, который воплощается в основном виде в разновидности литературного языка.

Подвижные элементы изменяются в процессе развития русского языка и характеризуют особенности частных диалектных систем определенных синхронных срезов и представляют собой диалектные различия.

Исследование также базируется на *принципе открытости языковой системы и воздействия на систему разных факторов*, принимается во внимание *принцип функционализма* (функциональный подход к явлениям языка). Поскольку история языка, в том числе древнерусских диалектов, свидетельствует о том, что в диахронии диалекты не были абсолютно статичны и изменялись, к ним применимы законы диалектики, частными проявлениями которых являются языковые законы. Изменения в современных говорах вызывают как экстралингвистические факторы, так и внутренние законы развития языковой системы.

В данном исследовании используются следующие научные методы:

1. С целью синхронного научного описания языкового материала применяются эмпирические методы наблюдения, записи и обработки материала техническими средствами. Для расшифровки и научной интерпретации речевых сегментов используется аудиальноаналитический метод анализа звучащей речи.

2. Метод выборки языкового материала и анализа из региональных текстов памятников письменности конца XVII–XVIII вв. и разговорного дискурса XXI в., текстов художественных произведений забайкальских писателей и перевода языкового материала в цифровой формат с дальнейшей компьютерной обработкой данных в различных лингвистических программах.

3. Для подготовки издания «Диалектного словаря Забайкальского края» используется метод лексикографической систематизации и верификации диалектных картотек, в том числе и в электронном формате.

4. При исследовании языковых явлений применяются методы: системно-структурный, компонентного анализа, функционально-коммуникативный и метод контекстного анализа.

5. При диахроническом исследовании применяется сравнительно-исторический метод, который включает приемы внутренней реконструкции морфологической системы языка документов конца XVII–XVIII вв. по фактам Нерчинских памятников делопроизводства, интерпретации данных письменных памятников, относительной хронологии.

6. Сравнительно-сопоставительный метод — для выявления особенностей аналогичных элементов в текстах разных жанров, при сопоставлении языковых фактов с данными различных памятников, а также древнерусского, церковнославянского и народно-разговорного (на базе современных забайкальских диалектов русского языка).

7. Метод палеографического анализа, который проявляется в отвечающем научным требованиям воспроизведении скорописных деловых текстов и позволяет проанализировать языковые факты.

8. Метод формулярного анализа — для исследования формальной стороны текста определенного жанра, определения степени обусловленности языковых средств жанровыми особенностями памятников. Формулярный анализ помогает выявить границы (в том числе и графические) соотношения деловой речи и народно-разговорной речи.

Выбранные методы и их приёмы обеспечивают необходимую глубину анализа и достоверность результатов исследования.

Научная значимость результатов исследования заключается в том, что исследование динамики русского языка в забайкальском ареале показывает возможности реализации языковой системы в диахронии и синхронии на определённом территориальном сегменте в российском языковом пространстве, фиксацию потенциальных вариантов и консервацию архаичных языковых явлений. Результаты исследования в ходе сопоставления забайкальского узуса и нормы, диктуемой центром, расширяют представления об этапах становления нормы литературного языка в периферийном регионе. Выявленные в региональном варианте русского языка динамика процессов и факторы, их обуславливающие, позволяют понять механизмы изменений частных языковых систем, а на их основе — трансформации общерусского языка.

Научные результаты, в том числе лексикографическое описание диалектной лексики в формате словаря и разработка этнолингвистической модели русской региональной культуры могут быть использованы при разработке концепции региональной языковой картины мира забайкальцев.

Прикладная значимость результатов научного исследования. Результаты исследования используются в учебном процессе Забайкальского государственного университета и Института развития образования Забайкальского края: они применяются в разработке тем магистерских диссертаций и выпускных квалификационных работ бакалавров, в преподавании русской диалектологии, лингвокраеведения и других спецкурсов, факультативов данной тематики бакалавриата, магистерских программ, в разработке рекомендаций для подготовки и переподготовки научно-педагогических кадров филологов.

На основе полученных результатов исследования регионального варианта русского национального языка разработана учебно-методическая Программа и содержание лингворегионоведческого модуля «Живое слово Забайкалья», которая вошла в интегрированный учебный курс для 5–9 классов общеобразовательных организаций Забайкальского края «Забайкаловедение» [Игнатович, Биктимирова, 2018, с. 18–45]. В 2019 году в издательстве «Русское слово» в Москве вышел учебник для 6 класса: Т.Ю. Игнатович, Ю.В. Биктимирова «Забайкало-

ведение. Живое слово Забайкалья» [Игнатович, Биктимирова, 2019], в настоящее время данная дисциплина внедряется в учебный процесс во всех школах Забайкальского края. В лингворегионоведческом ракурсе также разработаны учебно-методические материалы для студентов-иностранцев, изучающих русский язык и временно проживающих в регионе [Игнатович, 2019, с. 81–86].

Список литературы

1. Аванесов Р.И. Русская литературная и диалектная фонетика. М.: Просвещение, 1974. 287 с.

2. Ахметова Г.Д. Языковые процессы в современной русской прозе (на рубеже XX–XXI вв.). Новосибирск: Наука, 2008. 168 с.

3. Ахметова Г. Д. «А у нас в Забайкалье...»: заметки о современной литературе Забайкальского края. Чита: ОАО «Читинская типография», 2008. 128 с.

4. Беликов В.И. Русский язык и технический прогресс // Русский язык сегодня: Проблемы языковой нормы / Отв. ред. Л.П. Крысин. М.: ИРЯ РАН РФ, 2006. С. 62–76.

5. Беликов В.И. Региональные варианты русского языка и традиционные сельские диалекты // Региональные варианты национального языка: материалы всероссийской (с международным участием) научной конференции / Науч. ред. А.П. Майоров. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2013. С. 81–83.

6. Биктимирова Ю.В. Некоторые особенности употребления имён прилагательных в языке памятников деловой письменности Восточного Забайкалья конца XVII–XVIII вв. // Гуманитарный вектор. 2011. № 4 (28). С. 184–191

7. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Логос, 2003. 304 с.

8. Городилова Л.М. Деловая письменность Приенисейской Сибири как источник региональной исторической лексикографии: монография. Хабаровск: Изд-во Хабаровского гос. пед. ун-та, 2004. 140 с.

9. Игнатович Т.Ю. Восточнозабайкальские говоры севернорусского происхождения в истории и современном состоянии (на ма-

териале фонетики и морфологии): монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. 312 с.

10. Игнатович Т.Ю. Региональный вариант русского национального языка в Забайкалье как объект изучения студентами-иностранцами // Русский язык в современном Китае: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. / Забайкал. гос. ун-т; [отв. ред. Ю.В. Звездина]. Чита: ЗабГУ, 2019. С. 81–86.

11. Игнатович Т.Ю., Биктимирова Ю.В. Забайкаловедение. Живое слово Забайкалья: учебное пособие для 6 класса общеобразовательных организаций. М.: ООО «Русское слово — учебник», 2019. 128 с.

12. Игнатович Т.Ю., Биктимирова Ю.В. Программа модуля «Живое слово Забайкалья» для 6-7 классов // Программа интегрированного учебного курса «Забайкаловедение» для 5–10 классов общеобразовательных организаций Забайкальского края. Чита: ИРО Забайкальского края, 2018. С. 18–45.

13. Кудряшова, Р.И. Говоры Волгоградской области и их современное состояние // Региональные особенности функционирования русского и национальных языков на территории Российской Федерации: материалы Всероссийской научно-практической Интернет-конференции (г. Ставрополь, 27 апреля — 29 мая 2009 г.). Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2009. С. 3–7.

14. Лиханова Н.А. Этнолингвистическая модель описания региональной народной культуры: монография. Чита: ЗабГУ, 2015. 122 с.

15. Инютина Л. А. Формирование языковой пространственной картины мира в условиях сибирского фронта XVII–XVIII веков // Новое в лингвистике и методике преподавания иностранных и русского языков: 27 междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 23–24 июня 2017 г.: сб. науч. ст. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭУ. 2017. С. 53–63

16. Майоров А.П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII в. М.: ООО «Издательский центр «Азбуковник»», 2006. 263 с.

17. Майоров А.П. Региолект и регионализмы в современной языковой ситуации России // Известия РАН. Серия литературы и языка, 2016, том 75, № 1, С. 51–55.

18. Нефедова Е.А. Диалектное варьирование как отражение динамики современных говоров // Русский язык: исторические судьбы и современность. IV Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы / Составители М.Л. Ремнёва, А.А. Поликарпов. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та. 2010. С. 810–811.

19. Оглезнева Е.А. Дальневосточный региолект русского языка: особенности формирования // Русский язык в научном освещении. М., 2008. № 2 (16). С. 119–136.

20. Плешкова Т.Н. Языковая ситуация Архангельского Севера и формирующие факторы. Архангельск: Изд-во Поморского гос. ун-та, 2003. 280 с.

21. Пляскина Е.И. Бытовая лексика говора: опыт систематизации материала: монография. Чита, ЗабГУ, 2016. 222 с.

22. Русский язык сегодня: Активные языковые процессы конца XX в. / Отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Азбуковник, 2003, 634 с.

23. Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX — XXI веков / Отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2008. 712 с.

24. Хриostosенко, Г.А. Историко-лингвистические свидетельства нерчинских челобитных грамот XVII века // Русская историческая лексикология XVI–XVIII вв. Красноярск: Изд-во Красноярского государственного педагогического института, 1983. С. 81–91

25. Элиасов Л.Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М.: Наука, 1980. 472 с.

Глава 1. Русский язык Нерчинского воеводства XVII–XVIII вв.

1.1. Рукописные памятники деловой письменности Нерчинской воеводской канцелярии XVII–XVIII вв. как лингвистический источник

Ю.В. Биктимирова

Среди региональных памятников особый интерес со стороны исследователей вызывают неизученные и практически не описанные лингвистами рукописные памятники Восточного Забайкалья конца XVII–XVIII вв. Научный интерес представляют деловые документы Нерчинского воеводства, так называемые Нерчинские скорописные тексты делового письма конца XVII — второй половины XVIII вв., хранящиеся в архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Читы.

Изучением этих памятников с точки зрения диахронной лингвистики на протяжении последней четверти прошлого века занимались забайкальские ученые — Г.А. Хриросенко, Л.М. Любимова, А.П. Майоров. В период становления регионального лингвистического источниковедения Г.А. Хриросенко защитила диссертацию, в которой была подробно описана фонетическая система памятников письменности Нерчинской воеводской канцелярии конца XVII — начала XVIII вв. [Хриросенко, 1975]. Ею же был осуществлён палеографический анализ памятников Нерчинской письменности [Хриросенко, 1973] и распределение лексики по тематическим группам [Хриросенко, 1988]. Также Г.А. Хриросенко было проведено историко-лексикографическое исследование памятников, по результатам исследования были выпущены «Материалы для регионального исторического словаря Нерчинских деловых документов XVII–XVIII вв.». Авторами-составителями выступили Г.А. Хриросенко и Л.М. Любимова. [Материалы ... , 1997, 1998, 1999]. В настоящее время Л.М. Любимовой планируется полное издание регионального исторического словаря Забайкальского края.

Исследования языка памятников деловой письменности Забайкалья были проведены А.П. Майоровым [Майоров, 2006 а]. В докторской диссертации ученый исследовал фонетико-орфографические особенности и лексическую содержательность письменных памятников За-

байкаля XVIII в., в том числе и Нерчинской воеводской канцелярии [Майоров, 2006 б]. А.П. Майоров совместно с С.В. Русановой осуществил публикацию памятников Забайкалья XVIII в. [Памятники ... , 2005]. Большим вкладом в региональное источниковедение и лексикографию стал словарь А.П. Майорова «Словарь русского языка XVIII в.: Восточная Сибирь. Забайкалье» [Майоров, 2012].

В настоящее время анализу рукописных памятников деловой письменности Восточного Забайкалья посвящены научные исследования Ю.В. Биктимировой. Исследователь изучает региональный вариант русского национального на разных уровнях языка, в частности реконструирует морфологическую систему языка памятников Восточного Забайкалья XVII–XVIII вв. [Биктимиорова, 2016; Биктимиорова, 2018].

Всех учёных привлекает внимание с одной стороны информативная и лингвистическая содержательность памятников письменности Восточного Забайкалья XVII–XVIII вв., с другой стороны своеобразие регионального варианта русского национального языка. В текстах памятников письменности находят проявления богатейшие лексические, грамматические, стилевые и образно-метафорические средства, что позволяет проследить функционирование и эволюцию делового письма в общезыковом масштабе. Хронологические рамки создания памятников Восточного Забайкалья — конец XVII — первая половина XVIII вв. — являются важным аргументом в пользу их тщательного и всестороннего изучения, так как в этот период происходит становление и развитие русской нации и, как следствие, формирование и развитие русского литературного языка на национальной основе. Исследования региональных рукописных памятников расширяют представления об особенностях функционирования делового письма в регионах и тем самым дополняют единую систему формирования русского национального языка. Исходя из этого, представляется целесообразным и своевременным обращение к изучению памятников деловой письменности Восточного Забайкалья конца XVII — первой половины XVIII вв.

Оригинальные скорописные тексты разных жанров, составленные в Нерчинской воеводской канцелярии и подведомственными ей канцеляриями острогов и заводов Даурии (Восточного Забайкалья), хра-

няться в следующих архивах: в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в фондах «Сибирский приказ», «Нерчинская приказная изба» (фонды 214, 1121, 1142; 106 единиц хранения, датированных 1673–1715 гг.); в архиве Санкт-Петербургского отделения института истории РАН (СПбОИИ РАН) в фондах «Нерчинская воеводская изба», «Нерчинская воеводская канцелярия» (фонды 18, 96, 110, 258; 838 единиц хранения, датированных 1655 — 1713 гг.); в Государственном архиве Забайкальского края (ГАЗК) в фонде «Нерчинская приказная изба» (фонд 10; 139 единиц хранения, датированных 1686 — 1789 гг.).

Все документы Нерчинской воеводской канцелярии имеют разную степень сохранности и разную форму хранения (столбцы, книги) и являются подлинными скорописными текстами конца XVII–XVIII вв., о чем свидетельствуют их датировка и палеографические особенности [Христосенко, 1973].

В корпус рукописных памятников Восточного Забайкалья конца XVII–первой половины XVIII вв. входят тексты разных жанров, разнообразного тематического содержания, отражающие различные стороны жизни первопроходцев и первопоселенцев Восточного Забайкалья. Основная часть документов делопроизводства Нерчинского воеводства и острогов Восточного Забайкалья представляет собой комплекс скорописных памятников финансового, хозяйственного, административного характера, содержащих справочные материалы, различные списки людей и товаров.

Исследуемый корпус источников ограничен следующими хронологическими рамками: 1655 г. — дата основания Нерчинского острога и начало делопроизводства между воеводами и Москвой, 1764 г. — время изменений в системе канцелярий и упразднения воеводства [Андриевич, 1887, с. 119], а также упразднения Нерчинской воеводской канцелярии.

Рукописные памятники деловой письменности Восточного Забайкалья включают в себя деловую переписку Московского и Сибирского приказов с Нерчинской воеводской канцелярией, а также переписку последней с подчиняющимися ей канцеляриями Аргунского, Телембинского, Иргенского, Еравнинского, Итанцинского, Читинского, Сретенского, Албазинского острогов. Все остроги, находившиеся

ся на территории Восточного Забайкалья, назывались Нерчинскими острогами, или Даурскими острогами [РГАДА. Ф. 1142. Д. 2. Л. 14. 1670 г.; РГАДА. Ф. 214. Д. 720. Л. 15. 1681 г.; Андриевич, 1887, с. 113].

Любая реконструкция того или иного языкового явления предполагает изучение политических, социальных, географических реалий исследуемого периода. Вхождение Восточного Забайкалья в состав Московского государства проходило на протяжении нескольких десятилетий по мере освоения данной территории русскими переселенцами. Механизм освоения был следующим: государственная власть основывала за Байкалом опорные пункты — остроги, которые затем становились городами с торгово-ремесленным населением. Такой путь от острога до города прошел Нерчинск — административный, экономический и географический центр Восточного Забайкалья до конца XVIII в. В вопросе основания Нерчинского воеводства историки придерживаются единого мнения, что уже в середине XVII в. в Восточном Забайкалье существовали остроги, выполнявшие военно-опорную функцию, при этом среди них с экономической и географической точки зрения приоритетным являлся Нерчинский острог [Андриевич, 1887]. В состав воеводства входили Нерчинский, Иргенский и Телембинский, Еравнинский, Аргунский, Албазинский, Итанцинский, Читинский, Сретенский остроги; четыре слободы: Городищенская, Ундинская, Ботовская, Алеурская и четыре деревни.

К концу XVII столетия Нерчинск уже завоевал более прочное положение российского форпоста и центра караванной торговли с Китаем. В нем быстро развивались хлебопашество, кустарная промышленность, торговля. Край за Байкалом приобрел уже некоторую основу гражданского устройства, мог существовать самостоятельно, содержать войско, администрацию, приносил доходы правительству. Для заселения края в Забайкалье стали массово ссылаться беглые крестьяне, которым сужались земли. В 1719 г. Нерчинское воеводство перешло под юрисдикцию иркутских воевод. На территории современного Забайкалья в это время находилось два воеводства — Селенгинское (Западное Забайкалье) и Нерчинское (Восточное Забайкалье). В 1764 г. была создана Иркутская губерния, в состав которой входила Удинская провинция, к которой относилось и Нерчинское

воеводство [Константинова, 2003, с. 14]. С этого времени Нерчинское воеводство и Нерчинская воеводская канцелярия ликвидируются.

Воеводско-приказная система XVII в. заложила фундамент административной власти и способствовала централизации Московского государства в эпоху активного освоения сибирских земель. Ко времени освоения Сибири приказная система обладала своей иерархией, штатом и правилами составления документации. Для включения сибирских земель в структуру государственного управления Русского государства практика воеводского управления была перенесена на осваиваемые территории [Андриевич, 1887; Покровский, 2009]. По разработанной государственной схеме было организовано управление в Нерчинской приказной избе, а затем и в Нерчинской воеводской канцелярии.

Воеводы управляли командным составом гарнизонов, выборной посадской администрацией и приказчиками острогов и слобод. Каждый воевода получал наказ при назначении в Сибирском приказе и руководствовался им в деятельности. Функции власти — военную, податную, административно-судебную, полицейскую и др. — воевода выполнял через приказную избу или воеводскую канцелярию. Нерчинская воеводская канцелярия была исполнительным органом деятельности воеводы и центральных органов — приказов [Хроника ... , 2009].

Канцелярия Нерчинского воеводы делилась на столы (повытья) во главе с канцеляристом (подьячим). Все штатные единицы воеводской канцелярии (канцеляристы, подканцеляристы, кописты, писари) назначались воеводой. Наблюдение за работой Нерчинской воеводской канцелярии он поручал своему заместителю — товарищу, если такового не было, то подьячему «с приписью», имевшему право подписывать официальные документы. Кроме основных служителей, в воеводской канцелярии работали счетчики, которые занимались учетом и хранением казенных денег и ценностей [Константинова, 2003].

Авторами многих региональных документов XVII в. являлись профессиональные писцы — дьяки и подьячие «с приписью», которые присылались на два-три года из европейской части страны и имели опыт делопроизводства в различных приказах. Рядовой подьяческий

штат состоял из числа местных жителей — источником формирования делопроизводственных кадров являлись казаки, дети боярские, служилые и промышленные люди. В процессе работы на практике происходила передача опыта — рядовые подьячие копировали основную массу документов, заучивали формуляры и устойчивые сочетания. В основе обучения и делопроизводства лежал принцип ориентации на образцы предшественников.

Часть документов (поручные, закладные, челобитные) ввиду нехватки кадровых подьячих и писцов составлялась непрофессионалами, для которых составление документа не являлось основной и оплачиваемой сферой деятельности, — купцами или «гулящими» людьми, имевшими невысокие навыки делопроизводства и допускавшими проникновение в документацию живой разговорной речи [Городилова, 2004, с. 47]. Анализ памятников деловой письменности Восточного Забайкалья показывает, что грамотность среди населения Забайкалья была явлением нередким. Об этом говорят и многочисленные «рукоприкладства», встречающиеся в различных документах местного делопроизводства. Сочетанием «руку приложил» обычно участники сделок удостоверяли подлинность написанного от своего лица или от имени другого человека по его же просьбе: «К се^н грамо^еке вмѣсто Трофима Јванова по его веленью служило^н члвкъ Вла^{ко} Сергѣе^в...» [РГАДА. Ф. 1142. Д. 2. Л. 5. 1679–1681 г.]; «К сему словес^ному челоби^тю вмѣ^сто товарище^в свои^х Се^нки Пинеге да Де^нки Семенова по и^х велѣ^нию и за собя я^з Фе^тка руку...» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 22. Л. 56 об. 1681 г.] (из контекста ясно, что все трое — «промышленные люди»); «...послу^х Фи^тка Проко^невъ руку приложилъ...» [РГАДА. Ф. 1121. Оп. 2. Д. 536. Л. 8. 1688 г.]; «...рука не^рчи^нского ко^нного казака Ма^тка Хилинава приложена...» [РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 81. Л. 54. 1699 г.].

В лингвистическом источниковедении учёными выделяются три стороны изучения памятников письменности: изучение лингвистической содержательности, информационности источника, определение степени достоверности в нём фактов языка при соблюдении эдиционных лингвистических правил [Выхрыстюк, 2008].

Степень достоверности источников. Оригинальные скорописные тексты разных жанров, составленные в Нерчинской воеводской

канцелярии подведомственными ей канцеляриями острогов и заводов Восточного Забайкалья, хранятся в разных государственных архивах Российской Федерации: в Российском государственном архиве Древних актов (РГАДА), в архиве Санкт-Петербургского отделения института истории РАН (СПБОИИ), в Государственном архиве Забайкальского края (ГАЗК). Большой объем единиц хранения позволяет судить о богатой лингвистической содержательности и научной ценности памятников Восточного Забайкалья конца XVII–XVIII вв. В целом рукописи находятся в надлежащем состоянии и могут служить объектами историко-лингвистических исследований.

Территориальные рамки (география) памятников Восточного Забайкалья конца XVII–XVIII вв. таковы: в ведомстве Нерчинского воеводства находилась вся территория Даурии (нынешняя территория Забайкальского края), от Байкала до верховьев Амура. Все остроги, находившиеся на территории Даурии, назывались Нерчинскими острогами, или Даурскими острогами, что фиксируют памятники делопроизводства: «...се а³ даурския службы нерчи^нских острога^б служилые люди...» [РГАДА. Ф. 1142. Д. 2. Л. 14.1670 г.]; «...даурски^х острога^б казаки...» [РГАДА. Ф. 214. Д. 720. Л. 15. 1681 г.]; «Се а³ Нерчински^х острога^б казначе^и сн^ь Прокопе^и Ефремов...» [РГАДА. Ф. 1121. Оп. 2. Д. 536. Л. 8. 1688 г.].

Четкое определение географии Нерчинского воеводства наблюдается в указе Петра I 1701 г., касающемся управления Даурской землей и составленном на имя воеводы Юрия Бибикова. В начале указа дается следующая информация: «и вѣдать ему въ Нерчинску острожки тѣ-же, которые вѣдали прежніе воеводы онъ и Иванъ Николевъ — Иргенскій, Телембинскій, Еравинскій, Аргунскій» [Андриевич, 1887, с. 113].

На отнесенность данных памятников к делопроизводству Нерчинского воеводства указывают также печати, содержание, описываемые исторические реалии, топонимика: «Се я³ Нерчи^нского w^строгу пятидеся^тникъ и казначеи Мака^р Мерку^ре^в...» [РГАДА. Ф. 1142. Д. 2. Л. 10. 1670 г.]; «...а Нерче и Ши^нке река^х рыбы добы^т было немощно...» [РГАДА. Ф. 214. Д. 720. Л. 15. 1681 г.]; «...с нимъ прише^л мунга^нской дѣтина кита^нского по^да^нца та^нши гана члвкъ имяне^и Запъ...» [РГАДА. Ф. 1142. Д. 78. Л. 1. 1699 г.].

Временные рамки исследуемых деловых текстов также говорят о принадлежности памятников к концу XVII — первой половине XVIII вв., о чем свидетельствуют палеографические черты, характерные для деловых документов этого периода. Нерчинские деловые документы написаны типовым письмом документов и актов — кириллической скорописью.

Большинство текстов, хранящихся в СПБОИИ РАН, записано на столбцах, расклеенных при архивной обработке. В РГАДА документы хранятся в столбцах и книгах, тогда как в ГАЗК в основном в книгах. Листы документов в основном содержат текст с обеих сторон. Качество бумаги и чернил, а также водяные знаки описаны и прокомментированы Г. А. Христосенко [Христосенко, 1973].

Заглавные буквы в документах конца XVII в. употребляются крайне редко, в основном только в начале текста. В документах середины XVIII в. заглавная буква употребляется у существительных собственных неодушевленных, называющих учреждения, титулы, должности, например: «...1750го году Февраля ,, ,, ^{го} дня роспись росце^{нная} печать в нерчинскую Тамо^жню нерчинского купца Никифора Филиповы^х в то^м что Продаль я Филиповы^х в Прошло^м 749ом году явленного Своего плате^{жного} товару Приводу тоего в Нерчинскъ въ 749ом году Мар^{та} 7го дня...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 109.1750 г.].

Знаки препинания расположены бессистемно. Это могут быть запятые, точки, точки с запятой в самых разных частях предложения. Двоеточия, скобки, кавычки использовались писцами более последовательно — при выделении отдельных дат, слов и словосочетаний. В строках обнаруживаются следующие знаки: =, :/ , :: Знак в виде трёх точек используется вместо пропущенного слова или выражения, которые за неимением места или экономии бумаги выносились на поля. Приведём примеры: «...для вѣдома въякутскую воеводскую канцелярию :·в которой объявить когда ис показанныхъ бѣглыхъ казаковъ гдѣ сысканы будутъ то оные имѣютъ быт отосланы в ту якутскую канцелярию бѣз всякаго замедления...» (на полях страницы: «:· слать промеморию») [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 172–173. 1752 г.]; «...слуша^в присланного ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА :· и^з правите^лствующего сената...» (на полях страницы: «:· указу») [ГАЗК.

Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 208–209. 1726–1753 гг.]; «...воску два фунта : по цене на рубль на сорокъ копеекъ...» (на полях страницы: «:споловиною») [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 576. 1753 г.].

В середине XVIII в. в текстах появляются пробелы между словами, хотя предлоги и зависимые слова пишутся слитно, обнаруживается знак переноса: «...а^лбазис^нские казаки пони^{ле} тупусты^нку построили и прибрали в ту пусты^нку брато^в а та^{ле} пусты^нка построена а^лбазис^нско-го острога вве^рхъ Поамуру реке на брусяно^м камени» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 450. Л. 7. 1681–1683 гг.].

Встречаются случаи, когда повторяющиеся слова или шаблонные выражения записываются аббревиатурой: НВ — Нерчинское воеводство, ИВ — Императорское величество: «Ея ИВ указъ из ы^ркуцкой правинъца^нной канцеляриі...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 116. 1753 г.]. В текстах употребляются отмененные реформой Петра I буквы. В скорописи исследуемых памятников используются как строчные, так и надстрочные буквы: «...Пото^{му} что w^н челобитчи^к с то^у земли великому Г,рю служ^бу служить и о то^м вышео^бявленно^м Послатъ къ прикащику Послатъ в^ьлену по духовно^у ро^сдѣлить с самоупра^вдою что^б впре^д спо^ру и челобит^я не было а сачемъ роздѣлить невозмож^но и ото^м в Не^рчинску в немѣ^лленно^м времени с прилучающими При-слать» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 5. Л. 117 об. 1707 г.].

Ускорение письма достигалось приемами, которые не знали два других вида письма — устав и полуустав, а именно: многообразием начертаний одних и тех же букв, связным написанием букв в слове, выносом концов букв над строкой, сокращением слов. Последний процесс является прямым отголоском функционирования надстрочного знака — титла. Наблюдения за Нерчинскими документами XVII–XVIII вв. говорят о некотором изменении функциональной нагрузки титла. Писцы по-прежнему четко выделяли и сокращали церковнославянские слова богослужебного характера, например, слова церковной лексики: *гсдь* — *Господь*, *бдца* — *Богородица*, *црквь* — *Церковь* и др. Также встречаются сокращения отдельных форм слова: *днги* — *деньги*, *де* — *деньга*, *кнга* — *книга*: «...Иванъ Петровъ снъ Волга...» [Христосенко, 1994, с. 17]; «...служилой члвкъ Ермилко Прокопевъ...» [Христосенко, 1994, с. 18]. Не всегда вынос букв был оправдан сокра-

щением слова, чаще буквенное титло служило для украшения и упорядочивало многочисленные завитки и графические изыски писарей. По образцу буквенного титла писцы стали выносить над строкой различные буквы и даже группы слов и целые слова: *го^{ду}*, *ост^{по}ге*, *людь^{ми}*, а также усечение окончаний слов *не^д*, *пу^с*, *духовно^г*.

В целом палеографические особенности памятников деловой письменности Восточного Забайкалья конца XVII — первой половины XVIII вв. совпадают с палеографическими особенностями памятников других сибирских регионов того времени [Городилова, 1989], но имеют ряд оригинальных или редко встречающихся в других текстах черт — вынос слов на поля, аббревиатуры, вынос букв, слов и словосочетаний над строкой и под строкой.

Информативность источников. В корпус рукописных памятников Восточного Забайкалья конца XVII — первой половины XVIII вв. входят тексты разных жанров, разнообразного тематического содержания, отражающие различные стороны жизни первопроходцев и первопоселенцев Восточного Забайкалья: это документы, содержащие деловую переписку вышестоящих лиц и учреждений (монархов, Правительствующего Сената, Иркутской провинциальной и губернской канцелярии с Нерчинским воеводством и острогами), а также указы, промемории, донесения, репорты, челобитные и прочие документы гражданских и духовных учреждений, детей боярских, дворян, духовенства, служилых и торговых людей, крестьян, казаков [Константинова, 2003].

Лингвистическая содержательность. Исследователи региональных памятников делопроизводства рассматривают деловой язык XVII–XVIII вв. как определенный тип речи, для которого характерна кодификация на разных уровнях языка [Бондарчук, Кузнецова 1995; Городилова, 2004]. Известный лингвист Л. М. Городилова называет жанр документа «высшей формой организации этого типа речи», так как именно он «демонстрирует процесс закрепления в деловой письменности специфических языковых средств» [Городилова, 2004, с. 66].

По своему жанровому содержанию указанные документы разнообразны: указы, памяти, отписки, доношения, кабальные грамоты, челобитные, купчие грамоты, указы, таможенные и приходно-расходные книги, материалы переписки воевод, акты допросов, записные

книги продажи товаров. Большинство памятников имеют названия и жанровые характеристики, например: «Челобитная в Сибирский приказ служилых людей с жалобой на протопопа Аввакума» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 508. Л. 191–192. 1656 г.]; «Челобитная о краже вещей с перечнем украденного» [РГАДА. Ф. 1142. Д. 53. Л. 16. 1689 г.].

Выбор жанра документа определяется коммуникативной задачей, а также соотношениями между пишущим и адресатом. Указы, наказы, памяти (памятки) представляют собой документы, шедшие из Москвы в Нерчинское воеводство. Из Нерчинского воеводства (канцелярии) в Иркутскую канцелярию, в столичные государственные учреждения направлялись отписки, челобитные. Из документов частного характера можно отметить различные типы кабальных грамот, оформляющих разнообразные формы сделок. Среди документов Восточного Забайкалья конца XVII — первой половины XVIII вв. часто встречаются таможенные и приходно-расходные книги, в которых записаны доходы, полученные от таможенных, товарных, пивных, винных сборов.

Хотя в деловых документах устойчивые элементы этикетных фраз и шаблонов сильны и в какой-то мере противостоят проникновению в них живых тенденций развития разговорных форм, в исследуемых памятниках находят отражение и элементы народно-разговорной речи. Сочетание норм и средств делового языка и народно-разговорной речи определяет ценность исследуемых памятников.

Изучение жанрового многообразия памятников Восточного Забайкалья конца XVII–первой половины XVIII вв. подтверждает мнение исследователей о том, что лингвистическая содержательность региональных деловых документов во многом определяется не только формой, местом и временем создания, но и жанром самого источника [Котков, 1980, с. 10; Малышева, 1997, с. 8; Городилова, 2004, с. 67].

Жанром во многом определяется лексика документа. Например, указы, доношения, репорты содержат лексику делопроизводства — стилистически окрашенную терминологию. Челобитные содержат больше элементов разговорной речи. Содержание рукописей составляет, прежде всего, информация о жизнедеятельности самого отдаленного региона Русского государства — Забайкалья: сведения о при-

ходе и расходе казны, о производстве руды, о заготовке припасов, провианта; учет имущества и строений завода; информация об отправке крестьян в рекруты, о закупке лошадей; списки рабочих людей и приписных крестьян.

Лингвистическая содержательность явно наблюдается в лексике рукописных памятников Восточного Забайкалья конца XVII — первой половины XVIII вв. Исследователи выделяют несколько лексических пластов, которые характеризуют данный источник: административная, социально-экономическая, военная, торговая лексика, лексика земледелия и рыбного и пушного промысла, предметно-бытовая лексика [Христосенко, 2007].

Широко представлены имена собственные. В изучаемых памятниках обширен материал ономастического характера: указываются имена, прозвища лиц, подавших челобитные или получивших хлебное и денежное жалование за какой-то год. Изучаемые памятники также являются интересным материалом для исследования топонимики Забайкалья.

Распределение лексики по тематическим группам было осуществлено Г. А. Христосенко [Христосенко, 1988]. В 2006 г. вышла монография А. П. Майорова «Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII в.», в которой описан словарный состав забайкальской деловой письменности с точки зрения происхождения, стилистических функций и коммуникативных установок [Майоров, 2006].

Памятники Восточного Забайкалья конца XVII — первой половины XVIII вв. позволяют выявить диалектные особенности речи писцов.

Эти памятники также являются ценным материалом для изучения процесса становления орфографических норм в период формирования языка русской нации. Противостоянию орфографической нормы и орфографического узуса забайкальской деловой письменности, вариативности написания одних и тех же слов посвящены исследования А. П. Майорова [Майоров, 2006].

Грамматические особенности изучаемых памятников в полной мере не исследованы и являются актуальным вопросом в изучении языка деловых документов Восточного Забайкалья.

Итак, памятники делопроизводства Восточного Забайкалья конца XVII — первой половины XVIII вв. написаны типовым письмом документов и актов делопроизводства — скорописью, для которой характерно многообразие начертания одних и тех же букв, безотрывное написание соседних букв, наличие большого количества сокращений и выносных букв. Большой объем единиц хранения позволяет судить о богатой лингвистической содержательности и научной ценности этих памятников. В целом рукописи находятся в хорошем состоянии и могут служить объектами историко-лингвистических исследований.

Представленные памятники интересны с точки зрения отраженных в них словарного состава, фонетической и грамматической систем забайкальского делового узуса периода формирования языка русской нации.

Большим препятствием к всестороннему изучению памятников Восточного Забайкалья конца XVII — первой половины XVIII вв. является скоропись — один из самых сложных типов письма. Только публикация транслитерированных документов может ввести в научный оборот корпус памятников Восточного Забайкалья конца XVII — первой половины XVIII вв.

Авторы документов — заказчики (воеводы, купцы, промышленные и служилые люди) и исполнители (профессиональные и непрофессиональные писцы) — создавали тексты, преследуя одну цель — точную передачу информации в рамках того или иного жанра деловой документации. Между тем для историков языка памятники локальной деловой письменности XVII–XVIII вв. являются важнейшим наглядным материалом при изучении становления норм русского национального языка, реконструировании системы конкретного говора, описании жанрового многообразия документов, воссоздания языковой картины мира казаков-первопроходцев и первых жителей Забайкалья.

Список литературы

1. Андриевич В.К. Краткий очерк истории Забайкалья с древнейших времён до 1762 г. СПб(б): Воен. типогр. 1887 XII. 237с.

2. Биктимирова Ю.В. Морфология памятников деловой письменности Восточного Забайкалья конца XVIII-XIX в.: именные формы: монография. Чита: ЗабГУ, 2016. 165 с.

3. Биктимирова Ю.В. Деловая письменность Восточного Забайкалья XVIII-XIX веков. Чита: ЗабГУ, 2018. 155 с.

4. Выхрыстюк М.С. Тобольская деловая письменность второй половины XVIII века в аспекте современного лингвистического источниковедения. Ч. II. Тобольск: ТГПИ, 2007. 214 с.

5. Городилова Л.М. Деловая письменность Приенисейской Сибири в XVII в. и региональная историческая лексикография: дис. ... д-ра филол. наук. Хабаровск, 2004. 503 с.

6. Городилова Л.М. Русская скоропись XVII века: учебное пособие. Хабаровск: Хабар. гос. пед. ин-т, 1989. 105 с.

7. Котков С.И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М.: Наука, 1980. 293 с.

8. Майоров А.П. Региональный узус деловой письменности XVIII века: по памятникам Забайкалья : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. Москва, 2006. 44 с.

9. Майоров А.П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М.: Азбуковник, 2006. 263 с.

10. Майоров А.П. Словарь русского языка XVIII века. Восточная Сибирь. Забайкалье. М.: Азбуковник, 2012. 584 с.

11. Малышева И.А. Памятники деловой письменности XVIII века как объект лингвистического источниковедения. Хабаровск: ХГПИ, 1997. 182 с.

12. Материалы для регионального исторического словаря Нерчинских деловых документов XVII–XVIII вв.» // под. ред. Г.А.Христосенко, Л.М.Любимовой. Вып. I . Чита: Изд-во ЗабГПУ, 1997. 90 с.

13. Материалы для регионального исторического словаря Нерчинских деловых документов XVII–XVIII вв.» // под. ред. Г.А.Христосенко, Л.М.Любимовой. Вып. V. Чита: Изд-во ЗабГПУ. 1999 . 127 с.

14. Материалы для регионального исторического словаря Нерчинских деловых документов XVII–XVIII вв.» // под. ред. Г.А.Христосенко, Л.М.Любимовой. Вып. II. Чита: Изд-во ЗабГПУ. 1998 . 153 с.

15. Нерчинское Забайкалье. Архивный вестник №6 / под ред. М. В. Константинова. Чита, 2003. 136 с.
16. Памятники забайкальской деловой письменности XVIII века / под ред. А. П. Майорова; сост. А. П. Майоров, С. В. Русанова. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2005. 260 с.
17. Покровский Н.Н. Управление Сибири. URL: <http://www.frontiers.nsc.ru/article.php?id=7> (дата обращения: 12.04.2005)
18. Христосенко Г.А. Палеографический альбом (учеб. сб. снимков с рукописей нерчинских документов делового письма конца XVII — перв. пол. XVIII вв.) / под ред. Н.А.Цомакион. Чита, 1973. 112 с.
19. Христосенко Г.А. Материалы Нерчинской воеводской канцелярии как лингвистический источник // Слово Забайкалья. №1. Осень 2007. С. 192–197.
20. Христосенко Г.А. Нерчинская деловая письменность XVII–XVIII вв. Учебное пособие. Чита: ЧГПИ, 1994. 86 с.
21. Христосенко Г.А. Фонетическая система Нерчинского делового письма второй половины XVII — первой половины XVIII в.: дисс.... канд. филол. наук. Красноярск, 1975. 288 с.
22. Хроника государственного управления (от Древней Руси до наших дней): справочные материалы для русистов / авт.-сост. Е.В.Павлов. М.: Изд-во Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, 2009. 56 с.

1.2. Региональные лексические маркёры лингвистической идентичности забайкальцев по материалам региональной деловой письменности Нерчинского воеводства XVII–XVIII вв.

Ю.В. Биктимирова

Региональные маркёры лингвистической идентичности забайкальцев начинают проявляться в памятниках письменности Восточного Забайкалья в скорописных документах Нерчинского воеводства XVII–XVIII вв., в которых уже сформировалось несколько общих лингвоэтнографических стереотипов [Биктимирова, 2019; Игнатович, 2016]. Этому способствует в первую очередь территориальная

замкнутость Забайкалья, которая приводит к формированию региональной лексики, что подтверждает мнение И.Н. Барыгина: «Социальные региональные диалекты» порождаются социальной и территориальной дифференциацией общества, интенсивностью проявления тех или иных форм социальной деятельности» [Левочкина, 2016]. Как следствие — в памятниках письменности Нерчинского воеводства и в различных источниках, отражающих речь первопроходцев и первопоселенцев, фиксируется большое количество примеров забайкальских регионализмов XVII–XVIII вв., что в свою очередь служит формированию лингвистической идентичности забайкальцев.

Самоидентификация языковой личности с точки зрения административного пространства предполагает чёткое определение каждого человека в иерархической системе Нерчинского воеводства, а затем и Нерчинского уезда, и Забайкальской области.

Самоидентификация в бытийном пространстве Нерчинского воеводства начинается с опорой на лексические маркёры, которые описывают бытийные реалии первых забайкальцев.

Среди слов русского происхождения встречаются в документах заимствования из тунгусского, бурятского, тюркского языков. В основном эти слова связаны со скотоводством, промыслами и бытом автохтонных народов. Русские первопроходцы и первопоселенцы осваивали новые земли, новый (иной) образ жизни и новые слова из языка аборигенов.

Известный исследователь памятников деловой письменности Забайкалья А.П. Майоров насчитывает до 14 тематических групп регионализмов XVIII вв. [Майоров, 2006, с. 180-184] Многие региональные маркеры прошлого (этнокультурная лексика, региональные историзмы, диалектные слова) активны в современной забайкальской народно-разговорной речи. Внесём дополнение в некоторые тематические группы и включим новые примеры:

1. Внешность человека: а) части тела: стегно, берце, вихрец, завить, крыльца, почва, косица, лапость, кила, коска, пухота, свал, шавалдыш, лапость, ледвея, подколенок, тулово, раскат (лоб), здухи; **б) характеристика человека:** бравый, тончавый (тонкий, подтянутый), халзаной (лысый), чанкирый (черный), взлизоватый (с залысинами),

кудной (лохматый), мороковат (мрачный, хмурый), прикосый, разокой (косоват глазами) весноват (веснушчатый), саблеват (асимметричен лицом), глазатый, морговатый (часто моргающий).

2. Одежда, обувь, имущество: борошно, доха, шуш, шушун, исподница(ы), стан, рукава (рубашка с расшитыми рукавами), ичиги, коты, голицы, верхонки, vareги, исподницы, запон, киса (мешочек для личных вещей или туалетных принадлежностей), могилёк (сумочка с принадлежностями для шитья), калауз (кожаный мешочек для хранения личных вещей), тулунчик (кожаный или тканевый кошелёк), гребёлка (гребёнка для волос), махавка (веер).

3. Семья, статус: большуха, братан, братаниха, семейнистой, семейной, семейской, семейцик (имеющий большую семью, относящийся часто к старообрядцам, переселившимся в Забайкалье), родник (родственник), сродственник (родственник), племенник (племянник), осталица (сирота) и вскормленник (воспитанник).

4. Животные и звери: бабр, барануха, белодушка, бура, бурун, боровчак, векша, гурегашек, жеребчик, зерен, зумура (суслик), кашалок, качерик, кашарык, козлуха, мангул (енот), медведок (бобёр), селеток, суюнгная овца, ушкан, красный зверь, тарбаган (степной сурок), ямануха.

5. Лексика охотничьего промысла и оценки качества пушнины: белодушка, боброватъ, веиница, душка, звероватъ, зверовье, зверовицик, черевесь, подчеревесь, елбарс, недособоль, недолис, мех (полость из однородных шкур), горболыска, бельи черевьи, норники, норнишной мех (мех молодого песца, не выходявшего из норы), копаницы (шкурки детёнышей), крстоватики (летний мех), синяки (ранне осенние) и др.

6. Предметы быта, товары: безмен, дарага, жижимъ, кумган, миса, брюшина (говяжий желудок, приспособленный для хранения и переноски жидких продуктов, например, масла), лагун (род бочонка с крышкой), корчага (большой горшок), кадь (сосуд из досок, скреплённых обручами), братина (сосуд для хранения и переноски пива, браги, меда), бурак (берестяной сосуд с деревянным дном и крышкой), турсук (берестяная посуда), баула (небольшой сундук), корбья (короб или сундук округлой формы с крышкой), погребец (дорожный сундучок

с набором мелкой посуды, едой и напитками), подголов (ларец для хранения ценностей, документов, помещаемый в изголовье).

7. Региональные глаголы: азариться (прийти в ярость), гаркать (звать, кричать), учинить (построить), чиниться (подчиняться), имать (пустить), причитать (относить), учать (начать), шертовать (давать присягу), сделаться (поделиться), оболочаться (одеваться).

8. Региональные наречия и наречные сочетания: назавтрее (завтра), втай (тайно), гораздо много (очень много), особно (отдельно), силно (наильно), бормовато (нечленорадельно), вборзе (спешно), торопливо, вауловато, глухо, гугниво, бормовато, крепко (нерушимо), сильно, бережливо, строго, наготово (полностью, доведя до готового состояния) надвое (вдвоём) наполю (пополам), невознатье (не зная истинного положения дел).

Самоидентификация забайкальцев отражается в парадигме «Я — другой». Погружаясь в документы, современный читатель может не только встретиться с переломной эпохой освоения Сибири и внедрения петровских реформ, но увидеть облик первых забайкальцев. Слова, являющиеся обозначением той или иной части тела человек, слова-характеристики, встречающиеся в документах, рисуют подробные портреты людей разных национальностей, передают оценку их внешнего вида, фиксируют детали в словесном образе.

В памятниках письменности Восточного Забайкалья графаретные описания внешнего вида человека строились по следующим формулам: оценка лица по величине, форме и разрезу глаз, характеристика кожного покрова лица, характеристика цвета и наличия волосного покрова.

Основной состав слов — нейтральный общепотребительный. Эти слова и сейчас входят в активный запас русского языка: нос, ноздри, губы, рот, зубы, челюсть, щеки, брови, лоб усы, скулы, подбородок, борода, виски, уши, волосы, шея, затылок, руки, пальцы, ногти, ладонь, кисти, колени, ступни, бедра, спина, грудь, поясница, кулак, лодыжка. Небольшим количеством представлены слова разговорно-просторечного характера — *рожа, морда, брюхо, пуп, титька*. Встречаются высокие слова: *очи, перст, ледвея*.

Наиболее информативными являются слова, неизвестные современному читателю. Они остались только в историческом прошлом: «...на левой руке на кулаке на завити и выше завити три пятна небольшие на брюхе выше пула под левой титькой чирьевое пятно на правой ноге на берце синее пятно...»; «на левой ноге поперек почвы от посеку рубець...». Из описаний можно выделить диалектные слова — саблеват, карымоват, шадровит.

Большим разнообразием отличается лексика, обозначающая цвет волос, глаз, лица: *глаза серые, светло-серые, карие, черные, збела*; лицом *смугл, белъ, малоприсмугль, белолицъ, присмугль*. Можно отметить точность передачи тончайших оттенков цвета: *волосом рус, светло-русь, темнорусъ, чернорусъ, русые с сединой*. Также для обозначения цвета волос используются прилагательные: *темной, черенъ, чанкир*. Телом *чернорябъ*.

Особые приметы писцы прописывали, применяя творческий подход: «...на левой руке, на локтю от конного удару пятно синее, левая рука к локтю вывихнута, руками увеченъ, у левой руки и указательного пальца от порубу по другому суставу нет, руками дряхл и плох, правая рука в плече вывихнута, на правой ноге на берце от посеку рубець, на правой ноге пониже ладышки от посеку рубець...».

В разговорной речи забайкальцев присутствуют слова севернорусского происхождения, так как большинство первопроходцев были из ярославских, архангельских, вятских земель. Присутствуют и слова узкодиалектные, только употребляющиеся за Байкалом и фиксируемые диалектными словарями: *стегно, берце, ледвея, вихрец, завить, крыльца, почва, косица, лапость*: «за увечьем своим одной ноги лапости нет...»; «...в пояснице в вихрице две раны...»; «...левая рука в завити кривая...»; «...волосом черенъ глаза черные лицом смугл карымовать...»; «...Глаза серые лицемъ чернъ калмоват...»; «...на лапости от посеку рубець малои...»; «...пониже спины на правой ледвее пятно...»; «И она де Окулина сидит у него Алексѣя Харла в городбѣ пьяна оголя стегна и космота»; «свалиль с ногъ топталъ коленками отшиб мне здухи».

Часть слов носило грубо просторечный оттенок, между тем встречались слова старославянского происхождения. В одном тексте мог-

ли встречаться как слова нейтральные, так и их «высокие» или «низкие» варианты:

Рябиноват — рябой — шадровитый; живот — брюхо — черев; очи — глаза; волосы — власа; борода — брада.

Интересно употребление слов *голобородой* и *голобрудый*. Голобородый чаще употребляется с негативной оценкой. Борода — украшение мужчины. Бритьё щёк не приветствовалось в удалённом от центра государства Забайкалье.

Таким образом, региональная идентичность отображается в языковой картине мира забайкальцев через региональные маркёры, отражённые в народно-разговорной речи и зафиксированные в языке памятников письменности Забайкалья XVIII-XIX вв. Как любой закрытый и географически отдалённый от центра страны регион — Забайкалье создаёт собственную лингвистическую идентичность, пытаясь через различные региональные маркёры создать образ, который с первого взгляда отличал бы его от образов других регионов России с опорой на традиционные для забайкальцев реалии, проверенные временем и обусловленные историческими, экономическими, географическими и другими особенностями территории. Так, например, основой для формирования идентичности современного Забайкалья является любовь к «малой родине» и «забайкальскому говорку» — народно-разговорной речи (диалектным, просторечным, жаргонным формам). По слову *обутки* сегодня можно определить забайкальца в любом регионе нашей страны. Это диалектное слово-маркёр известно за Байкалом с XVII в. и вот уже более трехсот лет входит в число частотных, наряду с такими, как *бравенький, ихний, ты моя-то, ургульки, багул*. С другой стороны, фиксируется своеобразное сочетание патриотичности (я русский, хоть и бурят) и чувства своей «особости», «отдельности» (мы гураны, некрещеные забайкальские казаки, тунгусы, хамниганы, семейские). Некоторые маркёры региональной идентичности присутствуют в юмористическом контексте: «Забайкалье — край обуток и гач»; «Муси, блоси, таракаси, на окошках петуши»; «Снег кружит летат и падат, все тропинки заметат». Семантика бытийного пространства Забайкалья имеет важное значение в исследовании процесса формирования полинациональной картины мира

современных забайкальцев и становления регионального варианта русского национального языка в Забайкальском крае.

Список литературы

1. Биктимирова Ю.В. Региональные маркёры лингвистической идентичности забайкальцев // «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Забайкалья: материалы международной научно-практической конференции / отв. ред. Е.В. Дроботушенко. Чита: ЗабГУ, 2019 г. С. 184-189.

2. Игнатович Т. Ю., Биктимирова Ю.В. Забайкалье устами первоходцев и старожил. Чита, ЗабГУ, 2016. 245 с.

3. Левочкина Н.А. Региональная идентичность: понятие и сущность // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 1-3. С. 446-453; URL: <https://applied-research.ru/article/view?id=8533> (дата обращения: 30.04.2019).

4. Майоров А. П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М.: Азбуковник, 2006. 261 с.

1.3. Заимствования в забайкальских русских памятниках деловой письменности XVII–XVIII вв. и их судьба

М.А. Башурова

Одной из основных проблем региональной социолингвистики является описание языковой ситуации в диахроническом аспекте. Изучение языковой ситуации в диахроническом аспекте представляет особый интерес, так как данная область является малоизученной. В данном параграфе автором предпринята попытка описать языковую ситуацию Восточного Забайкалья в XVII–XIX вв. на основе анализа языковых заимствований и научных данных, полученных другими исследователями, изучавших язык памятников письменности этого времени. В работе используются критерии описания языковой ситуации, предложенные социолингвистом Н.Б. Мечковской [Мечковская, 2001, с. 312].

Некоторые документы Восточного Забайкалья создавались на языке коренного населения и оно имело право пользоваться своим языком для официальных целей. В этом прослеживаются позитивные тенденции, которые направлены на укрепление социальных и коммуникативных возможностей коренных языков. Царской политикой допускалось бытование инородческих языков, но приоритет все-таки отдавался русскому языку, который в дальнейшем становится языком межнационального общения.

По степени генетической близости языки, составляющие языковую ситуацию в Восточном Забайкалье, являлись неродственными. Русский язык входит в индоевропейскую языковую семью, монгольский, бурятский языки являются представителями алтайской языковой семьи. Русский язык имеет флективное устройство языка синтетического типа, при котором доминирует словоизменение при помощи флексий — формантов, сочетающих сразу несколько значений. Флективный строй противоположен агглютинативному, в котором каждый формант несёт только одно значение. Бурятский и монгольский языки имеют агглютинативный грамматический строй.

Языковая ситуация на данной территории была экзогlossной, так как один из языков является автохтонным, то есть родным для части коренного населения, с проявлениями недигlossного двуязычия (признак оценки социумом престижа сосуществующих языков).

Исследованием взаимодействия языков, а также проблемами заимствования в Байкальском регионе (к Байкальскому региону относятся Забайкальский край, Бурятия и Иркутская область) занимались многие учёные. Их труды свидетельствуют о том, что заимствованные слова из бурятского и монгольского языков являются одним из уникальных признаков регионального русского языка.

Следует отметить, что учёные занимаются в основном классифицированием лексики по лексико-семантическим группам, а также изучают особенности ассимиляции заимствований из бурятского. Немаловажным является тот факт, что комплексного изучения монголоязычных заимствований практически не было проведено. В статье учёных из Бурятии В.М. Егодуровой и С.М. Бабушкина «Заимствованная из бурятского языка лексика как компонент региональ-

ного русского языка» обобщены работы лингвистов конца прошлого века по изучению заимствованной из бурятского языка лексики, которая употребляется в региональном русском языке [Егодурова, Бабушкин, 2012, с. 84–91].

Изучением автохтонным заимствований одним из первых занимался В.И. Даль, в своём труде «О наречиях русского языка» он отмечал, что «в сибирском наречии немало принято также от инородцев: татар, остяков, тунгусов, бурят, якутов и прочих» [Даль, 1852]. Некоторые заимствования отражены в его словаре (гутул, яман, ишигенка и др.). Л.Е. Элиасов считал, что наибольшее количество слов было заимствовано в первые сто–двести лет после заселения русскими Забайкалья. Он считал, что к этим словам в основном относятся топонимы (Баргузин, Тагархай, Дулан и др.) Известно, что в Тунке ему удалось записать 860 различных местных названий, из них русскими оказалось меньше ста, а остальные почти все бурятского и эвенкийского происхождения. К ранним заимствованиям исследователь также отнёс названия некоторых животных (инзаган, еман, ирген, качерик, бурун и др.). По мнению Л.Е.Элиасова, заимствование новых слов русскими вызывалось необходимостью наименования особенностей, характерных для нового края. К такой лексике им отнесены названия охотничьего промысла, слова, характеризующие местность, названия одежды, названия предметов домашнего, обихода и хозяйственного инвентаря. По наблюдениям Л.Е.Элиасова, заимствованные слова в языке местного русского населения принимали различную форму и подвергались грамматическому и фонетическому изменению, их приспособляли к разговорной речи [Элиасов, 1965, с. 96–103].

Позднее изучением функционирующих в региональном русском языке бурятских слов занимаются как учёные русисты, так и бурятоведы. Работы русистов о взаимодействии русского и бурятского языков в основном связаны с изучением русских старожильческих и старообрядческих говоров, функционирующих в Байкальском регионе. Это работы В.И. Копыловой, Э.Д. Эрдынеевой, К.Н. Матвеевой, А.Е. Аникина, Т.Б. Юмсуновой, В.М. Егодуровой, В.И. Копылова, Р.Х. Харташкиной, А.П. Майорова, А.З. Хайдаповой и др. В статье А.З. Хайдаповой дана тематическая классификация бурятских заимствований, а

также исследованы особенности их фонетического, грамматического, семантического освоения на примере русской речи жителей Республики Бурятия [Хайдапова, 2010, с. 58–61].

В работе А.П. Майорова заимствования из бурятского языка рассматриваются в рамках изучения региональной деловой письменности XVIII в. Он приходит к выводу о том, что «в региональном узусе русского языка XVIII в. автохтонные заимствования функционируют наряду с другими регионализмами как полноправные члены лексической системы данного идиома и не являются экзотизмами. За пределами узуального употребления их функциональный статус меняется...» [Майоров, 2006, с. 161].

О.Л. Абросимова анализирует процесс заимствования забайкальскими говорами слов из бурятского языка. Особое внимание уделяется фонетической, лексической, словообразовательной адаптации заимствованных слов в русском диалекте [Абросимова, 2011, с. 5–8].

Таким образом, основными аспектами в работах по изучению бурятских заимствований является то, что учёные занимаются их классификацией, рассмотрением различных фонетических, морфологических изменений, произошедших с ними, а также делают акцент на том, что заимствования служат базой для словообразования новых слов с помощью продуктивных русских суффиксов.

Проблемы заимствования следует относить к проблемам межкультурной коммуникации, которая сочетает в себе многие аспекты различных наук. Поскольку заимствование представляет собой сложное лингвистическое явление, оно требует всестороннего анализа. Предложенный нами межкультурный анализ включает значимые критерии, которые при изучении раскрывают условия функционирования слова как в языке-источнике, так и в языке-реципиенте. На наш взгляд, следует выделить следующие критерии:

- социолингвистический аспект (описание языковой ситуации, изучаемого периода);
- семантический (раскрытие семантики заимствованного слова);
- идеографический (отнесение заимствования к определенной лексико-семантической группе);

— этимологический (предположения о происхождении заимствованной лексемы, выявление языка источника);

— собственно-лингвистический аспект (раскрывает степень адаптации заимствования на всех уровнях языка).

Как отмечает специалист в области региональной лингвистики Л.М. Любимова, исторические словари являются не только «хранилищами языка» определенной эпохи, но также и источниками, в которых можно наблюдать межкультурные контакты, путем обнаружения в таких словарях заимствованных слов, так как заимствованные слова являются главными свидетельствами межкультурных контактов прошлых эпох. Именно языковые заимствования характеризуют степень влияния материальной и духовной культуры одного народа на другой [Любимова 2005, с. 181–186].

Наше исследование заимствованной лексики, выявленной в исторических словарях, даёт основание полагать, что межкультурные контакты протекали почти во всех сферах жизнедеятельности человека.

На базе исследуемых письменных памятников можно выделить следующие идеографические группы лексики:

— природа: растительный и животный мир (домашние и дикие животные, а также лексемы, обозначающие масти лошадей). Например, такие заимствованные лексемы, как *ганза, декелей, гутулы, багча, бортогон, гужир и др.*;

— поле материальной культуры: жилище, одежда, ткани, еда, посуда, утварь, курительные принадлежности, лексемы, связанные с чаем, меры (*боболжа, зерен, яман, инга, буда, мангир и др.*);

— религиозная сфера: термины, которые связаны с религией (*бурхан, гыген, дархан, кутухта, хадак, шабинар и др.*);

— политическая сфера: военные чины (*амбан, бошко, богдыхан, ван, гун, дамал, дарога, дашилзалан, жанжун, закырыкчей и др.*). Заимствования охватывают все сферы русского языка.

1. Природа: растительный и животный мир (домашние и дикие животные).

Начнём с рассмотрения лексем, которые именуют диких животных: *алагдан, аргал, боболжа, зерен, зимура, солонгой.*

Так, слово *алагдаган* (*алдаган*) обозначает тушканчика. Контекстная иллюстрация дает следующую информацию: «*Алагдаганы, у которых хвостъ, какъ у льва, только малой породы. Бурундуки полосаты, еврашки и алдаганы всех подлее и везде находятся*» [Майоров, 2011, с. 28]. Этимологический комментарий даёт следующую информацию: *алагда*, *алагдай* «тушканчик», от бур. *алааг дааган* — тушканчик, монг. *алагдаага*, *алагдаахай* «пестрый жеребенок, лончак», ср. бур., монг. *алаг* «пестрый, пегий, полосатый», бур. *даага(н)*, монг. *даага(н)* «лончак» [Аникин, 2000, с. 80].

Монгольское заимствование аргал именуется горного барана. Контекст словаря информирует: «*Каменные бараны, называемы здесь аргалы, находятся в полуденных и северных краях по горам*» [Майоров, 2011, с. 31]. *Аргалей*, *аргали* «дикая камчатская овца, баран; другой вид водится у нас на китайской границе и на Усть-Урте: дикий, степной, горный, каменный баран». Монг., ср. п.-монг. *aryali* — «горный баран», монг. *аргаль* «самка горного барана», маньчж. (< монг.) *аргали* «дикая коза, серна» [Аникин, 2000, с. 94].

Лексема *боболжа* семантизируется как угод. Контекст: «*Птицы же здѣсь находятся <...> аисты, боболжи, свистуны, ронжи, желны*» [Майоров, 2011, с. 47]. *Бобольджа* «птица угод-пустышка» забайк. Из бур., ср. бур. *бүбөөлжэн* «угод», монг. *бөөөөлж* то же [Аникин, 2000 с. 130].

Слово *зерен* (*цереи*) обозначает джейрана, сайгака. «*А токмо зверинных промысловъ соболинных и лис[ь]их и протчих зверьй добрых опричь козул[ь] церенов и волка добыть нездѣ*» [Майоров, 2011, с. 165]. В соответствии с этимологическими данными: *зерен* «антилопа-джейран» из бур. *зээрэн* «антилопа», монг. *зээр(эн)* «антилопа, серна». Указанные монг. факты связаны с обозначениями цвета [Аникин, 2000, с. 213]. В степях Восточного Забайкалья дзерены жили давно и были многочисленны. Об этом свидетельствуют все ранние исследования краеведов. К тому же в Забайкалье ежегодно приходили огромные стада мигрантов из Монголии и Китая. Исчезновение дзеренов связано с чрезмерной охотой, изменением мест обитания и возросшей конкуренцией со стороны домашних животных. На сегодняшний день, дзерен обитает в степях и полупустынях Монголии, в Китае (Вну-

тренняя Монголия, Ганьсу). На территории России очень редок, занесён в Красную книгу, встречается в Даурии, в Чуйской степи (Горный Алтай) и Убсунурской котловине (Тува) при заходе из Монголии. В России постоянно встречается лишь в Даурском заповеднике и его окрестностях на юге Забайкальского края.

Бурятское заимствование *зумура* обозначает суслика. «Звѣри сохаты или лоси <...> тарбаганы, барсуки, хорьки, горностаи зумуры или пищухи» [Майоров, 2011, с. 169]. Этимологическая справка: *зумурушка* «суслик». Из бур., ср. бур. зап. *зумари* ~ *зумара*, литер, *зумбара-а(н)* ~ *зумбара* — «суслик», тюрк. *jitran* то же [Аникин, 2000 с. 214].

Лексема *солонгой* трактуется как название хищного зверька из семейства кунных с желтой или ярко-рыжей шерстью; разновидность колонка: «*колонков хорковъ и солонгоевъ 6460*» [Майоров, 2011, с. 446]. *Солонгой* «хорь, хорек» сиб., *солонгошечка* «детеныш хорька». Скорее всего, из бур. *солонго(й)* — *һолонго* «колонок», монг. *солонго* «колонок, хорёк (жёлтый)», п.-монг. *solungua* «колонок» [Аникин, 2000, с. 503].

Идеографическое поле природа, включает в себя лексико-семантическую группу слов, обозначающую домашних животных: *атан*, *ботогонок*, *бура*, *бурун*, *гунак*, *гурегашек*, *инга*, *ишигенка*, *кашарык*, *яман*, *яла*. В описании современников Забайкалье характеризовалось как богатый скотоводческий край. Из домашних животных содержались лошади, рогатый скот, верблюды, бараны, козы, свиньи. Примечательной чертой словарного состава забайкальской деловой письменности данного периода являются названия верблюдов, характеризующие их по половым и возрастным признакам — *атан*, *ботогонок*, *бура*, *инга*. В XVIII в. верблюдов содержали в хозяйстве каждого более или менее зажиточного буряты, что было связано с развитием товарного хозяйства у бурят, и это животное было необходимо для перевозки грузов через пустынную и степную Монголию. Впоследствии они выходят из хозяйственного обихода, и их исчезновение объясняется тем, что буряты перестали совершать дальние перекочевки, при которых вьючные животные были весьма полезными. Данные слова в основном представляют собой заимствования из бурятского языка [Чулков, 1785].

Так, бурятское заимствование *атан* обозначает кастрированного двугорбого верблюда. Проиллюстрируем контекстное употребление: «А верблюда атана тот Гантимуровъ к себе во взятокъ получил ли за что: подлинно не знаю». В соответствии с этимологическими данными *атан* произошло от ср. бур. В словосочетании *атан тэмээн* «кастрированный верблюд»; «холощенный и нехолощенный верблюды» [Майоров, 2011, с. 33].

Ботогонок — верблюд, по возрасту не пригодный для транспортировки грузов, верблюжонок. «Верблюдовъ — 204 в них одинъ ботогонокъ кроме ботогонка каждой по 14 ру <...> а ботогонок за малостию в оценку не положень». Ср. бур. *ботого(н)* «верблюжонок» [Майоров, 2011, с. 51]. В современном монгольско-русском, русско-монгольского словаре. Ю.Н. Крючкина отмечено следующее: «*ботго* — верблюжонок, *ботготой ингэ* — верблюдница с верблюжонком» [Крючкин, 2012, с. 55].

Бура — верблюд-самец. «От нн̄шняяго каравана казенныхъ верблюдовъ здохли майя «10» го один бура да одна инга по 2-му году от болезни» [Майоров, 2011, с. 55]. Однако в другом источнике данная лексема имеет несколько других значений. Так первое из значений: *бура* — самка верблюда забайк. бур., ср. бур. *буура* «верблюд-самец», монг. *буур*, п.-монг. *бууура* то же, др.-тюрк. *буура* «верблюд-производитель». Автор отмечает, что значение «самка верблюда» развилось уже в русском языке из-за перехода основы на -а. Второе значение слова: *бура* — это «верблюдиха, которая плюет, яруя; жвака, плевач сиб.; «верблюд — самец» урал., оренб., «верблюдница» — красная» [Аникин, 2000, с. 142].

Инга — самка верблюда. «Им̄ѣтца у курского купца Григорья Пчелина в продажу <...> атанов семь ингъ восемь, буръ тринадцатъ. От нн̄шняяго каравана казенныхъ верблюдовъ здохли майя „10„ го один бура да одна инга по 2-му году от болезни „28„ инга бурая болия от старости <...> инга коурая болия от болезни». Ср. бур. *энги(н)* 1) верблюдница; 2) лосиха [Майоров, 2011, с. 178]. В монгольско-русском, русско-монгольского словаре. Ю.Н. Крючкина зафиксировано, что *ингэ* — это верблюдница [Крючкин, 2012, с. 169].

Телёнка по второму году называли *бурун*. «*Ср. боровчак, кашарик. Две коровы пестра да белобока з двумя бурунами*» [Майоров, 2011, с. 55]. Из бур. *буруун* «телка-двухлетка», *буруу* «теленоч до года; в возрасте до одного года (о звере)», п.-монг. *birayu*, монг. *бярүү* «теленоч до года» [Аникин, 2000, с. 145].

Гунак — трехгодовалый бычок. «*Увели у него де в ночи со двора корову с гунаком и два коня. Это стадо почти из одних гунаков*» [Христосенко, 2003 с. 154]. По словарю Ю.Н. Крючкина «*гуна(н)* — это трехлетний, трёхгодовалый (о самцах крупных домашних животных, а также крупных зверей)» [Крючкин, 2012, с. 89].

В лексико-семантическую группу, характеризующую названия растений входят такие лексемы как: *бадьян, ариша, буда, дензуй, мангир, мыкер*.

Например, рассмотрим лексему *бадьян*, данная лексема обозначает растение пряного запаха. Из контекста: «*По росписному списку принято у столника и воеводы у князя Матьвѣя Петровича Гагарина денег ... двадцать девет фунтов бадяну по осмии алтынѣ по две деньги фунт. И корица, и бадьянѣ, и кармадонѣ родитца въ Китайской зѣмлѣ по острамѣ на море, толко из бадяну и ис корицы ни ис какихъ из травѣ водокѣ и масла делать не умѣють*» [Христосенко, 2003, с. 25]. Из тюрк., ср. тат. *badijan ~ tadjijan* «звездчатый анис», др.-тюрк. *badijan* «китайский анис, бадьян» < перс. *badyan*, или прямо из кит. ра-jeŋ [Аникин, 2000, с. 107]. Бадьян иначе называют: китайский анис, индийский анис, сибирский анис или анис звёздочный, хотя это растение не имеет отношения к анису и похоже на него лишь запахом. Бадьян — знаменитая пряность родом из юго-восточной Азии, появилась в России в XVI веке, благодаря торговым отношениям с Китаем и сухопутной торговле пряностями, специями и чаем. Бадьян, который попадал в Россию сухопутно, был намного выше качеством, чем тот, что попадал морским путём в Европу, и высоко ценился гурманами Франции, Англии и Голландии. В России недорогие китайские пряности позволили разнообразить вкус традиционных блюд, солений, выпечки и горьких алкогольных настоек. Традиционные печатные медовые пряники, вкус которых восторженно описывали европейские путешественники, с XVI века готовили с добавлением бадьяна.

Заимствование из монгольского языка *арца* обозначает сибирский можжевельник. Из контекста «*Малорослого <леса>: яблоня, черемха, <...> калина, арца сибирска каменна*» [Майоров, 2011, с. 33]. Из тюрк. (< монг.) источника типа тат. *arça*, казах, *arşa* то же или из бур. (бур. южн.) источника с сохранением -ç- как в п.-монг. *arça* то же [Аникин, 2000, с. 99]. «Арц — можжевельник, можжевеловый» [Крючкин, 2012, с. 27].

Злаковое растение пшено, вид проса называли лексемой *буда*: «*А в пути кормили их звериным их же промыслу мясомъ, а в том городе одною крупую называемою будою*». Из бур. *будaa* «крупa, каша» — п.-монг. *bidaya* «каша, кушанье», монг. *будaa* «крупa, каша» [Майоров, 2011, с. 54]. «*Будaa — крупa, каша*» [Крючкин, 2012, с. 58].

Китайское заимствование *дензуй* обозначает ароматное травянистое вещество жёлтого цвета; лекарственное средство против отравления и огневиды. «*1 черешекъ красного дензую*». Возможно китайского происхождения *тянь цзюй* [Майоров, 2011, с. 116]. «*Дензуй по китайски денза, есть известное китайское лекарство отъ опухоли состоящее въ малыхъ палочкахъ, которыхъ фунтъ продается по два рубля*» [Христосенко, 2003, с. 50].

Вид дикого лука называли лексемой *мангир*. «*Во время того побегу питался вышеписанным покупным здѣсь печеным хлѣбом и травой называемою мангиром*». Из бур., ср. бур., монг. *мангир* ~ *мангис* «дикий лук» [Майоров, 2011, с. 232].

Лексема *мыкер* обозначает растение, горлец живородящий, сердечный корень. Из контекста: «*Вместо кирпичного чаю набираютъ и варятъ изъ травъ называемыя: баданъ, брусничникъ и коренья мыкеръ*». Ср. бур. *мэхээр*, монг. *мэхээр*, п.-монг. *teker* «гречиха-горлец» [Майоров, 2011, с. 242].

2. Поле материальной культуры: жилище, одежда, ткани, еда, посуда, утварь, курительные принадлежности, чай, меры. Достаточно объёмной является следующая идеографическая группа заимствованной лексики, характеризующая материальную культуру, сюда входят лексико-семантические группы слов, которые обозначают одежду, ткани, еду, утварь, меры, а также лексемы, которые связаны с чаем.

В рамках данной работы не представляется возможным подробное рассмотрение всех групп, так как выделенные группы очень обширны.

— жилище: *хана, уняна, ураса*;

— одежда: *аргак, декелей, амчуры, басаргасы, борловой, буслак, бурюмы, гарма, гутулы, даха, дыгиль, ергач, изырца, куяк, мукалкан, сана-ях, сары, сыксурка, сутуры, терлик*;

— ткани: *бурметь, бязь, голь, даба, дараги, зендель, далемба, канфа, канча, лENZA, магнут, фанза, чанча, шанхай*;

— еда: *арака, аргыс, сора, тар, тарасун, хаях*;

— утварь: *аркан, бурчин, кокоур, лонок, олбок, оллогос, поты, туй-ба, тулун, хаптагай, хамьяк, цаб, цугуцун, ченбур, чебучах, шира*;

— меры: *гин, дин, лана*;

— курительные принадлежности: *ганза, гахана*;

— драгоценные камни: *маржан, шура*;

— лексемы, связанные с чаем: *багча, бортогон, гужир, жулан, за-туран, капчиг, уй, цебик*.

Рассмотрим одну из групп, в которую входят лексемы, связанные с чаем. Известно, что из Китая в Россию через Нерчинский острог поставляли преимущественно чай, ревень, фарфоровые изделия, сахар-леденец, корень женьшеня, разные мелкие товары, а также шелк, шелковые, полупелюшковые и бумажные ткани [Сундуева и др., 2007, с. 76].

Так, лексема *багча* (*бакча, бахча*) обозначает упаковку чая или табака. Контекст: «*Чаю зеленого в бахчахъ просыпного двенадцать фунтов. В суме сыромятной четыре багчи чаю*» [Майоров, 2011, с. 34]. *Багча* «сверток байхового чая весом до четверти фунта» забайк.; *бакча* «коробка, ящик, куда входит фунт чаю» ирк., может быть связано с п.-монг. *baγsa* (*baγ*) «связка, пучок», монг. *багц* «пачка, связка, сверток, пучок», бур. *багса* то же (монг. < тюрк.) и/или с уйг. *baγsa* «связка» [Аникин, 2000, с. 106].

Сплетённая из бересты емкость определённого размера для фасованного чая называлась *бортогон*. Из контекста: «*Забрал у мунгалских караулных людей чаю несколько бортогонов за что рядил им от-дать три бычка*». Ср. бур. *бортого* — 2) берестянная посуда; лукошко из бересты [Майоров, 2011, с. 51]. В толковом словаре В. Даля, *борто-*

гон — сиб. лучший вид низкого чая, не в кирпичках [Даль, 1863–1866]. В словаре Ю. Н. Крючкина лексема *бортого* обозначает «ведро, бадейку» [Крючкин, 2012, с. 54].

Лексемой *гужир* называли глауберовую соль, которая употреблялась как приправа в чай. «В скромные дни прибавляют в оной <чай> пресноемолоко и несколько гужиру» [Майоров, 2011, с. 107]. *Хужир, гужир* — «соли натрия, кристаллизующиеся на траве, почве солонцов» забайк. Из монг. *хужир* (или близкого бур. южн. источника) ~ п.-монг. *хиžir*, бур. литер. *хужар* «солончак, солонцы» [Аникин, 2000, с. 170].

Сорт китайского зеленого чая называли *жулан* (*жулань*). «Из Китая товары в промен чай жулань, байховый, ладзумей, кирпичной, бортогонной. Чаевъ зеленыхъ <...> жулану 4 фунта» [Майоров, 2011, с. 141]. В словаре Даля: *жулан* — это зелёный чай дорогого разбора [Даль, 1863–1866].

Лексема *затуран* обозначает муку, поджаренную на жире, масле, которую затем добавляют в чай. Из контекста: «А иногда делают из него называемый затуран, состоящей из ржаной муки, жареной на сковороде с салом или маслом, и потом нарочито густо горячим чаем разведенной» [Майоров, 2011, с. 160]. Из бур. *зутараан* «напиток, варившийся с молоком, солью, маслом или бараньим жиром и мукой». Метатеза *зута... > зату...* осуществилась, вероятно, уже в русском, хотя исходное русское *зутаран* несохранилось. Далее ср. п.-монг. *žutang* «каша», монг. *зутан(г)*, бур. *зутан* «похлебка, болтушка» [Аникин, 2000, с. 210].

Тюркоязычная лексема *капчиг* обозначает мешочек для сыпучих продуктов (обычно для чая). «Чаю зеленого дватцать четыре капчига». Из тюрк. *qarſiq* «кошелек, мешочек, кiset», чаг., уйг. *qarſiq*, казах. *qarſuq* то же, от *qar* «мешок, мех, бурдюк, сосуд» + уменьшительный суффикс *ſiq* [Майоров, 2011, с. 189].

Один из сортов китайского чая называли «уй». Контекст: «Выдано намѣстнику иеромонаху Лаврентию на кѣлейной евообиход чаю ую три бакчи» [Майоров, 2011, с. 488].

Следующим монгольским словом *цебик* (*цыбик*) называли ящик ёмкостью в 800 бакчей чая. Из контекста: «Взяли два цыбика чаю чис-

ломъ тысячу шестьсотъ бакчей». Вероятно к монг. *sebeg* «корзина, плетенка, цыбик» [Майоров, 2011, с. 508].

Ткань, которую поставляли из Китая, можно разделить на два вида: хлопчатобумажная ткань и шёлк. Хлопчатобумажную ткань описывают такие лексемы, как:

Бурметь — персидская хлопчатобумажная ткань... *Зендели* или *бурмети* по цветам. *Бурметь* (*барметь*), азиатская грубая бумажная ткань. «*А с нимъ де Ших Бабою было товаровъ ево бурметей и зенделей и аязмов две таи, а по цень всего на восемьдесят рублевъ. Бурметь, и, ж. Бурмет, а, м. Персидская хлопчатобумажная ткань. Персидские вывозные бумажные холсты, пестряди, бурметы и кумачи добротою имъются*» [Христосенко, 2003 с. 41]. Согласно толковому словарю живого великорусского языка В.И. Даля, *бурметь* обозначает персидск. грубая бумажная ткань; *бязь* [Даль, 1863–18667]. В XVII веке особо близкими были торговые отношения с Персией. Из Персии вывозились ткани, в частности шёлк. Монополия на торговлю шёлком принадлежала царской казне. Российские купцы, закупившие шёлк, были обязаны продать его казне.

Так, *даба* — китайская бумажная ткань. «*Тюкъ в полокъ з дабами. Тюк в волосу з дабами в мъшке половинчатом. Даба бухарская мърою 10 ар. Цъна рубль*». *Китайская бумажная ткань, похожая на простой кумачь или бохарскую вязь, бумажный холстъ, бълый и крашеный, любимый народомъ, по дешевизнъ*» [Майоров, 2011, с. 155]. Из бур. *дабаа* (*дабуу*) «ткань (хлопчатобумажная)», монг. *dabuu(n)*, *давуун* то же.

Лексема *далемба* обозначает вид дешёвой хлопчатобумажной ткани. «*2 далембы малыхъ по 1 ру 50 ко. бур. даалимба — род хлопчатобумажной ткани, кит. dalin-bi то же*» [Христосенко, 2003, с. 109]. Бумажная материя разных цветов, чаще синяя, поступающая в Сибирь из Монголии. От дабы отличается лучшим изготовлением. Употребляется монголами, бурятами на покрытие шуб, халатов, тэрлыков, на лёгкие покрывала, на бельё и пр. Русские, главным образом в Забайкалье, шили из неё сарафаны, платья, мужские рубашки и штаны.

Интересна следующая группа шёлковых тканей. Например, *дараги* обозначает восточную шёлковую ткань: «*завес пестрой холицевой дараги малые три кумача красных*. Сл. Д.: *Дорогъ*, м. ниж. Шелкъ и все

шелковое. Сл. Ц.: *Дороги*. Полосатая шёлковая восточная ткань. А у них товаров — десетеры дороги гилянские, цена дватцетъ рублей» [Майоров, 2011, с. 158]. *Дараги* или *дороги* (старинное слово, персидское по происхождению) — шёлковая ткань, большей частью полосатая или клетчатая, иногда с золотыми, серебряными и шёлковыми деревцами или травками. Употреблялась она преимущественно на подкладку кафтанов, зипунов, летников, телогреек и др.

Канфа — китайский атлас: «Продано портище канфы Алекъсею Обрамовичу денег взято рубль тридцать пять копѣек» [Майоров, 2011, с.188]. Атлас был сравнительно дорогим, поэтому употреблялся только богатыми. В большом ходу он был и в Европе, составлял важную статью торговли с Китаем.

Следующая лексема *канча* обозначает сорт китайской шёлковой ткани: «Подзоръ канчи алаго цвета. Может быть связано с маньчж. ханси — шёлк (тонкий), монг. *xangsi* то же. кит. хан-сичоу шёлк (тонкий из округа Хан)» [Майоров, 2011, с. 188], не исключена связь с кит. *kinša, kitša* «под плотной шёлковой ткани» [Аникин, 2000, с. 257].

Кутня — бухарская ткань (обычно полосатая) из шёлка с бумагой. «Епитрахил(ъ) байберековая подложена куднею полосатую бахрама золотная». [Майоров, 2011, с. 188].

Лексема *магнут* обозначает разновидность китайской ткани, использовавшейся бурятами; (ткань с вытканными драконами). «Настоящая цена, а именно магнутами вишневои со змеями мишурными красными белыми меръ девять аришинъ шесть вершковъ». К п.- монг. *тигнуу* «шёлковая ткань (с вытканными драконами)», монг. *магнаг*, то же бур. *магнал* «китайский узорчатый шёлк», кит. *манлун* «название шёлка» (= «четырёхпалый дракон» + «дракон») [Майоров, 2011, с. 231].

3. Религиозная сфера: термины, которые связаны с религией.

В данную группу входят лексемы, которые связаны с религией (*бурхан, гыген, дархан, кутухта, хадак, шабинар*).

Так, слово *бурхан*, обозначает статуэтку, монгольского идола. В соответствии с контекстом: «...И бурхана своего мѣдного осердясь бросил на землю гдѣ моя жена погребена. А одного калмыка взяли в полон, да...бурхан, чему Калмыки молятся» [Христосенко, 2003, с. 42].

В монгольско-русском, русско-монгольского словаре зафиксировано следующее: «*Бурхан* — бог, божество» [Крючкин, 2012, с. 61]. В толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля: «*Бурхан* м. калмыцкий, монгольский идол, б. ч. литый из меди или серебра» [Даль, 1863–1866]. Этимологическая иллюстрация: из бур. *бурха(н)* «бог, божество», уст. *бурхан* — общее название персонажей ламаизма: будд, бодисатв и др., «изображение бурхана на полотне», «икона, статуэтка», *буркан* «икона», п.-монг. *burhan* «бог», др. тюрк. *burqan* ~ *burhan* «божество, идол» [Аникин, 2000, с. 146]. В русской востоковедческой и искусствоведческой литературе часто встречается лексема *бурхан* означает скульптурное изображение будды, бодхисаттвы, дхармапалы или другого значимого персонажа, почитаемого в монгольском буддизме. Массовое изготовление бурханов в Монголии начинается в период династии Цин, то есть со второй половины XVIII века. Основными материалами для скульпторов служили дерево и бронза. Считается, что фундамент монгольской школы художественного литья бронзовых статуй заложил выдающийся буддийский учитель Дзанабадзар. Изделия покрывались золотом, иногда серебром. Бурханы устанавливались практически во всех местах буддийского культа, включая домашние алтари в кочевых юртах. Развитие буддийской скульптуры у бурят и калмыков также берёт начало в XVIII столетии. В Калмыкии особой популярностью пользовались работы из дерева, в Забайкалье и Бурятии одинаково ценились деревянные и металлические изделия.

Сан ламаистского священнослужителя, а также лицо, посвящённое в этот сан, называли лексемой *гыген*. Контекст: «*По природе на речку Хаза чрез оную перейдя пошли уже мунгалскою стороною для поклонения по их закону гыгену*». Ср. бур. *гэгээн* «один из санов в ламаизме» [Майоров, 2011, с. 108]. «*Гэгээн — светлый, ясный, Өндөр гэгээн — титул монгольского правителя Занабазара*» [Крючкин, 2012, с. 94].

Монгольское заимствование *дархан* обозначает титул главного ламы. «*И ко оному главному ламе дархану Намжилу для вѣдома по-слат[ь] указ*» [Майоров, 2011, с. 110]. Бур. *дархан* «кузнец, мастер, искусный мастер», «дархан вольный, лично свободный; искусный, умелый», «священный, неприкосновенный» — монг. *дархан*, п.-монг.

darхан то же, др.-тюрк. *tarхан* ~ *tarqan* «титул (правителя)» [Аникин, 2000, с. 178].

Лексема *кутухта* обозначает один из титулов высших духовных лиц у ламаистов. «А погонил оных десят[ь] лошадей для того что когда у нас сродичи умирають и я оных лошадей ему кутухте погонил для поминков. И об[ъ]явили что они российские идут для поклонения х кутухте» [Майоров, 2011, с. 218]. «*Кутухта* — титул иерархов ламаистской церкви; титул в феодальной Монголии; *кутуфта* — титул иерархов ламаистской церкви п.-монг. *xutuutu* (lama) «исполненный святости, святой», «*кутухта* (высший сан буддийского духовенства)» ~ монг. *хутагт*, бур. *хутагта* то же, п.-монг. *xutuу* «счастье, благополучие, благоденствие», др.-тюрк. *qut* «счастье, жизненная сила, успех», маньчж. (< монг.) *hutuktu* «*кутухта*», эвенк. (< монг.) *куту* «счастье, удача» [Аникин, 2000, с. 337].

Сложенное вдвое шёлковое полотенце, подносившееся у бурят в виде приветственного дара почетным гостям, называли *хадак*. Контекст: «За семь кусковъ хадаковъ за два по два рубли по пятидесяти копеекъ пять рублевъ, а за пять по одному рублю». Из бур. *хадак* «сложенное вдвое шёлковое полотенце, которое подносилось в качестве дара почетным гостям», монг. *хадаг* то же, <...> тиб. *khabtags* [Майоров, 2011, с. 502]. В словаре В.И. Даля «*хадак* — забайкальск. долгий шёлковый плат, обычный подарок» [Даль, 1863–1866]. *Хадак* является символом гостеприимства, чистоты и бескорыстия дарящего, дружеского и радушного отношения, а также сострадания. *Хадак* — это универсальный дар и в наши дни он может быть преподнесен по любому случаю (свадьба, похороны, рождение ребенка, окончание университета и т.д.). Существуют *хадаки* пяти разных цветов. Например, синий цвет символизирует вечно синее небо. Такие *хадаки* дарят повсеместно и на любой случай, но с древности прежде всего преподносили Будде и другим божествам. Белый — символ чистоты и доброты (можно дарить на свадьбу и на похороны). Жёлтый *хадак* — символ плодородия, умножения и достатка, а также знания, веры. Его преподносят своим учителям в знак уважения и с просьбой стать учеником. Красный *хадак* является символом домашнего очага, а зеленый — роста и процветания.

Следующей лексемой *шабинар* называли послушника. «*И был несколько годовъ у мунгал по Гобьской степе и в шабинарах*». Ср. бур. *шаби* 1) уст. послушник; 2) ученик, последователь; *хургуулийн шабинар* — школьники [Майоров, 2011, с. 519].

4. Политическая сфера: военные чины. Одной из групп исследуемой лексики является политическая сфера, в которую входят наименования военных чинов: *амбан*, *бошко*, *богдыхан*, *ван*, *гун*, *дамал*, *дарога*, *дашилзалан*, *жанжун*, *закырыкчей*, *зайсан*, *залан*, *зангин*, *заргучей*, *засак*, *засул*, *контайша*, *кя*, *тайша*, *тушимел*, *шуленга*.

Так, китайского сановника; высшего чиновника пограничного ведомства называли *амбан* (*анбан*). Из контекста: «*Приедутъ от богдохана трое знатных анбановъ*» [Майоров, 2000, с. 29]. *Амбань* — «монгольский губернатор» забайк. Ср бур. *амба(н)*, монг. *амбан* — вельможа, маньчж. *амбан* то же [Аникин, 2000, с. 86].

Лексемой *бошко* — называли чиновника монгольской пограничной службы. «*Сказывал де ему того караула новоприбывъшей бошко Гонбу*». Исходя из этимологических данных: ср. бур. *бошхо* II тунк. уст «*сборщик податей*» [Майоров, 2000, с. 52].

Следующее заимствованное слово *богдыхан* (*богдокан*) обозначает китайского императора. «*Да сказывалъ де имъ приходя в ту тюрьму прежней русской измѣнникъ Пахомка Степановъ Корноухъ втай что де китайский богдоканъ собирает войско большое ... А буде прийдут в Нерчинск Китайского богдыхана послы и посланники... от Богдыхана к великому Государю ... таких Китайских послов и посланников принимать, и к Москвѣ отпускать*» [Христосенко, 2003, с. 16]. К п.-монг. *bogda* «святой, верховный», бур. *богдо* уст. «святейший; верховный», калм. *bogdo* «величество, небесный, святой; император». *Богдыхан* (монг. *Богдо + хаан* — священный государь) — термин, которым в русских грамотах XVI–XVIII веков называли императоров Китая династии Мин (1368–1644) и ранней Цин. Отметим, что появление титула в русском обиходе, вероятно, связано с присвоением монгольского титула «богдохан» маньчжурским императором Абахаем ещё до завоевания маньчжурами Китая. В русской литературе эта лексема в широком смысле долгое время употреблялась по отношению к китайским императорам вообще.

Заимствованием *ван* называли правителя. «*И на завтрее де того дни взявъ ихъ изъ тюрьмы привели передъ богдыканова брата и передъ ванъ китайскихъ а по руски передъ бояръ*». Наследственный титул (у монгольских народов): «*И здѣсь кончается владѣнне наунскихъ воеводъ, а владѣеть мунгалъской тайша, который у бугдыхана-ванъ, а ванъ именуется великай бояринъ, также братья ево хановы, и племянники ванъ называются*» [Христосенко, 2003, с. 45]. Согласно этимологическим данным, данное слово означает с монг. *ван* — «вторая степень княжеского достоинства», князь, король; с кит. *ван* — «царь, князь»; маньчж. *ван* — «государь, великий князь» [Аникин, 2000, с. 151]. Ван — титул правителя в странах Восточной Азии (кроме Японии). Титул известен со времён династии Чжоу. Правители этой династии называли себя ванами, т.е. государями, часто «ван» переводится как «царь», что подчёркивает древность титула. Однако со времени происходит уценка титула до уровня удельного владыки. Титул вана имели правители самостоятельных владений, входивших в империю. Со времён династии Хань титул присваивался ещё наследнику престола, до тех пор пока он не вступил на трон, а также близким родственникам властвующей семьи мужского пола. Пожалование титулом вана было исключительным правом императора, однако в периоды феодальных междоусобиц нередки были случаи присвоения этого титула наиболее влиятельными феодалами.

Начальника монгольской пограничной службы называли словом *гун*. «*Сего августа 20 дня от мунгалских пограничныхъ управителей от тушехана и гуна прислано...*» [Майоров, 2011, с. 108].

Лексемой *дамал* именовали сотника, который руководил двумя пятидесятниками в военно-административной системе бурятского общества XVIII века. Из контекста: «*Денги дамал не взял напротив подарил две бакчи красного табаку*». Ср. бур. *дамаал* — «нарядсчик, десятник», ... редко *прораб* [Майоров, 2011, с. 109].

Начальника, главу тунгусского рода называли лексемой *дарога*: «*Воровски отогнали четырех лошадей тунгусского дароги Шарбебъ де снъ Содонъ Берганъ Доржи*». От бур. *дарга* «начальник, командир», монг. *дарга* «начальник», п.-монг. *daruqa* то же [Майоров, 2011, с. 110].

Лексемой *дашизалан* обозначали звание в монгольской пограничной службе, а также лицо, носящее это звание. Согласно контексту: «*Приезжали к нему зайсану буринского мунгалского караулу дашизаланъ да бошко всего в десяти человекахъ*» [Майоров, 2011, с. 111].

Звание военачальника монгольской армии, а также лицо, носящее это звание называли *жанжун*. Контекст: «*Жанжунъ а по росссийски генераль*». Ср. п.монг. *ᠵᠠᠩᠵᠤᠨ* «генерал, главнокомандующий, генерал-губернатор», кит. *цзян-цзунь* «полководец, генерал» [Майоров, 2011, с. 136]. В словаре Ю. Н. Крючкина зафиксирована лексема *жанжин*, которая обозначает главнокомандующего, полководца [Крючкин, 2012, с. 137].

Лексема *зайсан* обозначает родового наследственного старшину у монголов, бурят [Христосенко, 2003, с. 274]. Согласно контексту «*Да им заисанъ их принял к себѣ и держать ихъ се время. По доношению аргуных ясаиных тунгусовъ заисана Дуликирского роду Кодогора Бохова... выдано из казны... подставъ отласу свертной пятиланной за два рубли с полтиною*». Ср. бур. *зайсан* — родовой «старшина», монг. *зайсан(г)*, кит. *цзайсян* «канцлер» [Майоров, 2011, с. 148]. *Зайсан* (должность) — титул западно-монгольских ханов. Обычно зайсанами именовались монгольские аристократы, которым ханы давали провинции в управление, сбор налогов, отправление правосудия и т. п. Также термин применяется для названия должности родового главы алтайских сёоков-родов.

Закырыкчей — начальник подразделения монгольской пограничной службы; подчиненный гунна. Контекст: «*Мунгалской пограничный управитель гунъ Лемпыль Доржи присылал своего закырыкчи Чювана... с объявлением*». Ср. бур. *захирагша* «управляющий, заведующий (или ведающий) чем-либо» [Майоров, 2011, с. 150]. В монгольско-русском, русско-монгольском словаре встречаются лексемы *захиргаа* — «управление, администрация» и *захирагч* — «управляющий» [Крючкин, 2012, с. 150].

Встречающаяся в текстах лексема *залан* обозначает звание в монгольской пограничной службе, а также лицо, носящее это звание. Согласно контексту: «*И привели тот слѣд к конскою сакмою к мунгалскому караулу к Гулюгу залану и зангину Бардаку*» [Майоров, 2011, с. 150].

Начальника пограничного караула у монголов и бурят называли словом *зангин*. «Которых <лошадей> сыскали мунгалские караулные и об[ъ]явили своему Зангину Хулзану». Ср. бур. *занги* ист. — «предводитель рода, низшее должностное лицо» [Майоров, 2011, с. 152].

Словом *заргучей* (*заргучай*) именовали маньчжурского чиновника, совмещающего судебные и административные функции. Согласно контексту: «И стали кяхтинскому заргучаю Чалоѡ те чащи отдават[ь]». Ср. п.-монг. *žaryuici* — «судья» <тюрк., ср. чаг. *jaruici* то же [Майоров, 2011, с. 156].

Представителя власти богдыхана называли *засак*: «А по поимке де их в мунгалской стороне об[ъ]явлены они были мунгалскому засаку а не закрырхчию Иринею». Монг., ср. бур. *засаг* — «власть, правительство» [Майоров, с. 157].

Должностное лицо в роду у монголов и бурят; старшего помощника шуленги называли *засул*. То же, что *ясаул*: «Такожде засулу указомъ повелено стоять при караулѡ в близности». Ср. монг. *jasaul*, п.-монг. — *jasayul*, бур. *заһуул* — командир фланга, помощник командира [Майоров, 2011, с. 159].

Слово *контайша* обозначает титул в феодальной Монголии; джунгарский властитель, хан. В контексте: «А будучи де намѡ в Пекине и в пути разведыват[ь] какѡ возможно о ннешнемѡ китайскомѡ состоянии а наипаче о приуготовлении ихѡ противѡ контайши» [Майоров, 2011, с. 203].

Лексема *кя* обозначает титул китайского наместника в Монголии в XVIII веке. Контекст: «Они ему сказывали про него что де то ханской кя едетъ навстречу анбану» [Майоров, 2011, с. 219].

Главу бурятского рода называли словом *тайша*. Контекст: «А какѡ во оных родах <хоринских братских> стало людей прибавляца то для лутчаго между ими распоряжения определен был к ним гсдрственною коллегиею иностранных делѡ въ 729м году один тайша» [Майоров, 2011, с. 469]. Ст.-рус. *тайша* «знатный калмык», *таищи*, *таиши* то же. Скорее всего, из бур., а остальные указ. формы — монг. зап. происхождения, бур. *тайшаа* «тайша (глава степной думы)», монг. *тайш*, п.-монг. *taisi* «феодальный титул» <кит. *тайши* «учитель государя» (= «великий учитель») [Аникин, 2000, с. 526].

Следующая лексема *тушимел* (*тушемул*) обозначает маньчжурского чиновника, совмещающего судебные и административные функции. «Ея императорского величества <...> бригадира и селенгинского каманданта Якобий письмо <...> совѣтнику тушимелу Отши послано». Из бур. *тушэмэл* то же ~ монг. *тушэмэл* чиновник, п.-монг. *tušime1* то же (< п.-монг. (*tuši* — «поручать»)) [Майоров, 2011, с. 481].

Бурятского или эвенкийского князя, который стоял во главе рода или объединения нескольких улусов называли *шуленга* (*шульнга*). В контексте: «У зайсана Буголука имѣется три шульнги а по указу велено быть у нихъ в родах под зайсанами по одному шульнге». Ср. п. монг. *šulengya*, а также монголизмы *šuleŋa* — «глава пяти тофаларских родов», алт. *šulengi* — «сборщик податей» [Майоров, 2011, с. 527].

Выявленные лексемы свидетельствуют о том, что на территории Забайкалья осуществлялись контакты между представителями различных культур, в нашем случае русской, монгольской и китайской. Как свидетельствует изученная лексика, данные контакты осуществлялись в различных сферах (экономической, административной, политической, бытовой и др.). В ходе межкультурного взаимодействия, представители данных народов обменивались различной информацией, в том числе и о культурных ценностях. Данное исследование ещё раз доказывает, что язык — постоянно пополняющаяся и развивающаяся система. Вследствие межъязыковых контактов происходят языковые заимствования, судьба которых в принимающем языке различна. Заимствования могут не получить широкого употребления, остаться экзотизмами, устареть. Есть заимствования, которые в региональном русском речевом узусе стали употребляться достаточно широко и вошли в состав его лексики. Такие заимствования демонстрируют уникальность забайкальского лексикона. Можно наблюдать, как русское население активно принимало инородные слова и в процессе ассимиляции данные слова очень изменялись. Так, один из информантов Л.Е. Элиасова (составителя «Словаря русских говоров Забайкалья») описывал данную ситуацию: «Чо у других народов брали, то на свой лад переделывали, так переобдумывали, что ни буряты, ни тунгусы своих слов потом не узнавали, а русские за свои стали принимать. Вот и появилось в нашем языке столько новых слов, что мы обо всем мог-

ли разговор вести. Поставь с нами в ряд расейского мужика, он половины наших слов не докумекает» [Любимова, 2015, с. 61].

Известно, что процесс освоения иноязычных слов постепенно ведёт их к подчинению произносительной системе русского языка. Так, например, в монгольском языке имеются звуки [дз], [дж]. В процессе адаптации в монгольских заимствованиях данные звуки уподобились русским звукам. Это отражено в письменных памятниках, так как в данных источниках фиксировали слова в том варианте, в котором их использовали в действительности. Если бы данные звуки использовались, то их отразили бы через написание. Так, звание военачальника монгольской армии, а также лицо, носящее это звание, памятники зафиксировали в написании жанжун. В монгольском языке данная лексема произносится как [джанджун] и обозначает главнокомандующего, полководца. Монгольский звук [дж] передаётся русским [ж]. Лексема зайсан обозначает родового наследственно-го старшину у монголов, бурят. Ср. бур. *зайсан* — родовой старшина, монг. *зайсан(г)*, кит. *цзайсян* «канцлер» [Майоров, 2011, с. 148]. Монгольский звук [дз] адаптировался в русский [з].

Долгие гласные, которые имеются в монгольском языке, не фиксировались в заимствованиях этого периода. Домашнего козла в Забайкалье называли словом *яман*. Этимологические данные: из бур. (монг.) *ямаа(н)* «коза», монг. *янгир ямаа* «горный козёл» [Аникин, 2000, с. 725]. «*Ямаа(н)* — коза, козий, козлинный» [Крючкин, 2012, с. 419]. Злаковое растение; пшено, вид проса называли лексемой *буда*. Из бур. *буддаа* «крупа, каша», монг. *буддаа* «крупа, каша» [Майоров, 2011, с. 54]. *Буддаа* — «крупа, каша». Лексема *мыкер* обозначает «растение горлец живородящий, сердечный корень». Ср. бур. *мэхээр*, монг. *мэхээр* — «гречиха-горлец» [Аникин, 2000, с. 242].

Когда слово входит в систему другого языка, то оно начинает подчиняться законам аналогии. Монгольские заимствования не исключения, они изменялись по правилам русского языка, используя определенные словообразовательные элементы при образовании существительных, прилагательных, глаголов.

Так, слово *яман* (домашний козёл) имеет следующие варианты: *еман/иман/яман* — «домашний козёл»; от него образованы по рус-

ским словообразовательным моделям русские дериваты: существительные женского рода *еманка/емануха/ямануха* — «домашняя коза»; *иманёнок /имашек/ иманушка* — «козлёнок»; прилагательное *иманний* — «сделанный из шкуры имана»; глагол *еманничать* — «бродить без дела, бездельничать».

Спиртной напиток, перегоняемый из молока обозначали две лексемы *арака* и *архи*. С монг. *архи*, бур. *архи* — «вино, водка». У данного слова появляется уменьшительно-ласкательный вариант *аракушка*. Также производным является глагол араковать — приготавливать самогон (*араку*) из молока. Встречается глагол *архидачить*, который употребляется в значении «пьянствовать, пить водку».

Морфологическая адаптация обусловлена изменением слова по моделям формообразования русского языка. Многие заимствования обретают определенный род и склонение. Данные процессы, можно наблюдать, благодаря памятникам письменности и созданным на их материалах словарям. Из следующих контекстов можем наблюдать как заимствованные слова используются в родительном падеже «*Бычков качерыков дватцат[ь]. Вверхъ иркутской заимкь рогатого скота коров, нетелей, быковъ и качерыков и малых теленков девяносто одна*»; «*Верблюдовъ — 204 в них одинъ ботогонокъ кроме ботогонка каждой по 14 ру <...> а ботогонок за малостию в оценку не положень*».

Заимствования, которые вошли в лексическую систему регионального варианта русского языка функционируют свободно, сочетаясь со своей тематической группой. Например, заимствованное слово *гурегашек* произошло от монг. *хурга(н)*, бур. *хурьга(н)*, обозначает ягненка, барашка. [Аникин, 2000, с. 627]. В контексте наблюдаем, что данное слово используется носителями регионального русского языка как полноценный член языковой системы, о чём свидетельствуют письменные контексты: «*Баранъ одинатцать овецъ <...> семь гурегашковъ разные шерстьми*» [Майоров, 2011, с. 108]. Монголоязычное слово *бурун* также хорошо освоено, что показывает контекст: «*Две коровы пестра да белобока з двумя бурунами*» [Майоров, 2011, с. 55].

При освоении монгольских заимствований происходили процессы сужения значения. Например, лексема *айл* обозначает юрту. В зафиксированном варианте в русском языке данное заимствование отража-

ет только значение постройки. В монгольском языке данная лексема имеет несколько значений, так *айл* — семья, семейство, кочевье, юрта.

Монгольское слово *засаг* обозначает власть, правительство. Монг., ср. бур. *засаг* — «власть, правительство» [Христосенко, 2003, с. 157]. Заимствованный вариант *засак* обозначает только представителя власти богдыхана.

Так, лексема *багча* (*бакча, бахча*) обозначает упаковку чая или табака. В монгольском языке данная лексема имеет значение «связка, пучок», которая не имеет конкретного отношения именно к чаю. Может быть связано с п.-монг. *baγča* (*baγ*) «связка, пучок», монг. *багц* «пачка, связка, сверток, пучок», бур. *багса* то же (монг. < тюрк.) и/или с уйг. *baγsa* «связка» [Майоров, 2011, с. 106].

Следует отметить, что некоторые монгольские заимствования вошли в забайкальские русские диалектные фразеологизмы. На данном этапе произошла семантическая адаптация. Заимствованное слово вошло в ряд понятий регионального варианта русского языка. Выборку таких фразеологизмов была сделана из «Словаря фразеологических и иных устойчивых сочетаний Забайкальского края» В.А. Пащенко. Приведём несколько примеров:

Как *амбань* (душепагубный) — неподвижный молчаливый. Согласно контексту: «Сидит как *амбань* душепагубный, телевизор глядит, никого делать не хочет/ Срет./» [Пащенко, 2016, с. 10]. *Амбань* — «монгольский губернатор» забайк. Ср. бур. *амба(н)*, монг. *амбан* — вельможа, маньчж. *амбан* то же [Аникин, 2000, с. 86]. Китайского сановника; высшего чиновника пограничного ведомства называли *амбан* (*анбан*) [Майоров, с. 29]. У данного заимствования появилось переносное значение, а также отрицательная оценка.

Как *бурун пузатый* — о человеке с вздувшимся животом, толстом [Пащенко, 2016, с. 378]. *Бурун* «молодой бычок; двухгодовалый телёнок» ирк., «бычок», сиб., *барун* «годовалый бычок». Из бур. *буруун* «тёлка-двухлетка», *буруу* «телёнок до года; в возрасте до одного года (о звере)», ~ п.-монг. *birayu*, монг. *бярүү* «теленка до года» От данного слова образованы *бурушок, бурунчик* (уменьш.), *бурунка* «корова-стародойка» [Майоров, 2011, с. 145]. В данном случае, характеристики с одного объекта перешли к другому. Так, толстого человека

стали называть *буруном* при этом добавив качественное прилагательное «пузатый».

С *булдуруна на булдурун* — о житейских невзгодах [Пащенко, 2016, с. 378]. *Булдуруны* мн. «кочки, поросшие травой», *бульдрушистый* «холмистый». Из бур. диал. **булдуру(н)* «ухаб, бугор», ~ п.-монг. *bulduri* «шишка, волдырь; бугор», монг. *булдуру* «бугор, холм», бур. *болдируу* «ухабы, бугры; прыщи, сыпь» [Аникин, 2000, с. 140]. Данное выражение создано по аналогии со словосочетанием «с кочки на кочку». Автор считает, что выражение с заимствованной лексемой было свободным словосочетанием, после того как слово *булдурун* перестало использоваться самостоятельно, оно сохранилось только в устойчивом выражении.

Из *дабы вылезти* — поправить имущественное положение [Пащенко, 2016, с. 379]. Так, *даба* — это китайская бумажная ткань. «Тюкъ в полокъ з дабами. Тюк в волосу з дабами в мЪшке половинчатом. Даба бухарская мЪроу 10 ар. цЪна рубль» [Майоров, 2011, с. 155]. Из бур. *дабаа (дабуу)* «ткань (хлопчатобумажная)», монг. *dabuu(n)*, *давуун* то же. *Даба* похожа на простой кумач или бохарскую бязь, бумажный холст, белый и крашенный, любимый народом, по дешевизне. В те времена, было большое количество тканей, *даба* же считалась одной из самых дешёвых и соответственно не была популярна среди зажиточного населения.

С *еланькой (на голове)* — лысый: «Корреспондент приезжал, записывал всё, как мы в войну жили, бабы одни. Такой вежливый, с еланькой / Красночик./» [Пащенко, 2016, с. 30]. *Елань* ж. моск. ряз. тамб. обширная прогалина, луговая или полевая равнина; сиб. то же, возвышенная, голая и открытая равнина; лысина, плешина. *Еланка* или *еланок* умалит. Возможно, из тюрк., ср. алт. тел., кюэр., леб. *jalan* «поле, долина, равнина», др.-тюрк. *jalan* «голый, нагой», «лишенный растительности» [Аникин, 2000, с. 197]. С данным словом функционирует ещё несколько фразеологизмов, которые зафиксированы в словаре. *Хлынять по елани сундалой* — бездельничать, слоняться без дела [Пащенко, 2016, с. 380]. *На кудыкину гору по елани сундалой* — ответ на вопрос «куда?» [Пащенко, 2016, с. 392].

В сундулах (*ехать*) — верхом на лошади, позади седока. «С пастухом в сундулах на атару ехал. А там с бичом бегал с собакой /Шилк./» [Пащенко, 2016, с. 301]. Сундалой, сундала (*ехать*) «верхом двоим на одной лошади, посадив кого на забедры». Ср. бур. сундала ~ сундула — «сидеться верхом вдвоем (на одну лошадь)» ~ бур. *һундалда*, п.–монг. *sundala* — монг. *сундла* — то же [Аникин, 2000, с. 512]. Возможно, данное выражение было заимствовано в целях экономии речевых средств носителей принимающего языка, так как данное явление было распространено в те времена, а в русском языке описание данного понятия требует использования большего количества лексем.

Саландай саландаюшко — беспутный: «Лопаясь от стыда от позора. Я тя кормлю, а тяколоттем кормить надо, саландай ты саландаюшко, да мякиной гречушной одной»/Акш./» [Пащенко, 2016, с. 70]. Саландай — «человек, стаптывающий обувь». Бурят. саландай «неосторожный, неаккуратный, небрежный, аляповатый, неуклюжий» [Аникин, 2000, с. 479]. В чувашском языке встречается глагол *салан*, выражает движение, направленное в разные стороны — перевод зависит от способа передвижения: расходиться, разъезжаться, расползаться, разлетаться. В монгольском языке лексема *салан* обозначает неопрятного, неаккуратного, неряшливого, небрежного человека (*салан хун*) [Крючкин, 2012, с. 776].

Зорголом скакать — вести себя легкомысленно. *Заргол, жаргол* «годовалый изюбрь» забайк., *жоргол, зоргол* то же забайк. Из бур., тунк. *зоргол* то же [Аникин, 2000, с. 209]. В данном случае, поведение одного объекта перешли к описанию другого.

Гнусить как инга — хныкать: «Чё гнусишь как инга? Смерть придёт, так от самого Бога» /Шилк./ [Пащенко, 2016, с. 112]. Лексема *инга* обозначает самку верблюда. Ср. бур. *энги(н)* 1) верблюдица 2) лосиха [Аникин, 2000, с. 178]. В монгольско-русском, русско-монгольском словаре Ю.Н. Крючкина зафиксировано, что *ингэ* — это верблюдица [Крючкин, 2012, с. 169].

Тулуган тулуганом — несообразительный человек. *Тулугун* — двухлетний ягнёнок, слабый, маленький ребенок. *Тулугушка, тулюгушка* уменьш. «молодая овца, покрытая раньше положенного срока» забайк. Из бур. *төлөг* — овца по второму году, монг. *төлө*.

Как показывает языковой материал памятников письменности в забайкальском речевом узусе XVII–XVIII вв. употреблялись заимствования преимущественно монгольского происхождения.

Монгольским заимствованиям в русском языке была уготовлена разная судьба. Не все заимствованные слова закрепились в языке, некоторые исчезали вслед за исчезнувшим явлением, некоторые влились в язык и функционируют в нём. В связи с этим, их можно распределить в следующие группы:

1. Монголизмы, которые вышли из употребления. Они выражают понятия другой лингвокультуры в далёком прошлом. Современному русскому человеку, даже проживающему в Забайкалье, они не понятны (*бошко, залан, засак, зангин* и др.).

2. Монголизмы, которые употребляются в современном русском языке, но имеют в своём значении этнический компонент, отражающий особенности бурятской и монгольской культуры (*дацан, хадак, лама* и др.).

3. Монголизмы, которые функционируют в забайкальских русских диалектах в речевом бытовом узусе (*инга, иман, амбан, арака* и др.).

В речевом бытовом узусе русских забайкальцев данные заимствования функционируют и по сегодняшний день как полноправные члены лексической системы регионального варианта русского языка. За пределами данной территории их функциональный статус меняется. Освоенные монгольские заимствования маркируют региональный вариант русского языка в Забайкалье, отличая его от региональных идиомов других территорий Российской Федерации.

Список литературы

1. Абросимова О.Л. Заимствования и их адаптация в забайкальских говорах // Гуманитарный вектор. 2011. № 4 (28). С. 5–8.

2. Даль В.И. О наречиях русского языка. 1952 г. URL: <https://dralexandra.livejournal.com/220588.html> (дата обращения: 02.05.17).

3. Егодурова В.М., Бабушкин С.М. Заимствованная из бурятского языка лексика как компонент регионального русского языка // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 51. С. 84–91.

4. Любимова Л. М. Значение исторических словарей в познании региональной картины мира // Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии. СПб.: Наука, 2005. С. 181-186

5. Любимова Л.М., Лиханова Н.А., Сундуева Д.Б. Языковая культура Восточного Забайкалья: монография. Чита: ЗабГУ, 2015. 140с.

6. Майоров А.П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М.: ООО «Издательский центр «Азбуковник», 2006. 263 с.

7. Мечковская Н.Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков — 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2001. 312 с.

8. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. 2-е изд., испр. М.: Аспект пресс, 1996. 207 с.

9. Сундуева Д.Б., Баянова С. Е., Любимова Л.М. и др. Языковая культура Восточного Забайкалья. Чита: Изд-во ЧитГУ, 2007. 135 с.

10. Хайдапова А.З. Освоение бурятских заимствований в русской речи жителей Республики Бурятия // Вестник ЧитГУ. 2010. № 5 (62). С. 5861

11. Чулков М.Д. Историческое описание Российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до Нынешнего. Том III. Книга II, 1785 с. 51 URL: <http://www.runivers.ru/lib/book4375/53141/> (дата обращения: 02.05.17).

12. Элиасов Л.Е. Бурятские и эвенкийские заимствования в языке русского старожилого населения Забайкалья (на материале произведений устного творчества народов Сибири в советскую эпоху). Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1965. С. 96–103.

Словари

1. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Москва: Новосибирск: Наука, 2000. 768 с.

2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=2037> (дата обращения: 02.05.17).

3. Жукова И.Н., Лебедев М.Г. и др. Словарь терминов межкультурной коммуникации. М. ФЛИНТА: Наука, 2013. 632 с.

4. Крючкин Ю. Н. Монгольско-Русский, Русско-Монгольский словарь. Улан-Батор, 2012.

5. Майоров А.П. Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. 584 с.

6. Толковый словарь живого Великорусского языка В. И. Даля. URL: <http://slovardalja.net/> (дата обращения: 02.05.17).

7. Христосенко Г.А., Любимова Л.М. Исторический словарь Восточного Забайкалья (по материалам нерчинских деловых документов XVII-XVIII вв.) / авт.-сост. Г.А. Христосенко, Л.М. Любимова Чита: Изд-во ЗабГПУ, 2003. 350 с.

Глава 2. Динамика трансформации русского народно-речевого узуса в Забайкалье

2.1. Фонетические трансформации русского народно-речевого узуса со времён первых русских поселенцев и до наших дней

Т.Ю. Игнатович

Подвижные элементы фонетической системы, изменяющиеся в процессе развития русского языка и характеризующие особенности частных диалектных систем определенных синхронных срезов, проявляются в сформированности или несформированности системных корреляций, в наличии или отсутствии отдельных фонем в составе фонем, в качестве модификаций фонем — аллофонов (в фонетическом проявлении фонем) и их позиционном распределении (в системе фонем).

При рассмотрении особенностей трансформации фонетики забайкальских русских идиомов севернорусского происхождения учитывается языковой закон системности, который проявляется во внутрисистемных тенденциях выравнивания системы. Этот же закон проявляется во взаимной обусловленности изменений звеньев одной системы. Внешний фактор влияния акающих и икающих типов вокализма литературного языка, просторечия и среднерусских говоров поселенцев, прибывавших в Забайкалье в разные периоды, на забайкальский русский народно-речевой узус, изначально имеющий севернорусские материнские черты, в основе представляет закон аналогии. Вокализм данных разновидностей русского национального языка стал образцом для забайкальского русского народно-речевого узуса. Реализация языкового закона экономии произносительных усилий обусловливают сохранение в забайкальской русской народно-разговорной речи проявлений синтагматических процессов в области гласных и согласных, унаследованных из материнских говоров. Принимается во внимание фактор межуровневого языкового воздействия, в частности, воздействия лексики и грамматики на фонетику. Так, часто употребляющиеся в говоре слова сохраняют следы архаичных системных фонетических диалектных различий, в говоре наблюдается лексикали-

зация фонетических диалектных черт. Бурятские заимствования в забайкальских русских идиомах, в которых твердые согласные сочетаются с гласными переднего ряда, в том числе с гласным среднего подъёма, например: [тымэн] [дыгэн], [мангыр], [зудырь] и подобн., расширяют в речи сферу употребления такой синтагматической модели. Небольшой круг заимствований из бурятского языка, содержащих сочетание звуков [д'ж'] или [дж] несколько расширяет сферу употребления этого сочетания, однако употребление на месте этого сочетания параллельных вариантов [ж'] или [ж] не позволяет выделить в говорах самостоятельную фонему /д'ж'/. Влияние грамматики сказывается, например, при смене типов вокализма: в заударных слогах в парадигматически важных морфемах (суффиксах, окончаниях) гласные дольше сохраняют свои различительные признаки по сравнению с употреблением в неморфологизированных позициях.

При исследовании диалектных особенностей в области фонетико-фонологической системы определяется состав фонем, система фонем в их позиционной обусловленности, противопоставлении или нейтрализации, сфера употребления фонем, то есть функциональная нагрузка, фонетические реализации фонем. Для выявления подвижных элементов, проявляющих специфику забайкальских русских диалектов, в качестве объектов сравнения избираются основная система современного русского языка, представленная литературным языком, и частные диалектные системы других регионов. При характеристике вокалической системы, кроме положения по отношению к ударению, учитывается фактор консонантного окружения, а также возможное проявление фактора межслогового сингармонизма. При характеристике консонантизма учитывается позиция в слове (срединный слог, конец слова, на стыке морфем), ряд образования последующего гласного, синтагматика согласных.

Данные современных забайкальских диалектов первого десятилетия XXI в. сопоставляются с данными забайкальских памятников деловой письменности конца XVII–XVIII вв. (начало формирования забайкальских говоров) [Христосенко, 1975; Майоров, 2006] и данными 70–90-х годов XX в. [Колобова, 1974; Абросимова, 1996], начала XXI в. [Игнатович 2013], что даёт возможность определить среди реликто-

вых диалектных различий неустойчивые и относительно устойчивые явления, выявить языковые процессы и тенденции изменений русского народно-речевого узуса в Забайкалье.

Описание **ударного вокализма** устанавливает, что в исследуемых современных забайкальских русских идиомах севернорусского генезиса имеется пятифонемный состав ударного вокализма, тождественный стабильной общерусской системе. На наличие в прошлом в исследуемых говорах **подвижных элементов** — фонем /ѣ/ и /ω/ указывают встречающиеся в речи старшего поколения диалектоносителей немногочисленные случаи произношения соответственно на месте /ѣ/ — звука [и] (лексикализованные случаи) и на месте /ω/ — произношения звука [ô] или дифтонга [yo].

Подвижными являются сферы функционирования сильных фонем и их аллофонов в зависимости от позиции, в данном случае консонантного окружения. Под влиянием литературного языка у гласной фонемы /и/ в позиции на стыке предлога на согласный, слова на согласный и слова, начинающегося с /и/, наблюдается сужение употребления модификации [и] (*в'ич'игъх*) и расширение модификации [ы] (*в'ыч'игъх*). Но в говорах, сохраняющих позиционную мягкость шипящих, шире представлено употребление аллофона [и], соответственно сужена активность аллофона [ы]. В позиции после мягких согласных расширено употребление фонемы /о/ за счет расширения результатов перехода [е] в [о] (*см'оты, в'отаи*). В позиции между мягкими согласными расширена сфера употребления фонемы /е/ за счет сужения употребления фонем /и/ и /а/, данные диалектные различия имеют лексикализованный характер и встречаются в речи старшего поколения забайкальцев.

Лексикализованные случаи произношения ударных гласных после мягких согласных [е] на месте [и], [и] на месте [е] происхождения из гласной фонемы /ѣ/, [а] на месте [е], после твёрдых согласных [о] на месте [а] являются следами отмирающих системных диалектных различий, привнесенных из материнских севернорусских говоров. Наблюдаются такие явления во многих сибирских говорах севернорусского происхождения.

Сопоставление с данными памятников деловой письменности XVII–XVIII вв. выявляет, с одной стороны, определённую устойчи-

вость забайкальского русского народно-речевого узуса на протяжении более трёх столетий, с другой стороны, сокращение круга слов, имеющих лексикализованное произношение (см. таблицу 1).

Таблица 1. Динамика ударного вокализма русского народно-речевого узуса в Забайкалье

Ударный вокализм начала формирования вторичных русских идиомов в Забайкалье	Ударный вокализм современного забайкальского народно-речевого узуса севернорусского происхождения
Наличие фонем /ѣ// и /ω/	Лексикализованное произношение [и] на месте /ѣ// (<i>јис', с'ив'ьр</i>), случаи произношения [Ѡ] или дифтонга [уѠ] на месте /ω/ (<i>корѠва, вуолк</i>)
Произношение под ударением после мягких согласных [е] на месте [и]	Лексикализованное явление (<i>говор'ѣт', говор'ѣль, кр'еп'ѣл'ш'ик</i>)
Произношения [е] на месте [а] между мягкими согласными	Лексикализованное явление (<i>оп'ѣт', м'ѣч'ик</i>)
Произношение с ударным [а] корня <i>сел-</i> (<i>сясти, сяла</i>)	Лексикализованное явление (<i>с'ас'т'и, с'аль</i>)

Относительно устойчивыми лексикализованными явлениями, регулярно употребляющимися в речи сельскими жителями всех возрастных групп, являются: *ис', плѠт'ит, рѠст'ит'*, морфологизированное произношение *мајѠ'й, твајѠй*. Неустойчивые явления: *говор'ѣт', оп'ѣт', с'ас'т'и, д'Ѡржым* – наблюдаются в речи диалектоносителей преклонного возраста и обречены на утрату.

Динамика безударного вокализма. Сосуществование оканья и аканья, еканья и иканья забайкальские памятники деловой письменности отражают со второй половине XVIII в. В последние десятилетия процесс замены архаических типов вокализма на новые типы активизировался и в речи диалектоносителей молодого поколения получило распространение аканье и иканье.

Большая сохранность оканья и еканья прослеживается в 1-м предударном слоге, в других безударных слогах аканье и иканье доминируют активнее. В исследуемых говорах при отсутствии полного оканья на-

блюдаются только его следы. Остаточные явления заударного оканья обнаруживаются в небольшой группе исследуемых говоров. Сохранности произносительного варианта [o] в 1-м предударном слоге после твердых согласных способствует подударный [o] и синтагматика с твёрдыми задненёбными и губными согласными. Варианты [e] или [и] после мягких согласных встречаются независимо от того, какой гласный находится под ударением.

Динамика изменений типов безударного вокализма имеет разную степень интенсивности, обусловленную уже не внутрисистемными тенденциями развития, а внешними факторами воздействия на систему диалекта. В ряде говоров сел, более изолированных от внешних воздействий, в речи поколения старшего возраста наблюдается сосуществование архаических и новых типов безударного вокализма.

Отмечаемый с XVIII в. процесс смены оканья на аканье и еканья на иканье, с одной стороны, свидетельствует о неустойчивости оканья и еканья как диалектных типов безударного вокализма, о неустойчивости гласных фонем среднего подъёма и продолжающемся ослаблении смыслоразличительной роли гласных в безударной позиции. С другой стороны, показывает, что эти системные изменения занимают длительный промежуток времени (см. таблицу 2).

Таблица 2. Динамика безударного вокализма в русских идиомах севернорусского генезиса в Забайкалье

Безударный вокализм после твёрдых согласных начала формирования вторичных русских идиомов в Забайкалье	Безударный вокализм после твёрдых согласных современного забайкальского народно-речевого узуса севернорусского происхождения
Оканье в 1-м предударном слоге	Три группы говоров среди диалектоносителей старшего поколения: 1) говоры с сосуществованием недиссимилятивного аканья и оканья; 2) акающие говоры со следами оканья; 3) акающие говоры. Аканье в речи сельских жителей молодого поколения

Полное оканье	Два типа говоров среди диалектоносителей преклонного возраста: 1) говоры с сосуществованием аканья и оканья, в последнем проявляется полное оканье; 2) акающие говоры. В речи сельских жителей младшего и среднего возраста реликты полного оканья не встречаются.
Безударный вокализм после мягких согласных начала формирования вторичных русских идиомов в Забайкалье	Безударный вокализм после мягких согласных современного забайкальского народно-речевого узуса севернорусского происхождения
Различение гласных неверхнего подъёма после мягких согласных	Следы различения в речи диалектоносителей старшего возраста
Еканье в 1-м предупредительном слого	Три группы говоров среди диалектоносителей старшего поколения: 1) говоры, в которых сосуществуют еканье и иканье; 2) икающие говоры со следами еканья; 3) икающие говоры. Иканье в речи сельских жителей молодого поколения
Еканье в других безударных слогах	Два типа говоров среди диалектоносителей старшего поколения: 1) икающие говоры, сохраняющие следы еканья; 2) икающие говоры
	Лексикализация «сибирского яканья» в речи старшего поколения

Ареал сосуществования аканья и оканья шире, чем ареал сосуществования иканья и еканья, однако группа говоров, в которых доминирует иканье, но сохраняются следы еканья, представлена большим составом говоров, чем группа акающих говоров со следами оканья. Среди них есть акающие говоры, сохраняющие следы еканья. Подобное соотношение типов безударного вокализма встречается в современных сибирских говорах.

В отдельных говорах в речи диалектоносителей преклонного возраста на месте гласных неверхнего подъёма спорадически встречается произношение звука [a] ([a^ε]) – так называемое сибирское яканье. Сибирское яканье в исследуемых забайкальских говорах имеет лексикализованный характер и является неустойчивым диалектным различием.

В исследуемых говорах Забайкалья процесс перехода от оканья к аканью и еканья к иканью идёт более активно, чем в говорах Приамурья, ряда говоров Западной Сибири, например тарских старожильческих говоров, но менее интенсивно, чем в русских говорах Бурятии.

После твёрдых шипящих, [ц] и [ч] в соответствии с сильной фонемой /е/ употребляется вариант [ы], после мягких шипящих и аффрикаты [ч'] соответственно – [и]; [э]/[е] вариантно встречаются в говорах, сохраняющих следы еканья; вариант [а] отмечается в речи диалектоносителей старшего поколения, носит лексикализованный характер.

Встречающиеся в исследуемых забайкальских говорах случаи лабиализации гласных в предударных слогах после твёрдых согласных (*гулуб'ица, кулунал, увукуир'ьвл'и*) проявляют общерусскую закономерность и обусловлены синтагматическими факторами: дистантными фонетическими связями, то есть межслоговой ассимиляцией гласных, контактными связями, то есть соседством с губными и заднеязычными согласными. В отличие от литературного языка в забайкальских говорах сфера употребления аллофонов [у] и [ы] расширена за счёт лексем, заимствованных из автохтонных языков (*гура́н, куца́н, тымэ́н, дыг'ён* и др.).

Консонантная система идиомов севернорусского происхождения на территории Забайкальского края представлена 36 согласными фонемами, включает стабильные общерусские единицы и подвижные сегменты, характеризующиеся региональной спецификой.

К **подвижным элементам** консонантной системы относятся задненёбные фонемы, /ф/, /ф'/, /ц/ и /ч'/ и их аллофоническое варьирование, а также фонетические реализации долгих шипящих согласных.

Исследование подвижных элементов консонантной системы забайкальских говоров, унаследованных из материнских севернорусских идиомов, выявляет достаточно долгий, но постепенный процесс выравнивания диалектного консонантизма под общерусский стандарт (см. таблицу 3).

Таблица 3. Динамика консонантизма в русских идиомах севернорусского генезиса в Забайкалье

Консонантизм начала формирования вторичных русских идиомов Восточного Забайкалья	Консонантизм современного забайкальского народно-речевого узуса севернорусского происхождения
Фонема /г/ взрывного образования, фрикативный звонкий задненёбный отмечается в отдельных словах	Фонема /г/ взрывного образования, /г/ имеет незначительную функциональную нагрузку, употребляясь в небольшом круге слов. В речи диалектоносителей преклонного, возраста встречается меня [x] // [к] (<i>кл'еф, бухашк'и</i>), [x] // [ф] (<i>куфн'ъ, кохта</i>)
Губно-зубные спиранты	Губно-зубные спиранты. В речи жителей преклонного возраста встречаются случаи замены [ф] > [х] (<i>вахл'и, взрых</i>), [ф] > [п] (<i>пс'о</i>), [ф] > [к] (<i>куки'ины</i>)
Различение аффрикат, следы твёрдого и мягкого цоканья, чоканья, соканья	Различение аффрикат. Следы твёрдого и мягкого цоканья, чоканья в речи диалектоносителей старшего поколения. Лексикализация следов соканья
Вариантность в модификациях фонемы /ч/: [ч'] / [ч]	Три группы говоров диалектоносителей старшего поколения: 1) говоры с сосуществованием мягкого и твёрдого произношения /ч/; 2) говоры с основным мягким вариантом [ч'], со следами твёрдого [ч]; 3) говоры с мягким произношением [ч']. Наличие полумягкого варианта. [ч'] в речи сельских жителей молодого поколения
Позиционная мягкость шипящих	Три группы говоров диалектоносителей старшего поколения: 1) говоры с сосуществованием твёрдых и позиционно мягких шипящих; 2) говоры с твердыми шипящими со следами позиционной мягкости шипящих; 3) говоры с произношением твёрдых шипящих. Наличие полумягкого варианта. Твёрдые шипящие в речи сельских жителей молодого поколения
Смешение шипящих и свистящих звуков: [ш] > [с], [ж] > [з]	Мены [ш] > [с], [ж] > [з] не характерны. Единичные случаи [ж'] > [з'] (<i>зимъльс', зил'и</i>)
Долгий глухой твёрдый шипящий, случаи произношения мягкого варианта. Варианты [ш'ч'], [шч'], [сч'], [с'ч']	Параллельная вариантность [ш:] и [ш':] в речи всех возрастных групп диалектоносителей. Варианты [ш'ч'], реже [шч], [сч'], [с'ч'], [ш'т'] в речи пожилых диалектоносителей. Долгий звонкий шипящий в вариантах [ж:], [ж':], случаи [ж'д']. Наличие полумягких вариантов. Варианты с утратой долготы

Подвижные элементы консонантизма говоров, унаследованные из материнских севернорусских говоров, характеризуются разной степенью устойчивости.

Фонема /γ/ имеет незначительную функциональную нагрузку, употребляясь в небольшом круге слов (*Бо́га, у́споди, а́уа, Блѣ-уав'ѣш':ън'ѣь, бау́аты*) и вытесняется фонемой /г/.

Сфера употребления по сравнению с литературным языком несколько расширена у мягких задненёбных – за счёт употребления в определенных личных формах глагола перед гласными непереднего ряда, а также сохранения прогрессивного смягчения заднеязычных после мягких согласных в речи старшего поколения диалектоносителей. Подвижной позицией для задненёбных является позиция перед гласными переднего ряда, об этом свидетельствуют вариантность произношении [г'и], [к'и], [х'и] – [гы], [кы], [хы] (*манг'ѣр – мангы́р* (преобладает), *к'ѣска – кы́ска, х'ѣш'ѣк – хы́ш-ный*), употребление вариантов мягкого и твёрдого задненёбного в глаголах несов. вида перед суффиксом *-ива/* (*рост'а́гъвът, запугъвал'и, выт'а́скъвът*), а также случаи замены [г'] на [д'] (*г'еорг'ѣны > д'ивард'ѣны*).

Фонемы /в/ и /в'/, /ф/ и /ф'/ реализуются в тех же аллофонах, что и в литературном языке. Сфера функционирования фонемы /в/ подвижна за счёт вариантного употребления протетического [в] в начале слова перед гласными [о], [у], вставного [в] в середине слова между гласными и непроизнесения в начале слова перед сочетанием двух согласных. В слабой позиции перед глухим согласным и на конце слова спорадически в речи диалектоносителей преклонного возраста встречается реализация фонемы /в/ в аллофонах [п], [х]. Фонема /в'/ на конце слова имеет два варианта реализации – [ф'] и в речи диалектоносителей преимущественно преклонного возраста [ф] (*кро[в']и – кро[ф'] / кро[ф]*). Оба диалектных различия являются неустойчивыми. Подвижность /ф/ в речи диалектоносителей старшего поколения проявляется в вариантной замене [ф] > [п], [ф] > [х], [х] > [ф].

В современных русских говорах Восточного Забайкалья севернорусского происхождения подвижные элементы общерусской систе-

мы /ц/ и /ч'/ являются более устойчивыми, чем были в прошлом. В забайкальских памятниках деловой письменности конца XVII–XVIII вв. имеются примеры отражения твёрдого цоканья, чоканья, соканья. В исследуемых современных забайкальских говорах аффрикаты различаются. В последние десятилетия наблюдается сокращение и лексикализация остаточных следов древних типов неразличения этих аффрикат в речи диалектоносителей преклонного возраста (*цэрдáк, кóн'ц'ил, jáйсy, ач':ап'ис'*).

Из аффрикат у фонемы /ч/ наблюдается большее число модификаций. Твёрдый вариант встречается в речи диалектоносителей старшего поколения преимущественно в позиции перед гласными непятого ряда и перед твёрдыми согласными, полумягкая репрезентация отмечается как промежуточная ступень, но преобладает мягкий вариант, что свидетельствует о завершающейся стадии смены твёрдого [ч] на мягкий [ч']. В середине 70-х годов в выделявшемся в то время типе Д носителей говора большую распространенность имела твердая разновидность данной аффрикаты. В современных забайкальских говорах фонема /ч/, по сравнению с литературным языком, имеет расширенную сферу употребления за счёт вариантного лексикализованного произношения [ч'] на месте [т'] (*ч'ижóлый*) и [ш':] (*ч'икóтка, ч'ипáц;а*).

Шипящие согласные характеризуются вариантностью произношения, обусловленной процессом отвердения мягких шипящих, который нашёл отражение ещё в нерчинских памятниках деловой письменности второй половины XVII – первой половины XVIII, однако процесс не завершён и протекает в говорах с разной степенью интенсивности. Наблюдаются разные стадии изменения: остаточная мягкость шипящих во всех позициях – позиционная мягкость шипящих – твердость шипящих. Полумягкие шипящие – переходная ступень от мягких шипящих к твёрдым. В говорах севернорусского происхождения на территории Восточного Забайкалья позиционная мягкость шипящих (*ж'íl'и, Ш'íl'ка, пр'иж'м'í, р'иб'ит'íш'к'и*), являясь неустойчивой диалектной чертой, всё же более сохранна, чем в старожильческих русских говорах соседней Бурятии.

Долгие шипящие имеют параллельную вариантность: [ш:] / [ш':], [ж:] / [ж':]. Твердый [ш:] (*ш:ука, јаш:ык, вóш:ык, раш:óскъ*), присутствующий забайкальским говорам со времён начала их формирования, и в настоящее время встречается повсеместно в речи всех возрастных групп, то есть остаётся относительно устойчивым диалектным различием. Сопоставление данных разных синхронных срезов: 70–80-х гг. XX и середины 10-х годов нового столетия показывает активность мягкого варианта, который внутри морфем конкурирует с твердым вариантом. В пределах морфемы [ш':] произносится в любой позиции, а на стыке морфем только перед гласными переднего ряда. Варианты [шч] (*Хрушчова*), [ш'ч'] (*ш'ч'и, óвош'ч'и*) – утрачивающаяся черта.

Вариант твердого произношения [ж:] внутри морфемы употребляется в современных забайкальских говорах более регулярно, вариант мягкого произношения [ж':] менее распространён. 30 лет назад отмечалось позиционное употребление мягкого варианта перед гласными переднего ряда. Исследования последних лет такой зависимости в употреблении [ж':] внутри морфемы не показывают. Мягкий вариант долгого шипящего поддерживается наличием в говорах позиционно мягких шипящих и литературной нормой. В динамике вариантов долгих шипящих в говорах проявляются две тенденции: приобретение мягкости и утрата долготы.

В забайкальских говорах в большей степени, чем в литературном языке, представлена вариативность в **синтагматике согласных**, так как она включает общерусский и региональные варианты.

Могут не проявляться результаты регрессивной ассимиляции по мягкости. Употребляются мягкий и твердый варианты зубных перед мягкими зубными, перед средненёбным [j] и перед мягкими губными, варианты сонорных [л'] / [л] и [н'] / [н] перед твердыми согласными при сохранении их мягкости перед мягкими согласными. Губные повсеместно перед [j] смягчаются, перед мягким зубным и мягким задненёбным остаются твердыми.

Наряду с общерусскими вариантами произношения сочетаний согласных, в речи забайкальских диалектоносителей пожилого и преклонного возраста встречаются архаические, унаследованные из ма-

теринских говоров варианты: [л'ч'] (*мал'ч'и́*) или [л'ч] (*мал'чу́*); [р'] перед задненёбным (*в'ер'х, д'ёр'гат*); результаты прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных после мягких согласных (*брав'ьн'к'а, п'ир'истро́йк'а, С'ёр'г'а*); результаты регрессивной ассимиляции согласных по назальности (*ом:áн, мнук, об'и́н:о*). В настоящее время данные диалектные черты являются неустойчивыми, так как характеризуются нерегулярностью употребления даже в речи диалектоносителей старшего поколения.

Вместе с тем широко и повсеместно распространена утрата интервокального [j] с ассимиляцией и стяжением гласных в личных формах глаголов, формах прилагательных, местоимений-прилагательных и порядковых числительных (*д'э́лам, зна́т, б'есту́жа д'эфка, тако́ м'эсто, м'ялады́ кадалк'и, фтарá жына́*). Сопоставление данных исследований последних лет с данными памятников деловой письменности начала формирования вторичных русских говоров на этой территории показывает в современных забайкальских говорах устойчивость этой диалектной особенности и даже распространение её на больший круг грамматических форм. Также наряду с сочетаниями согласных с [j] употребительны ассимилированные сочетания согласных с [j] с результатом произношения долгого мягкого согласного (*св'ин'á, валос'á*) и с результатом произношения мягкого согласного, утратившего долготу (*св'ин'á, паттол'ь*).

В исследуемых говорах, как и в просторечии, отмечаются результаты диссимилиации по месту образования [мб] > [нб], [мп] > [нп], [мв] > [нв], [мф] > [нп].

Результаты регрессивной диссимилиации по способу образования [кт] > [хт] отмечаются в узусе забайкальской речи с XVIII в. В современных забайкальских говорах при распространённости внутри слова варианта [хт] (*хто́, тра́ктор*) параллельно употребляется вариант [кт]. За последние 30 лет не произошло вытеснения старого произносительного варианта новым, они употребляются параллельно. Однако на стыке предлога и корня преобладает употребление варианта [кт]. Сочетание [ч'н] имеет вариантное произношение: [ч'н] и [шн]; последний вариант распространён шире, чем в литературном языке, особенно в речи диалектоносителей среднего и пожилого возраста.

та (ср., например, чн > шн не как лексикализованное явление, а как живая фонетическая черта в строчке из песни: *н'и растáнус' камсамóлам / б'уду в'éшна малад'ым*).

Широко распространенная в сибирских говорах утрата взрывного в сочетаниях [ст], [с'т'] на конце слов, которая отмечается в узусе забайкальской речи с XVIII в., в современных русских говорах Восточного Забайкалья встречается повсеместно в речи всех возрастных групп (*хвос, бол'эс*'). Эта диалектная черта остаётся устойчивой, поддерживается общерусскими физиолого-акустическими особенностями произношения согласных звуков в конце слова: спадом интенсивности и ослаблением конечного согласного после другого согласного. Произношение твердых губных на конце слова (*кроф кáп'ит, с'эм*) является неустойчивой утрачивающейся диалектной чертой.

В современных забайкальских говорах, как и в других устно-разговорных формах общенародного языка, отмечаются упрощения групп согласных, выпадения согласного в середине слов между гласными, выпадения слогов, замены согласных, перестановки звуков, вставные согласные, пропуск начального согласного перед согласным, дистантная диссимиляция согласных. Выпадение губных (*ба́ушка, коро́ушка, коо́*), которое носит лексикализованный характер, пропуск начального согласного, чаще всего губно-зубного [в] (*водá скúсна, ск'ип'ёл*), являются неустойчивыми чертами, унаследованными из материнских говоров.

Таким образом, в исследуемых говорах вариативность в синтагматике согласных имеет длительную историю, в современных забайкальских идиомах представлена общерусскими вариантами произношения сочетаний согласных и архаическими, унаследованными из материнских севернорусских говоров, последние встречаются преимущественно в речи диалектоносителей пожилого и преклонного возраста. Архаические диалектные черты в синтагматике согласных имеют разную степень сохранности: от практически исчезнувших до относительно устойчивых (см. таблицу 4).

Таблица 4. Диалектная синтагматика согласных:
история и современность

Синтагматика согласных начала формирования вторичных русских идиомов в Забайкалье	Синтагматика согласных в современном забайкальском народно-речевом узусе севернорусского происхождения
Озвончение глухих перед звонкими согласными, оглушение звонких перед глухими и на конце слова. Отсутствие оглушения звонких перед глухими согласными.	Озвончение глухих перед звонкими согласными, оглушение звонких перед глухими и на конце слова повсеместно в речи всех возрастных групп. В речи жителей преклонного возраста случаи с отсутствием оглушения звонких перед глухими согласными
	В большей степени, чем в литературном языке, вариативность мягких / твёрдых согласных на месте регрессивной ассимиляции по мягкости
	Наряду с общерусским вариантом [лч'] в речи жителей преклонного возраста [л'ч'] (<i>мал'ч'и, тол'ч'ил'и</i>), [л'ч] (<i>мал'ч'ит</i>), вариантно может произноситься средний [л] (<i>мал'чал'и</i>)
	Повсеместное произношение твёрдого [р] перед задненёбными. В речи жителей преклонного вариантно встречается сохранение мягкости дрожащего сонанта (<i>в'ер'х, ч'етв'ер'к</i>)
	В речи диалектоносителей старшего возраста наблюдаются случаи с результатами прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных (<i>стар'ьн'к'ь, стайк'а</i>)
	Повсеместно употребляется [дн], в речи старшего поколения наряду с [дн] – вариант с результатом регрессивной ассимиляции по назальности [дн] > [н:] (<i>лан:о</i>)
Случаи с результатом регрессивной ассимиляции по назальности [бм] > [м:] (омманство)	Повсеместно употребляется [бм], в речи старшего поколения наряду с [бм] – варианты [бм] > [м:] (<i>ам:ан</i>), [м] (<i>аман</i>)
	Повсеместно употребляется [вн], в речи диалектоносителей старшего поколения наряду с [вн] – вариант [вн] > [мн] (<i>мнук, д'имнь</i>)

	Вариантное произношение сочетаний согласных с [j]: 1) неизменённые сочетания; 2) ассимилированные долгие мягкие согласные (<i>св'ин':а, плат':е</i>); 3) ассимилированные мягкие согласные с утратой долготы (<i>св'ин'а, плат'е</i>)
Утрата интервокального /j/ без стяжения гласных (<i>знаат, ведаат</i>) и с последующей ассимиляцией и стяжением гласных (<i>знат, ведат, права рука, каку плату</i>)	Наряду с нестяжёнными формами, повсеместно в речи всех возрастных групп сельского населения активно употребляются стяжённые формы глаголов, имён прилагательных, местоимений-прилагательных, порядковых числительных
Случаи с результатом диссимиляции по месту образования [мб] > [нб]	Повсеместно употребляется [мб], в речи диалектоносителей старшего поколения наряду с [мб] – вариант [мб] > [нб] (<i>анбар, данба</i>)
Случаи с результатом диссимиляции по способу образования [кт] > [хт] (<i>кто</i>), [кк] > [хк] (<i>х кому</i>)	Повсеместная вариантность [кт] / [хт] (<i>кто – хто</i>) в речи всех возрастных групп. Наряду с общерусским вариантом в речи диалектоносителей старшего поколения [кк] > [хк] (<i>х кому</i>)
Результаты диссимиляции [тс] > [ц:], [ц]	Повсеместно [тс] > [ц:] (<i>л'еч'иц'ь</i>), [ц] (<i>л'еч'ицѧ</i>)
Обилие случаев вариантного произношения [ч'н] ([чн]) / [шн]	Вариантное произношения [ч'н] ([чн]) / [шн]. Вариант [шн] распространён шире, чем в литературном языке, в речи диалектоносителей среднего и пожилого возраста (<i>табишный, пѧдж'илудъшнѧ</i>). В речи молодого поколения вариант – [ч'н]
Утрата взрывного в сочетаниях [ст] и [с'т'] в середине и в конце слова	Вариантное произношение сочетаний [ст] [с'т'] в середине и в конце слова – с сохранением взрывного согласного и его утратой. Вариант с утратой взрывного имеет широкое распространение, встречается повсеместно и в речи всех возрастных групп сельских жителей (<i>мос, влас', хаз'айсвѧ</i>)
	Повсеместная вариантность сочетания [з'н'] на конце слов: более распространённый вариант [с'] (<i>жыс', бал'ес'</i>), менее употребительный вариант [з'н'] (<i>жыз'н', бал'ез'н'</i>)
	Сочетание <i>чт</i> в корне местоимения повсеместно произносится без взрывного согласного [ч'о], в говорах с твердым [ч] встречается вариант [чо]

Упрощение групп согласных	В современных забайкальских говорах, как и в литературном языке, является живым фонетическим процессом
	Наряду с произношением без выпадения согласного встречаются выпадения согласного между гласными в середине определённых слов (<i>баушкъ, коо</i>)
	При распространённом варианте произношения сочетания губного с [л'] в речи диалектоносителей преклонного возраста зафиксированы случаи с отсутствием [л']-эпентетикума (<i>скарм'ивают, кап'ит</i>)
Мена [н'] > [м']: <i>М'ик'иша</i>	Произношение [н'] > [м'] встречается редко в речи диалектоносителей преклонного возраста, повсеместно вытеснено общерусским вариантом
Пропуск начального согласного, чаще всего губно-зубного [в]	Повсеместно употребляются варианты без пропуска начальных согласных [ф], [в], в речи диалектоносителей старшего поколения встречаются варианты с пропуском начальных [ф], [в] (<i>стр'ет'иль, згл'енула</i>)
Наличие вставного [т] в сочетании <i>ср</i>	Повсеместно употребляются варианты: вставные взрывные согласные в сочетаниях <i>нр</i> (<i>ндрав</i>), <i>зр</i> (<i>здр'а</i>), <i>ср</i> (<i>страмата</i>) и варианты без вставных согласных
	Наряду с произношением, тождественным литературному, употребительны варианты с результатами дистантной диссимиляции согласных (<i>гумагъ, пролуп, л'иг'истр'иръвъльс'</i>)
	Повсеместно активно употребляется мягкий губной на конце слова, в речи диалектоносителей старшего поколения, наряду с общерусским вариантом, встречается твёрдый губной (<i>кроф, с'ем</i>)

Подвижные системные корреляции согласных в идиомах севернорусского генезиса на территории Забайкальского края характеризуются определёнными особенностями.

Корреляции согласных по твердости / мягкости являются такими же, как в литературном языке. При этом корреляции /г/ : /г'/, /к/ : /к'/ в сравнении с такими же в литературном языке более устойчивы за счёт расширения случаев противопоставления перед фонемой /о/: *[ко]т – не[к'о]т, [го]д – бере[г'о]т*. Корреляция /х/ : /х'/ менее чётко

сформирована, так как фонемы противопоставляются только перед /и/: *хи[x'и]кать – кы[хы]кать*.

В народно-речевом узусе происходит изменение статуса позиций по твердости / мягкости. Слабая позиция конца слов для губных согласных, где раньше употреблялись только твёрдые губные и отсутствовало противопоставление по твёрдости / мягкости, превращается в сильную, на конце слова в соответствии с мягкими губными наблюдается употребление мягких губных, тем самым оформляется противопоставление твёрдых / мягких губных. Твёрдый губной на месте мягкого на конце слова встречается нерегулярно и только в речи диалектоносителей старшего поколения, поэтому является неустойчивым диалектным различием.

Слабая позиция для /j/ после мягких согласных перед гласными, в которой он ассимилируется с переднеязычными согласными $C' + j > C'S'$, в настоящее время сохраняется, и данная диалектная черта остаётся относительно устойчивой. Параллельно употребляется вариант $C' + j$, который свидетельствует о тенденции изменения слабой позиции в сильную.

Слабая позиция для твёрдости / мягкости согласных перед [e] является достаточно устойчивой, так как в заимствованных словах в идиомах перед гласным [e] наблюдается произношение мягкого согласного (*шас'ё, фаз'эндъ*).

Корреляции согласных по глухости / звонкости не имеют существенных различий с противопоставлением согласных по этому признаку в литературном языке. Как остаточное явление в речи отдельных диалектоносителей отмечается произношение напряжённых придыхательных согласных. В отличие от региональных памятников деловой письменности начала формирования забайкальского языкового узуса, нерегулярными в речи забайкальцев преклонного возраста являются случаи мены звонких / глухих в сильной позиции и отсутствия оглушения или озвончения перед глухим или звонким согласным. Данные явления интерпретируются как следы былого древнего севернорусского противопоставления согласных по напряжённости / ненапряжённости при произошедшем переходе к противопоставлению по глухости / звонкости [Касаткин, 1999, с. 244].

Развитие системных корреляций согласных можно представить в таблице 5.

Таблица 5. Развитие системных корреляций согласных в забайкальских русских идиомах севернорусского генезиса

Системные корреляции согласных начала формирования вторичных русских идиом в Забайкалье	Системные корреляции согласных в современном забайкальском народно-речевом узусе севернорусского происхождения
Корреляция по твёрдости / мягкости в стадии формирования	Корреляция по твёрдости / мягкости сформирована: противопоставление твёрдых / мягких согласных в сильной позиции перед гласными, кроме /e/, перед задненёбными согласными и на конце слова. Преобразование слабых позиций в сильные: для губных согласных в конце слова, /j/ после мягких согласных перед гласными, /л' / : /л' / перед /ч/, /р/ : /р' / перед задненёбными
Случаи нейтрализации твёрдых / мягких согласных перед гласными (<i>дира, всакий</i>). Нейтрализация дрожащего сонанта по твёрдости / мягкости преимущественно перед гласными переднего ряда (<i>крышка – кришка</i>). Диспалатализация [p'] (<i>кручок</i>)	Следы нейтрализации твёрдых / мягких согласных перед гласными (<i>касыноч'кѣ – кас'инъч'ку</i>). Следы нейтрализации дрожащего сонанта по твёрдости / мягкости преимущественно перед гласными переднего ряда (<i>грыбы, зафтр'ик'и</i>)
	Случаи реализации фонемы /л/ в среднем [l] перед твердыми согласными и перед гласными непреднего ряда
Корреляция по глухости / звонкости в стадии формирования. Противопоставление глухих и звонких согласных в сильных позициях. Нейтрализация глухих и звонких согласных в слабой позиции	Корреляция по глухости / звонкости сформирована: противопоставление глухих и звонких согласных в сильных позициях перед гласными, перед сонорными и [в] [в'], нейтрализация глухих и звонких согласных в слабой позиции
Случаи смешения глухих и звонких согласных в сигнификативно сильных позициях и отсутствия их нейтрализации в слабой позиции как следствие противопоставления согласных по напряжённости / ненапряжённости	Следы противопоставления согласных по напряжённости / ненапряжённости в виде случаев употребления напряжённых (придыхательных) глухих согласных на месте звонких в сильной позиции, звонких на месте глухих, случаи отсутствие оглушения звонких перед глухими согласными

Таким образом, результаты исследования реликтовых диалектных различий в фонетике русского народно-речевого узуса севернорусского происхождения на территории Забайкальского края с целью выявления относительной устойчивости / неустойчивости диалектных черт свидетельствуют о наибольшей неустойчивости диалектного вокализма. В ударном вокализме утрачены системные диалектные различия, в том числе – слабое звено фонем средне-верхнего подъёма. Выявленные относительно устойчивые диалектные черты носят лексикализованный характер.

В безударном вокализме на смену полному оканью приходит аканье, екающий в прошлом тип вокализма заменяется икающим. Система безударного вокализма становится более унифицированной и сокращённой за счёт нейтрализации гласных неверхнего подъёма. Но процесс перестройки вокалической подсистемы не завершён. Известно, что признак различения гласных по долготе / краткости переместился на дифференциацию ударных и безударных гласных. Количественное ослабление безударных гласных привело к качественной редукации. В диалектах центральной России развитие, распространение аканье произошло в старорусский период (XV-XVII вв.). Превращение полных гласных в редуцированные подчинено довольно ярко выраженной тенденции к ликвидации «участков напряжения» (проявляется закон экономии усилий Е.Д. Поливанова – А. Мартине). Л.Л. Касаткин справедливо полагает, что переход от оканья к аканью в русских диалектах направлен на облегчение произносительных усилий [Касаткин, 2010, 86-87]. Гласные нередуцированные в безударных слогах требуют больших произносительных усилий, чем гласные с редукацией. Поэтому говоры идут по пути смены этих типов вокализма, даже севернорусские, например, архангельские, вологодские, вторичные сибирские томские и др. Забайкальский речевой узус севернорусского происхождения в XVIII веке – окающий (по данным письменных памятников), сейчас мы отмечаем только следы оканья.

Внешний фактор влияния акающих и икающих типов вокализма литературного языка, просторечия и соседствующих среднерусских говоров на забайкальские говоры поддерживается законом аналогии.

Вокализм данных разновидностей русского национального языка является образцом для говоров.

В настоящее время аканье является проявлением прогресса. Смыслоразличительная роль гласных в безударных слогах ослабляется. Сейчас уже страдает звено верхнего подъёма. В заударных, во втором предупредном они легко нейтрализуются, дифференциальный признак лабиализованности / нелабиализованности становится несущественным: [афтóбус – афтóбъс], [кувыркаць – къвыркаць] и т.д.

В консонантизме большая часть реликтовых диалектных различий находится в стадии утрачивания, отражающей перестраивание консонантной системы севернорусского генезиса в сторону усиления смыслоразличительной роли согласных фонем, постепенного выравнивания под общерусский стандарт. Ряд диалектных различий в исчезает с разной степенью интенсивности, например процессы отвердения мягких шипящих, вытеснения твёрдого [ч] мягким [ч']. В динамике вариантов долгих шипящих в говорах проявляются две тенденции: приобретение мягкости по вектору литературного языка и утрата долготы с сохранением твёрдости: [јашшык – јашык], [вожжы – вожы] по вектору диалектной системы. В последнем случае системные отношения обуславливают утрату различий шипящих согласных по долготе/краткости, поскольку он является избыточным.

Языковой закон экономии произносительных усилий сохраняет в забайкальских говорах ряд диалектных различий в фонетической синтагматике, унаследованных из материнских говоров: [св'ин'а, мат'пол'ь; ис', ч'ас', жыс'; д'элам, знат; б'естужа д'эфка, такó м'эсть] и др.

Наиболее устойчивыми оказываются диалектные различия, которые поддерживаются общеязыковыми синтагматическими закономерностями. В целом в фонетической системе забайкальского русского народно-речевого узуса проявляется общеязыковая тенденция к упрощению вокализма и усложнению консонантизма.

Список литературы

1. Абросимова О.Л. Фонетическая система русских говоров Читинской области: автореф. ... дис. канд. филол. наук: 10.02.01. М., 1996. 26 с.

2. Игнатович Т.Ю. Восточнозабайкальские говоры севернорусского происхождения в истории и современном состоянии (на материале фонетики и морфологии): монография. М.: ФЛИНТА : Наука, 2013. 312 с.

3. Касаткин Л.Л. Из истории аканья — яканья в русском языке // Русский язык в научном освещении. № 2 (20). 2010. С. 77–102

4. Касаткин Л.Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М.: Наука; Школа «Языки русской культуры», 1999. 528 с.

5. Колобова Э.А. Фонетическая система говора села Макарова Шилкинского района Читинской области: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Э.А. Колобова. Красноярск, 1974. 206 с.

6. Майоров А. П. Региональный узус деловой письменности XVIII века (по памятникам Забайкалья): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / А.П. Майоров. М, 2006. 471 с.

7. Христосенко Г.А. Фонетическая система языка нерчинской деловой письменности второй половины XVII — первой половины XVIII веков: дис. ... канд филол. наук: 10.02.01 / Г.А. Христосенко. Красноярск, 1975. 228 с. с илл.

2.2. Трансформации в морфологии русского речевого узуса со времён первых русских поселенцев и до наших дней

Морфологический уровень, как известно, является достаточно устойчивым в языковой системе, однако под влиянием литературного языка в русском народно-речевом узусе в Забайкалье развивается вариантность в употреблении диалектных и литературных языковых средств. Отмечаются устойчивые и менее устойчивые диалектные черты.

С целью выявления диахронических изменений в формообразовании осуществляется сопоставление данных современной забайкальской народно-разговорной речи первого десятилетия XXI в. с данными забайкальских памятников деловой письменности конца XVII–XVIII вв. (периода начала формирования забайкальского русского речевого узуса) и с данными 70-90-х годов XX в. и начала XXI

в., что даёт возможность определить среди реликтовых диалектных различий неустойчивые и относительно устойчивые формы, а также выявить языковые процессы и тенденции развития диалектной грамматической системы.

2.2.1 Синхронный срез конца XVII–XVIII вв.: именные формы на начальном этапе формирования забайкальского русского речевого узуса *Ю.В. Биктимирова*

По мнению ряда лингвистов, все «морфологические изменения сводятся к процессам: 1) утраты морфологической категории или явления; 2) возникновению новых морфологических явлений или категорий и 3) переосмыслению существующих морфологических явлений, перестройке их с появлением нового значения» [Доколова, 1984, с. 32]. Все морфологические изменения проявляются возникновением новых форм, конкуренцией или сосуществованием вариантов. По мнению исследователя В.Н. Ярцевой, «на уровне морфологии формальное варьирование имеет место в тех случаях, когда при сохранении одного значения две различные формы могут чередоваться в одной и той же позиции. Тем самым подразумевается, что эти формы являются вариантами для одного из элементов парадигматического ряда, хотя условия их дистрибуции в пределах языка в целом могут быть различны...» [Ярцева, 1979, с. 10]. Не всегда конкуренция морфологических вариантов протекает в условиях функционального равенства: хотя такие случаи возможны, однако на определенных этапах различные чередования форм могут зависеть от стилистической маркированности, частотности воспроизведения, контекста, в данном случае, документа. Учёные, анализируя вариативность форм на уровне морфологии, приходят к выводу, что с течением времени немотивированное формальное варьирование может приобретать «функционально и стилистически обусловленные противопоставления отдельных форм» [Ярцева, 1979, с. 26], «при этом архаические формы, употреблённые в устойчивых формулах, воспринимаются как стилистически марки-

рованные, становятся принадлежностью (условно) высокого стиля» [Колесов, 2005, с. 279].

Взаимосвязь и взаимовлияние новых и старых форм, хронология возникновения и исчезновения вариантных форм рассматриваются в данном исследовании в соответствии с концепцией «языковая норма — узуальная норма» [Майоров, 2006]. Оппозиции вариантов форм представлены на переломном этапе выхода из парадигматической морфологической системы древнерусского языка и образования «нового» языка с другой морфологической системой.

Язык письменных памятников способен отражать особенности народно-разговорной речи. Историки языка обнаруживают особенно отчетливую восприимчивость языка деловой письменности к народно-разговорным формам грамматической системы.

В языке памятников письменности Восточного Забайкалья XVII–XVIII вв. наблюдается конкуренция вариантов родовых и падежных форм именных частей речи с сохранением церковнославянских рудиментов и появлением потенциальных форм, что является результатом общерусской тенденции переоформления морфологических парадигм частей речи.

1. Анализ **имён существительных** в языке исследуемых памятников выявил значительное количество вариантных форм.

Наблюдается вариантность родовых форм ряда имён существительных, которая отражается в колебаниях грамматической оформленности рода *разсомашко* — *разсомачишка*, *распон* — *распопа*, *Ивашка* — *Ивашко*, *мое домишко* — *мои домишка*, например: «...женишко мое втробенка Осипова на реке платышко мыла...» [РГАДА. Ф. 1142. Д. 12. Л. 2. 1678 г.].

2. Зафиксирована архаичная форма существительных звательного падежа: «И по указу великого Государя послать бы тебѣ, господице, из Нерчинска въ Албазинъ <...> служилых люде'...» [14, С. 77]; «...холоп ва^ш великии Гдрю Дани^нко Аршин^ской чело^м...» [СПбОИИ. Ф. 96. Стб. 2. 1669 г.]. А также употребление существительного в звательной форме падежа другого древнего склонения, например: «...и за то Гсдпри ево воро^вство...» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 508. Л. 192. 1656 г.]. Наблюдается процесс вытеснения форм звательного падежа новыми

звательными формами именительного падежа: «...говори^л в то время бра^тцы казаки не прода^те...» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 508. Л. 192. 1656 г.].

3. Материалы привлечённых документов фиксируют у существительных мужского рода формирующегося I склонения (нумерация академическая) конкуренцию флексий **-а (-я)** и **-у** в форме родительного падежа единственного числа. Обе флексии встречаются в одинаковых контекстах: *из указа — из указу; от Нерчинска — от Нерчинску; минувшаго года — минувшего году.*

4. Анализ падежных форм существительных II склонения выявил следующие факты: сохранение архаичных книжных форм и присутствие единичных случаев употребления флексий, которые можно отнести к диалектным особенностям живой речи, а также смешение форм твёрдой и мягкой основы родительного, дательного и местного падежей, что подтверждает принадлежность диалектной речи забайкальцев севернорусскому наречию (*с таможни — для выемке, с то' земли — из приказной избѣ*).

5. В ходе исследования зафиксирована неустойчивость форм множественного числа существительных, что свидетельствует о незавершившейся унификации падежной парадигмы множественного числа. Из трёх флексий существительных родительного падежа в форме множественного числа — (**нулевой, -ов (-ев)** и **-ей**) — конкурируют в большей мере **нулевая** флексия и флексия **-ов (-ев)**, например: «...на головахъ роскаты не токмо у рекрутъ но j работниковъ и подмастерье^в выбрывать...» [ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 4. Л. 47 об. 1738 г.]. Флексия **-ей** в исследуемый период конкурирует с двумя другими флексиями в меньшей мере.

6. Следует отметить консерватизм в употреблении форм дательного падежа множественного числа у существительных мужского рода I склонения: «...быть <...> казаком Jвану Епифанцову Филипу Новоселову <...> в дитя^x боярски^x...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 41 об. 1753 г.]. Памятники Восточного Забайкалья фиксируют конкуренцию флексий **-ом** (из склонения на ***-ѡ**) и **-ам** (из склонения на ***-ā**) — обе флексии сохраняют продуктивность, например: «...по разобраніи по годо^м мцамъ и числамъ не переплѣтены...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 699. 1753 г.].

Конкуренция архаичной флексии **-ы** и новой флексии **-ами** (**-ями**), наблюдается у существительных мужского рода в творительном падеже множественного числа, например: «...Григорю Ло^ншакову с товарищы...» [РГАДА. Ф. 214. Д. 23. Л. 62. 1684 г.] — «...затворы на петляхъ желѣзныхъ з баутами и засѡ^вцами...» [ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 7. Л. 111 об., 1743 г.].

Не завершён процесс унификации вариантных форм в местном падеже множественного числа. Вариативность флексий **-ѣх** (**-ех**) и **-ах** (**-ях**) подтверждается столкновением конкурирующих форм в рамках одного текста (*в домех* — *в домах*).

7. Анализ словоизменения **имён прилагательных** разных разрядов в памятниках письменности Восточного Забайкалья конца XVII — первой половины XVIII вв. так же, как и существительных, выявляет процесс становления словоизменительной парадигмы этой части речи. В отличие от существительных в употреблении вариантных падежных форм прилагательных отмечается более заметная стилистическая дифференциация: в шаблонных частях (начальном и конечном блоках), особенно в этикетных формулах, превалируют архаичные полные формы прилагательных с церковнославянскими флексиями.

Полные прилагательные в форме единственного числа мужского рода в именительном и винительном падежах (при неодушевлённых существительных) зафиксированы с флексиями **-ый** (**-ий**) и **-ой** (**-ей**). Их употребление в основном зависит от стилистических условий: окончание **-ый** имеет книжную окраску, **-ой** — просторечную или нейтральную. Строгая стилистическая дифференциация между вариантными флексиями отсутствует: тот и другой вариант употребляются в исследуемых памятниках как в шаблонных частях — начальном и конечном блоке, так и в блоке основного содержания: «...мл^срдѣ Гдрь Црь I великеі кнзь...» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 450. Л. 8. 1681–1683 гг.].

8. В памятниках Восточного Забайкалья у прилагательных зафиксирована древнерусская флексия женского рода единственного числа родительного падежа **-оѣ** // (**-еѣ**) «...подле острожноѣ стѣны плетен...» [РГАДА. Ф. 1142. Д. 26. Л. 49. 1683 г.]; а также флексия **-ие**: «...а в горнице вначалѣ в^бразѣ Каза^нскіе б^чцы...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 5. Л. 268. 1707 г.]. В местном падеже употребляется исконная флексия

-ои (-еи): «...то^рговые статьи пере^летены в че^рно^и коже...» [РГАДА. Ф. 214. Кн. 473. Л. 275. 1702 г.]. Наблюдается унификация форм твердой и мягкой разновидности по твердому варианту: «...в ночи на у^рен^{но} зорѣ...» [РГАДА. Ф. 1142. Д. 78. Л. 1. 1699 г.].

9. Из двух флексий прилагательных **женского рода творительного падежа** с флексией **-ой (-ей)**, возникшей в результате действия процесса аналогии с другими косвенными падежами, и старой флексией **-ою (-ею)** — продуктивна старая флексия: «...где благостию божи еи техъ пожарныхъ случаевъ ꙗ не было...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 208. 1752 г.]; «...и побѣжа^н с ту^нгу^скою³ Га^нкино^и дворовою дѣвкою...» [РГАДА. Ф. 1142. Д. 78. Л. 9. 1699 г.].

10. В памятниках Восточного Забайкалья зафиксировано активное употребление кратких прилагательных всех трёх разрядов (*река неглубока, ворворки сербьяны, кафтан Его^рковѣ*). Зафиксированы следы былой родовой дифференциации кратких прилагательных (*лѣвая рука с синю багровы*). У качественных прилагательных краткая форма не склоняется, сохраняет изменения по числам, в единственном числе по родам, употребляется в функции предиката.

11. Притяжательные прилагательные встречаются в языке памятников в полной форме — «...в отцо^вскомъ нашемъ дворѣ...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 5. Л. 116. 1707 г.] и краткой форме — «...наши пору^ччиковы головы въ его Дмитреевы головы мѣсто...» [РГАДА. Ф. 1142. Д. 2. Л. 10. 1670 г.]. У притяжательных прилагательных с суффиксами **-ов (-ев)** краткая форма склоняется, употребляется в атрибутивной функции. Также у качественных и относительных прилагательных в определенных падежных формах употребляются стяженные формы, они выполняют атрибутивную функцию. Стяженные формы являются диалектной чертой современных забайкальских говоров.

12. Анализ употребления числительных в памятниках деловой письменности Восточного Забайкалья конца XVII — первой половины XVIII вв. показывает, что имя числительное как часть речи находитя в стадии становления.

13. Активно используются архаические формы старославянских **числительных** (*двои, десятеры, дву*), наряду с этим появляются новые падежные формы, близкие современным (*двух, четырем*). Древ-

ние формы склонения проявляются в различных группах счетных слов (*дву, шти, пол третья*).

14. Изменение склонения счётных простых имён больше десяти представляет собой разрушение исконных словосочетаний, многочисленных переоформлений и в конечном итоге как результат — превращение их в одно слово (*сем сотъ — семсот, с тысячи семи сотъ семидесятъ*).

15. В ходе исследования отмечены следующие грамматические особенности порядковых числительных: наличие полной и краткой формы (*четверть — четвертый*) и склонение полных числительных по склонению полных прилагательных (*семово*).

16. Зафиксированы собирательные числительные, не имеющие аналогов в современном русском языке: *десятеры, дватцатеры, тритцатеры*. По своей форме они напоминают собирательные числительные севернорусских говоров — *четверы саней, пятеры суток*. В исследуемых памятниках они употребляются только с существительными, обозначающими парные предметы, или с существительными *pluralia tantum* в ряду количественных числительных с существительными множественного числа: «...да вно^в здѣлать малы^х ручны^х пять багровъ да пятери вилы...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 215. 1753 г.].

Анализируя употребление числительных в памятниках деловой письменности Восточного Забайкалья конца XVII — середины XVIII вв., можно сделать вывод, что специфика имени числительного в этот период проявляется в сосуществовании архаичных, переходных и новых форм. Наметилась тенденция к унификации падежных форм.

17. Анализ падежных форм **местоимений** в памятниках письменности Восточного Забайкалья конца XVII — первой половины XVIII вв. показал, что, как и другие именные части речи, местоимение находилось в стадии становления, так как наблюдается конкуренция архаичных церковнославянских, древнерусских и новых форм местоимений. Так, в этикетных выражениях конкурируют варианты личного местоимения 1-го лица единственного числа *аз, язъ, я*. Отмечаются архаичные формы местоимений *собе* и *тобе*, наряду с новыми формами *себе, тебе*. Личные местоимения 3-го лица чаще всего не замечают имена, а указывают на них (*аз пятидесятник Макар, мы холо-*

ни, он Ларка, она Оринка). Наблюдается конкуренция форм личного местоимения 3-го лица множественного числа *оне* — *они*. Формы местоимений *оне, тебе, собе* отражают севернорусскую диалектную черту первопоселенцев.

Исследуемые памятники Восточного Забайкалья фиксируют, с одной стороны, развитие и становление норм русского национально-го языка, развитие делового стиля русского литературного языка, с другой — отражают диалектные черты региона, возникшие на базе севернорусского наречия. Региональные особенности употребления именных частей речи в деловой письменности Восточного Забайкалья с конца XVII — первой половины XVIII вв. сводятся к более позднему становлению новых вариантов, по сравнению с данными памятников деловой письменности других регионов этого же периода, к некоторым стилистическим размежеваниям вариантов, что зависело от характера документа, жанра, назначения, уровня приказной выучки автора и заказчика, к отражению диалектных особенностей речи первопоселенцев. Вариативность и недифференцированность многих вариантов говорит о долгом процессе унификации форм в деловом узусе конца XVII — первой половины XVIII вв. Восточного Забайкалья. Стремление к архаике подтверждает гипотезу исследователей региональных памятников о норме, ориентированной на старые церковнославянские и древнерусские архаичные формы, как соответствующей стилистики делового документа в контексте удаленности от центра и в связи с отсутствием диктанта вертикали документооборота.

Локальные особенности употребления именных форм в деловой письменности Восточного Забайкалья конца XVII — первой половины XVIII вв. сводятся, во-первых, к более позднему становлению вариантов, по сравнению с данными этого же периода памятников деловой письменности Москвы, северных и южных территорий, а также некоторых сибирских [Котков, 1963; Копосов, 1971; Майоров, 2006; Инютина, 2009]; во-вторых, к некоторым стилистическим «размежеваниям» вариантов, что зависело от характера документа, жанра, назначения, уровня приказной выучки автора и заказчика; в-третьих, к наличию диалектных особенностей в речи первопоселенцев.

Все эти процессы усугублялись удаленностью Забайкалья, вследствие чего влияние языка Московского приказа мало отражалось на языке делопроизводства Нерчинской воеводской канцелярии и канцелярий острогов Восточного Забайкалья, поэтому авторам документов приходилось ориентироваться на старые образцы-прописи или церковные тексты.

Список литературы

1. Доколова О.М., Кандрашов Н.А., Копосов Л.Ф. Историческая грамматика русского языка. Историческая морфология: учебное пособие. М.: МОПИ, 1984. 79 с.
2. Колесов В.В. История русского языка: учебн. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. СПб.: филологический факультет СПбГУ. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 672 с.
3. Копосов Л.Ф. Вологодские говоры XVI–XVII вв. (по данным деловой письменности): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971. 21 с.
4. Котков С.И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии (фонетика и морфология). Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 235 с.
5. Инютина Т.С. Вариантность языковых средств в деловом письме Сибири XVII века: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2009. 197 с.
6. Майоров А.П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М.: Азбуковник, 2006. 263 с.
7. Ярцева В.Н. Проблема вариативности на морфологическом уровне языка // Семантическое и формальное варьирование. М.: Наука, 1979. С.7–27.

2.2.2. Синхронный срез 70-90-х годов XX в. — начала XXI в.: современные трансформации в морфологии забайкальского русского народно-речевого узуса

Т.Ю. Игнатович

При характеристике морфологических явлений учитываются парадигматика и синтагматика системы, её частеречная организация, рассматриваются подвижные элементы в формообразовании грам-

матических категорий, определяются отнесенность слова к части речи и особенности его изменения и употребления в речи. При выявлении морфологических различий в грамматических показателях форм определяется фонемный состав аффиксов. В исследовании раскрывается специфика морфологических оппозиций и их нейтрализации, учитывается связь лексического и грамматического ярусов языковой структуры и взаимодействие грамматических категорий, в частности категорий числа, рода, падежа у имен существительных, категорий вида и времени у глагола.

Диалектная форма, парадигма рассматриваются в сопоставлении с грамматическими соответствиями литературного языка и других диалектных систем. Последнее позволяет уточнить место забайкальского варианта русского языка в языковом пространстве российских регионов, в том числе и сибирской территории.

С целью выявления диахронических изменений в формообразовании по возможности осуществляется сопоставление данных современного забайкальского народно-речевого узуса первого десятилетия XXI в. с данными забайкальских памятников деловой письменности конца XVII–XVIII вв. (начало формирования забайкальских говоров) [Майоров, 2016; Биктимирова 2016] и с данными 70–90-х годов XX в. [Игнатович, 2013] Это позволяет определить среди реликтовых диалектных различий неустойчивые и относительно устойчивые формы, а также описать языковые процессы и тенденции развития диалектной морфологической системы.

Рассмотрение изменений в морфологической системе русского народно-речевого узуса севернорусского генезиса на территории Восточного Забайкалья базируется на презумпции их обусловленности действием законов развития языка. Законы системности, аналогии и экономии языковых средств вызывают процессы унификации как внутри частных парадигм, так и между парадигмами по горизонтали и вертикали противопоставленных членов. На горизонтальной оси парадигмы унификация направлена на единообразное оформление формы, выражающей одно грамматическое значение. Унификация по вертикали парадигмы проявляется в омонимии форм в русле действующей в русском языке тенденции к аналитизму. В любом идиоме,

как отмечают теоретики языка, на одном этапе развития действуют законы разновекторной направленности, которые позволяют языку сохранять относительную стабильность, системность и в то же время эволюционировать. Так, одновременно на морфологическую систему оказывают воздействие морфологическая аналогия, которая приводит к нейтрализации оппозиций и сокращению рядов парадигмы, и омонимическое отталкивание, которое направлено на формальную дифференциацию средств, выражающих разные падежные значения. В морфологических изменениях существенную роль играет и закон антиномии означаемого и означающего языкового знака, который вызывает стремление означаемого (семантики) получить новые средства выражения, а означающее (форма) стремится к выражению новой семантики; проявляет себя и закон антиномии узуса (диалектной нормы) и возможностей системы.

Забайкальские говоры как говоры вторичного образования унаследовали из материнских севернорусских говоров многие диалектные различия — рефлексы унификации и других языковых процессов, действующих в диалектной морфологической системе материнской основы. Но забайкальские говоры — живые языковые системы, в них проявляются и внутренние закономерности развития. Внешнее воздействие, в частности других разновидностей русского национального языка (литературного языка, просторечия, соседствующих среднерусских говоров), посредством формальной аналогии также обуславливает изменения в морфологии идиомов. Среди реликтовых диалектных различий выявляются относительно устойчивые, которые поддерживаются действием законов развития русского языка, и неустойчивые, которые вступают в противоречие с внутренними закономерностями современного развития забайкальских говоров и утрачиваются. Утрате, современной унификации подвергаются слабые звенья морфологической системы говоров, которые обычно асимметричны и нарушают языковой закон системности.

Морфологическая система при совпадении в рассматриваемых забайкальских говорах грамматических категорий с соответствующими категориями общерусской системы языка имеет некоторые различия

в распределении слов по грамматическим разрядам в классифицирующих категориях, в составе грамматических форм и средствах выражения грамматических значений в словоизменительных категориях.

Подвижные элементы в морфологии имени существительного

Распределение существительных на **одушевлённые / неодушевлённые**, в основном, совпадает с литературным языком. Архаическая севернорусская форма В. п., омонимичная форме Им. п., у названий животных (*дайте эти ко́ни, купаешь о́фцы, барáны таши́ыл*), которая встречалась в забайкальском узусе конца XVII–XVIII вв., в современной народно-разговорной речи является неустойчивой, утрачивающейся диалектной чертой. Отмечаются случаи колебания и употребления слов с собирательным значением совокупности животных с грамматическими показателями одушевленных существительных (*живата́ пас, скота́ выгонишь*).

В **родовой системе** в истории и современном состоянии забайкальского народно-речевого узуса границы между родовыми разрядами являются подвижными, что проявляется в вариантности родовой оформленности существительных. В прошлом шире было представлено колебание в родовой оформленности у одушевлённых существительных, активнее наблюдалось оформление квалитативов по ср. р. (*женишко мое Огрофенка Осипова*) [Биктимирова, 2016, с. 42]. Современному забайкальскому народно-речевому узусу присуще употребление квалитативов в рамках разряда производящего слова, встречаются случаи употребления квалитативов, образованных от существительных ср. р., с согласованием по м. р. или ж. р. (*зимавьюшка была, малач'ишка свой*).

Разряд среднего рода в рамках общей закономерности развития русского языка характеризуется особенной неустойчивостью. Встречаются случаи перехода существительных ср. р. > ж. р. с грамматическими показателями ж. р. (*кака́ учё́нныя, кака́ паве́рья*), перехода существительных ср. р. > м. р. с сохранением ударного или безударного окончания -о (*молочко́ этот го́рький, живо́й существво́, дуи́стый был мя́со*). Малое количество таких случаев не позволяет говорить о разрушении категории среднего рода в забайкальских говорах. Родовая вариантность может наблюдаться у существительных других

родов: м. р. > ж. р. (*карто́феля нынче плоха́*), ж. р. > м. р. (*никакой па-
стель не стлали, чуть мышá не задавил*).

Особенности образования и употребления форм числа. Категория числа представлена общерусской корреляцией ед. ч. / мн. ч. В народно-разговорной речи наблюдается вариантность образования форм Им. мн. ч. (*стакáн — стака́нья, стака́ння; зяты́я — зятевьá; дома́, ребята́ — до́мы, ребята́*). Формы на -я (*стакáнья, волос́ья*), унаследованные из материнских севернорусских говоров, были распространены в забайкальском узусе конца XVII–XVIII вв., и они активно употребляются в речи сельских жителей всех возрастных групп в настоящее время, то есть остаются устойчивой диалектной чертой.

У существительных *singularia tantum*, относящихся к разрядам собирательных, вещественных и отвлечённых, шире, чем в литературном языке, встречаются случаи употребления форм мн. ч. (*голо́дны фсе живати́ны, морока́, картошки, морко́шки*). В этом случае формы мн. ч. приобретают дополнительные значения. Встречается употребление существительных *pluralia tantum* в форме ед. ч. (*себе хлопоту наделала, сли́вок был*). В употреблении форм числа наблюдаются явления транспозиции (форма ед. ч. в значении мн. ч.), которые проявляются в рамках общерусского процесса переносного употребления форм, обусловленного действием языкового закона антиномии знака.

В говорах встречаются разные словообразовательные типы собирательных существительных, особенно активна группа с суффиксом -j(o) (*волосё, дивьё, корьё, молодежьё*). Согласование по смыслу существительных с собирательным значением (*нарот идут, скот дале ушли, молодежь хохочут*) обусловлено их семантикой множественности, в этом случае в диалектах в формальном выражении определяющим является семантический фактор.

В забайкальском русском народно-разговорном узусе севернорусского генезиса в ед. ч. представлено три регулярных типа склонения имён существительных. Они сохраняют ряд реликтовых рефлексов унификации, унаследованных из говоров севернорусской материнской основы, и взаимодействуют в русле современных языковых процессов унификации и формального сокращения парадигм. Вы-

равнивание системы формообразования имён существительных наблюдается как между типами склонения, так и внутри типов.

Диалектные различия наблюдаются в **подвижных звеньях** падежных парадигм.

Тип склонения имён существительных м. р. и ср. р. — 1 скл. (нумерация типов склонения по «Русской грамматике» 1980 г.) в исследуемых забайкальских говорах сохраняет свою продуктивность, втягивая в свою словоизменительную систему существительные слабых словоизменительных классов (разносклоняемое существительное *путь*, существительные ср. р. на -мя, несклоняемые существительные). Формоизменение севернорусского генезиса по 1-му скл. существительных м. р. с суф. -ушк-, -ишк- (*парни́шка бросили, з деду́шком живём*) наблюдалось в забайкальском узусе начала формирования исследуемых говоров. В современных идиомах при окончании -а ([ть]) в Им. п. (*де́душка, парни́шка*), поддерживаемом акающим произношением, материнская парадигма встречается наряду с общерусской парадигмой 2 скл. (*с парни́шкой, у деду́шки*) только в речи диалектоносителей преклонного возраста. В речи молодого поколения сельских жителей по аналогии с общерусским языковым стандартом наблюдается формоизменение по 2 скл. Данная архаическая черта является неустойчивым диалектным различием. Утрачивается и у существительных *день, рубль* архаичная форма Р.п. ед. ч. с окончанием -и (*третьёва днѣ, два рублѣ*).

В истории и современном состоянии забайкальского русского народно-речевого узуса у существительных м. р. сохраняется конкуренция вариантов флексий — в Р. п. -а и -у, в П. п. -е (-и) и -у. Окончание -у повсеместно в речи диалектоносителей всех возрастных групп имеет более широкое, чем в литературном языке, употребление (Р. п. *хворосту творят, после обеда, из магази́ну, с Арахле́ю вернулись*; П. п. *на моём двору́, в клубу́ работат, в Кита́ю был*), встречается употребление с этой флексией в Р. п. существительных ср. р. с ударением на основе (*без са́лу, из мя́су*). Данные диалектные различия являются устойчивыми.

Омонимия Р. п., Д. п. и П. п. ед. ч. существительных м. р. с общим окончанием -у (-ю) позволяет сделать вывод о том, что в парадигме

ед. ч. существительных м. р. наблюдается нейтрализация Р. п., Д. п. и П. п. В том, что данная нейтрализация встречается лишь у существительных неодушевлённых, можно усмотреть проявление тенденции к усилению оппозиций одушевлённость / неодушевлённость, м. р. / ср. р. / ж. р.

Тип склонения существительных ж. р., м. р., общего рода с окончанием -а ([а], [ъ], [‘а]) в Им. п. ед. ч. (2 скл.) также является продуктивным. Его словарный состав расширен за счет существительных из непродуктивного женского 3 скл. (*дóча, постéля, цéрква, свекрóва*), существительных, в литературном языке относящихся к ср. р. (*бери яблочку, просу сеили*), м. р. 1 скл. (*у миня карабiна была*). В системе склонения при превалировании наддиалектных падежных форм наблюдается нерегулярная вариантность архаических диалектных форм. Так, встречаются остаточные следы существования в прошлом 3в. п. в виде редкого употребления в функции обращения форм с окончанием -о (*Сéрь[з’о], ацанись*). В истории забайкальского узуса, по данным памятников письменности, наблюдались результаты процесса унификации твёрдой и мягкой разновидностей склонения на *-ā по мягкой разновидности на горизонтали парадигмы. В прошлом влияние мягкой разновидности на твёрдую было более выраженным, так как затрагивало ударную позицию (*из избѣ*) [Биктимирова, 2012, с. 76], в настоящее время редкие следы унификации встречаются в безударном окончании, под влиянием иканья рефлексированном в -[и] (*нет мами, той баби, биз работи*).

Обнаруживается архаическое совпадение форм Р. — Д. — П. пп. по форме Р. п. (*Д. п к висны́, к сестры́, к ногы́, П. п. на вайны́, на рикы́, к ногы́*), имеющее северо-западное происхождение. Но в настоящее время в парадигме ед. ч. нейтрализация оппозиций Р. — Д. — П. пп. с употреблением в качестве общей формы Р. п. приостановлена, данная диалектная черта является утрачивающейся.

Наблюдается неустойчивость **непродуктивного типа склонения существительных ж. р.** (3 скл.). Тенденция к объединению 3-го скл. со 2-ым скл. сохраняется, но вытеснение архаичных форм Д. и П. пп. типа *по грязе́, в грязе́* с ударным окончанием -é общерусскими формами *по грязи́, в грязи́* с ударным окончанием -и́ поддерживает оппо-

зиции Д. и П. пп. этих двух типов склонения: ср.: *по землѣ* — *по грязи*, *в землѣ* — *в грязи*.

Архаическая форма, унаследованная из материнских севернорусских говоров, по данным памятников письменности, встречалась в забайкальском узусе в конце XVII — первой половине XVIII вв. 30 лет назад она наблюдалась у существительных, которые в литературном языке относятся к словам с постоянным ударением на основе (*в солѣ, в частѣ, в памяти*). В настоящее время встречается нерегулярно в речи диалектоносителей старшего поколения, то есть является неустойчивым диалектным различием. Аналогия с формами литературного языка нивелирует эту архаическую диалектную особенность.

Существительное *мать* повсеместно имеет систему падежных флексий 3 скл. В ряде говоров в речи диалектоносителей старшего поколения зафиксированы нерегулярные случаи употребления форм Им. п. и В. п. с наращением *-ер-* (*мáтьер де твая, видел мáтьер*), которые были унаследованы из материнских севернорусских говоров. В настоящее время в забайкальской русской народно-разговорной речи эта диалектная черта является неустойчивой, утрачивающейся. Существительное *дочь* имеет варианты падежных парадигмы 3-го и 2-го скл. Пришедшая из материнских севернорусских говоров падежная парадигма варианта *дóча* встречается повсеместно в речи разных возрастных групп, то есть остается относительно устойчивой диалектной особенностью.

Существительные в вариантах *цѣрковь / цѣрка* и *свекрѡвь / свекрѡва* утрачивают вариантность падежных парадигм 3 скл. и 2 скл. Формы парадигмы 2 скл., унаследованной из материнских севернорусских говоров, sporadически встречаются в речи диалектоносителей старшего поколения, что позволяет отнести данную диалектную черту к неустойчивым морфологическим явлениям.

Употребление форм косвенных падежей имён существительных ср. р. на *-мя* без наращенного *-ен-* остается активным (*у имя, без имя, по имю, ко вре́мю, не обзовут никаким имем, с сѣмем ва рту, в сѣми вѡдица, балячки на вѣме*). Будучи привнесенным из говоров материнской основы, данное диалектное явление поддерживается внутрисистемными языковыми законами экономии языковых усилий и аналогии,

которые проявляются в выравнивании падежных основ, поэтому такое употребление остаётся устойчивой диалектной чертой. Под влиянием более продуктивного грамматического класса м. р. существительное *имя* в Им. и В. п. ед. ч. может быть употреблено в форме на -ей (*имей есь, имей дашь*). Однако употребление форм косвенных падежей с основой на -ей не наблюдается.

В **субстантивной парадигме множественного числа** наблюдается конкуренция вариантных окончаний при сохранении тенденции к выработке основного варианта, например, на горизонтальной оси парадигмы в Им. п. — окончания -а, в Р.п. — окончания -ов. Активное функционирование этих вариантов поддерживается законом аналогии на горизонтальной оси парадигмы.

В Им. п. конкурируют окончание -ы /и/ (*внучáты, ребя́ты, калака́лы, кáины, ко́льцы, дочери́*) — окончание -а /я/ (*внучáта, ребя́та, колоко́ла, знахаря́, ко́льца, дочеря́*), получившее в последнее время особенно активное распространение (*долга́, груза́, мазга́, знахаря́, механизма́*). Продуктивность в разговорной узусе русского языка, в том числе в говорах, флексии -а в кругу существительных м. р. отражает, с одной стороны, общерусский процесс специализации парадигмы мн. ч., а с другой — тенденцию к нейтрализации противопоставления м. р. / ср. р. [Долгушев 1985, с. 7]. В целом а-экспансия в парадигме мн. ч., и в частности в Им. п., является общерусским языковым процессом.

В забайкальской русской народно-разговорной речи среди сохранившихся архаичных черт, привнесённых из говоров севернорусского наречия или западных среднерусских окающих говоров, выявлены менее устойчивые: окончание -ы у существительных м. р. (*внучáты, крестьяны́, до́мы, гла́зы*) и ср. р. (*о́кны, боло́ты*), окончание -а у существительных ж. р. (*матеря́, дочеря́*), словоформы на -овј- с окончанием -а (*сватовья́, зятевья́*), которые отмечаются в речи диалектоносителей старшего поколения и не встречаются в речи сельской молодёжи. Относительно устойчивым вариантным окончанием является -а у существительных м. р. (*стакáнья, воло́сья*).

В Р. п. мн. ч. из вариантных окончаний -ов (-ев) (*у гла́зов, колокольцо́в, зме́ев, грузде́в, радите́леф*), нулевого (*жумбу́р лавил, для бара́н садили*) и -ей (*бра́тей, сту́лей, братове́й*) наибольшую активность

повсеместно в речи диалектоносителей всех возрастных групп проявляет флексия -ов (-ев), встречаясь не только у существительных м. р., но и распространяясь на существительные ср. р. (*блю́дов, пять кальцо́в, зимовье́в*) и ж. р. (*из ного́в, фами́лев, меда́лев*). При конкуренции флексии -ов с нулевым окончанием, употребление -ов остаётся достаточно устойчивым диалектным различием. Законы аналогии на горизонтальной оси парадигмы и омонимического отталкивания на вертикальной оси парадигмы поддерживают активное функционирование этого варианта. Параллельное существование нулевого окончания обеспечивается действием закона аналогии и унификации по вертикали парадигмы в рамках действующих в русском языке тенденции к аналитизму и закона экономии языковых средств.

В исследуемых забайкальских говорах при доминировании общерусских форм наблюдаются архаические рефлексы нейтрализации оппозиций на вертикальной оси падежной парадигмы мн. ч., а именно Р. п. : П. п., Д. п. : Т. п., привнесенные из материнских севернорусских говоров. В настоящее время рефлексы нейтрализации оппозиции Р. п. : П. п. — ударное окончание -о́х в форме Р. п. мн. ч. (*без зубо́х, стари́ко́х нет*), окончание -а́ф в П. п. мн. ч. (*в до́ма́ф, на ко́ня́ф, на лошадя́ф, на рука́ф*) являются неустойчивыми, практически утратившимися диалектными чертами, так как крайне редко встречаются в речи диалектоносителей преклонного возраста, в речи молодого поколения не фиксируется. Безударные рефлексы -[ах], -[тх], -[ьх], в Р. п. мн. ч. (*ва́нах не было, у наших ко́нях, радостех было*) и -[ъф], -[аф] в П. п. мн. ч. (*ла́мпаф не было*) поддерживаются общерусским процессом унификации падежных форм Р. п. и П. п. в П. п. мн. ч. [Гловинская, 2008, с. 245].

Наблюдается неустойчивость и процесс утраты следов севернорусской материнской нейтрализации оппозиций Д. п. : Тв. п. по форме Д. п. мн. ч. с окончанием -ам (Д. п. *риба́там шили, гаварите стари́кам* — Тв. п. *рука́м делали, с лю́дя́м жить*) или по форме Тв. п. мн. ч. с окончанием -ами (*сидят по жа́лабам*). Утрата этого диалектного различия происходит под влиянием общерусской морфологической системы, главным образом, литературного языка, в которой оппозиция Д. п. : Тв. п. четко выражена с помощью окончаний, а также дей-

ствующими внутри диалектной системы закономерностями, в частности проявлением омонимического отталкивания, стремлением к формальной дифференциации средств, выражающих разные падежные значения. В настоящее время архаические формы Тв. п. мн. ч. с окончаниями -ам (*рука́м делали*), -ама (*жали рука́ма*), -амя (*лавили удачка́мя*) встречаются в речи диалектоносителей преклонного возраста, являются неустойчивой, утрачивающейся диалектной чертой.

В системе склонения имён прилагательных, местоимений-прилагательных, порядковых числительных наблюдается вариантность флексий отдельных падежных форм, которая вызвана проявлением разных типов безударного вокализма, сохранением реликтовых окончаний и употреблением приобретённых окончаний.

Среди архаичных забайкальских диалектных форм, унаследованных из материнских говоров, отмечаются неустойчивые диалектные особенности — практически утраченные забайкальскими говорами синкретичные формы Р. п. и П. п. мн. ч. с окончаниями -ыф,-иф (*от молоды́ф, в бёлыф*) или находящаяся в стадии утрачивания синкретичная форма Тв. п. с Д. п. с окончанием -ым (-им) (*с большим рука́м*).

Относительно устойчивой реликтовой чертой является форма П. п. ед. ч. склонения имён прилагательных и местоимений с окончанием -ым (-им) (*в ста́рым доме, Не́рчинским райо́не, в э́том доме, в ка́ким-то лесу*). Эта форма представляет собой севернорусский рефлекс унификации с формой Тв. п. Её устойчивость, вероятно, поддерживается общеязыковым процессом унификации падежных форм по вертикали парадигмы. Широко и активно в ед. ч. Им., В. пп. ж. р. и ср. р., во мн. ч. Им. п. и В. п. (при согласовании с неодушевлёнными существительными) употребляются формы имен прилагательных, местоимений-прилагательных, порядковых числительных, утратившие интервокальный [j], пережившие ассимиляцию и стяжение гласных. Данная диалектная черта является устойчивой в употреблении.

В образовании **форм сравнительной степени** наблюдается некоторое перераспределение общерусских суффиксов между основами: суффиксы -ее, -ей, -ше сужают сферу употребления суффикса -е. Кроме того, широкое распространение имеют стяженные формы сравнительной степени на -е (*типлé, крупнё*), которые являются устой-

чивой диалектной чертой. Употребляющиеся спорадически в речи диалектоносителей пожилого возраста формы на -еиче, -еичи (*ско-ре́ича, веселéича*) и -че, -чи (*тёпче, ра́ньчи*) относятся к неустойчивым диалектным различиям.

В **морфологии местоимений** прослеживается вариантность общерусских и диалектных форм, последние являются архаичными и унаследованными из материнских севернорусских говоров. Сохранность диалектных форм в исследуемых говорах различна.

Наряду с общерусскими вариантами падежных форм **личных местоимений** повсеместно все возрастные группы сельских жителей употребляют падежные формы местоимений 3 л. с корневым [j] после предлогов (*с ево́, к ему́, у её*), унифицированную форму Тв. п. и П. п. ед. ч. по форме П. п. в сочетании с предлогами *с ём, в ём*, форму Им. п. местоимения 3 л. мн. ч. *о́не*. Данные диалектные варианты остаются относительно устойчивыми различиями.

В Д. п. и Тв. п. мн. ч. в речи диалектоносителей старшего возраста преобладает диалектная унифицированная форма *имя́*, в речи молодого поколения наблюдается вариантность — в Д. п. мн. ч. *им / имя́*, и в Тв. п. мн. ч. *ими́ / имя́*, при достаточно регулярном употреблении формы *имя́* — этой диалектной черте также присуща относительная устойчивость. Неустойчивыми диалектными различиями являются встречающиеся в речи диалектоносителей преклонного возраста нерегулярно и вариантно с доминирующими общерусскими формами энклитические формы личных местоимений 1 л., 2 л. ед. ч. Р. п. — В. п. *мя, ты* и Д. п. *те*, формы Р. п. — Д. п. — П. п. *мене́, мине́, тебе́, тибé*. При этом в речи молодого поколения употребляются общерусские варианты.

Состав **притяжательных местоимений** в забайкальских говорах за счёт образований от местоимений 3-го л. суффиксальных местоимений-прилагательных шире, чем в литературном языке. При конкуренции общерусских падежных форм и диалектных форм у притяжательных местоимений 1-го, 2-го л. и местоимения с возвратным значением доминирует диалектная парадигма, имеющая диалектные флексии и акцентуацию, в частности в формах косвенных падежей ед. ч. м. р, ср. р. и ж. р. (*моёва, твоёва, своёва, к моёму к твоёму, сво-*

ёму). Функционально более активны склоняемые формы местоимений 3-го л. при их употреблении с притяжательным значением (*íха дочь, на ко́не на иво́м, на íху террито́рию*).

Разряд **указательных местоимений** по сравнению с разрядом литературного языка включает больше разного рода вариантов, производных образований (*э́вот / э́вот, э́кий / э́кий / э́кой, э́канький, э́кочкий, та́конький* и др.). Местоимение *тот* в форме В. п. ед. ч. ж. р., наряду с вариантом *ту*, в речи диалектоносителей преклонного возраста встречается в вариантах *туё* (*вали́ ф туё, в яму*), *тую́* (*тую́ старуху*), которые являются утрачивающейся диалектной особенностью.

В разряде **вопросительно-относительных местоимений** отличия наблюдаются в повсеместном и активном употреблении в речи сельских жителей всех возрастных групп севернорусского и общесибирского унифицированного местоимения *кто* вместо местоимения *что* в форме Р. п. и В. п. (*каво́ пишете? ково́ зделал с ногой?*), в П. п. (*в ком же я ходила?*), что стало возможным из-за способности местоимений, например 3 л., нейтрализовать оппозицию одушевлённости / неодушевлённости и одним языковым знаком выражать оба значения: *он* (*человек, камень*).

В Тв. п. у местоимения *кто* употребляются вариантно словоформы *с кем* (*с кем приехали?*) и унифицированная по форме П. п. *с ком* (*с ком пришла?*). Широко представлена произносительная вариантность *кто* — *хто*, *ковó* — *коó*, при варианте *што* доминирует общесибирский вариант *чё* (*чо*). Местоимение *сколько* имеет варианты *ско́лько* — *скуль* — *ско́ля*. В употреблении, в формально-структурной оформленности неопределённые и отрицательные местоимения в исследуемых забайкальских говорах имеют те же особенности, что и местоимения, от которых они образованы.

В диалектной парадигме склонения местоимений наблюдаются унифицированные формы Тв. и П. пп. по Тв. п. (*ф та́ким дваре, ф ка́ким гаду?*) или П. п. (*за ком приехал*). Обе модели проявляют нейтрализацию оппозиции Тв. п.: П. п. по вертикали падежной парадигмы.

Сопоставление диалектного материала забайкальских говоров севернорусского генезиса с другими говорами Сибири, и в частности с

говорами соседних с Забайкальским краем территорий, выявляет в морфологии местоимений диалектные различия, имеющие общесибирское распространение.

В диалектной **морфологии имён числительных** в падежных парадигмах количественных числительных проявляется общерусский процесс унификации по вертикали парадигмы и диалектный процесс унификации между разными типами склонения (*шестимя́ орденами*) по горизонтали. Неустойчивым диалектным различием является употребление у числительного *один* реликтовых диалектных форм с формантом -е- (*одне́, одне́х, одне́м*), *однуё*. Более употребителен в сравнении с литературным языком разряд собирательных числительных, однако употребление архаичных форм (*четвёрры*) — утрачивающееся диалектное различие.

Морфология глагола русского народно-речевого узуса севернорусского происхождения Восточного Забайкалья содержит яркие особенности в формообразовании, в большей вариантности форм общерусского и материнского севернорусского происхождения.

Диалектная инфинитивная форма *ись* употребляется повсеместно в речи диалектоносителей всех возрастных групп, поэтому остаётся относительно устойчивым диалектным различием. Формы *плёсть, взясти, итить, некчи, некти* употребляются нерегулярно, и только в речи диалектоносителей старшего поколения, поэтому являются неустойчивыми диалектными чертами.

В **системе личных форм глагола**, наряду с общерусскими формами, представлены диалектные стяженные формы с утратой интервокального [j] (*знашь, уме́т, де́лам*), формы с выравненной глагольной основой по основе на задненёбный согласный (*некёшь, текёт, стри́гём, не бере́гётся*) и по основам на зубной согласный (*свистю́, бро́сю, сидю́*). Эти диалектные формы употребляются повсеместно в речи диалектоносителей всех возрастных групп, поэтому остаются устойчивыми диалектными различиями.

Зафиксированные в речи диалектоносителей старшего поколения редкие случаи употребления архаичной **формы прошедшего времени** — плюсквамперфекта (*дамнось Яшка-то гаварил был; тут паром прямо*

нас был, здесь был ходил), унаследованной из говоров Северного наречия, позволяют рассматривать её как неустойчивую диалектную черту.

Для забайкальского народно-речевого узуса характерна вариантность **форм повелительного наклонения**. Сфера образования форм с нулевым суффиксом шире, чем в литературном языке; при этом нулевой суффикс встречается как у приставочных глаголов (*ни украдь*), так и у бесприставочных (*красть*, то есть *бей крапивою*).

Видовые формы глаголов образуются по общерусским моделям. Отличия наблюдаются в продуктивности ряда моделей, в замене аффиксов. В образовании видовых форм активно проявляет себя морфологическая аналогия. Так, модель с суфф. -ва- в основе инфинитива и с его утратой в основе настоящего времени, которая охватывает в литературном языке небольшую группу глаголов несоверш. вида, в забайкальской народно-разговорной речи расширяет состав глаголов (*поливáть* — *полиём*, *надевáть* — *надеёт*). В образовании глаголов несоверш. вида активно используется чередование ударных гласных [о] // [а]: в корне в формах с суффиксами -ива, -ыва (*припáмниваю*) и в суффиксах -овыва, -ёыва- (*откачáвывать*, *отвояывавать*). Встречается взаимная мена суффиксов -ова / -ыва (*не видовала* — *комáндывал*), замена суффиксов -ива- > -а (*пратáпляла*), -и- > -а- (*схватáл*), -ну- > -и- (*стрéлить*). Данные диалектные особенности характерны для различных диалектных систем.

Наряду с общерусскими формами возвратных глаголов, встречаются разнообразные **диалектные модификации возвратного постфикса** (-сь > -с; -сь > -са; -ся > -са и -си), распространена в возвратных формах мена постфиксов -сь и -ся. Забайкальские диалектные различия у возвратных глаголов имеют соответствия с диалектными различиями севернорусских говоров и среднерусских говоров.

Причастия и деепричастия в народно-речевом узусе не имеют широкого употребления. Диалектные различия наблюдаются в формах страдательных причастий прошедшего времени при мене суффиксов -нн- и -т- (*поломáтый* — *выдирнный*), их употребление поддерживается общенародным просторечием. Функционируют диалектные формы деепричастий с суфф. -в, -вши, -мши (*не ёв*, *не спáвши*, *не ёмши*), и нерегулярно употребляются деепричастия в функции

сказуемого (*мы привы́кли, партиза́ны бы́ли сабира́фши*), последняя диалектная черта является неустойчивой.

Утрате, современной унификации подвергаются слабые диалектные звенья морфологической системы забайкальского народно-речевого узуса, которые обычно ассиметричны и нарушают языковой закон системности.

Активная динамика утраты неустойчивых диалектных различий на протяжении последних 50 лет в забайкальских идиомах имеет разную степень интенсивности, обусловленную уже не внутрисистемными тенденциями развития, а внешними факторами воздействия на систему регионального варианта русского языка. Неустойчивые диалектные черты, нерегулярные в употреблении, встречаются в забайкальском русском народно-речевом узусе диалектоносителей старшего поколения.

Относительно устойчивые регионализмы в настоящее время остаются регулярными, функционируют повсеместно в речи всех возрастных групп сельских жителей. Взаимодействуя с другими сегментами, которые приходят в результате интеграционных процессов, они формируют на территории Восточного Забайкалья забайкальский региолект.

Список литературы

1. Биктимирова Ю.В. Морфология памятников деловой письменности Восточного Забайкалья конца XVII–XVIII в.: именные формы. Чита: ЗабГУ, 2016. 165 с.

2. Гловинская М.Я. Активные процессы в грамматике // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 187–267

3. Долгушев В.Г. Динамика развития падежной системы русского языка (на материале вятских говоров): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / В.Г. Долгушев. М.: Изд-во МГПИ, 1985. 16 с.

4. Игнатович Т.Ю. Восточнозабайкальские говоры севернорусского происхождения в истории и современном состоянии (на матери-

але фонетики и морфологии): монография / Т.Ю. Игнатович; Забайкал. гос. ун-т. М.: ФЛИНТА : Наука, 2013. 312 с.

5. Майоров А. П. Региональный узус деловой письменности XVIII века (по памятникам Забайкалья): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / А.П. Майоров. М, 2006. 471 с.

2.3. Формирование забайкальского региолекта

Т.Ю. Игнатович

Формирование русских говоров Восточного Забайкалья началось со второй половины XVII века с приходом на территорию Забайкалья первых русских поселенцев, поэтому они сложились сравнительно поздно. В языковом отношении забайкальские русские говоры не представляют собой однородного образования, так как имеют различия в материнской основе и в ходе развития подвергались междиалектному и иноязычному влиянию: в центральных районах бытуют говоры севернорусского происхождения, на юго-западе региона находится ареал семейских говоров южнорусского происхождения, здесь же встречаются говоры с севернорусской материнской основой, повсеместно распространены смешанные переходные говоры.

Яркий региональный колорит русские говоры Забайкалья приобрели в результате воздействия языков коренных жителей, это нашло заметное отражение на лексическом уровне в виде заимствований из бурятского и эвенкийского языков, однако в настоящее время происходит процесс утраты части заимствований из автохтонных языков в связи с утратой реалий, которые они обозначали, или заменой их общерусскими синонимами, а также в связи с общим процессом ослабления локального межъязыкового влияния.

Глобализация как мировое явление не обходит стороной традиционную малую форму языка. Территориальные диалекты в современных условиях находятся в русле ряда разновекторных интеграционных процессов.

Наблюдающиеся в частных диалектных системах изменения свидетельствуют об их сближении, трансформации, нивелирования различительных и выработке ряда общих локальных черт.

В настоящее время в русской народно-разговорной речи на территории Восточного Забайкалья системные диалектные особенности находятся в процессе утрачивания, даже в речи сельских жителей преклонного возраста широко распространена вариантность в употреблении диалектных, литературных, просторечных языковых средств.

В забайкальском русском народно-речевом узусе на современном этапе наблюдаются следующие интеграционные процессы: нивелирование диалектных особенностей под воздействием литературного русского языка; воздействие просторечия; инодиалектное влияние; процесс интеграции говоров севернорусского генезиса и говоров семейских южнорусского генезиса.

Обе группы диалектов разных материнских основ испытывали и испытывают влияние литературного языка. Под влиянием литературного языка в русских говорах Восточного Забайкалья развивается вариантность явлений диалектной и литературной нормы. Более активному изменению под влиянием литературного языка подвержена лексика диалектов. В области фонетики и морфологии нивелирование диалектных черт происходит медленнее. В русских идиомах севернорусского происхождения при практически повсеместно развившемся переходе от оканья к аканью, еканья к иканью даже в речи диалектоносителей преклонного возраста наблюдается сосуществование разных типов вокализма, в речи молодого поколения преобладает аканье и иканье.

В консонантизме отвердевают мягкие шипящие, смягчаются [ч] и долгий глухой шипящий [ш:]. Только в речи деревенских жителей преклонного возраста можно услышать: *сяла, опеть, мечик, говорели, мнук, дамно, деремня*. Однако на народно-речевой узус данного региона литературный язык оказывает влияние с разной степенью интенсивности, что проявляется в протекании одних и тех же изменений на разных стадиях (например, процесс отверждения шипящих).

В говорах южнорусского происхождения под влиянием литературного языка диссимилятивное аканье сменяется недиссимилятивным, яканье в речи старшего поколения сосуществует с иканьем, молодежь практически использует только икающий тип вокализма; наряду с с ффрикативным звонким задненёбным [γ] встречается взрывной со-

гласный [г], на конце слова возможно произношение [x] (*сне[x]*) и [к] (*сне[к]*).

Ослабление в последние десятилетия влияния литературного языка на говоры небольших сельских поселений в силу социально-экономических причин происходит на фоне сближения территориальных диалектов с общенародным просторечием.

Территориальные диалекты и просторечие сближает ряд общих оснований: сфера обиходно-разговорного общения, определённая свобода реализации языковых единиц (нет кодифицированных норм), упрощённая речевая коммуникация, большая экспрессивность, оценочность. Отличие просторечия от территориальных диалектов в отсутствии локальной ограниченности функционирования просторечия, в его общерусском, преимущественно наддиалектном характере. И хотя, как отмечают исследователи, просторечие представлено на всех языковых уровнях, особенно ярко в лексике, заметных системных фонетических отличий в просторечии нет (типов вокализма, подвижных элементов консонантизма). Следует учитывать, что само просторечие возникло на базе территориальных диалектов.

Общезыковые системные закономерности, на наш взгляд, обуславливают параллельные языковые процессы в диалектах и просторечии, возможны общие результаты, которые сложно дифференцировать на диалектные и просторечные на фоне интеграционных процессов, происходящих в говорах в наши дни. Сложно решить, является ли нелитературный сегмент диалектным, унаследованным из материнского говора, или развившимся под действием внутриязыковых процессов, или проник в устную коммуникацию из общерусского просторечия. Но, если диалектное явление совпадает с просторечным, поддерживается просторечием, то оно отличается устойчивостью употребления в речи сельских жителей. Сопоставительный анализ свидетельствует об общих фонетических и морфологических чертах в современном просторечии и исследуемых забайкальских.

В.Н. Шапошников в общерусском просторечии выявляет движение языковых черт — архаизацию и уход некоторых сегментов из употребления [3 с. 12–26, 65–74].

В забайкальских диалектах ряд черт, общих с просторечием, находится в лучшей сохранности [Игнатович, 2013, с. 261–265].

Один из факторов, отражающих специфику региона, является инодиалектное влияние. В ходе развития забайкальские русские старожильческие говоры подвергались влиянию акающих среднерусских говоров более поздних переселенцев. Влияние говоров семейских южнорусского происхождения, встречающихся на юго-западной территории Восточного Забайкалья, на исследуемые говоры севернорусского происхождения, которые находятся в центральной части края, отсутствует. Говоры семейских испытывают влияние соседствующих русских старожильских говоров.

В настоящее время в диалектном пространстве региона на фоне активного нивелирования многих архаических диалектных черт наблюдается процесс интеграции говоров севернорусского генезиса и говоров семейских южнорусского генезиса.

Сопоставительный анализ говоров севернорусского происхождения и говоров семейских южнорусского происхождения, бытующих на территории Восточного Забайкалья, выявляет регионализмы трёх типов: 1) неустойчивые различительные регионализмы, заменяющиеся в настоящее время общерусскими вариантами; 2) неустойчивые общие регионализмы, заменяющиеся в настоящее время общерусскими вариантами; 3) относительно устойчивые общие регионализмы, маркирующие забайкальскую диалектную речь [Игнатович, 2013, с. 269–279].

Относительно устойчивыми общими регионализмами являются лексикализованное произношение [ú]сь, долгие твёрдые [ш:] и [ж:] (я[и:ы]к, тѣ[и:а], дро[ж:ы]), утрата взрывного в сочетаниях [ст], [с'т'] на конце слов (*мос, кус, хвос, чась*), замена [к] на [х] в сочетании [кт] внутри морфемы: ([хто]), формы с ассимилированным [j] в сочетаниях согласных (*вало[с':а], стака[н':а], пла[т':ь]*), утрата интервокального [j] с последующей ассимиляцией и стяжением гласных в личных формах глаголов, формах прилагательных, местоимений-прилагательных и порядковых числительных (*делат, думам, баса хадила, дурну дефку ни вазьмѣт, катору неделю, како тако имя, первы дни*), формы Р. п. и П. п. ед. ч. у существительных мужского рода 1 скл. с окончанием -у, в Р. п. мн. ч. с окончанием -ов, -ев (*из ногов, зимовьѣв, фамилев*), -ей (*братей*,

студей), унифицированные формы П. п. прилагательных и местоимений по форме Тв. п. ед. ч. (в *Балейском районе, в этом дворе*), основы форм личных местоимений 3 лица с корневым [j] при употреблении с предлогами (у *ей, с им, к ей*), унифицированная форма *имя* личного местоимения 3-го л. мн. ч. *они* в Д. п. и Тв. п. (*к имя, с имя*), употребление местоимения *кто* в форме *каво* вместо местоимения *что, чего* (*каво балташь? каво я скажу*), склоняемые формы местоимений 3 л. Р. п. с притяжательным значением (*иха дочь, на коне на ивом, в ихих руках*), согласуемые формы притяжательных местоимений, образованные от форм Р. п. местоимений 3-го л. суффиксальным способом (*ихий, ихний, ихов, евошный, евоный, ёшный, ейный*), диалектные огласовки местоимений *что* ([ч'о]), *с какой-то* (*с какой-то*), личные формы глаголов с отсутствием в основах чередования [ч'] // [т'], [ж'] // [д'], [ш'] // [с'т'] (*отколотю, отъезду*), личные формы глаголов с выравненной основой на задненёбный (*текёт, некём*).

Суть процесса интеграции восточнобайкальских говоров севернорусского и южнорусского генезиса заключается в утрате неустойчивых различительных регионализмов и сохранении относительно устойчивых общих регионализмов. Устойчивые регионализмы являются едиными для обеих байкальских региональных подсистем и дают основание предположить формирование на территории Восточного Байкаля общерегиональной языковой разновидности, маркированной диалектными чертами однородного характера, — байкальского региолекта. В исследовании принимается точка зрения А.С. Герда, согласно которой «региолект — это особая форма устной речи, в которой уже утрачены многие архаические черты диалекта, развились новые особенности. Это форма, с одной стороны, не достигшая ещё статуса стандартного литературного языка, а с другой, — в силу наличия ареально варьирующихся черт, не совпадающая полностью и с городским просторечием. Региолекты охватывают ареал ряда смежных диалектов, включая сюда города и посёлки городского типа и тем самым весьма значительные группы того или иного этноса» [Герд, 2005, с. 22]. Таким образом, региолект — это крупная по территории охвата языковая разновидность, маркированная диалектными чертами однородного характера. В настоящее время на территории Восточно-

го Забайкалья идёт формирование забайкальского региолекта на основе сближающихся говоров разного генезиса — старожильческих в прошлом севернорусского происхождения и «семейских» южнорусского происхождения, — но этот процесс ещё не завершён» [Игнатович, 2013, с. 24]. В забайкальском региолекте в недалёкой перспективе в большей степени будут представлены общенародные языковые черты, в частности общенародного просторечия, и в меньшей — особенности диалектного происхождения.

Список литературы

1. Герд А.С. Введение в этнолингвистику: Курс лекций и хрестоматия. 2-е изд., исправл. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. 457 с.
2. Игнатович Т.Ю. Восточнозабайкальские говоры севернорусского происхождения в истории и современном состоянии (на материале фонетики и морфологии): монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. 312 с.
3. Шапошников В.Н. Просторечие в системе русского языка на современном этапе. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 176 с.

Глава 3. Забайкальская диалектная лексика: общая характеристика

Е.И. Пляскина

3.1. Лексика забайкальских русских говоров как система

Лексика народных говоров, как и лексика литературного языка (ЛЯ) представляет собой **систему** — единство взаимосвязанных элементов, обладающее определённой структурой (упорядоченностью) и наделённое признаками динамичности, открытости и одномерности. Динамичность лексической системы говоров обусловлена внутренними процессами в развитии говора: одни элементы устаревают, исчезают, на смену приходят новые. Открытость лексической системы или её незамкнутость, связана с влиянием на неё различных внешних факторов (социальных и материальных изменений в жизни носителей говоров), ЛЯ, соседних говоров, иноязычной среды, под воздействием которых в систему встраиваются новые элементы.

Одномерность системы вызвана тем, что в неё входят однородные элементы, связанные между собой отношениями определённого вида (семантическими): слово и лексико-семантический вариант слова (ЛСВ). Обе они представляют единство плана содержания и плана выражения. План содержания слова — это его семема; план выражения слова — лексема, то есть звуковая и графическая оболочка слова (термин «лексема» в таком значении был предложен Н.И. Толстым [Толстой, 1968, с. 353] и принят многими исследователями). ЛСВ — одно из значений многозначного слова (лексемы), материализованное фонемной (звуковой) оболочкой; ЛСВ слова различаются своими лексическими значениями и совпадают по своей форме (лексеме).

Другими словами, **лексико-семантическая система говора** — это внутренне упорядоченное, внутренне организованное множество слов и лексико-семантических вариантов слов, связанных устойчивыми семантическими отношениями. Поэтому при изучении этой системы, необходимо исходить из единства состава лексики говора, обусловленного разными причинами. И задача исследователя, сформулированная известными диалектологами Ф.П. Сороколетовым и

О.Д. Кузнецовой, — показать основные особенности лексической системы говора, наиболее существенные черты, выделяющие его из ряда других говоров и противопоставляющие его литературному языку. Такое выяснение может быть результатом сопоставления не отдельных слов, а по возможности максимально представленных рядов слов, различных с точки зрения их организации [Сороколетов, Кузнецова, 1987, с. 220].

Естественной и удобной при выделении рядов слов является опора на классификацию предметов и явлений действительности — в результате появляются **тематические группы лексики** (ТГ), слова, относящиеся к одной теме. Ярославский диалектолог Г.Г. Мельниченко считает, что «словарный состав говора можно представить в виде серии тематических групп, что могло бы рассматриваться как первый этап изучения словарного состава в системном плане. Следующий этап — это изучение характера семантических отношений между членами тематических групп, что является одной из актуальных проблем современной диалектной лексикологии» [Мельниченко, 1965, с. 20].

По мнению академика Ф.П. Филина, «рассмотрение лексики в тематическом аспекте имеет то преимущество, что оно позволяет полно и всесторонне установить связь между словами и обозначаемыми ими явлениями, выяснить объём значений слов, их употребления... Исследование слов в составе тематических групп лексики позволит определить удельный вес этих групп в словарном запасе языка, их рост или сокращение в зависимости от внешних, исторических обстоятельств, процессы терминологизации слов с общими значениями, имеющееся соотношение исконных и заимствованных слов, расширение и сужение значения слов... установить в некоторой степени стилистическую дифференциацию слов в пределах тематической группы, осветить целый ряд других лексикологических вопросов» [Филин, 1982, с. 106].

Действительно, только анализируя ТГ, можно увидеть семантическое своеобразие входящих в нее лексических единиц (ЛЕ), поскольку семантика каждой из них отражает нечто вне языка, в реальной действительности.

Слова в ТГ включаются на основе ономаσιологического подхода, то есть те, которые соотносятся с группой объектов реаль-

ной действительности, объединённых общностью их реальных свойств, отражённых в интегральных (общих) и дифференциальных семах (ДС) значений (поэтому ТГ лексики говоров отличаются от соответствующих групп литературного языка объёмом и составом лексических единиц: в них объединяются слова общерусские и диалектные).

Выявление этих компонентов значений анализируемых единиц позволяет выделить внутри ТГ **лексико-семантические группы** (ЛСГ) и определить те ДС, по которым в них противопоставляются слова (семы, служащие различителями значений слов, составляющих каждую ЛСГ).

«Общее между тематическими и лексико-семантическими группами слов заключается в том, что и те, и другие группы отражают познannую объективную действительность. В этом смысле любая лексико-семантическая группа слов всегда имеет свою тему. Более того, любая ЛСГ слов входит в то или иное тематическое объединение слов, являясь её составной частью. ...Различие между этими типами связей определяется тем, что ЛСГ представляет собой продукт законов и закономерностей развития лексической семантики языка, тогда как тематические группы слов... их состав зависит только от уровня знания того или иного народа — создателя языка, от умения классифицировать явления действительности, получившие свои словарные обозначения» [Филин, 1982, с. 234].

Названные аспекты описания лексики преследуют различные цели: при тематическом подходе выясняется семантический объём слов и их употребление, при лексико-семантическом — определяется возможность системных отношений между ЛЕ, так как «слова и их значения живут не отдельной друг от друга жизнью, но соединяются в различные группы, причём основанием для группировки служит сходство или прямая противоположность по основному значению», — писал один из основоположников системного изучения лексики М.М. Покровский [Покровский, 1959, с. 93].

Вслед за Д.Н. Шмелёвым мы называем лексико-семантическими такие группы, в которых «одна единица противопоставлена другой по какому-то определённомu признаку» [Шмелёв, 1964, с. 81]. Имея

общую или интегральную сему (ИС), члены ЛСГ противопоставляются друг другу по дифференциальным семам (ДС). Такие отношения иначе называются парадигматическими (они основываются на том, что в значениях разных слов присутствуют одни и те же компоненты), а ЛСГ можно назвать парадигмой.

Перед исследователем, занимающимся изучением лексики, стоит **задача** найти объективную основу группировки лексики в ЛСГ или лексико-семантические парадигмы и построить систему парадигм (некоторые учёные используют термин «лексико-семантическое поле»). Это даст возможность решить проблему системной организации лексики на лексико-семантическом уровне. Безусловно, главным при включении слов в ЛСГ является наличие у них общих или интегральных сем — это основа построения лексико-семантической парадигмы. Общие и дифференциальные семы возможно обнаружить при сравнении или наложении семем и только в том случае, если значение слова (его семема) складывается из более дробных элементов, семантических компонентов.

Под семантическим компонентом (семой) понимается «выделимая часть лексического значения, меньшая, чем всё значение» [Стернин, 1985, с. 40], другими словами, сема — «минимальная, предельная единица плана содержания» [Новиков, 1989, с. 182]. По различительной силе семы разграничиваются на интегральные — общие для значений нескольких слов и дифференциальные — различающие значения (семемы) сравниваемых слов.

Кроме этих двух главных критериев включения слов в ЛСГ, К.И. Демидова выдвигает ещё несколько и определяет лексико-семантическую парадигму для системы диалектного типа как семантическую общность слов одной части речи, характеризующуюся следующими основными признаками: 1) общим семантическим компонентом или семантическим тождеством; 2) противопоставленностью компонентов в плане содержания или в плане выражения; 3) однотипным лексическим окружением; 4) одинаковым ареалом функционирования [Демидова, 1985, с. 10-11]. Это наиболее полное определение ЛСГ удобно использовать в качестве рабочего и составлять лексико-семантические парадигмы по данным критериям.

Таким образом, учёные-диалектологи описывают лексику говоров, определяя наиболее типичные и яркие ТГ, входящие в тематические сферы «Природа», «Домашнее хозяйство и быт», «Человек и его внутренний мир» (тематические сферы — это ещё более крупные объединения слов, соотносённые с реальной действительностью). ТГ выделяются в качестве исходной основы, внутри которой рассматриваются ЛСГ, как основанные на семантическом единстве объединения противопоставленных слов.

Например, в сферу «Домашнее хозяйство и быт» входят следующие ТГ: 1) «Названия домашних животных», в которую включены тематические подгруппы «Названия лошадей», «Названия крупного рогатого скота», «Названия овец», «Названия коз», «Названия свиней» — наименования основных видов домашних животных, играющих важную роль в жизни носителей говоров, — каждая из которых состоит из 3-х ЛСГ: названия самца, названия самки, названия детёнышей, 2) «Названия построек и их частей», состоящая из 13 ЛСГ: «Названия жилых построек»; «Названия частей дома»; «Названия помещений, примыкающих к дому»; «Названия оборудования дома»; «Названия летней кухни»; «Названия двора и его частей»; «Названия изгородей»; «Названия частей изгороди»; «Названия помещений для скота»; «Названия открытых построек для скота»; «Названия хозяйственных помещений»; «Названия открытых хозяйственных построек»; «Названия мест для временного жилья»; 3) «Названия одежды», включающая 10 ЛСГ: «Названия одежды»; «Названия меховой одежды»; «Названия мехового пальто»; «Названия мехового полупальто»; «Названия рукавиц»; «Названия стёганой одежды»; «Названия фартуков»; «Названия плащей»; «Названия пояса»; «Названия притачного пояса», наиболее характерных для забайкальских говоров; 4) «Названия обуви», состоящая из 2-х ЛСГ: «Названия обуви» и «Названия самодельной обуви»; 5) «Названия хлебобулочных изделий», куда входят наименования хлеба, пирогов, шанег, булочек, блинов; 6) ТГ «Названия мясных блюд», 7) ТГ непредметной лексики, обозначающей действия и качества и др.

Изучение отношений (синтагматических и парадигматических) между ЛЕ в составе одной ЛСГ и между близкими ЛСГ даёт пред-

ставление о системных связях в бытовой лексике и тем самым о лексико-семантической системе говора (**синтагматические отношения** — это отношения сочетаемости ЛЕ в потоке речи, **парадигматические** — это отношения противопоставленности ЛЕ в говоре, именно они организуют ЛЕ в группы и пронизывают эти группы сверху донизу).

Фундаментальным парадигматическим отношением, структурирующим ТГ и ЛСГ, является **гипонимия** — родо-видовое включение ЛЕ в соответствующий класс наименований, которое может быть многоступенчатым. Слово, выражающее родовое понятие, является гиперонимом; слова, соответствующие видовым понятиям, — гипонимами по отношению к гиперониму и согипонимами по отношению друг к другу. Гипонимы включают в себя смысловое содержание гиперонима и противопоставляются друг другу ДС, которые выявляются методом компонентного анализа значения слова. Гипероним и гипоним находятся в отношениях односторонней импликации, для них характерна привативная оппозиция.

Гипонимические отношения бывают двух видов: **1) гиперогипонимическими**, в которых находятся члены, например, ЛСГ «Названия одежды» (гиперонимы *одежда, одёжа, лопоть, лопотина*, гипонимы *обрядя, гуня, гунёжка, ремки*), «Названия мехового пальто» (гипероним *шуба*₁, гипонимы *шуба*₂, *доха, борчатка, тулуп, ергач*), «Названия плащей» (гипероним *плащ*, гипонимы *тырлык, дождевик*), «Названия самодельной обуви» (гиперонимы *обувь, обутки*, гипонимы *катанки, валенки, унты, ичиги, шептуньы, чарки, моршни, вытяжки, бродни, болотники*), «Названия жилых построек» (гиперонимы *дом, изба*₂, гипонимы *изба*₁, *пятистенник, пятистенка, круглый дом, прируб, саманка, балаган*), «Названия двора и его частей» (гиперонимы *двор, ограда*₂, гипонимы *завозня, надворье, зады*), «Названия изгородей» (гипероним *ограда*₁, гипонимы *заплот, забор, частокол, забор*₂, *плетень*), «Названия погоды» (гипероним *погода*₁, гипонимы *ведро, погода*₂, *ненастье*₂, *морок*₂, *хмарь (хмара), кухта*₂, *марь, сеногной*₂, *сухорос*), «Названия ветра» (гипероним *ветер*, гипонимы *ветрина, ветерок, хиуз, дживар, пурга, шурган, позёмка, сиверко*) и др.; **2) гипонимическими** (родовое понятие в говоре одним словом не выражено),

например, в ЛСГ «Названия меховой одежды» (*шуба*, *ергачи*, *крипотки*, *рукавицы*), «Названия рукавиц» (*рукавицы*, *варежки*, *вареги* (*варьги*), *голицы*, *голички*, *верхонки*, *туруны*), «Названия оборудования дома» (*заборка* (*переборка*), *залавок*, *ленивка*, *копчик*, *косячок*, *угловичок*, *колок*), «Названия помещений для скота» (*стайка*, *поветь*, *зимовьё*, *тепляк*, *землянка*, *чушатник*, *котон*₁), «Названия облаков» (*облако*, *морок*, *туча*, *наволоки*) и других.

Согипонимы в составе ЛСГ могут находиться в синонимических, дублетных, антонимических и вариантных отношениях.

Распространённым видом семантических связей слов в говорах является дублетный. **Дублетные отношения** характерны для абсолютных синонимов (дублетов) — слов, тождественных по смыслу, с полностью совпадающими семемами, для которых характерна нулевая оппозиция. В некоторых ЛСГ они являются организующими, например: «Названия самки козла» (*коза*, *имануха*, *чичуха*); ЛСГ «Названия самки свиньи» (*свинья*, *чушка*), «Названия фартуков» (*фартук*, *передник*, *запон*), «Названия обуви» (*обутки*, *обувь*) и «Названия летней кухни» (*летник*, *поварня*) и др.

В другие ЛСГ входят дублеты *лошадь*, *кобыла*, *кобылица* («Названия самки коня»); *сосунок*, *стригунок* («Названия детёнышей лошади»); *яловка*, *ялуха* («Названия самки быка»); *тёлка*, *телушка* («Названия детёнышей коровы»); *козёл*, *иман* («Названия самца козы»); *козлёнок*₁, *иманёнок*₁, *имашек*, *ишигэн*; *козочка*, *иманушка*; *козлёнок*₂, *иманёнок*₂ («Названия детёнышей козы»); *овца*, *барануха* («Названия самки барана»); *ягнёнок*, *барашек*₁; *ярочка*, *баранушка* («Названия детёнышей овцы»); *дождь*, *дождик*₂; *ливень*, *дождина*; *ситник*, *ситничек* («Названия дождя»); *куть*, *кухня* (*куфня*); *закуть*, *запечка*; *передня*, *светлица* («Названия частей дома»); *кладова*, *кладовка*, *казёнка* («Названия помещений, примыкающих к дому») и др.

Многие дублеты различаются **употребительностью**, то есть функционируют в речи разных возрастных групп, например, из дублетов *чичуха*, *имануха*, *коза* первый использует старшее поколение носителей некоторых забайкальских говоров, третий иногда встречается в речи молодых. То же относится и к дублетам *конь*, *лошадь*; *козёл*, *иман*; *козлёнок*, *иманёнок*, *ишигэн*; *козочка*, *иманушка*; *овца*, *барану-*

ха; ягнёнок, барашек; ярочка, баранушка; одежда, одёжа, лопоть, лопотина; кушак, гашиник и другим. Функционирование дублетов, не отличающихся друг от друга употребительностью, объясняется **прозрачностью их внутренних форм**. К таким дублетам относятся: *вытяжки, бродни, болотники; косячок, угловичок; закуть, запечка; передня, светлица; ливень, дождина; катанки, валенки; ичиги, шептунь; зимовьё, тепляк* и др.

Синонимические отношения слов — тоже распространённое явление в лексике забайкальских говоров. Вслед за Д.Н. Шмелёвым, к синонимам относим слова, «дифференциальными семантическими признаками (или ДС) которых являются только такие признаки, которые могут устойчиво нейтрализоваться в определённых позициях» [Шмелёв, 1973, с. 130]; *нейтрализоваться* — стать несущественными, и тогда противопоставления синонимов нет, они могут называть один и тот же предмет, признак, действие, то есть заменять друг друга; синонимы находятся в отношениях двусторонней импликации, для них характерна эквиполентная оппозиция. Например, в ЛСГ «Названия рукавиц» в синонимические отношения вступают слова *голицы, голички — верхонки*; в ЛСГ «Названия стеганой одежды»: *курмушка — теплушка*; в ЛСГ «Названия погоды»: *погода₁, ненастье₂ — морок₂, хмарь (хмара)*; в ЛСГ «Названия ветра»: *хиуз — дживар и ветрина — пурга — шурган*; в ЛСГ «Названия оборудования дома»: *копчик — ленивка*; в ЛСГ «Названия частей изгороди»: *заборина — заплотина*; в ЛСГ «Названия детёнышей лошади»: *кобылка — стригунок, сосунок*; в ЛСГ «Названия облаков»: *наволоки — морок₁, туча и облака — наволоки*. Синонимы находятся в отношениях двусторонней импликации, для них характерна эквиполентная оппозиция.

Антонимические отношения ЛЕ в лексике говоров встречаются гораздо реже, особенно среди предметной лексики, например, в ЛСГ «Названия одежды»: *обрядя* (праздничная одежда) — *гуня, гунёжка* (рабочая одежда); в ЛСГ «Названия погоды»: *вёдро* (ясная, солнечная погода) — *погода, ненастье, морок, хмара* (виды плохой погоды), в ЛСГ «Названия ветра»: *ветерок* (слабый тёплый) — *хиуз* (слабый пронизывающий и холодный). Для антонимов тоже характерна эквиполентная оппозиция.

Вариантные образования в забайкальских говорах многочисленны в связи с устной формой их существования, отсутствием кодифицированной нормы, а также в связи со взаимодействием с иными диалектами, в том числе диалектами языков аборигенов края, и влиянием литературного языка. В лексике говоров встречаются фонетические, морфологические (грамматические) и лексико-семантические варианты слова.

Под **фонетическими вариантами** понимаются такие лексические единицы, которые при морфемном и семантическом тождестве различаются или звуковым составом корневой морфемы, или местом ударения, например: *эрген* — *ирген*, *иман* — *яман* — *еман*, *инджиган* — *инжиган* — *анжиган* — *инзаган* — *инзыган* — *янзыган* — *инзаран*, *жимбура* — *жумбура* — *джимбура* — *чимбура*, *вареги* — *варьги*, *куфайка* — *фуфайка*, *кухня* — *куфня*, *бухулёр* — *бухлёр*, *шуля* — *шиля*, *анбар* — *амбар*, *сельник* — *сенник*, *ботожок* — *бодожок*, *наволоки* — *наволо́ки*, *ча́йца* — *чаи́ца*, *зунду́гло* — *сунду́гло* — *зунту́гло* и др.

Морфологические варианты (или **грамматические**) — это однокорневые слова, имеющие тождественное лексическое значение и различающиеся грамматическими показателями, например, *ворота* — *вороты*, *ребята* — *ребяты*, *хмара* — *хмарь* и др.

Тождественные по значению слова, различающиеся суффиксальными морфемами, — не варианты одного слова, а разные слова, так как аффиксы создают новое слово.

Вслед за Л.А. Новиковым [Новиков, 1989, с 199] под **лексико-семантическим варьированием** понимаем наличие у слова разных, но внутренне связанных значений, соотнесённых с одной лексемой. Отношения между ЛСВ одного слова принято называть **эпидигматическими**. Полисемия достаточно широко представлена в лексике забайкальских говоров. Ассоциативно-деривационные отношения полисемии характеризуют также связь одной ЛСГ с другой в пределах одной ТГ, например: *сеногной*₁ — прерывистый дождь во время сенокоса (входит в ЛСГ «Названия дождя»), *сеногной*₂ — погода во время сенокоса, когда то идёт дождь, то светит солнце (входит в ЛСГ «Названия погоды»); *морок*₁ — туча (входит в ЛСГ «Названия облаков»), *морок*₂ — пасмурная, ненастная тихая погода (входит в ЛСГ «Назва-

ния погоды»); *копоть*₁ — пыль, *копоть*₂ — туман в морозный день; *кухта*₁ — иней на ветвях деревьев (входит в ЛСГ «Названия инея»), *кухта*₂ — погода, характеризующаяся тусклостью, дымкой (входит в ЛСГ «Названия погоды»); *дождик*₁ — кратковременный несильный дождь, *дождик*₂ — дождь; *погода*₁ — состояние атмосферы в данном месте в данное время, *погода*₂ — плохая, ветреная, ненастная погода; *ненастье*₁ — затяжной дождь (входит в ЛСГ «Названия дождя»), *ненастье*₂ — ненастная погода (входит в ЛСГ «Названия погоды»); *изба*₁ — бревенчатый дом, состоящий из одной комнаты, *изба*₂ — жилое помещение; *котон*₁ — тёплое помещение для баранов, *котон*₂ — огороженное место для баранов.

Деривационные отношения существуют между исходным и производными знаками, например: *баран* — *барануха*, *баранушка*, *барашек*, *валух* — *валушок*, *год* — *годовик*, *дождь* — *дождик*, *дождина*, *дождевик*, *морщить* — *моршни*, *болото* — *болотники*, *унты* — *унтики*, *шуба* — *шубейка*, *полушубок*, *доха* — *дошка*, *боры* — *борчатка*, *обряжать* — *обряда*, *забор* — *заборина*, *плести* — *плетень*, *косой* — *косячок*, *угол* — *угловичок*, *двор* — *надворье*, *прирубить* — *прируб*, *пригнать* — *пригон*, *загнать* — *загон*, *сено* — *сенник (сельник)*, *сухой*, *роса* — *сухорос*, *хиуз* — *хиузить* и др.

Значения ЛЕ, входящих в лексико-семантические системы забайкальских говоров, могут выполнять как **номинативную функцию**, то есть называть предметы, действия, признаки и т.д., так и **экспрессивно-синонимическую**, то есть не только называть предметы, действия, признаки, но и передавать отношение к ним, давать им оценку; другими словами, иметь **эмоциональную окраску**, положительную или отрицательную, которая может быть заключена в самом значении ЛЕ, то есть формально не выражена, а может быть формально выражена словообразовательными средствами (суффиксами субъективной оценки и другими).

Многие слова с уменьшительными и уменьшительно-ласкательными суффиксами, например, *бравенький*, *бравенько*, *животинка*, *зимовьюшка*, *теплячок*, *зыбочка*, *ичижки*, *корчажка*, *курьюшка*, *лафточок*, *отхончик*, *сничка*, *стегошко*, *стяжок*, *сухарушка*, *черепушка*, *шанежка*, *шанюжка*, *ганзушка* и другие имеют положительную эмоциональную

окраску, но есть среди них и нейтральные наименования. Это названия детёнышей животных: *кобылка, жеребчик, тёлочка, порозок, козочка, иманушка, имашек, барашек, валушок, куцашок, хрячок, боровак, кабанок, чушечка, кочеток*; другие лексемы: *ветерок* — слабый, тёплый ветер, *гунёжка* — рабочая и старая одежда, *ергачок* — полущубок с коротким или подстриженным мехом, *блинок* — круглая крышка в печной трубе, *ботожок* — палка, подходящая для использования при ходьбе как трость, *ключка* — кочерга, *кляпушка* — деревянная пуговица, *посудка* — небольшая посуда и других; или со значением увеличительности: *ветрина, дождина*. Эти слова утратили экспрессивность, в их значениях наблюдается **явление десемантизации коннотативных сем.**

В лексико-семантических системах забайкальских диалектов, как и в системе ЛЯ, выделяется **центр** (или ядро) — это **лексика актуальная**, активная в употреблении, это основа словаря говоров: слова, как характеризующиеся широкими деривационными связями, так и не имеющие производных, например: *морошный, морочать, куржак, куржаветь, хиуз, хиузить, ветер, ветерок, ветрина, ветренный, кобыла, кобылий, даган, даганчик, новотёлка, новотельная, новотелишний, пороз, порозок, порозовать, чушка, чушечий, чушатник, расчушить, братан, бравый, свежина, жарёха, шаньги, тарки, позы, бурдучить, варево, вольный, грезить, голимый, голубица, допетрить, дикошарый, дюжить, забелить, ключевинка, кушак, ладом, песочить, свинячить, кашерик, барокчан, стайка, котон, курмушка, плащ, ошкур, калитка, прясло, гача, питюжить, и др.*

На **периферии систем** находятся ЛЕ, имеющие ограниченное (редкое) употребление, что может быть вызвано разными причинами:

1) устареванием и выходом из употребления той реалии, которую они обозначают, например: *борчатка, тырлык, курма, чепец, гашник, ичиги, чарки, моршни, вытяжки, бродни, олочи, жирник, пролётка, тавричанка, фургон, справа, цеп* и др.;

2) сокращением сферы употребления реалии, обозначенной словом: *туруны, ергачи, ергач, ергачок, заплот, заплотина, частокол, саманка, заимка, залавок, запечка, куть, закуть, ленивка, копчик,*

корчага, веретёшко, куделя, мялки, налыгач, очеп, помочь, повойник, самопрялка (санопрялка) и др.;

3) устареванием форм слов (лексем) при сохранении актуальности значения: *лопоть, лопотина, за́пон (запо́н), хмарь (хмара), дживар, кладова, поветь, куть, поварня, завозня, зарный, лапость, морочачить, мургусун, сбредить, ситник, ишигэн, сухарить, тянигууж* и др. или устареванием значения (семемы) ЛЕ, например, *чичуха₁* в некоторых говорах;

4) недавним появлением слов в говоре: *лошадь, коза, козёл, козлёнок, козочка, овца, ягнёнок, свинья, фартук, одежда, обувь* и др. (первые две группы ЛЕ — **историзмы**, слова, устаревающие или устаревшие по причинам социально-исторического характера; вторая группа ЛЕ — **архаизмы**; третья — **неологизмы**, хотя степень их новизны может быть разной).

Многие устаревающие слова являются немотивированными и не имеют деривационных связей в системе говора (*тырлык, саманка, туруны, дживар, поветь*) или связаны только с уменьшительно-ласкательными производными, тоже устаревающими (*ичиги — ичижки, чарки — чарочки*), другие имеют активно употребляющиеся производные, в том числе и ЛСВ (*гашник — загашник, ергач — ергашный, кладова — клад, завозня — возить, поварня — варить, веретёшко₁ — веретёшко₂, чичуха₁ — чичуха₂*), которые, может быть, не дают им окончательно выйти из употребления.

3.2. Общерусская лексика забайкальских говоров

Основу словаря любого говора составляет лексика общерусская или общенародная — это слова, актуальные для всех русских людей; они называют окружающий нас мир, предметы быта, обозначают понятия общественно-политической, экономической и культурной жизни людей. И вместе с ними носители русских говоров активно используют в общении лексику диалектную, которая в свою очередь актуализирует понятия о реалиях, явлениях, социально и культурно значимых для жителей данной местности (обычно сельской), для данного региона. В естественной живой речи носителей говора общерус-

ские и диалектные слова не противопоставлены — и те, и другие употребляются в повседневном бытовом общении, что доказывает, что «любой говор ... является частной реализацией общей системы языка» [Коготкова, 1977, с. 195].

Поэтому основным признаком, по которому лексика говора делится на общерусскую и диалектную, является территориальный. Общерусская лексика не ограничена территориально; диалектная же — ограничена в своем употреблении территорией. Другой важный признак — системный. Общерусская лексика функционирует и в общей системе русского языка, и в диалектной системе (системах), и в других системах (в литературном языке (ЛЯ), в просторечии и в жаргонах). Диалектная же лексика существует только в диалектной системе (системах), в других системах русского языка отсутствует.

Опираясь на эти признаки, мы определяем **общерусское слово** вслед за Н.А. Лукьяновой как «такое слово, которое не ограничено в своем употреблении ни территориально, ни социально и которое функционирует в разных подсистемах русского языка» [Лукьянова, 1983, с. 16], то есть является словом, принадлежащим литературному языку или просторечию, зафиксированным в нормативных словарях русского языка и имеющим в местных говорах то же значение.

В забайкальских говорах активно функционируют такие слова, относящиеся к пласту общерусской лексики, как *амбар* (холодное строение для хранения зерна, муки и т.п., а также вещей, товаров), *ворота* (широкий вход или проезд, запираемый створами, а также створы для запираения этого входа или проезда), *забор* (стена, обычно деревянная, отделяющая или ограждающая что-либо; ограда), *изба* (деревянный крестьянский дом), *светлица* (светлая чистая парадная комната в доме), *погода* (состояние атмосферы в данном месте, в данное время), *облако* (скопление взвешенных в атмосфере мелких капель воды или ледяных кристаллов), *шуба* (верхняя одежда из меха или на меху), *хлеб* (пищевой продукт, выпекаемый из муки), *пирог* (печёное изделие из теста с какой-либо начинкой), *блин* (тонкая лепёшка из жидкого теста, испечённая на сковороде), *пельмени* (род маленьких

пирожков из пресного теста с мясной начинкой, отваренных в крутом кипятке), *суп* (жидкое кушанье, представляющее собой отвар (из мяса, рыбы, грибов и т.п.) с приправой из овощей, крупы и т.п.), *стыд* (чувство сильного смущения, неловкости от сознания предосудительности, неблагоприятности своего поступка, поведения), *гожий* (годный, пригодный), *голик* (веник из голых прутьев), *голодовать* (голодать), *горбатиться* (горбиться), *груда* (большое количество чего-л.), *грудинка* (мясо из грудной части туши), *дюжий* (сильный, здоровый), *кладь* (поклажа, груз), *конь* (лошадь), *латка* (заплата), *навильник* (охапка сена, соломы, поднятая на вилы), *норов* (нрав, характер), *норовистый* (упрямый, своевольный), *поганить* (делать поганым, нечистым, загрязнять), *стерня* (сжатое поле), *ходок* (повозка) и др.

Эти слова были свойственны говорам искони в отличие от пришедших не так давно из литературного языка через всеобщее среднее образование и средства массовой информации и осознающихся «более правильными, культурными»: *Лошадь-то — это по-культурному, а у нас конь...*; *Коза-то по-культурному, учителя говорят коза да грамотны хто, а у нас всю жись иман да имануха*. Конечно, установить время появления слова в говоре трудно, но обращение к языковому сознанию носителей говора помогает сделать это в некоторых случаях. Например, носители борзинских старожильческих говоров в 80–90-е годы XX века так отзывались о слове *лошадь*: *У нас все говорят конь. Раньше слова лошадь-то и не знали, оно вот уж после войны появилось*; о слове *коза*: *У нас все говорят иманы, а козы-то уж вот недавно появились*; о слове *фартук*: *Фартук-то у нас редко говорят, я это слово услышал уж когда работать пошёл, а то и не знал, и никто не знал, все говорили запон, ну иногда передник*. Способствует установлению времени появления общерусского слова в говоре также выявление частоты употребления слова, его распространение в речи всех или некоторых возрастных групп. Такие общенародные слова, как *коза, козёл, овца, свинья, фартук, валенки, пояс* и др. редко встречаются в речи пожилых носителей говора, в основном употребляются молодыми.

Общерусская лексика появляется в говорах также вместе с новыми реалиями меняющейся жизни, например, в конце 40-х годов

XX века в степных районах Забайкалья стали строить дома из *самана* (саманных кирпичей — необожжённых кирпичей с примесью резаной соломы, костры, мякины и т.д.) — *саманки*, о которых носители говоров вспоминали с неодобрением: *Одно время строили саманки, сами кирпичи делали, сами глину для их месили ногами, солому туды резали. Но, это не бравый дом, тепло не держит, холодно в ём*; в 50–60-е годы вошли в лексический состав забайкальских говоров слова *телогрейка, валенки, обувь, дождевик, болотники, шорты, фартук, стан, кухня, суп, тюре, гуляш, макароны, какао, потребкооперация* и др.; в 70-е–80-е — *телевизор (телевизер), плащ, дублёнка, обувь, сапоги-чулки, колготки, кальсоны, платформа, зала (просторная комната), коттедж, Пересройка* и др.; в 90-е — *приватизация (прихватизация), приватизировать (прихватизировать), скоммуниздить, челнок (торговец), фермер* и др.; в начале XXI века — *соковыжималка, миксер, мобильник, бизнес, вахта* (работа вахтовым методом) и др.

Войдя в лексическую систему говоров, общерусские слова вступают в дублетные отношения с имеющимися в говоре семантически равнозначными диалектными наименованиями: *козёл — иман, коза — имануха, козлёнок — иманёнок, овца — барануха, свинья — чушка, кухня — куть, двор — ограда, фартук — передник — запон, валенки — катанки, обувь — обутки, одежда — одёжа — лопоть — лопотина, фуфайка — теплушка, красивый — бравый* и др. Выбор одного из дублетов определяется ситуацией общения, составом собеседников, принимающих участие в разговоре, их возрастом. В спокойной, непринуждённой беседе между собой носители говоров используют диалектное слово, родное, привычное; пытаются объяснить что-то «чужаку», прибегают к общерусским, общенародным словам. Встречаются и дублетные пары, представленные общерусскими словами: *кобыла — кобылица, тёлка — телушка, плащ — дождевик* и др.

Часть общенародных слов, функционирующих в забайкальских говорах, имеет в нормативных словарях современного русского языка стилистическую помету «разг.» (например, *кладовка, дождевик, яловка, телок, тёлка, телушка*) или «прост.» (например, *прируб, поэ-*

вота, позевать, чушка, горбатиться, пособить, охальничать, охальный, непутный, материться, матерки, норов, сором, скалиться, подхватиться, подкузьмить, подгадить, разораться₂, пялиться₁, сопля, нўжник, чохом, чесаться (медлить), улепётывать, торкать, шмутки, сопатка, кобениться, стырить, жрать, жратва, переть, жопа, жопка, сортир и другие вульгаризмы), но в говорах они стилистически нейтральны, распространены в речи всех возрастных групп носителей и употребляются ими как номинативные наименования, например, вполне обычны фразы: *Есть чё пожрать?* или *Мать, давай жрать* или *Чё, у вас жратва-то есть, али привезти; я после завтра приеду* или *Сщас по жопа-то наподдаю, будешь ишо кобениться* или *Я у огурцов-то жопки отрезаю, чтоб лучше просолились* или *Шмуток-то сколь накопили, как перекочёвывать-то будем?* или *Смотри, какой у нас бравый сортир!* Это подтверждает наблюдение О.Г. Гецово́й: «Слова, считающиеся просторечными по отношению к системе литературного языка, в системе того или иного диалекта русского языка являются его органической частью» [Гецова, 1964, с. 103]; и Т.С. Коготкова тоже считает, что ориентация при определении стилистической характеристики слов диалекта на стилистический показатель слова в ЛЯ в ряде случаев может быть обманчивой [Коготкова, 1979, с. 74].

Общерусские слова, обозначая жизненно важные реалии, по-разному эволюционирующие на разных территориях, могут менять свой семантический объём и парадигматические связи, что обуславливает их «территориальную дифференциацию, особенно развитую в кругу конкретных названий» [Судаков, 1973, с. 177]. Т.С. Коготкова отмечает, что «смысловое наложение аналогичных номинаций в говорах и в литературном языке часто не совпадает» [Коготкова, 1979, с. 26]. Такие общерусские слова, изменившие свой семантический объём (или форму) в говоре называются **диалектными вариантами слова**, то есть «это такие модификации в плане выражения или/и в плане содержания общерусского слова, которые территориально ограничены в употреблении, являются принадлежностью диалектных систем, но которые не приводят к разрыву тождества слова» [Лукиянова, 1983, с. 17]. Различаются диалектные **лексические**

варианты (ЛВ), то есть модификации в плане выражения слова, например, *куфайка* (фуфайка), *анбар* (амбар), *анбарный* (амбарный), *задрятанный* (задрипанный), *пóмочь* (помощь), *шмутки* (шмотки); и **лексико-семантические** варианты (ЛСВ), то есть модификации в плане содержания. Диалектные ЛСВ называются также **диалектными значениями** общерусского слова, например, *змеи* (коварный, хитрый, злой мужчина), *отлить* (помочиться), *пишёнка* (крупа), *облёгчить* (кастрировать), *пересидеть* (о изделиях из теста), *отощать*, *промяться* (проголодаться), *грешить* (ругая, заставлять что-либо делать), *сквернословить* (грубить старшим), *горбатиться* (выполнять тяжёлую физическую работу), *хлёстко* (быстро, стремительно), *прудиться* (мочиться под себя или в штаны), *пялиться* (вертеться, сидя на стуле или на чём-л. другом) и др. Эта группа лексики гораздо более многочисленна, чем первая.

Вслед за диалектологами Ф.П. Филиным, О.И. Блиновой, О.Г. Пороховой, Р.Т. Гриб, Л.Г. Самотик, Т.И. Бытевой и др. диалектные значения общерусского слова мы рассматриваем как частные значения этого слова, не нарушающие его тождества. Поэтому среди общерусских слов, функционирующих в говоре, мы выделяем две группы: 1) слова, не имеющие диалектной специфики в семантике и 2) слова, имеющие диалектные отличия в значении или в структуре значений. В первую группу входят, например, такие слова, как: *дом, изба, саманка, прируб, сарай, амбар, загон, овин, стан, кладовка, прясло, ворота, калитка, переборка, приступок, частокол, плетень; ветер, пурга, позёмка, туман, облако, туча, иней; обувь, валенки, одежда, плащ, дождевик, фартук, передник, пояс, тулуп, фуфайка; овца, баран, ярка, ягнёнок, кобыла, кобылица, жеребёнок, корова, первотёлка, яловка, тёлка, телушка, козёл, коза, свинья, боров, поросёнок* и др. Эти общерусские слова в забайкальских говорах функционируют в том же значении, что и в литературном языке. Основная масса этих слов характеризуется активностью в речи носителей говоров, о малоупотребительных лексических единицах было сказано выше.

Вторая группа слов делится на две части: 1) слова, имеющие диалектные отличия или **диалектные дифференциальные семы** (ДС) в значении и 2) слова, имеющие отдельные **диалектные ЛСВ**.

Отличия эти обнаруживаются при наложении семем этих слов, то есть путём сопоставительного анализа [см. Лукьянова, 1983].

К первой части относятся следующие слова: *жеребец* (некастрированный (ДС) самец лошади); *бык* — кастрированный (ДС) самец коровы; *мерин* (молодой (ДС) конь); *стригунок* (в литературном языке: годовалый жеребенок, в говорах: жеребенок, сосущий мать, то есть до 8-9 месяцев); *чушка* (в литературном языке: поросёнок, молодая свинья, в говорах: свинья); *рукавицы* (меховые (ДС) рукавицы); *варежки* (вязаные (ДС) рукавицы); *землянка* (земляное помещение для свиней (ДС)), *выгон* (огороженное (ДС) пастбище).

Сюда же входят слова, являющиеся в литературном языке уменьшительно-ласкательными наименованиями, а в говоре у них отмечены не только отличия в семантике, но и отсутствие эмоциональной окраски. Например: *кобылка* (детёныш лошади женского пола), *жеребчик* (некастрированный детёныш лошади мужского пола), *бычок* (детёныш коровы мужского пола), *тёлочка* (детёныш коровы женского пола до года), *козочка* (детёныш козы женского пола), *дождик* (дождь), *ветерок* (не только лёгкий, слабый ветер, но ещё и тёплый).

Значение общерусского слова в говорах может быть более узким, (например, *рукавицы* — только меховые (в ЛЯ — любые) *варежки* — только вязаные рукавицы (в ЛЯ — то же, что рукавицы), *ветерок* — обязательно тёплый (в ЛЯ — лёгкий, слабый ветер), *землянка* — помещение, вырытое в земле для свиней (в ЛЯ — такое помещение для разных целей, в том числе и для жилья), другие примеры см. выше) или более широким (например, *дождик* — дождь вообще, *варево* — варёное кушанье (в ЛЯ — варёное жидкое кушанье), *заправить* — положить в бульон всё, что нужно для супа (в ЛЯ — положить соус в готовое блюдо)), чем в литературном языке.

Во II группу входят слова, у которых в говоре отмечен отдельный диалектный ЛСВ. Например, у слова *забор* — изгородь из горизонтально положенных бревен, слег или жердей, между которыми вставлены чурки; у слова *ограда* — огороженный двор при доме; у слова *конь* — кастрированный самец лошади; у слова *телёнок* — детёныш коровы до года; у слова *козлёнок* — детёныш козы мужского пола; у

слова *барашек* — детёныш овцы мужского пола; у слова *шуба* — меховое пальто мехом внутрь (а также см. примеры, данные выше).

Эти диалектные ЛСВ связаны с общерусскими ЛСВ метонимически, у слов, обозначающих домашних животных, метонимический ЛСВ можно квалифицировать как детализирующее значение.

Общепародные слова в говоре могут иметь не только общерусские, но и диалектные производные, например, *конь* — *конюшить*, *конебаза*, *баран* — *барануха*, *баранушка*, *чушка* — *чушатник*, *чушечий*, *погода* — *запогодить*.

Эта лексика в лексико-семантических системах забайкальских говоров играет ведущую роль, так как обозначает основные необходимые, важные и значимые для их носителей реалии и понятия. Большинство общерусских лексических единиц — наименования общих и родовых понятий (например, *погода*, *дождь*, *ветер*, *облако*, *иней*, *туман*, *шуба*, *пояс*, *плащ*, *ограда*, *дом*) и составляет ядро лексико-семантических систем говоров или их центр.

Процентное соотношение общепародной и диалектной лексики в говорах различается и зависит от многих причин, в том числе и от степени архаичности говора. В некоторых ТГ непредметной лексики она может составлять больше половины и значительно больше половины от общего количества их членов, в некоторых ТГ предметной лексики она составляет меньше половины и даже меньше трети, например, в таких ТГ бытовой предметной лексики борзинских говоров, как «Названия одежды» и «Названия обуви» в 80-е–90-е годы 20 века — 24% и 25% соответственно, в ТГ «Названия атмосферных явлений» — 31%, «Названия домашних животных» — 33%, «Названия построек и их частей» — 38% [см. Пляскина, 2016].

Таким образом, в лексической системе говоров функционирует и является их неотъемлемой частью общерусская лексика, которая входит и в состав литературного языка, что вполне закономерно, поскольку литературный язык и диалекты — две подсистемы единого общепародного языка, «их лексические системы одновременно входят в сложную систему лексики общепародного словаря, который возник на единой базе и развивается в едином направлении» [Оссоветский, 1969, с. 8].

3.3. Диалектная лексика забайкальских русских говоров: диалектная основа, систематизация

Основным критерием при выявлении диалектного слова в речи носителей говоров и его определении является территориальная закреплённость, то есть принадлежность той или иной территории. В лингвистике известны разные подходы к его определению. По мнению Ф.П. Сороколетова, при определении диалектного слова надо учитывать территорию его распространения и его отношение к общенародному литературному языку. Он пишет, что основу любого говора русского языка составляет лексика, общая для всех говорящих по-русски (для всего русского народа); отличаются же говоры друг от друга и от общенародного (литературного) языка теми особенностями, которые и называются **диалектизмами** [Сороколетов, 1968, с. 223]. Известный новосибирский диалектолог Н.А. Лукьянова, взяв за основу определение Ф.П. Филина, характеризует диалектное слово как «такое слово, которое ограничено в своем употреблении определенной территорией, то есть имеет изоглоссу на территории русского языка, является функциональной единицей диалектных систем, не употребляется в литературном языке или употребляется в нем как стилистически окрашенное средство» [Лукьянова, 1983, с. 17]. Эти характеристики необходимо использовать при выделении диалектных слов в лексике говоров и обязательно обращаться к словарям. О локальной ограниченности слов свидетельствуют данные нормативных словарей современного русского языка: помета *обл.* или факт отсутствия слова в них, а также данные областных словарей русских говоров.

Обращение к словарям подтверждает диалектный характер таких забайкальских слов, относящихся к предметной лексике, как *гуран*, *гураниха*, *козлуха*, *козлушка*, *гуранчик*, *гуранёнок*, *гурашек*, *анжиган* (*инжиган*), *гураний*, *гуранина*, *гуранский*, *дзерен*; *годовик*, *даган*; *барокчан*, *кашерик*, *пороз*; *иман*, *имануха*, *иманёнок*, *тыкен*; *барануха*, *валух*, *эрген*, *куцан*; *вёдро*, *морок*, *хмарь* (*хмара*), *кухта*, *сеногной*, *сухорос*, *ситник*, *хиуз*, *дживар*, *шурган*, *сиверко*, *наволоки*, *куржак*; *стайка*, *поветь*, *зимовьё*, *чушатник*, *котон*, *пригон*; *падь*, *падушка*, *солнопёк*, *сивер*; *поварня*, *сельник*; *заимка*; *куть*, *закуть*; *залавок*, *ленивка*, *косячок*, *угло-*

вичок, колок; заплот, завозня; катанки, ичиги, чирки (чарки), пимы, крипотки; запон; лопоть, голицы, тырлык, борчатка, ергач, ергачи, курмушка, гачи; змеёвка, зундугло, лесина, хайлать, и др.;

к непредметной: адали, базлать, балахрыстить, баять, белить (чай), бравый, бурдучить, бусый, веснусь, вестимо, воберучьи, возгудать, восыро, впритим, вошкаться, выбыгать, гваздать, годяво, годявый, голимый. голоуший, грезить, дивно, дивоваться, дивья, диковать, дикошарый, допетрить, доткнуться, ергашный, жаркой, жварить, зубатиться, загрешиться, зудырный, обдергаешный, оболокать(ся), разболокать(ся), паря, пакли, питюжить, покрадче, полкать, полодырый, порозовать, пошибать, пошто, ранешный, сдверяжить, свинячить, скрычигать, слишиться, соромина, соромский, стыручий, сухарить, трастить, трёкать, уповод, уросить, уросливый, утресь, халдовитый, хлынять, хрушкой, чаевать, чимкать, чушечий, шаро-глазый, шиньгать, шиньгаться, юзгаться и др.

В диалектной лексике вторичных говоров, к которым относятся забайкальские русские говоры, выявляется **диалектная основа**.

Все говоры Сибири в целом и забайкальские говоры в частности — это говоры вторичного образования, сформировавшиеся на диалектной основе говоров европейской части России. Известный томский диалектолог О.И. Блинова так определяет это понятие: «Диалектную основу вторичного говора составляет некоторая совокупность определяющих признаков какого-либо диалекта или группы диалектов, присущих вторичному говору» [Блинова, 1977, с. 25]. При выявлении диалектной основы вторичных говоров, считают сибирские диалектологи, необходимо учитывать явления всех уровней их структуры: фонетического, морфологического, синтаксического, лексического. Языковые явления на уровне фонетики и морфологии подробно описаны Т.Ю. Игнатович в монографиях [Игнатович, 2011, 2013], где и решён вопрос о генезисе забайкальских диалектов: старожильческие говоры (это говоры первых насельников, прибывших на первом этапе заселения Забайкалья (конец XVII века — XVIII век)) образовались на основе севернорусских диалектов России (новгородских, олонекских, вологодских, владимирских, архангельских, вятских); говоры новосёлов — старообрядцев или семейских — на основе южно-

русских. Ко вторым относятся те забайкальские диалекты, которые бытуют на территории Красночикийского района и частично (в виде вкраплений) на территории соседних; остальные забайкальские говоры — старожильческие: шилкинские, балейские, нерзаводские, газимурозаводские, алекзаводские, борзинские, приаргунские, краснокаменные, акшинские, калганские, ононские и др.

Основной метод при определении диалектной основы говоров на лексическом уровне — сопоставление их лексики с лексикой говоров европейской части России, а также различных сибирских говоров, поскольку, кроме диалектной основы, в их структуре развились наслоения как результат междиалектного контактирования.

В монографии «Бытовая лексика говора: опыт систематизации материала» автором был проведён сопоставительный анализ бытовой лексики (названия домашних животных, построек, утвари, одежды, обуви, атмосферных явлений — всего 235 ЛЕ) одного из забайкальских старожильческих говоров, а именно говора Борзинского района, который подтвердил его севернорусскую основу (на это же указывают представленные в монографии сведения из истории носителей говора и его особенности на фонетическом и морфологическом уровнях) [Пляскина, 2016, с. 139-143, 162-173].

При проведении анализа мы пользовались классификацией русских говоров К.Ф. Захаровой и Г.В. Орловой, которая построена с учётом современных методов лингвистической географии и опирается на характерные комплексы изоглосс фонетических, грамматических и лексических явлений [Захарова, Орлова, 1970]. Вопрос о территориальной закреплённости слова решался на основе показания Словаря русских народных говоров и областных словарей.

Результаты сопоставительного анализа показывают, что большинство рассмотренных слов относится к севернорусским говорам: *бродни*, *вареги*, *вёдро*, *верхонки*, *вытяжки*, *вышка*, *гашник*, *годовик*, *голицы*, *гуня*, *ремки*, *заборина*, *заборка*, *завозня*, *закуть*, *запечка*, *заплот*, *запон*, *казёнка*, *катанки*, *клеть*, *колок*, *копоть*, *куржак*, *куть*, *кухта*, *ленивка*, *летник*, *лоншак*, *лопотина*, *лопоть*, *марь*, *морок*, *моршни*, *наволоки*, *обряда*, *ограда*, *опояска*, *ошкур*, *передня*, *переклад*, *поветь*, *погода*, *стайка*, *третьяк*, *шептуны* — 35 %;

среднерусские диалектные ЛЕ: *балаган, vareги, вёдро, вышка, гашик, годовик, голицы, голички, гуня, заборка, закуть, залавок, запечка, запон, казёнка, катанки, куржак, кухта, ленивка, лопотина, лопоть, марь, наволоки, передня, поветь* — 20 %;

меньше слов, встречающиеся на территории южнорусских говоров: *бык₂, валух, вытяжки, вышка, годовик, голицы, гуня, заборка, залавок, казёнка, кладова, летник, передня* — 11 %.

Достаточно велик в рассмотренной группе лексики пласт так называемых регионализмов — диалектных слов, известных на территории всей Сибири (сибирская или общесибирская диалектная лексика): *барокчан, барануха, борчатка, доха, ергач, заимка, заплотина, зимовьё, иман, иманёнок, иманушка, имануха, ичиги, кашерик, копчик, косячок, крипотки, круглый дом, курмушка, куцан, надворье, опушка, ошкур, переклад, поварня, пороз, пригон, пятистенник, сельник (сеник), сеногой, ситник, стародойка, сухорос, табор, теплушка, хиуз, хмарь (хмара), чарки.*

Только на территории Забайкалья бытуют слова: *баранушка, барокчанка, болотники, даган, дживар, ергачи, ергачок, зады, имашек, ишигэн, котон, куцашок, ненастье₂, первокотка, порозок, туруны, тыкен, тырлык, чичуха, чушатник, шурган, ирген (эрген), ялуха* [Пляскина, 2016, с. 142-143, 188-195].

Подобное описание можно спроецировать на забайкальскую лексику в целом, так как носители этих диалектов жили и продолжают жить в сходных климатических, материальных (почти всегда тяжёлых) и социальных условиях (вплоть до 20-х годов XX века большинство носителей были казаками, потом — колхозниками, теперь некоторые стали фермерами, остальные имеют личное подсобное хозяйство). Процентное соотношение лексики разного генезиса может варьироваться в зависимости от говора, но ядром словарного состава является лексика севернорусская.

В лексике забайкальских говоров, как и других, наблюдается два типа диалектных слов или диалектизмов: **лексические диалектизмы** — «слова, отличающиеся от общенародных слов своим морфологическим и фонетическим составом, иначе — своим материальным оформлением» и **семантические диалектизмы** — «слова, отличаю-

щиеся от соответствующих общерусских слов своими лексическими значениями» (за основу принята классификация диалектизмов, данная Ф.П. Филиным в работе «Проект словаря русских народных говоров» [Филин 1961, с. 35-37]).

Лексические диалектизмы представлены тремя разновидностями:

1) словами, корни которых отсутствуют в литературном языке, например:

ведро, хмарь, кухта, повесть, хиуз, дживар, шурган, куржак, котон, куть, ичиги, запон, лопоть, ергач, ергаиный, курмушка, даган, барокчан, кашерик, пороз, хряк, иман, валух, эрген, куцан, тыкен, гуран, дзерен, адали, вошкаться, гваздать, карым, трастить, ургульки, халда, халдовитый, хлынять, хрушкой, чимкать, чуман, туяс, туясок, шиньгать, шибко, юзгаться и др.;

2) словами с теми же корнями, что в литературном языке или просторечии, но в ином аффиксальном оформлении, например: *сеногной, сухорос, наволоки, пятистенник, зимовьё, чушатник, пригон, повёрня, блю́дники, заимка, залавок, ленивка, заборка, косячок, угловичок, заплот, завозня, болотники, катанки, голицы, борчатка, годовик, барануха, козлуха, ярочка, боровок, свежина, свеженина, жарёха, хайлать, рябки, лесина, лесинка, сушина, отзаривать, пристать, солноёк, падь, листовянка, кривляк, вестимо, опнутья, отаборитья, чащевиный, караульцы, запопутья, медвежйна, нюхтеть, запростать и др.;*

3) словами, с фонетическими отличиями от корней литературного языка, например: *сивер, анбар, задрыпанный, куфайка, еслиф, сельник, выкамыривать.*

Семантические диалектизмы представлены двумя разновидностями:

1) омонимами общерусских слов, например: *казёнка* (кладовка), *летник* (летняя кухня), *теплушка* (стёганая куртка), *вышка* (чердак), *ситник* (летний дождь), *опушка* (притачной пояс к куртке); *грезить* (проказничать), *берёзник* (один из центральных резцов у младенца), *биток* (приспособление в виде совка для сбора ягод), *боры* (волнистые складки на одежде);

2) диалектными ЛСВ общерусских слов, например: *караул* (небольшое казачье селение на границе), *база* (скотный двор на пути

перегона скота), *блинок* (круглая крышка в печной трубе), *берёзник* (берёзовые дрова), *борозда* (межа, тропинка), *варганить* (готовить пищу на скорую руку), *вольный* (непослушный), *вольничать* (не слушаться старших), *гнилушка* (старый дом), *заправить (суп)* (при приготовлении добавить овощи, макароны и т. д.), *ларь* (кормушка для скота), *лён* (волоконная жила на шее быка), *линять* (терять окраску в процессе стирки), *маячить* (подавать знаки), *мозглый* (начинающий прокисать), *мордовать* (относиться очень строго, требовательно), *мощи* (кости), *опростаться* (родить), *торкать* (бить несильно) и др.

Яркой особенностью диалектной лексики является устойчивая тенденция к предельной конкретности значений слов при наименовании предметов, явлений, действий и признаков. На это диалектологи обратили внимание в первой трети 20 века [Якубинский, 1926], а позже заметили, что эта тенденция охватывает и функционирующие в говорах общерусские слова: происходит сужение их значений, то есть появляются диалектные отличия, диалектные ДС (примеры даны выше), происходит специализация их в говоре [см.: Мельниченко, 1962; Лукьянова, 1983]. Тенденция диалектной лексики к предельной конкретности значений приводит к гораздо большей детализации понятий реальной действительности: «Общерусские слова в большинстве своем обозначают общие и родовые понятия, диалектные слова — соответствующие им частные и видовые понятия. Кроме того, диалектные номинативные единицы служат средством детализации и конкретизации тех понятий, которые выражаются общерусскими словами» [Лукьянова, 1983, с. 19].

Это хорошо видно на примере бытовой как предметной, так и не-предметной лексики старожильческих забайкальских говоров, в частности говоров Борзинского, Акшинского, Петровск-Забайкальского, Приаргунского и других районов. Диалектные лексические единицы имеют конкретные, четкие значения, объяснить которые под силу любому взрослому носителю говора, потому что обозначают эти лексические единицы реалии, постоянно находящиеся в обиходе, и актуальные понятия. Например, *стайка* — тёплое помещение для крупного домашнего скота, *зимовьё* — тёплое помещение для мелких и ново-

рождённых животных, *чушатник* — холодное помещение для свиней, *котон* — тёплое помещение для баранов, *светлица* — часть дома, примыкающая к переднему углу; светлая чистая комната, *прихожка* — часть дома у входа рядом с дверью, *вышка* — помещение между потолком и крышей дома, чердак, *заплот* — сплошная изгородь из горизонтально положенных брёвен, *плетень* — изгородь, сплетённая из ивовых прутьев, *зады* — задняя часть двора крестьянского дома, *ограда₁* — изгородь, *ограда₂* — огороженное место вокруг крестьянского дома, двор; *ошкур* — притачной пояс у юбки или брюк, *ергачи* — меховые штаны, *крипотки* — меховые носки, *рукавицы* — меховые рукавицы, *катанки* — валяная (катаная) самодельная обувь, валенки; *болотники* — кожаная самодельная обувь в виде сапог с голенищами до середины бедра, *доха* — цельное меховое пальто мехом наружу; *лыбиться* — улыбаться, *махонький* — маленький, *лони*, *лонись* — в прошлом году, *лебезный* — (о неодушевлённых предметах) тонкий, слабый, хрупкий, *легурный* — (об одушевлённых предметах) слабый, хрупкий, изнеженный, *латать* — ставить заплатки, чинить, *кулемесить* — делать что-л. неаккуратно, неряшливо, плохо, *кружать* — устать до голокружения, *кочевать* — переезжать на другое место жительства, *косорезить* — поступать плохо, предосудительно, *косорукий*, *пахарукий* — неловкий, неумелый, *аркать*, *клевить* — доводить до слёз, дразнить, *казь* — непослушный, избалованный ребёнок, *варнак* — непослушный мальчик, проказник, *замызганный* — очень грязный, *озундуглеть* — выжить из ума, *зубатиться* — говорить дерзости, грубить, *змеёвка* — коварная, хитрая, злая женщина, *злокостный* — злой, мстительный, *зариться* — смотреть с завистью, страстно желать что-л., *петрить* — понимать, сообщать, разбираться, *подбывать* — подсыхать, *поважать* — потворствуя, приучать к чему-л., *набуровать* — сделать что-л. чрезмерно: налить, насыпать, *дверяжить* — делать двойным, соединять по двое, *грешить* — ругая, заставляя кого-л. что-то делать, *обдергаешный* — недостаточно длинный, *очурать* — остановить и др.

Детализация значений особенно широко распространена в ТГ «Названия домашних животных», во многих ЛСГ, входящих в неё, семантическое пространство характеризуется большей расчленённостью

стью, чем в литературном языке. Например, ЛСГ «Названия детёнышей коровы» включает 10 ЛЕ: *телёнок*, *телок*, *бычок*, *тёлочка*, *тёлка*, *телушка*, *телёнок*₂, *барокчан*, *кашерик*, *порозок* (последние четыре — диалектные), из них только две лексемы *тёлка* и *телушка* находятся в дублетных отношениях, остальные дифференцируют детёныша по возрасту: *телёнок*₂, *телок* — до года, *барокчан* — годовалый, *кашерик* — двухлетний, *тёлочка* — до года, *тёлка*, *телушка* — по второму году; по полу: *бычок*, *телок*, *барокчан*, *кашерик*, *порозок* — детёныши мужского пола; *тёлка*, *телушка*, *тёлочка* — женского пола; по признакам «кастрированный — некастрированный»: *порозок* — некастрированный бычок. Родовое наименование детёныша коровы является общерусским словом, многие видовые наименования — диалектными словами, конкретизирующими родовое.

В ЛСГ «Названия детёнышей лошади» входит 9 ЛЕ: *жеребёнок*, *стригунок*, *сосунок*, *годовик*, *лоншак*, *даган*, *третьяк*, *кобылка*, *жеребчик* (первые две — общерусские; из диалектных 3 ЛЕ *даган*, *лоншак* и *третьяк* — лексические диалектизмы, остальные — семантические), которые дифференцируют детёныша по этим же признакам: по возрасту: *годовик* — около года, *лоншак* — до двух лет, *даган* — двухлетний, *третьяк* — по третьему году; по полу: *годовик*, *лоншак*, *даган*, *третьяк*, *жеребчик* — мужского пола, *кобылка* — женского; по признакам «кастрированный — некастрированный»: *жеребчик* — некастрированный, остальные наименования детёнышей мужского пола обозначают кастрированных жеребят; в этой группе дифференциация основывается еще на одном признаке: «характер питания», так как детёныш лошади долгое время остается несамостоятельным: *сосунок*, *стригунок* — детёныш, сосущий мать. И в этой ЛСГ родовое понятие выражено общерусским словом *жеребёнок*.

Так же детально расчленено семантическое пространство в ЛСГ «Названия самки быка», которая состоит из 8 ЛЕ: *корова*, *нетель*, *первотёлка*, *яловка*, *новотёлка*, *барокчанка*, *стародойка*, *ялуха* (из них последние четыре диалектные), противопоставление которых основано не только на семе «возраст», но и на семах, связанных с отёлом.

В ЛСГ, содержащих названия самцов домашних животных, обязательна дифференциация по признакам «кастрированный — нека-

стрированный», признак «некастрированный» обычно выражается диалектными словами: *пороз* — бык, *тыкен* — козёл, *куцан* — баран, *куцашок* — барашек (детёныш мужского пола), *хряк* — самец свиньи, *хрячок* — поросёнок.

Все признаки, лежащие в основе дифференциации названий домашних животных, являются актуальными, жизненно важными для носителей забайкальских говоров, искони занимающихся разведением и выращиванием домашних животных для собственного пропитания и не только. Вот как они рассказывают об этой стороне своей жизни:

Мы зимой-то чушек не держим, осинню заколим, да и на зиму мяса хватат; Борова-то на мясо рóstят, ну и кастрируют в дватри месяца, а хряк — эта производитель. У ково чушек-то много, дак держут хряка; Хряка-то на мясо нельзя, вонько оно, надо облёгчить, потом уж, через год колоть; Поросёнка кажный год держу: весной куплю месяшного али поболе и да осени рóишу, а осенью, на седьмо, заколем;

Валух, конешно, облегченный, их же на мясо держут, ну и шерсть стригут. Стричь-то начинают с двух лет; Ирген-то — это большууший такой баран, матёрый, и шерсти на ём большы, их стригут несколько лет, а там уж, как остарет, сдадут на мясо; Куцанов держим баранух осеменять; Есь у нас несколько баранух, шерсть с их стригу, окотятся — барашков подрóстим да на мясо;

У меня две иманухи с иманятами ноничи; Иманов на мясо доржут, вот весной бараны-то сухи, корму-то мало весной, а иманы-то жирны, они всегда жирны, вот заколят; Не, мы иманух не доили, на мясо держали, как буряты; Есь у нас две иманухи, из-за пуха держим; У нас коза молоко хороше даёт, да и сена ей на зиму надо меньше, полехше с козой-то; Я иманух утресь подою и выпушишу, пускай сами себе пропитанне ишишут;

Треттяк — это жеребёнок, а бычок — кашерик, мы, как буряты, телят зовём кашериками. Кашерика-то осенью колоть будем, приходи на жарёху. Можно было ево, конечно, ишо порóстить, да чем кормить-то; Из быччих жил жилки, нитки таки делали ичиги шить; Бычаччи шкуры-то надо сдать, ездят же, собирают;

Бык — это облеженный, без ячечек, его же на мясо рóстят, а мяса-то вонька, если не кастрировать; Быка осенью сдадим на мясо; В войну-ту на быках пахали, а сейчас запряги быка-то, вся деремня смеяться будет; Ялова корова-то нынче у нас, а мы хотели продать телёнка да деньжатами разжиться; У нас молоко-то новотелишино, жидкавато, но ничё, чай белим, а то у суседки брала, никакого-то не было; У меня три коровы, одна ишо нетель, а друга-то стара уже, сдадим осенью на мясокомбинат; У нашей коровы молоко шибко вкусно, все хвалят да просят тёлочку от неё, а где на всех-то наберёшься; У меня корова-то худо молоко даёт, жидко, дак я купила телушку от сементальской коровы, вот роишу.

В представленных контекстах диалектной речи частично раскрывается та объективная действительность, в которой живут носители забайкальских говоров. Суровый резко-континентальный климат, малоплодородные почвы (Забайкалье называют краем рискованного земледелия), протяжённость и необустроенность территории, пример соседей-аборигенов, искони занимавшихся кочевым скотоводством, обусловили и активное разведение домашних животных, и мясной характер питания: *Как буряты, мясо кусками наварим и едим, да чаем карымским запивам; Мясо всегда, без мяса не наелся; Приехал бы [хозяин] да скорее заколол, а то мясо-то заканчиватся, как мы будем без мяса.* Поэтому так разнообразны названия домашних животных и мясных блюд [подробнее см. Пляскина, 2018 б], а также меховой одежды, что связано в первую очередь с её свойством сохранять тепло в морозную и ветреную погоду и отсутствием ткацкого производства — во вторую (единственный в крае камвольно-суконный комбинат был построен в Чите в 70-е годы XX века).

На сохранении актуальности этой лексики и другой бытовой сказались и трудные условия жизни носителей говоров: им многое приходилось делать самим и для себя, и для хозяйства вплоть до 90-х годов XX века, когда стали доступны разнообразные китайские товары; их личные хозяйства были почти натуральными: стригли овец, очищали эту шерсть для изготовления стёганных одеял, матрасов, пряли её и вязали варежки, носки, шапки, шали, другую одежду; выделяли овчины и шили из них меховую одежду и обувь (*У нас всегда сло-*

во овчина было, овца не говорили, а овчина — всегда, а как без овчин: шили из их шубы, рукавицы, шапки, штаны и носки таки — называются крипотки, всё шили сами — другой-то одёжи-то никакой не было); шили и одежду из ткани; сами строили помещения для различных нужд, в том числе и жилые, изготавливали домашнюю утварь, огораживали территорию; обеспечивали себя не только мясом, но и овощами, пекли хлеб и другие изделия из теста. И в наше время, к сожалению, уровень жизни многих носителей говоров не позволяет им отказаться от домашнего хозяйства и огородов; некоторые ради экономии продолжают и хлеб печь, и пироги, и шаньги, и тарки, так что лексика хлебопечения активно используется [подробнее см. Пляскина, Шмелёва, 2018].

Напротив, не актуальны в забайкальских говорах различные названия снега (их нет), как, например, в новосибирских, так как зимы малоснежны, почему и развито кочевое скотоводство; нет дифференциации в названиях тумана, так как обычна низкая влажность воздуха; дождей тоже мало, но они приходится как раз на сезон полевых работ, поэтому носители говоров различают их виды: *дождь*, *дождик*₁, *дождик*₂, *ливень*, *дождина*, *ненастье*, *ситник*, *ситничек*, *сеногной*, *слепой дождь*.

Итак, мы видим, что в забайкальских говорах и прежде всего в их лексике, находит отражение всё то, что реально существует и социально значимо для их носителей. Ни один уровень языка (или говора) не имеет такой тесной связи с объективной действительностью, как лексико-семантический.

В других ТГ лексики говоров тоже встречаются такие «дробные слова — наименования», как называет их Т.С. Коготкова, которые нельзя квалифицировать как синонимы, так как они обозначают разные реалии, предметно дифференцирующиеся между собой (по форме, материалу, способу их изготовления, по функциональному назначению и т.п.) [Коготкова, 1979, с. 26]. Например, в ЛСГ «Названия рукавиц» одного из старожильческих говоров (борзинского) входит 6 ЛЕ, каждая из которых является названием их определённого вида: *рукавицы* — меховые, *варежки* — вязаные, *вареги* — вязаные и обшитые кожей, *голицы*, *голички* — кожаные, *туруны* — закрыва-

ющие только тыльную сторону руки, *верхонки* — надеваемые поверх других, обычно брезентовые, а общего наименования рукавиц нет. В ЛСГ «Названия ветра» 6 диалектных из 9 входящих в неё ЛЕ дифференцируют разные его виды: *ветрина* — сильный, *ветерок* — слабый тёплый, *хиуз* — слабый холодный, *дживар* — холодный, *сиверко* — северный, *шурган* — со снегом или дождём. Общее название ветра выражено в говоре общерусским словом.

Стремление к предельной конкретизации при наименовании, предрасположенность к «большей детализации» понятий реальной действительности диалектологи связывают с функциональной ограниченностью говоров: это средство обиходно-бытового общения в семье, среди односельчан, в текущей производственной деятельности. Функциональные особенности говора обуславливают и большое количество слов с конкретным значением, тесно соотнесённых с предметами или явлениями, ими обозначаемыми. Т.С. Коготкова также отмечает в говорах тенденцию к созданию «производных слов, семантически очень чётких, почти однозначных» как реакцию на существование диалектных слов диффузной семантики [Коготкова, 1966, с. 306-307]. Она же говорит о том, что «моносемичная лексика диалектов распределяется, по преимуществу, в сфере обозначения реальных предметного содержания» [Коготкова, 1979, с. 25-26]. Большинство диалектных слов в говорах как предметных, так и непредметных по значению является однозначными, например, *куржак*, *хиуз*, *шурган*, *сиверко*, *сухорос*, *хмарь*; *обряда*, *ергачи*, *крипотки*, *борчатка*, *верхонки*, *вытяжки*, *моршни*, *тырлык*, *ошкур*, *запон*; *залавок*, *угловичок*, *подпол*, *заплот*, *надворье*; *цендровка*, *алалакать*, *аляпистый*, *базарский*, *вестимо*, *внарок*, *вольничать*, *выбыгать*, *вяньгать*, *галиться*, *грезить*, *дверяжить*, *доткнуться*, *дюжить*, *исповадить*, *кахыкать*, *кулемесить*, *наермачить*, *наздевать*, *несуседливый*, *обдергаешный*, *оболокаться*, *озундуглеть*, *отабориться*, *отемнеть*, *распазить*, *расчушить*, *соромщина*, *страмной*, *стыручий*, *трастить*, *хайлать*, *хиузить*, *чепуриться*, *шиньгать*, *юзгаться* и ещё очень много других.

Полисемичных диалектных слов в бытовой предметной лексике не так много: *сеногной*₁ — прерывистый дождь во время сенокоса, *сеногной*₂ — погода во время сенокоса, когда то идёт дождь, то светит

солнце; *кухта*₁ — иней на ветвях деревьев, кустах; *кухта*₂ — погода, характеризующая тусклостью, дымкой; *морок*₁ — туча, *морок*₂ — пасмурная, ненастная, тихая погода; *копоть*₁ — пыль, *копоть*₂ — туман в морозный день; *дождик*₁ — кратковременный несильный дождь; *дождик*₂ — дождь; *иман*₁ — самец козы; *иман*₂ — кастрированный самец козы; *иманёнок*₁ — детёныш козы; *иманёнок*₂ — детёныш козы мужского пола; *халда*₁ — непослушная девочка, девушка, *халда*₂ — наглая, беспутная женщина; *чушка*₁ — самка свиньи, *чушка*₂ — неопрятный, грязный человек, неряха, *чушка*₃ — неблагодарный человек; *чушатник*₁ — холодное помещение для свиней, *чушатник*₂ — неопрятное, грязное помещение; *чичуха*₁ — самка домашнего козла, *чичуха*₂ — подвижная грациозная девочка; *гуран*₁ — дикий козёл, *гуран*₂ — охотник в одежде и в шапке из гураньих шкур;

как и в непредметной: *скружать*₁ — устать до головокружения, *скружать*₂ — утратить способность ясно воспринимать окружающее; *сдвержить*₁ — скручивать, свивать пряжу в две нитки, *сдвержить*₂ — бить ремнём, *понужать*₁ — подгонять коня, *понужать*₂ — бить (ремнём, верёвкой); *питюжить*₁ — проявлять чрезмерное внимание, *питюжить*₂ — придирааться, наставлять; *паря*₁ — обращение к лицу мужского пола, *паря*₂ — обращение к любому лицу; *отбивать*₁ — заострять лезвие косы, *отбивать*₂ — отлучать, переводить на самостоятельное; *наторкать*₁ — наполнить, накладывая, втискивая, *наторкать*₂ — нанести удары, побить; *напрямь*₁ — по прямой линии, напрямик, *напрямь*₂ — прямо, открыто, без обиняков; *ладить*₁ — готовить пищу, *ладить*₂ — лечить травами, заговорами; *запурхаться*₁ — сильно устать от утомительной работы, *запурхаться*₂ — оказаться в затруднительном положении; *грешить*₁ — ругая, заставляя, *грешить*₂ — предполагать что-л. негативное; *голимый*₁ — в чистом виде, *голимый*₂ — имеющийся в большом количестве; *вошкаться*₁ — заниматься делом, доставляющим много хлопот, *вошкаться*₂ — ворочаться, возиться, *вошкаться*₃ — копаться, мешкать и некоторые другие.

Наиболее распространённый и активный способ семантического переосмысления слова и развития его семантической структуры в литературном языке и в говорах — метафорический перенос, то есть переименование на основе сходства предметов, признаков, дей-

ствий; он характерен для таких многозначных диалектных слов, как *бурдук, бурдучить, варнак, веретёшко, взлобок, вилюшки, возгудать, копоть, буровить, вошкаться, голимый, запурхаться, имать, ладить, мунтулить, напярмы, питюжить, понужать, постегонка, скружать, отумалка, чушка, чушатник, чичуха* и др.; таких общерусских слов, у которых появился в говорах диалектный ЛСВ: *наторкать, белить, валить, варганить, водиться, восставать, глухо, горбатиться, грабастать, дикий, жучить, заплетаться, захомутать, кобениться, корячиться, линия, линиять, материться, мозглый, мордовать, муторный, непокрытая, прискакивать, приспешиник, промяться, чайница, яма* и др.

Метонимический перенос наименования по модели «часть-целое» произошел у слов: *бухулёр, свежина, свеженина, жарёха, гача, сеногной, кухта, морок, дождик, сеногной, ненастье, изба*; по модели «целое-часть» у слов *мосол* (в ясногорском говоре: 2) варёная кость животного и 3) варёный костный мозг), *опушка, шуба, погода, котон, конь, бык, иман, телёнок, козлёнок, иманёнок, барашек* причем у последних двух этот перенос можно квалифицировать как специализацию значения; по модели «действие — место действия» у слова *покос*.

Большинство диалектных слов имеет **прозрачную внутреннюю форму**, так как мотивировано тем или иным способом; этот характерный признак диалектной лексики отмечают многие диалектологи (Т.С. Коготкова, Н.А. Лукьянова, О.И. Блинова и др.). Важно, что при объяснении местного слова носители говоров свободно пользуются мотивирующими словами, так как многие диалектные слова являются производными, с ясным словообразовательным строением, соотнесёнными с бытующими в говорах основами. Например: *сухорос* (сухой, роса), *сеногной* (сено, гнить), *вёдренный* (вёдро), *наволоки* (волочь), *зимовё, зимник* (зима), *чушатник* (чушка), *заплотина* (заплот), *заборина* (забор), *закуть* (куть), *запечка* (печка), *переклад* (класть), *заборка* (брать, забирать), *залавок* (лавка), *косячок* (косой), *угловичок* (угловой), *завозня* (завозить), *надворье* (двор); *теплушка* (тёплый), *верхонки* (верхний), *голицы* (голый), *опояска* (пояс), *моршни* (морщить), *бродни* (бродить), *вытяжки* (вытягивать), *болотники* (болото), *катанки* (катать); *первокотка* (первый окот), *барануха, бара-*

нушка (баран), ялуха (яловая), боровок (боров), кабанок (кабан), имануха, иманёнок (иман); бегавушка, бегунец (бегать), блюдник (блюдце), большак (большой), борчатка (боры, борики), бирка, биркий (братъ, собирать), ветряк (ветер), вышка (высоко), годовик (год), дверяжить (два, ряд), девятильник (девять), заварник (заварить), завозня (завозить), закидушка (закидывать), заплот (плотный), косячок (косой), косорукий (косой, рука), милёшиха (милый), наквашонник (квашня), озундуглеть (зундугло), обдергаешный (обдёргать), одёнки (дно), очелье (чело), очурать (чур), падь (падать), перекошелиться (кошель), ситник (сито), слишиться (лишний), хиузить (хиуз), целик (целый), чаевать (чай) и др.

Производящие основы диалектных слов в говорах в основном общенародного происхождения, и синхронное соотношение с ними обеспечивает прозрачность, ясность внутренней формы слова. Значение диалектных слов, появившихся в результате словообразовательной деривации оказывается мотивированным, поскольку имеется обусловленность значением другого слова (ср. *переклад*, *теплушка*, *завозня*, *верхонки*, *зимовьё*, *голицы*, *моршни*, *бродни*, *вытяжки*, *катанки*, *первотёлка* и др.).

Слова с затемнённой внутренней формой тоже часто соотносятся с общерусскими актуальными словами, например: ЛЕ *отымалка* (*отумалка*), имеющая в забайкальских говорах прямое значение «тряпка для мытья посуды» и переносное «грязная, неряшливая женщина», в словаре В.И. Даля дана с вариантом *отнималка*, с территориальной пометой *арх.* и со значениями «ветошка, тряпица, которою снимают горшок с пылу» и «грязная, неопрятная женщина, грязнуха» в словарной статье к слову *отнимать* с северными вариантами *отъимать* и *отымать* и со значением «брать прочь, принимать, уносить, отставлять» [Даль, 1981, т. 2, с. 741]. Но, поскольку в забайкальских говорах у этой ЛЕ прямое значение другое, да и горшки сейчас уже очень редко вынимают из русской печи (возможно, это значение утратилось не так давно), то носители не связывают её с глаголом *отымать*, хотя он ещё бытует.

ЛЕ *чепура́* (*чапура*), *чапыжник* (*чепыжник*) имеют тот же корень, что и у глагола *чапать* — фонетического варианта просторечного

глагола *цанать* со значением «брать, хватать»; в вятских говорах *чапаться* — «хвататься (за кого-, что-л.)». Это помогает понять, почему молодые невысокие густо растущие деревья и кусты (берёза, ольха, черёмуха и др.) называются *чепурой* (*чапурой*), *чепыжником* (*чапыжником*) [Даль, 1981, т. 4, с. 582], а также появившимися позднее, возможно, уже в Забайкалье *чепурильником* и *чепурыжником*.

ЛЕ *ремки* со значением «старая, рваная одежда» в забайкальских говорах бытует только в форме множественного числа, поэтому трудно предположить, что она соотносится с ЛЕ *ремень*; обе они восходят к *ремы*, от которой ещё в общеславянском языке при помощи суффикса *-мен (как *камы* — *камень*) образовалось существительное *ремень* (это форма винительного падежа) с первоначальным значением «ярёмный ремень» [Шанский, и др., 1971, с. 388]. У В.И. Даля значение — «узкая и долгая полоса кожи» (значение «узкий недолгий ремень» имеют ЛЕ *ремёшек* и *ремушек*); в словарной статье к этому слову он поместил и ЛЕ *ремók* со значением «лоскут, тряпица, ветошка, лохмотье, обноски, рваная одежда, рубище»; даны и другие ЛЕ, записанные в разных диалектах с этим же значением: *рёмух* (*ро́мух*), *рему́ха* (*рому́ха*), *ремои́на*, *рему́шка*, *рему́га* (в вологодских, вятских и других северо-восточных русских говорах) [Даль, 1981, т. 4, с. 91].

Безусловно, мотивированность диалектных слов способствует целям языкового общения носителей забайкальских говоров, так как «ясные в словообразовательном или этимологическом отношении слова легче воспринимаются и воспроизводятся, прочнее удерживаются в памяти, нежели слова, лишённые мотивации» [Моисеев, 1963, с. 126]. Кроме этого, они характеризуются конкретностью, определённой значимостью, что тоже обеспечивает их широкую употребительность в говорах.

Итак, неотъемлемой частью лексико-семантической системы забайкальских говоров является общерусская лексика, которой принадлежит ведущая роль в коммуникативном фонде словаря.

Преобладание конкретных, детализирующих наименований, особенно в ТГ «Названия домашних животных», говорит о специфике говоров, о их функциональной ограниченности как средства общения в семье, среди односельчан, в текущей, производственной деятельности.

Функциональная ограниченность говоров как средства обиходно-бытового общения определяет повышенную конкретность диалектных наименований, стремление к большей детализации при обозначении, что проявляется в особенностях их словообразовательной структуры (производные) и значения (прозрачность внутренней формы).

Характерной чертой лексики говоров является её незамкнутость, открытость её системы для проникновения литературных и заимствованных слов.

3.4. Автохтонные заимствования в забайкальской диалектной лексике

Заимствования являются естественным следствием различных отношений (экономических, политических, культурных и др.) одного народа (части народа) с другими, когда вместе с реалиями и понятиями, вошедшими в быт, в язык (говор) приходят обозначающие их слова. Контакты русских людей, осваивавших Забайкалье, с местным населением (бурятами и тунгусами) не могли не привести к взаимному культурному и языковому влиянию. Заимствование у аборигенов необходимых в сибирских условиях реалий, а также опыта и знаний в области животноводства и звероловства неизбежно связано с заимствованием номинаций, многие из которых приобрели общесибирский характер (например, по данным Словаря В.И. Даля: *доха, унты, олоши, аргал, гужир, бурдук, арака, чарпел (черпел), даган, ирген, яман, тыкен, куцан, кач(ш)ерик, тарбаган, джумбура, солонгой, гуран, анжиган, чизгины, сундалой (сундала), адали, ороконы*).

В.И. Даль в статье «О наречиях русского языка» отмечал, что в сибирском наречии «немало принято также от инородцев: татар, остяков, тунгусов, бурят, якутов и проч. Таких слов особенно много по роду местной жизни, промыслам, предметам, естественным той местности и проч.» [Даль, 1981, т. 1, с. 67]. Это и понятно, ведь аборигены уже освоились на этой территории, приспособились к климату и местности, у них был свой быт, свои обычаи и обряды, свои жилища, своя одежда, другие орудия и оружия, свои слова, которые русские

поселенцы перенимают и произносят по-своему, придают им новые оттенки и смысл.

По мнению Р.Х. Харташкиной, в первый период общения, с середины XVII века до середины XIX века, бурятский язык оказывал более сильное влияние на лексику говоров русских старожилов, чем последний на язык бурят. Во-первых, прибывшие на новое место сталкивались с иным растительным и животным миром, и все названия заимствовались у аборигенов. Вся топонимика была бурятской. Во-вторых, общие экономические интересы заставляли русских и бурят общаться на одном из их языков, и малочисленное по сравнению с аборигенами пришлое население овладевало бурятским языком [Харташкина, 1977, с. 26].

Из бурятского языка русскими заимствовались слова, которые, как пишет А.П. Шапов, «преимущественно относятся к туземным зоолого-экономическим условиям монголо-бурятского скотоводческого и звероловческого быта... главным образом, к домашним животным и отчасти диким зверям ... прочие слова касаются разных предметов и представлений» [Шапов, 1937, с. 121].

В лексике забайкальских говоров мы действительно находим достаточно большое количество заимствований из **бурятского языка** (бурятизмов), особенно среди названий животных, как домашних, так и диких. Природные и климатические условия способствовали тому, что русские стали разводить скот, и естественными были заимствования дифференцированной скотоводческой лексики бурят, например (здесь и далее БРС — Бурятско-русский словарь, составленный К.С. Черемисовым): *дагáн* от бур. *даага/н/* — «двухлетний жеребёнок» [БРС, с. 177], *кашерíк* от бур. *хашараг* — «двухлетний бычок» [БРС, с. 565], *имáн, яман, еман* от бур. *ямаа/н/* — «коза» [БРС, с. 799], *тыкéн* от бур. *тэхэ* — «козёл (некастрированный)» [БРС, с. 458], *ишигэ́н* от бур. *эшэгэ/н/* — «козлёнок» [БРС, с. 780], *куца́н* от бур. *хуса* — «баран — производитель» [БРС, с. 604], *эргéн, ирген* от бур. *эрье* — «валух, кастрированный баран» [БРС, с. 774].

Дикая природа предоставляла прекрасные возможности для охоты, и казаки-старожилы, имевшие огнестрельное оружие, добывали себе пропитание и в тайге, и в степи, так что в группе названий диких

животных тоже есть бурятизмы: *гурáн* от бур. *гура/н/* — «самец косули (в период, когда у него опадают рога)» [БРС, с. 160]; *гурөөһэ/н/* — «дикая коза, косуля» [БРС, с. 166], *инджигáн*, *инжиган*, *анжиган*, *инзаган*, *инзыган*, *янзаган*, *инзаран* от бур. *инзаган* — «козлёнок (детёныш дикой козы)» [БРС, с. 279], *жимбура́*, *джимбура* от бур. *зумбараан* — «суслик» [БРС, с. 262], *тарбага́н* — от бур. *тарбага/н/* — «степной сурок» [БРС, с. 415], *солонгой* от бур. *һолонго* — «колонок, хорёк» [БРС, с. 682], *кула́н* от бур. *хулан* — «дикая лошадь» [БРС, с. 599], *манул* от бур. *мануул* «дикая кошка» [БРС, с. 293].

В тематических группах слов, относящихся к названиям явлений природы, растений, видов местности, бурятскими по происхождению являются *джива́р* от бур. *жабар* — «не сильный, но резкий и очень холодный ветер, хиус (обл.)» [БРС, с. 230], *шу́рган* от бур. *шуурга/н/* — «буря» [БРС, с. 735], *ургуй* от бур. *ургы* — «подснежник» [БРС, с. 474], *мангы́р*, *мангир* от бур. *мангир* — «лук (дикий)» [БРС, с. 292], *арша́н* от бур. *аршаан* — «целебный или минеральный источник» [БРС, с. 61], *аршанту́й* от бур. *аршаантай* — имеющий целебный или минеральный источник, *шулута́й* от бур. *шулуута* «каменистая падь» [БРС, с. 733], *гуджир* от бур. *хужар* — «солончак, солонец» [БРС, с. 599].

В ТГ «Названия одежды» тоже есть заимствования из бурятского языка, так как русские перенимали некоторые виды одежды как наиболее удобные в местных условиях, хотя и видоизменяли: *туру́ны* от бур. *туруун* — « меховой манжет, пристёгиваемый к рукаву» [БРС, с. 437], *тырлы́к*, *тырлик* от бур. *тэрлиг* — «летний халат (на подкладке), терлик» [БРС, с. 456], *дохá* от бур. *даха* — «шуба мехом наружу, доха, зимний тулуп» [БРС, с. 189].

ТГ «Названия напитков и блюд» в забайкальских говорах пополнилась словами, называющими бурятские национальные блюда и напитки: *аракá* от бур. *архи* — «молочная водка» [БРС, с. 60], *арса́*, *арца́* от бур. *аарса/н/* — «род творога» [БРС, с. 18], *бу́зы*, *пóзы* от бур. *бууза* — «большие пельмени, сваренные на пару» [БРС, с. 117], *бухулёр*, *бухлёр* от бур. *бухлэр/р/* — «целиком, полностью» [БРС, с. 128], *шуля́*, *шиля́*, *шеля́* от бур. *шҮлэ/н/* «суп, бульон, мясной отвар» [БРС, с. 738], *шулюга* от бур. *шҮлэгуй* «постный, не дающий навару (о мясе)» [БРС, с. 738], *затура́н*, возможно, от бур. *затагар* «засаленный, грязный»

[БРС, с. 252], *зутармаан* «грязный», *зутан* «похлёбка, болтушка (из молока, сваренного с мукой) [БРС, с. 264], *уро́к* от бур. *уураг* «молоко коровы после отёла, молозиво» [БРС, с. 481], *бурдук* от бур. *бурдуг* «пойло, бурда» [БРС, с. 113] (слово *бурда* татарского происхождения, имеет значение «мутное питьё, смесь разных жидкостей»).

Другая бытовая лексика: *сундало́й*, *сундуло́й* от бур. *хундалдаха* — «садиться верхом вдвоём (на одну лошадь)» [БРС, с. 690], *зунту́гло*, *зундугло́*, *сундугло́* от бур. *зунтэг* — «одряхлевший, старческий, выживший из ума» [БРС, с. 268], *хому́н* от бур. *хамуу* — «кожные заразные болезни» [БРС, с. 544], *зуды́р* от бур. *зутар* — «грязный» [БРС, 267], *шилю́кан* от бур. *шалюухан* (уменьш.-ласк.) от *шалюун* — «хулиганистый, непристойный» [БРС, с. 717], *тала́* от бур. *тала* «друг, приятель» [БРС, с.411], *харану́т* от бур. *хара* — «чёрный, тёмный» [БРС, с. 547], *кары́м* от бур. *хари*, *харим*, *харым* — «чужой, чуждый, иноземный» [БРС, с.555], *ганза* от бур. диал. *ганса* [БРС, с. 146], *шульта́* от бур. *шУльтэ* «1) сок хвои, 3) *перен.* мощь, сила» [БРС, с. 737], *адали* от бур. *адли* «подобно, равно, точно, словно, как и...» [БРС, с. 31], *сохаты́к* от бур. *сохихо* «бить, ударять, колотить» [БРС, с. 393].

От бурятского глагола *манаха* со значением «пасти ночью» [БРС, с. 292], образовался русский *маначить* (значение сохранилось).

Из **монгольского языка**, возможно, через бурятский пришли слова, зафиксированные В.И. Далем с пометой «монгольское»: *дзэ́рен* — «южная сайга, водится на китайской и персидской границах наших» [Даль 1981, т. 1, с. 435], *чисги́ны* (вост.-сиб.) — «поводья» [Даль 1981, т. 4, с. 604], *отхон* (забайк.) — «единое или последнее дитя» [Даль 1981, т. 2, с. 765], *аргал* — «сухой помёт скотский на топливо, по недостатку дров» [Даль 1981, т. 1, с. 21], *чарпел*, *черпел* (вост.-сиб.) — «лошадь, съевшая зубы, то есть старше 8-ми лет» [Даль 1981, т. 4, с. 582], *мерин* — «смирный, крощёный жеребец, кладеный, холощёный» [Даль 1981, т. 2, с. 321] (скорее всего это более раннее заимствование, чем остальные в этой группе, так как дано без территориальной пометы).

Из **эвенкийского языка** в забайкальских говорах отмечены следующие заимствования (здесь и далее ЭРС — эвенкийско-русский словарь, составленный Г.М. Василевич): *чичу́ха* от эвенк. *чичу́һа* — «коза домашняя», [ЭРС, с. 523], *унты́* от эвенк. *унта* — «обувь, унты» [До-

бродомов, 1982, с. 89; ЭРС, с. 448], *олочи* от эвенк. *олочи* — «короткие унты из ровдуги, замши с разрезом спереди» [ЭРС, с. 105], *орочон*, *орочён* от эвенк. *орочён* «1) оленевод, 2) *мн.* эвенки, живущие в востоку от Байкала (имеющие оленей)» [ЭРС, с. 107] и др.

Как видим, почти вся заимствованная лексика — это лексика предметная, с конкретным значением за исключением союза *адали*. Некоторые ЛЕ обозначают такие предметы и явления, например, погодные, с которыми русские, прибывшие в основном из лесистых районов центральной России, где погода чаще тихая, чем ветреная, не были знакомы: *шурган* — сильный ветер с дождём или снегом (а то и с песком ранней весной, когда снега уже нет); он отличается от пурги, которая бывает только зимой: *Пурга зимой бывает, вот ветер крутит снег, холодно; Шурган — это ветер сильный и таишиит чё-нидь; Шурган — сильный ветер зимой али осинню со снегом, с дождем. Я люблю такую погоду, в степи-то ничё не видать, крутит — вертит; Чё творится на улице-то: шурган! Вытти нельзя, витрина с ног сбиват.* Очевидно, не только наличие разных видов осадков, но и скорость ветра сыграла свою роль (во время пурги снег плотнее, а во время шургана ветер сильнее, что более характерно для Забайкалья), и ЛЕ *шурган* стала универсальным наименованием: *У нас-то все говорили шурган, может сейчас кто и говорит пурга; шурган идёт, шурган будет.*

Русские первопроходцы увидели в Забайкалье новый и, как оказалось, очень удобный, тёплый и доступный (легко сшить самим из шкур добытых животных) вид обуви — *унты*, и эта ЛЕ так же, как и предмет, ею обозначаемый, хорошо известна любому забайкальцу; вот как рассказывали о них в 90-е годы XX века: *Унты из меха шили, из овчины, мехом внутрь. Таки же, как ичиги, только меховы. Голяшки обычно до колена делали, подвязывали ремешками вверху. Подошва у унтов мягка, из быччей кожи делали, а вовнутрь стельку войлошну клали; Сейчасны-то унты не таки шьют, подошва твёрда, мех наружу на голяшке, дак мода друга; Кто богаты, дак те катанки носили, унтами-то морговали, што ты.*

Шубы, сшитые мехом наружу, в отличие от унтов русские люди носили издавна, особенно в дороге и на охоте, но называли их *ягами*, *яргакáми*, *ергакáми*, *ергачáми*, что зафиксировано В.И. Далем [Даль,

1981, т. 4, с. 672; т. 1, с. 520]; в забайкальских говорах эти ЛЕ были вытеснены бурятизмом *дохá* как более удобным, да и сам этот вид одежды немного изменился, в активном запасе осталась только ЛЕ *ергáч*, в значении которой сохранилась сема «с коротким или подстриженным мехом» (в России в основном использовали шкуры жеребят), но слово стало обозначать шубу мехом внутрь. Сравните: *Доха — это шуба мехом наружу, её сверху надеют, кода в санях едут; Дохи-то сверху шубы надевали, обычно с иманних шкур шили; Ишо до войны дóхи были: вовнутрь овчина, а внаружу собачча али волча шкура, воротник высокий на кожаных вязках; в такой дохе никакой ветер не пробьёт; Ергач-от длинный, ниже колен, только мех на ём худой, короткий и редкий, на зиму-то така шуба не годится, а вот осинню ли весной носили; Ергачи шили с летних шкур али подстригали овчину.*

Буряты добавляли в зелёный (карымский) чай муку, поджаренную на жире, русским понравился такой чай, и они стали делать так же, позаимствовав название для муки — *затурáн*, а в чай добавляли ещё молоко или сливки, соль и сливали его разливательной ложкой, томя на слабом огне — получался *чай-сливан* или *сливанчик*, который готовили обычно во время сенокоса: сытный напиток в жару, когда не хочется есть. Если такой чай приготовлен без сливанья, то называется бурятским словом *затуран*.

В говорах переселенцев не было названия для молока коровы после отёла, бурятское слово *у́рок* заполнило лакуну; не было названия и для бульона (ЛЕ *бульон* пришла в русский литературный язык из французского языка в XVIII веке, как и ЛЕ *суп*), поэтому бурятизм *шуля́* стал необходимым, тем более что русским понравился бурятский *бухулёр* — суп из мяса, сваренного большими кусками, которое потом вынималось из него и нарезалось на кухонной доске, или каждый сам себе отрезал, а бульон (*шулю*) хлебали (буряты пили *шУлэ/н/* из пиал).

В некоторых случаях заимствованное слово 1) устраняет иногда мешающую в разговоре многозначность русского, например, ЛЕ *чисгиньы* обозначает короткие поводья (до седла), а русская ЛЕ *повод* — длинный ремень, при помощи которого ведут лошадь; 2) уточняет и конкретизирует, например, ЛЕ *зундугло* в отличие от русской ЛЕ *дурак* обозначает человека, поглупевшего от старости, выжившего из

ума (ср. *зундуглошка* (ирон.) — непонятливый, глупый (о детях); 3) заменяет русское словосочетание, поэтому его удобнее использовать во время общения, так как разговорная речь стремится к экономии произносительных усилий; это такие слова, как *мангыр* (дикий лук), *сундалой* (верхом вдвоём на одной лошади), *отхон* — последний ребёнок в семье, *карым* — 1) крещёный бурят или тунгус, а также их потомок и 2) ребёнок, рождённый в смешанном браке русского с буряткой или тунгусской (крещение было обязательным перед венчанием), *харанут* — то же, что *карым* во 2-ом значении (русское диалектное слово *болдырь* со значением «метис» сейчас почти не употребляется).

Иногда можно услышать, что «*позы* — это неправильно, а правильно — *буузы*» или «слова *гуран* нет в бурятском языке, а есть слово *гуро́хн*»; эти высказывания не учитывают того факта, что заимствования пришли в говоры устным путём: как русские услышали чужое слово, так и стали его произносить, тем более что в языках аборигенов есть звуки, отсутствующие в русском языке. Процесс фонетического освоения, а именно передачи слова звуками русского языка, обусловил наличие произносительных вариантов (примеры см. выше), и именно поэтому так далеки некоторые слова в говорах от соответствующих слов в языке-источнике, например: *джимбура*, *позы*, *гуджир*, *зудыр*, *зундугло*, *шилюкан*, *сундалой* и др.

Подавляющее большинство заимствованных ЛЕ совершенно обрусели, то есть освоены во всех отношениях; фонетическое освоение выражается в подчинении слова действующим законам фонетической системы русского языка (смягчение согласных перед звуком [э]: [*тык'эн*], [*ирг'эн*]; редукция гласных: [*длхá*], [*длгáн*], [*сълнго́й*], [*лтхóн*]; оглушение согласного на конце слова: [*тырлык*], *бурдук*, *урак*, *хашарак*); грамматическое освоение существительных связано с тем, что они изменяются по числам и падежам, то есть склоняются, лексическое — с тем, что они вошли в лексико-семантические системы забайкальских говоров, так как обозначают предметы, находящиеся в постоянном обиходе.

Почти все заимствования сохранили то же значение, которое имеют в языке-источнике, но некоторые слова обозначают изменённые реалии, более приспособленные к русскому быту, например, *тыр-*

лык — не летний халат (из ткани), а кожаный плащ без подклада; *туруны* — не меховой манжет и не кусок меха, пришиваемый к рукаву, а рукавицы с открытой ладонью; *дживар* — холодный ветер, а не пронзительный, и не сильный; *бурдук* — не пойло, бурда, а 1) корм для домашних животных, приготовленный из дроблёной или молотой пшеницы, залитой кипящей или горячей водой, 2) жидкая каша, сваренная из мелкой крупы (дроблёной или толчёной пшеницы, пшена) или муки на воде с жиром.

У многозначных слов обычно заимствовано одно значение, например, *арца* — «высушенный творог, оставшийся после перегонки квашеного молока»: *Творог процедают, потом высушат, он аж серый такой; брали с собой пастухи, сосали*; прилагательное *зутар* перешло в разряд существительных (*зудьёр*) и обозначает «грязь», а русское прилагательное образовано на его основе: *зудьёрный* — «грязный». Подобный процесс изменения грамматических признаков произошел и с прилагательным *шалюухан*, которое превратилось в существительное *шилиюкан* и обозначает непослушного ребёнка (более узкое значение). Обобщающее значение у слова *хамуу* сузилось до «кожной заразы» (*хомун*).

О закреплённости заимствований в забайкальских говорах свидетельствуют появившиеся у них переносные значения и порой достаточно обширные словообразовательные гнезда, в которые входят образованные по моделям русского языка диалектные слова. Например, у слова *бурдук* (см. выше); у слова *гуран* (самец дикой козы) ещё в 19 веке появился метафорический ЛСВ *гуран*², обозначавший сначала казака-охотника (он одевался в одежду, шитую из шкур этого животного, в том числе и шапку, у которой сохранялись уши и прорези для глаз), потом забайкальского казака и ставший в этом его значении к концу XIX века эмоционально-оценочным прозвищем (не всегда одобрительным); в наше время этот ЛСВ обозначает потомка забайкальского казака, а также коренного забайкальца. От каждого ЛСВ образовался целый ряд русских диалектных ЛЕ: *гуран*₁ — *гуранчик* (уменьш.-ласк.), *гураниха*, *гуранка* (самка), *гуранёнок* (детёныш), *гураний*, *гуранина* (мясо и шкура); *гуран*₂ — *гуранка* (жен. от *гуран*), *гуранёнок* (ребёнок, малыш), *гуранский*, *гураньё* (окаzionaliальные Гу-

раныч (наименование ресторана и бара), *Гурания* (поэтическое название Забайкалья)).

У слова *иман* тоже достаточно большое словообразовательное гнездо: *имануха* (самка козла), *иманёнок*, *имáшек* (детёныш), *иманушка*, *иманий*, *имани́на*, *иманиться*; как и у слова *поза* — *пóзка* (уменьш.-ласк.), *позная* (кафе), *пóзница* (кастрюля для варки поз), *пóзник* (человек, готовящий позы); у других заимствований появилось 1-2, реже 3 родственных слова: *унты* — *унтики*, *карым* — *кары́мка*, *карымский*, *отхон* — *отхончик*, *даган* — *даганчик* (уменьш.-ласк.), *дагашка* (пренебр.), *тыкен* — *тыкешка* (пренебр.), *ишигэн* -- *ишигэнка* (шку́ра козлёнка), *куцан* — *куцашо́к* (некастрированный ягнёнок), *куцашка* (пренебр.), *жимбура* — *жимбуру́шка*, *хиуз* — *хиузи́ть*, *доха* — *до́шка* (уменьш.-ласк.), *зудыр* — *зудырный*, *шуля* — *шулю́шка*, *бурдук* — *бурдучок*, *бурдушка*, *бурдучить*, *зунду́ло* — *зунду́лошка*, *озунду́леть*, *ургуй* — *ургуйка*, *ургу́лька* [о причинах предпочтения некоторых заимствований и их производных см. Пляскина, 2019, 6, с. 142-143].

Историк и этнограф А.Н. Пыпин указывал на такие причины распространения на русских бытовых особенностей бурят: «Едва ли сомнительно, что главным основанием было слабое культурное развитие самих русских, которые из своего прежнего быта не вынесли крепких задатков культуры. С другой стороны, многое зависело от того особенного положения, в каком оказывалось русское население в известных областях Сибири. Зброшенные судьбой в такую местность, где встречался совершенно новый характер природы и климата, лишённые опоры в русском соседстве, эти поселенцы поневоле прибегали к тем средствам существования и к тому складу быта, который находили у туземцев, и если при том инородческий элемент проникал в самую семью, то потеря старого русского обычая и даже языка совершалась очень легко» [Пыпин, 1892, с. 432].

И сами носители говоров, в основном центральных и южных районов края, говорят о том, что многое взято у бурят, особенно в области животноводства: *Как у бурят скот сам пасётся, так и у нас пасся; Буряты же иманов не доят, и мы не доили; Как буряты, мясо кусками наварим и едим да чаем карымским запивам.*

Таким образом, тесные контакты с местными бурятскими племенами обусловили большое число заимствований из бурятского языка в некоторых тематических группах (примерно 15 % от количества диалектных лексем в ТГ «Названия домашних животных»). Заимствования из эвенкийского языка, в целом немногочисленные, более характерны для северных забайкальских говоров.

Конечно, в наше время не все заимствования активны в речи носителей говоров; устарели и вышли из употребления слова *карым, харанут, сундалой, кулан, чарпел (черпел), сохатык*; устаревают ЛЕ *арса, арака, дживар, туруны, олочи, тырлык, хомун, ишигэн, ишигэн-ка, чисгины, тала*; наиболее употребительной стала заимствованная ЛЕ *поза* и её производные *позка, позная, позница, позник*, так как это блюдо бурятской кухни с удовольствием едят и русские забайкальцы (и готовят сами, особенно в деревнях на праздники), поэтому в Чите, других городах и посёлках края с начала XXI-ого века функционирует довольно много бурятских кафе, на вывесках которых написано или просто «Позная», или позная с каким-либо именем, например, *позная «Аян»* или «*Горячие позы*» (эта вывеска приводит гостей города в сильнейшее недоумение); в кафе-*позные* требуются *позники* — работники, готовящие позы; в читинских магазинах автору приходилось видеть ценники на кастрюлях-пароварках с наименованием *позница* (в быту не только сельские жители, но и горожане их так называют). Эта ЛЕ стала регионализмом; слово *доха* вошло в ЛЯ и дано в словарях без помет [Словарь, 1981, т. 1, с. 440; Ожегов, с. 178], ЛЕ *дзерен, манул* вошли в терминологическую систему зоологии как наименования видов животных.

Список литературы

1. Блинова О.И. К методике определения диалектной основы вторичного говора // Говоры территорий позднего заселения. Саратов: СГУ, 1977. С. 24-31.

2. Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.). Л.: Наука, 1969. 310 с.

3. Василевич Г.М. Эвенкийско-русский словарь. М.: Гиинс, 1958. 802 с.
4. Гецова О.Г. О характере областного словаря // НДВШ. Филологические науки. 1964. № 3. С. 96-105.
5. Говоры Читинской области: хрестоматия. Составители: О.Л. Абросимова, Т.Ю. Игнатович, Е.И. Пляскина. Чита: ЗабГПУ, 2005. 115 с.
6. Даль В.И. О наречиях русского языка // Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1981. Т. 1. С. 41-85.
7. Даль В. И. Напутное // Пословицы русского народа. Сборник В. Даля в двух томах. М: Художественная литература, 1984. 782 с.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1981. Т.1-4.
9. Демидова К.И. Проблемы изучения диалектной лексической системы и региональная лексикография: Автореф. дисс. ... доктора филол. наук. М., 1985. 32 с.
10. Добродомов И.Г. О тунгусских словах в русском языке и его говорах // Диалектная лексика 1979. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1982. С. 83-91.
11. Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. М.: Просвещение, 1970. 165 с.
12. Игнатович Т.Ю. Современное состояние русских говоров севернорусского происхождения на территории Забайкальского края: фонетические особенности: монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 240 с.
13. Игнатович Т.Ю. Восточнозабайкальские говоры севернорусского происхождения в истории и современном состоянии (на материале фонетики и морфологии): монография. М.: ФЛИНТА : Наука, 2013. 312 с.
14. Коготкова Т.С. О некоторых особенностях диалектной лексики в связи с устной формой ее существования // Славянская лексикография и лексикология. М.: Наука, 1966. С. 291-310.
15. Коготкова Т.С. Семантические заметки (к проблеме освоения литературной лексики в современных говорах) // Диалектологические исследования по русскому языку. М.: Наука, 1977. С. 194-208.

16. Коготкова Т.С. Русская диалектная лексикология. М.: Наука, 1979. 336 с.
17. Лукьянова Н.А. Лексика современных говоров как объект изучения. Новосибирск: НГУ, 1983. 80 с.
18. Мельниченко Г.Г. Характеристика словарного состава по степени употребительности слов // Доклады на научных конференциях. Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1962. Т. 1. Вып. 2. С. 247-251.
19. Мельниченко Г.Г. Заметки о словаре говора как системе // Ученые записки Ярославского пединститута. Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1965. Вып 3. С. 20-25.
20. Моисеев А.И. Мотивированность слов // Ученые записки ЛГУ: Изд-во ЛГУ, 1963. Вып. 68. № 322. С.121-136.
21. Новиков А.А. Лексикология // Современный русский язык под ред. В.А.Белашапковой. М.: Высшая школа, 1989. С. 165-236.
22. Новиков А.А. Лексикология // Современный русский язык под ред. Л.А. Новикова. М.: Высшая школа, 2003. С. 173-246.
23. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Темп, 2010. 874 с. ТСОШ
24. Оссовецкий И.А. Введение. Словарь современного русского народного говора. М.: Наука, 1969. С. 5-28.
25. Покровский М.М. Семасиологические исследования в области древних языков. М., 1895. 81 с.
26. Покровский М.М. Семасиологические исследования в области древних языков // Избранные работы по языкознанию. М.: Унив. тип., 1959. С. 93-170.
27. Пляскина Е.И. Бытовая лексика говора: опыт систематизации материала: монография. Чита: ЗабГУ, 2016. 222 с.
28. Пляскина Е.И., Шмельёва Н.М. Традиции русского хлебопечения в Забайкалье // Приграничный регион в историческом развитии // Материалы международной научной конференции 26 октября 2018 г. Чита: ЗабГУ, 2018. Часть 3. С. 62-66.
29. Пляскина Е.И. Лексика, репрезентирующая мясные блюда, в забайкальских говорах // Четвёртые Моисеевские чтения: национальные и региональные особенности языка // Материалы Всероссийской

(с международным участием) научной конференции 22-24 ноября 2018. Оренбург: ОГПУ, 2018. С. 83-87. (6)

30. Пляскина Е.И. Язык. Речь. Коммуникация. Чита: ЗабГУ, 2019. 158 с. б

31. Пыпын А.Н. История русской этнографии. Белоруссия и Сибирь. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1892. Т. 4. 488 с.

32. Рахманова Л.И., Суздальцева В.Н. Современный русский язык. Лексика. Фразеология. Морфология. М.: Аспект Пресс, 2007. 464 с.

33. Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья под ред. Т.Б. Юмсуновой. Новосибирск: СО РАН, 1999. 540 с.

34. Словарь русских говоров Приамурья. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. 542 с.

35. Словарь русских народных говоров. СПб.: Наука, Вып. 1-47. Л., 1965 -2015.

36. Словарь русского языка: в 4-х т. под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981. 698 с. МАС

37. Сороколетов Ф.П. Диалектная лексика в ее отношении к словарному составу общенародного языка // Слово в русских народных говорах. Л.: Наука, 1968. С. 222-236.

38. Сороколетов Ф.П., Кузнецова О.Д. Очерки по русской диалектной лексикографии. Л.: Наука, 1987. 230 с.

39. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1985. 172 с.

40. Судаков Г.В. Географическая дифференциация старорусской лексики // Актуальные проблемы диалектологии и исторической лексикологии русского языка. Вологда: ВГПИ, 1973. С. 175-181.

41. Толстой Н.И. Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии // Славянское языкознание: VI международный съезд славистов. Прага, 1968: Доклады советской делегации. М.: Наука, 1968. С. 339-365.

42. Филин Ф.П. Проект словаря русских народных говоров. М., Л.: АН СССР, 1961. 198 с.

43. Филин Ф.П. О структуре русского языка // Вопросы языкознания, 1973. № 2. С. 3-12.

44. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов // Очерки по теории языкознания. М.: Наука, 1982, с. 227-239.
45. Харташкина Р.Х. Взаимодействие русского и бурятского языков: (на материале говоров русских старожилов и бурят Иркутской области). Иркутск: Изд-во ИГУ им. А.А. Жданова, 1977. 122 с.
46. Черемисов К.М. Бурятско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1973. 804 с. БРС
47. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971. 542 с.
48. Шмелёв Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. М.: Просвещение, 1964. 244 с.
49. Шмелёв Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973. 280 с.
50. Щапов А.П. Историко-географические и этнологические заметки о сибирском населении // Дополнительный том к собранию сочинений, изданному в 1905-1906 гг. Иркутск, 1937. 380 с.
51. Элиасов Л.Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М.: Наука, 1980. 472 с.
52. Якубинский Л.П. Несколько замечаний о словарном заимствовании // Язык и литература. Л.: ИПККНО, 1926. Т. 1. Вып. 1-2. С. 8-11.

Глава 4. Лексикографическое описание забайкальской диалектной лексики и фразеологии

4.1. Лексикографическое описание лексики забайкальских говоров *Пляскина Е.И.*

Лексика забайкальских говоров представлена в двух диалектных словарях дифференциального типа, к которым относятся словари, включающие территориально ограниченную лексику и лексику общерусскую, но не вошедшую в ЛЯ, в отличие от полных словарей, в которых представлена вся лексика говора (единственным таким словарём в отечественной лексикографии является «Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)», составленный коллективом учёных отдела диалектологии института русского языка под руководством профессора И.А. Осовецкого и изданный в 1969 году).

Первым по времени выхода в свет (1980 год), является «Словарь русских говоров Забайкалья» Л.Е. Элиасова, всю свою сознательную жизнь (со второй половины 20-х годов) посвятившего собиранию забайкальского фольклора и неуклонно выполнявшего первую заповедь фольклориста «Записывать надо точно», поэтому накопившего, по свидетельству его самого, обширные диалектологические материалы, которые оформлялись в виде карточек с фиксацией примеров из разговорной речи [Элиасов, 1980, с. 5]. Объезжая районы Бурятской АССР и Читинской области, встречаясь с прекрасными рассказчиками, о многих из которых автор с признательностью и благодарностью пишет в разделе «О работе над словарём», Л.Е. Элиасов собрал около десяти тысяч слов [Элиасов, 1980, с. 5-27]. По мнению автора предисловия, главного редактора сводного «Словаря русских народных говоров» академика Ф.П. Филина, это научный подвиг, тем более что услышано и записано всё самим учёным, а не взято из вторых и третьих рук: надёжность словаря от этого заметно повышается [Элиасов, 1980, с. 3].

По тематической принадлежности лексика «Словаря» разнообразна: это и охотничья терминология, и лексика природы, в том числе

различные названия животных, лексика горнозаводского дела и золотых промыслов, лексика бытовой, житейской обстановки каторжников, лексика быта крестьян и казаков и др.

Далее даны примеры словарных статей из «Словаря».

БОСТІ́, б о д у́ , б о д ё ш ь, несов., перех. Бодать. *Наскочил бык и давай бости. Надеино. Как встретит меня бык, так и норовит бости.* Красночикийск. *Бости с малых лет научили.* Харагун.

БОТАЛО, а, м. и БОТАЛА, ы, м. и ж. Болтун, болтунья. *Вот уж ботало вырос.* Акинфиев И. *От боталы ничо доброго не познашь.* Романовка.

◊ Ботало конское. *Вот ты, ботало конское, скажи правду в глаза.* Кадая.

БОТАТЬ, а ю, а е ш ь, несов., перех. и неперех. 1. Шевелить или болтать ногами. *Брось ботать. Не ботай ногами. Ботать не работать.* Бичура. *Ногами ботать перестал, языком ботать начал.* Кяхта. 2. Болтать, много говорить о чем-л. неважном. *Перестань ботать.* Бомбахта. *Ботать можешь, а на работе тебя нету.* Шергино. *Лишнее ботать будешь, прогоним с артели.* Манкечур.

БОЮН, а, м. Дикое копытное животное. *Ноне я на боюнов пойду, може кабана подстрелю, може и сохатый попадетя.* Магай Е. *Боюны близко около нас не водятся.* Большой Зерентуй. *За боюнами далече ходим.* Нюрхай. *Трёх баюнов завалил, сохатого и кабанов двух.* Турка.

БОЯЗНО, безл. сказ. Страшно, жутко. *Боязно, ведь меня убьют, как узнают такое дело.* ФВС. *Боязно первый раз на медведя иттить.* Беспрозванных. *Боязно, не боязно, а в бой пойдёшь.* Шундуя.

БОЯР, а, м. Крутой берег реки; круча. *Смотри, не сорвись с бояра.* *Большей частью у бояра места уловистые бывают.* Мухоршибирь. *Правый берег весь в боярах, а левый пологий.* Шилка. *С бояра удил, да чуть не потоп.* Баргузин. *Бояр шибко высокий.* Туран.

БОЯРКА, и, м. О злом человеке. *Вот это, паря, боярка. Боярке слово скажешь, и будто плохого нету, а он в пузырь.* Асламов Д. *Сусед у меня боярка, слова лишнего не скажи, сердится.* Смоленская В. *Ты, боярка, не сердись, Со своей милкой помирись. Ты боярка, она нет, Держи-ка лучче с ней совет.* Сем. частушка.

БРА́ВЕНЬКО, безл. сказ. Приятно, отраднo, хорошo. *Бравенькo мнe, чтo сынок славнo в солдатах служит.* Шилка. *Бравенькo с добрым человеком посидеть, да по душам поговореть.* Сковородино. *Бравенькo мнe вас видеть.* Верхние Кумаки. *Вам этo бравенькo?* Куготы.

БРА́ВО, нареч. 1. Хорошо. *Ой, чо брава вышли на карточке.* Хонхолой. *Мой милёнок брава пляшет, Играет брава и поёт.* Сем. ча-стушка. *Дом-то брава срубили.* Дубинино. 2. Верно. *То ты брава ска-зал. А раз брава, за этo и драться можно.* Доно. 3. В знач. частицы. *Ладно. Брава, сойдёт.* Хонхолой. *Возьми деньги взаймы, браво, от-дашь.* Окино-Ключи.

БРА́ВЫЙ, а я, о е. 1. Хороший, милый, приятный (о человеке). *Же-них у ней бравый, всех мер.* Шарагол. *С бравым человеком и посидеть бравенькo.* Ошурково. *Видать по карточке, што он бравый.* Алцак. *Из солдат пришел бравым, да и невесту себе подобрал бравую.* Эдуй. 2. Красивый (о предмете). *Какой бравый брушит у неё.* Нефедьева Е.

БРАТА́Н, а, м. 1. Двоюродный брат. *Братан мой в солдатах.* Му-хоршибирь. *Братанов у меня много.* Сретенск. *Братан, значит, срод-ный брат, мы с ним вместе на войне были.* Эдуй. 2. Старший брат. *Нас у отца шестеро было, и когда отца не стало, братан нас воспиты-вал. На братане все и лежало.* Чикой. *Братану трудно было. Сам бра-тан учился, дамы иишо у него на руках.* Ташелан.

БРАТА́НИХА, и, ж. Жена брата. *Брата взяли в солдаты, хозяйни-чать осталась братаниха.* Тимлюй. *С братанихой поругались, при-шлось к бабушке уйти.* Окунево. *Братаниха попалась сварливая, про-сто житья нету.* Горный Зерентуй.

БРАТА́ННИК, а, м. Двоюродный брат. *Ну, сказать, хоть и братан-ник, а все чужие руки и не хозяйский глаз.* Астырев. *Трёх братанников на войне убило.* Кангил. *Братанник ушёл из дому совсем молодым. Всю жизнь братанник проработал на приисках.* Оймур.

БРА́ТКА, и, м. Брат. *Братка, возьми меня с собой.* Братки дома нету. *Братка рыбу ловить пошел.* Братка к вечеру придёт. Тунка. *Братка старший в армии служит.* Нерч- завод.

БРА́ТНИН, а, о. Принадлежащий брату. *Этo братнин дом. Брат-нин дом отец строил.* Гусиха. *Братнин двор был полный скота.* Во-лочаевка. *Братнина шуба мнe не подходит.* Ушлун.

БРА́ТСКИЙ, а я, о е. 1. Бурятский (о языке). *Братским языком не хуже владеют, чем русским, многие семейские.* Рыжаков И. 2. Братские, их, мн., в знач. сущ. Буряты. *Мы с братскими живём дружно. И деды наши с братскими рядом поселились, и друг от друга пользу имели.* Магай Е. *Братские нас многому научили. Мы братским тоже немало передали.* Трифионов П.

БРА́ТЯ, и м. Брат. *То мой братя. Он у меня меньшей братя, есь ишио и старшой братя.* Тарбагатай. *Братя, подь суда, мама кличет. Братя, не кури, худо.* Даурия.

ГУ́НЯ, и, м. и ж. О человеке, который всегда и во всём выражает свое недовольство. *На гуню нечо внимания обращать.* Асламов Д. *Гуня в кожной деревне есь. Без гуни нигде не обойдется.* Алла. *Ты гуня, помолчи, тебе, гуня, никто угодить не может.* Такша.

ГУНЯВЫ́Й, а я, о е. Часто плачущий, плаксивый; всё время жалующийся, ноющий. *Чего тебе, мой гунявый, надо? Сахули. Гунявый пришёл, всем всё испортил.* Чиндагатай. *Не слушай его, он гунявый.* Усановка.

ГУРА́Н, а, м. Человек, часто меняющий работу, место жительства; летун. *Ты, брат, настоящий гуран, тебе бы только по разным деревням и городам свистать. Таким гураном ты нигде не уживешься.* Острог. *Гурана на работу братя не будем. Гуран больше месяца не отробит.* Поселье.

«Словарь русских говоров Забайкалья» Л.Е. Элиасова очень популярен, современные диалектологи признают его большую научную ценность, и без него не обходится ни одна работа как школьного уровня, так и вузовского по описанию диалектной лексики. Большая часть словника сохраняет свою актуальность, толкования значений слов достаточно точны и подробны, но в некоторых случаях всё-таки необходимо уточнить или истолковать значение шире, в том числе и при помощи иллюстраций, или представить ещё одно значение ЛЕ, так как оно есть, и слово в этом значении активно используется, или саму ЛЕ, широко известную в Забайкалье. Это касается таких ЛЕ и их производных, как

1) *боярка* (словарную статью см. выше): не даны прямое и переносное метонимическое значения «растение (дерево) боярышник

сибирский» и «плоды этого растения» [Словарь, 1999, с. 50], а представлено переносное метафорическое «о злом человеке» (ветви дерева имеют шипы);

2) *гуран*; во всех забайкальских говорах она употребляется в двух значениях: «дикий козёл, косуля» и «прозвище забайкальского казака, а в наше время вообще коренного забайкальца», что подтверждает и «Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья» [Словарь, 1999, с. 110], у Л.Е. Элиасова значение истолковано по контекстам-иллюстрациям (словарная статья дана выше), которые негативно оценивают гурана (до революции это прозвище часто использовалось в качестве бранного со стороны крестьян) [Элиасов, 1980, с. 96], не представлены и производные от этой ЛЕ: *гураниха, гуранка, гуранёнок, гуранчик, гурашек, гураний, гуранина, гуранский*, до сих пор активно используемые во многих говорах;

3) *боюн*, значение которой, если исходить из контекстов, должно быть обобщающим (словарная статья дана выше);

4) *гужир*, у которой значение истолковано как «сырьё для сульфата», хотя в одной из иллюстраций дано и значение «солончак» [Элиасов, 1980, с. 95], а в целом оно шире и этнографически подробно представлено в «Словаре говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья» [Словарь, 1999, с. 109] (и старожилы употребляли гужир в тех же целях);

5) *даган*, у которой в забайкальских говорах не отмечается значение «молодая необъезженная лошадь» [Элиасов, 1980, с. 97], а только «двухлетний жеребёнок или жеребёнок по второму году», что подтверждает и «Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья» [Словарь, 1999, с. 113];

6) *сарановый*, толкование значения которой «разноцветный» входит в противоречие с иллюстрацией *Теперь сарановый цвет в моде* (не даны, кстати, ЛЕ *сарана* и *саранка*, широко распространённые в забайкальских говорах) [Элиасов, 1980, с. 366], в «Словаре говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья» [Словарь, с. 416] представлены родственные слова *сараный* и *саранчистый* со значением «ярко-красный», образованные от ЛЕ *сарана* со значением «лилия кудреватая»; этот цветок, растущий повсеместно, красного цвета;

7) *варнак*, у которой зафиксировано только одно значение, давно уже устаревшее «человек, бежавший с каторги; каторжник» [Элиасов, 1980, с. 73], в советское время у неё появились другие значения — «Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья» даёт их 4 [Словарь, 1999, с. 69], в старожильческих говорах как минимум — 2 [картотека автора]; отсутствует ЛЕ *варначьё* с собирательным значением;

8) *гуня*, *гунёжка* со значением «рабочая, а также старая одежда» (примеры употребления в борзинском говоре: *Гуню не забудь взять, а то опеть штаны-то уберёшь на ремонте; Варнак куртку-ту уханькал уже, теперь в ей только в стайку ходить, гунёжкой стала; Вся одежда поизносилась; гунёжка да гунёжка, стыдно уж в такой на работу идти* [Пляскина, 2016, с. 56], которые почему-то отсутствуют, хотя широко распространены в забайкальских говорах;

9) *еман*, *еманка*, *емануха*, которые даны без контекстов употребления (в словарной статье к ЛЕ *еман* контекст характеризует человека в сравнении с козлом *Ох, и гулливый ты, как еман безхозый*) [Элиасов, 1980, с. 109], между тем в забайкальских говорах широко представлены отсутствующие в словаре производные от бурятизма *иман* (*яман*, *еман*) в разных фонетических вариантах *иманёнок*, *имашонок*, *имашек*, *иманиха*, *иманий*, *иманный*, *иманиться*, *иманина* [см. Словарь, 1999, с. 183, 537-538; Пляскина, 2016, с. 40-44] и др.

Второй словарь — это «Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья» под редакцией Т.Б. Юмсуновой, изданный в 1999 году в Новосибирске, включает лексику (около 8000 лексических единиц) русских говоров потомков старообрядцев, или староверов, как называли *русских беглых людей* — приверженцев старой веры или, точнее, старых обрядов, исполнявшихся в православных церквях до реформы патриарха Никона, проведённой им в середине 50-х годов XVII века. Эта реформа, как известно, привела к расколу Русской Православной церкви. Не захотевшие принять изменения подвергались преследованиям и вынуждены были бежать в окраинные западные области России и за её пределы, например, в Польшу, Румынию. А в конце 60-х годов XVIII века по указу Екатерины II *посельщики*, *выведенные семьями из Польши*, были размещены в Забайкалье по реке

Селенге и её притокам, Чикою и Хилку, Уде, Мензе и составили, по свидетельству историков, наиболее многочисленную и компактно размещённую группу русского переселенческого населения, которых казаки-старожилы стали называть семейскими.

Старообрядцы жили очень замкнуто, оберегали чистоту веры, и это помогло им сохранить южнорусские диалектные особенности, несмотря на инодиалектное и иноязычное окружение, хотя и в их говорах тоже есть лексика, заимствованная из языков аборигенов края и достаточно хорошо освоенная (например: *гужир*, *гуран*, *даган*, *кашарик* (качарик), *бурун*, *иман* (яман), *жимбура*, *зоргол* (жоргол), *инзаган* (анзаган), *харанут*, *карым*, *хамун* и др.).

По мнению авторов словаря, историко-культурная и научная ценность «Словаря говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья» состоит прежде всего в том, что в нём нашли отражение уникальные и забытые древнейшие пласты русской лексики, а также выявлены результаты её трансформации в процессе почти двухсотпятидесятилетнего междиалектного и межъязыкового контактирования говоров семейских с русскими сибирскими старожильческими и бурятскими говорами на новой территории.

Словарь составлен по материалам ежегодных диалектологических экспедиций (1977-1998 гг.), проводившихся в сёлах со старообрядческим населением под руководством старшего научного сотрудника сектора «Русский язык в Сибири» Института филологии СО РАН Т.Б. Юмсуновой, доцентов кафедры русского языка Бурятского государственного университета А.П. Майорова, Е.И. Тынтуевой, преподавателей Н.А. Дарбановой, М.Б. Матанцевой, И.Ж. Степановой и научного сотрудника отдела языкознания Института монголоведения, тибетологии и буддологии Бурятского научного центра СО РАН О.М. Козинной. Экспедиции позволили обследовать практически все места компактного проживания семейских в Забайкалье: Бичурский, Мухоршибирский, Тарбагатайский, Заиграевский, Селенгинский, Хоринский, Кижингинский, Кяхтинский районы Республики Бурятия, а также Красночикийский район Читинской области (так назывался Забайкальский край до 2008 года).

В Словаре впервые лексикографически описываются древнейшие русские говоры этой группы населения на восточной окраине Рос-

сии со всеми особенностями их лексики и семантическими связями с материнскими говорами XVI-XVIII вв.

Слова снабжены упрощённой транскрипцией, словарные иллюстрации тоже максимально приближены к живой речи. Ниже даны примеры словарных статей.

ДИВИТЬСЯ. ◊ Дивья дивиться [дивья дивница]. Сильно удивляться, поражаться. *Я дивья дивлюсь на них! Сын из «двоик» ни вылизает, а им — ходь бы хны* (Куйт., Тарб.).

ДИВНЕНЬКИЙ [дивненький / дивнинький], -ая, -ое. То же, что и ДИВНЫЙ. *Я-та уж дивнинькая была, а Лёшка ишо титьку сасал* (Калин., Мухор.). *Клапоф-та кишма кишат: какая дивненькая, ручонками сибя царапает, а маленькие ни могут* (В. Сутай, Мухор.). *Я уж дивнинька была, када ани прижжжали, гадоф шашинаццать мне была, а можа, и боли* (В. Жир., Тарб.).

ДИВНЕНЬКО [дивнинька], нареч. То же, что и ДИВНО (в 3-м знач.). *Мы с ей дивнинька ни видились, лет пять, ни меньшы* (В. Жир., Тарб.).

ДИВНО [дивна], нареч. 1. Много. То же, что и ДЁВНО, ДЮНО; см. БОЛЬНО (в 1-м знач.), ДОВОЛЯ, СПОВОЛЬ (во 2-м знач.), УШЛО; ср. ДИВЬЯ (в 1-м знач.), КУДЫ С ДОБРОМ (во 2-м знач.). *Нас, Павловых, дивна вакрук; и у Дисятникави, и у Тарбахтай, и у других дириვნях есь* (Дес., Тарб.). *Ланись грибоф дивна была* (Дес., Тарб.). *Вечерам дивна бап на лавочки сабярёцца. Мноуа, значить* (Куйт., Тарб.). *Хто дивна зарабатывает, корысть имеют* (Дес., Тарб.). *Раньше-та усё была, люди шыпка работали, агародины дивна раждалась* (Бич., Бич.). 2. Одобр. Очень хорошо. См. ДИВЬЯ (во 2-м знач.). *Варинец делали. Ну, эта иво нала смятанай заправлять. Дивна палуцаиуца. Ну, сильна многа работы, канешна, працэжывать надо, но дивна палуцаиуца* (Дес., Тарб.). *Дивна пають, заслушаишя* (Дес., Тарб.). 3. Давно, много времени назад. То же, что и ДИВНЕНЬКО. *Так уж дивна прашли ани ф ту сторону, час уш назат* (Ник., Мухор.).

ДИВНЫЙ [дивный], -ая, -ое. Подросший, ставший старше (о ребёнке). То же, ЧТО И ДИВНЕНЬКИЙ; см. БОЛЬШЕНЬКИЙ (в 1-м знач.). *Унук-та саусем дивный стал, настояшый, сам усё делает* (Калин., Мухор.).

ОГРЯ́ДА [агряда], -ы, ж. То же, что и ОГРА́ДА. *Мама с тятый ни разришали дапазна за агрядай сидеть* (Н. Брянь, Заигр.). *Эту клюку за агряду выбрасывали, штоп грат пирястал* (С. Брянь, Заигр.).

ОДЕВА́ТЬСЯ. ◇ В машкару одеваться [у машкару адявацца]. Рядиться в Святки. См. В МАШКАРЫ́ НАРЯЖА́ТЬСЯ; ср. МАШКАРА́-ДИТЬ. *Мы на Святках усягда у машкару адявались, хадили на дамам, плясали, пели. Эта мы так машкаравались* (Дес., Тарб.).

ОДО́НОК [адёнак], -нка, м. То же, что и ОДОНОК (во 2-м знач.). *Ат стога астаёцца адёнак, ну астатак маленька астаёцца ат сена* (Б. Кун., Тарб.).

Говоря о представленной в словаре лексике, необходимо заметить, что многие слова встречаются и в старожильческих говорах, видимо, это пласт общесибирской лексики, сформировавшейся на основе севернорусской и среднерусской, например: *заплот, заплотина, запечка, ограда*, *шаньги, шанежки, тарки, моховка, погода* (плохая погода), *сухарить, зачичереветь, огребать, дивья, полон, чушка, чушатник, одонок, ошкур* и др., но многих забайкальских слов и нет, так как отражена лексика только одного района — Красночикийского (как заявлено составителями) — и то, к сожалению, территориальная помета *Красночик.* практически не встречается (хотя в разделе «Географические названия» перечислены 10 сёл этого района бывшей Читинской области, ныне Забайкальского края); в основном, лексика записана, конечно, в сёлах Тарбагатайского, Заиграевского и Бичурского районов республики Бурятия — на территории компактного расселения старообрядцев, — граничащих с Красночикийским районом.

Замечания, касающиеся словарей, в которых зафиксирована лексика забайкальских говоров, неизбежно должны были привести забайкальских диалектологов к мысли о создании ещё одного словаря, который бы дополнил имеющиеся, полнее отразил (насколько это возможно хотя бы в некоторых тематических группах) лексику говоров Читинской области, ныне Забайкальского края (с 2008 года), уточнил и конкретизировал значения некоторых слов, тем более что работа по изучению говоров Читинской области началась в первой половине 70-х годов XX века (в 1974 году Э.А. Колобовой защищена кандидатская диссертация «Фонетическая система говора села Макарово

Шилкинского района Читинской области»). С 1977 года студенты под руководством преподавателей кафедры русского языка Читинского государственного педагогического института (ныне Забайкальского государственного университета) стали выезжать в сёла области на диалектологическую практику, и с этого времени начался сбор диалектного материала, с годами накопленного в достаточно большом количестве и уже требовавшего представления в словаре. Актуальность его составления определялась и тем, что практически все регионы России к концу XX века имели лексикографическую фиксацию своих говоров, а Читинская область такого обобщающего труда не имела.

В начале двухтысячных годов забайкальские диалектологи О.Л. Абросимова, Т.Ю. Игнатович и Е.И. Пляскина, выпустив хрестоматию говоров Читинской области [Говоры... , 2005], предпринимали попытки разработать принципы создания этого словаря и составить сам словарь, но по разным, в том числе и финансовым причинам, дело откладывалось. В 2018 году в связи с поддержкой Российским фондом фундаментальных исследований проекта № 18-012-00270 «Русский язык в полиэтническом Забайкалье: динамический аспект», началась активная работа по составлению электронной картотеки и самого словаря.

Список литературы

1. Говоры Читинской области: хрестоматия / Сост. О.Л. Абросимова, Т.Ю. Игнатович, Е.И. Пляскина. Чита: ЗабГПУ, 2005. 115 с.
2. Пащенко В.А. Словарь фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Забайкальского края. Чита: Изд-во ЗабГУ, 2014. 484 с.
3. Пляскина Е.И. Бытовая лексика говора: опыт систематизации материала: монография. Чита: ЗабГУ, 2016. 222 с.
4. Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья под ред. Т.Б. Юмсуновой. Новосибирск: СО РАН, 1999. 540 с.
5. Элиасов Л.Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М.: Наука, 1980. 472 с.

4.2. «Диалектный словарь Забайкальского края»: теоретические основы лексикографического описания забайкальской диалектной лексики

Е.И. Пляскина, Т.Ю. Игнатович

Новый словарь забайкальских говоров является дифференцированным словарём, включает преимущественно территориально ограниченную лексику, бытующую в русских говорах Забайкальского края. Кроме того, словарь содержит лексические единицы, которые с точки зрения современной стратификации русского языка определяются просторечными, то есть территориально не ограниченными в употреблении. Поскольку нет достоверной информации, проникли ли они в лексикон диалектоносителей в более поздний период из просторечия или изначально присутствовали в диалектной лексической системе, составители не стали исключать их из словаря. Также в словарь вошли лексической единицы, которые относятся к лексике литературного языка, но только в том случае, если значение имеет отличия от того, которое зафиксировано в нормативных словарях литературного языка. Включены и диалектные фразеологические единицы.

Основная задача словаря — представить современную лексику русских говоров Забайкальского края (бывшей Читинской области) и ввести её в научный обиход, так как она поистине богата и разнообразна, что обусловлено характером формирования говоров, не постоянна на периферии в связи с изменениями в жизни носителей говоров.

Актуальность составления словаря определяется тем, что в современных условиях глобализации русские говоры, в том числе забайкальские, утрачивают диалектные различия, они нивелируются под воздействием литературного языка и общерусского просторечия. Диалектная лексика, зафиксированная в «Словаре русских говоров Забайкалья» Л.Е. Элиасова [Элиасов, 1980], за почти 40 лет, прошедшие после выхода словаря, претерпела изменения: с одной стороны, часть лексических единиц устарела, выходит из употребления, заменяясь общерусскими словами, с другой — появились и вошли в оби-

ход новые лексические единицы, а также появились новые значения у уже имеющихся лексических единиц в связи с внутренними законами развития говоров, изменилась эмоциональная окраска некоторых лексических единиц. Кроме того диалектная лексика, представленная в этом словаре, была записана в основном на территории Бурятии и в нём имеются лексические единицы, которые в говорах на территории Забайкальского края не встречаются.

Источниками формирующегося Словаря забайкальских говоров явились 1) картотека в объёме примерно 3000 ЛЕ, составленная по материалам, собранным студентами и их руководителями во время диалектологических практик, и записи устной речи жителей сёл и деревень различных районов края; 2) картотека в объёме около 1500 ЛЕ и ФЕ, составленная Е.И. Пляскиной по результатам поездок в сёла Борзинского района с целью сбора материала для описания бытовой лексики говоров этого района, а также в сёла других районов края и по результатам опросов студентов и преподавателей ЗабГУ — носителей забайкальских говоров; 3) записи диалектной речи, сделанные в разных районах края Т.Ю. Игнатович для описания фонетических и морфологических черт говоров севернорусского происхождения; 4) записи диалектной речи, сделанные в Ононском районе О.Л. Абросимовой для описания фонетической системы говоров этого района; 5) записи диалектной речи, сделанные в Шилкинском районе Э.А. Колобовой; 6) записи диалектной речи, содержащей фразеологические единицы, которые сделаны в разных районах края В.А. Пащенко (или студентами по её просьбе) с целью сбора фразеологического материала для «Словаря фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Забайкальского края» [Пащенко, 2014]; 7) записи диалектной речи, сделанные студентами в родных сёлах с целью сбора материала для написания курсовых и выпускных квалификационных работ.

В состав словаря вошли лексические диалектизмы разных типов (в соотношении с лексикой литературного языка): собственно лексические, семантические, фонетические (включая акцентные), фонематические, словообразовательные, грамматические, этнографические.

Словарная статья строится по тем же принципам, что и в других толковых словарях: слова в начальной форме располагаются в алфа-

витном порядке в орфографической записи, сопровождаются отметкой ударения (если у слова есть фонетические варианты, они даны в скобках рядом, например: АНБА́Р (АМБА́Р); АРАМО́ЗЫ (АРАМУ́ЗЫ); АРГУ́ЙКИ (АРГУ́ЛЬКИ, ВЕРГУ́ЛЬКИ) см. УРГУ́ЙКИ), снабжены грамматическими пометами, указывающими у существительных на род, формы родительного падежа в единственном и, если нужно, во множественном числе, у прилагательных — на формы женского и среднего родов, у глаголов — на формы 1 и 2 лица единственного числа, вид и переходность; далее представлены значения (отдельные значения нумеруются цифрами, знаки || и ; указывают на то, значение осложняется, появляются дополнительные семы), которые толкуются большей частью описательно, но также и через подбор литературных слов с тем же значением, приводятся и диалектные ЛЕ, находящиеся с рассматриваемыми в дублетных отношениях (через указание: то же, что и ...); затем идут контексты употребления ЛЕ, иллюстрирующие её значение и по возможности отражающие особенности произношения носителей говоров, с территориальными пометами. В этой же словарной статье приводится и слово (если оно есть), образованное от данного при помощи уменьшительного или уменьшительно-ласкательного суффикса, с тем же значением, но эмоционально окрашенное в отличие от слова нейтрального, которое толкуется отдельно. Используются пометы, указывающие на эмоционально-экспрессивную окраску слова (*уменьш.-ласк., шутл., неодобр., пренебр., презрит., бран.*) и степень его актуальности (*устар.*). Фразеологические единицы даны после знака ◊ при наиболее значимом, опорном слове.

Примеры словарных статей:

БЛЮ́ДНИК, -а, *род. мн. -ов*, м. Булочка из пресного теста без начинки, выпекаемая в русской печи на блюде. *Блюдники — это лепёшки таки из пресного теста делали, на блюдечко положат, дырочку посередине ножом сделают и в печь; они с краёв-то подымутся, похоже на вазочку, пышные.* ◻ *В тесто одно яйцо, молока одну-две столовые ложки, соли, муки; щас-то и в духовке пекут (Аки.).*

БОЛО́ТНИКИ, *мн.* Высокие, до середины бедра сапоги для хождения по болоту, раньше самодельные, кожаные (из вытяжной кожи) — то же, что бродни, бахилы, вытяжки, — сейчас резиновые. *Отец на*

охоту в болотниках ходит; высоки таки сапоги резиновые; можно опустить, сделать по колено. ▢ Мои-то болотники лучше резиновых, лёгки, удобны, щас-то уж ни у кого, пади, таких нет. (Борз.).

БОТОГ, -а, род. мн. -ов, м. 1. Не очень толстая, довольно длинная палка. *Корову-то гнали ботогом* (Борз.). || Не очень толстая палка, подходящая по длине для использования при ходьбе как трость; то же, что ботожок. *Где дедушкин ботог-то, принеси* (Приарг.).

Производные слова с суффиксами субъективной оценки даны в одной словарной статье с производящим словом, например:

ИНДЖИГАН (ИНЖИГАН), -а, род. мн. -ов, м. Детёныш дикой козы, гурана в 1 знач. || Уменьш. **инджигашка**. *Мой-то инжигашку притащил после пожара, теперь бегат по двору* (Шилк.).

БУРДУК, -а, м. 1. Корм для домашних животных, приготовленный из дроблёной или молотой пшеницы, залитой кипящей или горячей водой. *Надо чушкам бурдук наладить* (Борз.). 2 Жидкая каша, сваренная из мелкой крупы (дроблёной или толчёной пшеницы, пшена) или муки на воде с жиром. || Уменьш. -ласк. **бурдучок**. *В бурдучок-то жир скоцкий клали али свиной* (Борз.).

Омонимы снабжены цифровым указателем и описаны в разных словарных статьях, например:

БАБКА¹, -и, ж. Приспособление, на котором отбивали, то есть правили косу. *Бабку делали из дерева, в него вставляли такую металлическую штучку. Дервяшку вбивали в землю, потом ставили литовку и ее отбивали* (Онон.).

БАБКА², -и, ж. Кучка сена. *Кода скатывают гречуху, сено, таки небольшие кучки* (Шилк.). ◇ *Косить в бабки*.

БАБКА³, -и, ж. Небольшой сустав с ног животных для старинной народной игры. *Парнишки играли в бабки, косточки, мы с подружка-ми любили лунки* (Шилк.). ◇ *Играть в бабки*.

Глаголы помещены в словаре в той видовой форме, которая чаще встречается в говорах, например:

АРХИДНИЧАТЬ, -аю, ешь; несов. Жить за чужой счет. *Таньча архидничат, молода, а работать не хочет, к матери ходит исти* (Шилк.).

ЗАБУРДУЧИТЬ, -у, -ишь; сов. (несов. бурдучить). Приготовить бурдук (в 1 и 2 знач.) *В войну-ту голодали, в степь хадили добывать*

*чѣ-нить. Натакались на якишу, это колокольчики таки, растут на за-
крайках, у них корни белы, тосты. Вымошь их, разберёшь на волокна,
высушишь, потом толкѣшь в ступе, добавишь мангырки головки; по-
том просеишь и забурдучишь. Ну как? Засыпеш в кипящу воду, вот и
бурдушка. Ели, ничѣ, вкусно; можно молока добавить, можно из этой
муки лепѣшки испечь (Приарг.).*

НАБУРДУЧИТЬ, -у, -ишь; сов. (несов. бурдучить). Смешивать несколько продуктов в одном кушанье. *Набурдучил, что и ись не стал, варначина (Борз.).* || Добавлять в большом количестве (сахару или молока). *Куда столько сахару набурдучил, пить невозможно (Борз.).*

Причастные и деепричастные глагольные формы в отдельную словарную статью не выделяются, если они не перешли в самостоятельные слова. Наречия, слова категории состояния, предлоги, союзы, частицы, междометия сопровождаются указанием на части речи, потому что формы этих слов могут быть функционально омонимичными в результате переосмысления значения слова или изменения его синтаксической функции, например:

АБЗАБАЛЬ — категория состояния. *Здорово, хорошо. Абзабаль! Как вкусно! (Нерч.)*

АДАЛИ, союз сравнительный. Соответствует по значению союзам словно, будто, как, вроде. *Отец адали бешенный сѣдня, чуть чѣ — орѣт, всё ему не так, не эдак. ▫ Вот лонись в августе ненасе было, как адали осенью холод: сонца нет, то дош идѣт, то ветрина с ног ишибат. Большие недели така погода стоял. ▫ Ребятишки-то качаются на заборине, как адали на качуле (Борз.). ▫ Сколько ни уговаривала я, адали они всё забрали и уехали (Срет.). ▫ Адали Ванька наш приехал (Срет.). Алек.-Завод., Борз., Приарг., Срет., Хилок., Улет., Олов.*

АЖНО, частица усилительная. Соответствует по значению частице **даже**. *Приарг., Борз. От страха ажно ноги похолодели (Приарг.).*
2. Союз подчинительный. Соответствует по значению союзу **так что**. *Наелся, ажно пузо трешишит (Борз..)*

УБѢГОМ, нареч. Выйти замуж тайно, без благословения родителей. *Девка с парнем сговорятся вкрадче, он её украдѣт, выйдѣт замуж убѣгом (Могоч.).*

Если слово имеет особенности в грамматических формах или отличается неполнотой форм, это грамматическое своеобразие форм отражено в словарной статье, например, слово зафиксировано в говоре только во множественном числе, в этой исходной форме оно помещено и в словарной статье:

ХОХОРЯШКИ, *род. мн.* -шек. Женское нижнее бельё. *Хохоряшки замочила, надо постигнуть (Бал.).*

Значения этнографизмов, местных терминов, специальных слов истолкованы с описанием основных понятийных признаков.

Слова, соотносимые по семантике с литературными словами, толкуются способом синонимической подстановки или в виде краткого объяснения их лексического значения. Если семантика диалектного слова шире или уже соотносимого с ним литературного слова, в ее толковании отражаются семантические границы этого слова и его валентность.

За толкованием значения приводится цитатный (иллюстративный) материал для подтверждения значения слова и его стилистической характеристики. Иллюстративный материал даётся в упрощённой фонетической транскрипции, отражающей основные фонетические особенности говора. После иллюстративного материала указывается район, где зафиксировано характеризуемое слово, например:

ВЁДРО, -а, *ср.* Ясная, солнечная погода. *Завра вёдро будет, вишь, как закат пылат, значит, ясно будет. ▫ Хоть бы вёдро установилось, косить уж надо, а тут дожжы за дажжами (Борз.). Кода месяц народится, смотрели: если лежит, хоть вёдра вешай, значит, хороша будет погода, вёдро будет (Аки.).*

ВЁДРЕННЫЙ, -ая, -ое. *Прил. к вёдро. Вёдренный день-то сёдня, хороший, небо чисто, тепло (Борз.).*

ВЕЧЁРОШНИЙ, -ая, -ое. Вечерний. *Молоко-то вечёрошно неси, оно настоялось, вкусно (Борз.).*

ВОЛЬНИЧАТЬ, -ю, -ешь; *несов.* Не слушаться старших, озорничать, хулиганить, (о детях, подростках). *Ты пошто бабушку не слушаешься? Будешь вольничать, не пойдёшь больше к ей; сиди дома один (Борз.). Эта-то внучка у меня ума дорогого, чистёна, не вольничат (Приарг.).*

ВО́ЛЬНЫЙ, -ая, -ое. Непослушный, делающий по-своему, проказничающий, хулиганистый (ребёнок, подросток). *Я скружала с имя: таки вольны ребятишки! (Борз.). Ребятишки-то сейчас пошли клокотные, да таки во́льны, совсем не слушаются (Приарг.).*

Лексикографическое описание современной диалектной лексики забайкальского народно-речевого узуса в сопоставлении с данными ранее изданных словарей, где представлена лексика забайкальских говоров, даёт возможность исследовать изменения и степень сохранности забайкальского диалектного фонда.

«Диалектный словарь Забайкальского края» предназначен для филологов, писателей, журналистов, краеведов, этнографов, культурологов и широкого круга читателей, интересующихся региональным языковым наследием.

Список литературы

1. Пащенко В.А. Словарь фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Забайкальского края. Чита: Изд-во ЗабГУ, 2014. 484 с.
2. Элиасов Л.Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М.: Наука, 1980. 472 с.

4.3. Забайкальская фразеография: «Словарь фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Забайкальского края» В.А. Пащенко Т.Ю. Игнатович

Сбор регионального фразеологического материала уже сам по себе является проблемным: его трудно идентифицировать и качественно зафиксировать с выявляющим его семантику контекстом. Хороший результат на этом поприще получают немногие энтузиасты. В.А. Пащенко свыше 40 лет посвятила забайкальской диалектной фразеологии. По крупицам собирался уникальный фонд, была разработана программа-опросник для сбора фразеологизмов. В.А. Пащенко занималась разноаспектным исследованием фраземики Забайкалья и в ряде научных публикаций представила его результаты [Пащенко, 1988; Пащенко, 1992; Пащенко, 2001 и др.].

В 2014 г. в издательстве Забайкальского государственного университета вышел в твёрдом переплёте объёмом 484 страницы «Словарь фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Забайкальского края» В.А. Пащенко [Пащенко, 2014]. Поскольку словарь вызвал большой спрос как в научном сообществе, так и в среде обычных читателей, интересующихся региональным языковым материалом, «Словарь фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Забайкальского края» В.А. Пащенко был переиздан с исправлениями и дополнениями в 2015 и 2016 гг. [Пащенко, 2016].

В Словарь включены фразеологизмы, пословицы, поговорки и иные устойчивые сочетания (около 3000 единиц), собранные автором и участниками студенческих экспедиций в течение 1977-2009 годов в 122 населенных пунктах 29 районов Забайкальского края, в том числе Красночикийском и Петровск-Забайкальском, где проживают потомки старообрядцев-семейских.

Одна из основных проблем, которая стоит перед составителем словаря, — разработка концепции словаря, в которой ключевыми моментами являются определение типа словаря, принципа структурирования словаря, состав отбираемого фразеологического материала, способы толкование семантики фразем, отбор иллюстративного материала, раскрывающего семантику фразеологических единиц.

Разработанная для создания регионального фразеологического словаря В.А. Пащенко концепция базируется на

- дифференциальном принципе, то есть включении в издание только диалектного фразеологического материала,
- семантическом принципе структурирования словаря,
- принципе широкой интерпретации фразеологических единиц [Пащенко, 2014, с. 7-8],
- подборе максимально информативного иллюстративного контекста.

Концепция фразеологического словаря поясняется В.А. Пащенко во «Введении» к словарю, приведём необходимые комментарии:

«В словаре представлен фразеологический материал в широкой его интерпретации, то есть даются следующие типы устойчивых сочетаний:

1. Собственно фразеологизмы: *ходить в швындиках* — «быть в состоянии затянувшегося детства», *сесть на игреньку* — «бездельничать» и др.

2. Метафорические сочетания, в основном перифразы (такой подход разделял Б.А. Ларин, придерживаются В.И. Милехина, З.Д. Попова. [Милехина, Попова, 1983]): *божья дуга* — «радуга», *заваленна новость* — «сплетня».

3. Терминологические сочетания (есть противники их включения в состав фразеологизмов, например, А.И. Молотков, А.М. Бабкин, В.П. Жуков, но есть и сторонники, в частности Л.И. Ройзензон, А.И. Федоров [Фразеологический словарь..., 1983]):

а) именные номинативного характера: *сухой дождь*, *широкая свадьба* и др.; б) глагольные терминологического характера: *бегать на ристань*, *делать микаду* и др.

4. Предложные сочетания непроницаемой структуры: *по здыням* — «в малых размерах», *до будылинки* — «до последней крошки, капли» и др.

5. Пословицы и поговорки: *сухая грязь к стенке не пристанет*, *колота посуда два века живет*, *бабья грамота* — *кобылья виноходь* и др.

Не включаются устойчивые сочетания, аналогичные соответствующим литературного языка или их формальные (фонетические, акцентологические, словообразовательные) варианты.

Материал располагается в соответствии с традиционным структурно-семантическим принципом: на основе опорного, стержневого слова, которое и выносится перед сочетанием. Это может быть:

1. Существительное в изменяемых именных сочетаниях: *поп в рогоже* — «нечто диковинное», *засидела девка* — «старая дева», *муха проголосная* — «надоедливая болтунья».

2. Существительное в падежной форме в неизменяемых именных сочетаниях: *на женском полку* — «силами одних женщин», *в жировой рубашке* — о способе приготовления мяса, рыбы, *от простой поры* — «в состоянии безделья».

3. Инфинитив в изменяемых глагольных сочетаниях: *мерить улицу* — «бездельничать», *мраки городить* — ср. пороть чепуху, *шмелу бить* — «плясать».

4. Первый компонент сочетаний с сочинительной связью: *в колье и мялье* — «небрежно», *то носуха, то икуха* — «всё не слава Богу», *не косой, а забавный* — о нелепом чуде.

5. Первый компонент в тавтологических сочетаниях: *шелюшка шелюшкой* — «невкусная жидкая пища», *варега варегой* — «простофиля», *охрепа охрепой* — «неряха».

6. Сказуемое односоставного предложения: *хошь в ухо вдёрни* — «очень тонкий», *у денег нет глаз* — о безрассудной покупке, *веку нет* — «крепкий, добротный».

7. Подлежащее двусоставного предложения: *кобылка мелет* — о ложных слухах, *дал чёрт дырочку* — о безысходной бедности.

8. Сказуемое первой /односоставной/ части сложного предложения: *в ком пашем, в том и пляшем, ходила не за чем* — *пришла не попусту, с чистого не воскреснешь* — *с грязного не треснешь*.

9. Подлежащее первой /двусоставной/ части сложного предложения: *семь лет мак не родил, а голоду не было; напятник починился, носок прохудился*.

Способы толкования значения устойчивых сочетаний обусловлены их структурой. Здесь можно отметить несколько принципиальных моментов:

1. Значительная часть сочетаний — фразеологизмов толкуется через аналогичные литературного языка: *прихватить за шаглы* — ср. *взять за жабры*, *подкатить яйца* — ср. *подложить свинью*, *красить улицу* — ср. *гранить мостовую*.

2. Именные сочетания номинативного и номинативно-оценочного характера толкуются через синонимичные существительные или именной описательный оборот: *истильная изба* — «пятистенка», *досельны люди* — «старожилы», *любима трава* — «ковыль».

3. Именные сочетания оценочного характера толкуются через прилагательное или адъективный оборот: *бабушка Кыра* — «ворчливая, неприветливая», *хандры мандры* — «не имеющий определённого места жительства».

4. Некоторые именные сочетания могут толковаться через наречие, наречное сочетание: *триста с листом* — «очень много», *за мыском в прилуке* — «неизвестно где», *в новой раз* — «иногда».

5. Глагольные сочетания — через синонимичный глагол или инфинитивный описательный оборот: *чужу корову почилькать* — «поживиться за чужой счёт», *покрыться бархатом* — «испугаться», *носить в подоле* — баловать, холить».

6. Адъективные сочетания через прилагательное или адъективный описательный оборот: *корыстный летами* — «старый», *на голову лебезный* — «слабоумный», *на ногу неспоркий* — «медлительный».

7. Адвербиальные сочетания через наречия или наречный оборот: *под свинячий голос* — «в конце жизни», *шивком да урывком* — «между делом», *в лапу да в косяк* — «как попало».

8. Односоставные предложения с главным членом, выраженным формой повелительного наклонения, толкуются, как правило, через прилагательное: *хоть пробу с золота снимай* — «прокисший», *распускай ремни* — «очень вкусный», *имай и хватай* — «жадный».

9. Односоставные предложения с главным членом, выраженным глаголом в личной форме, толкуются через прилагательное или описательный оборот: *не поешь* — *не подымеешь* — «толстый», *в ступе не утолкёшь* — «крепкий, здоровый».

10. Односоставные предложения с главным членом, выраженным глаголом в безличном значении, толкуются либо прилагательным / адъективным оборотом/, либо описательным оборотом: *как на баню шито* — «несуразное, нелепое», *всю родню видно* — «прозрачный, ветхий», *пошло на колесо* — о бесконечных житейских невзгодах.

11. Двусоставные предложения объясняются через прилагательное /адъективный оборот/ или через описательный оборот /с изложением ситуации употребления/: *мир не видал* — «очень редкий», *чёрт мерил кочергой* — «очень длинный», *золота слеза не выпадет* — ироническое приглашение поплакать по пустячному поводу.

12. Сочетания междометного характера различных структур толкуются через описание эмоций и чувств, ими выражаемых: *Перун попеки!* — для выражения гнева, иногда шутливового, *как те помогло!* — для выражения досады за чужую неловкость.

13. Пословицы и поговорки, как правило, в толковании не нуждаются: *годы* — *не уроды, мирищиной и речку вытаскать можно, ума пытай или насгаду шагай*.

Все варианты устойчивых сочетаний даются в одной словарной статье. При этом варианты компонентов сочетания даются в прямых скобках:

Пучиха да Корячиха /Корейчиха/.

Факультативные компоненты сочетаний даются в круглых скобках: *ни в строй, ни на дрова (ни на гробову досточку).*

В ломаных скобках приводится обязательное лексическое окружение устойчивого сочетания: *ни аза, ни глаза <не знать>.*

Курсивом делаются грамматические пометы: свет из глаз улетел *у кого-либо.*

Иллюстративный материал дается без фонетической транскрипции, но с учётом некоторых диалектных особенностей: стяжение гласных в местоимениях, прилагательных, причастиях: *така, долга, крыта*; долгие твёрдые шипящие: *завидуушиа*; процессы в области согласных: *платте, лохмоття* и др.» [Пащенко, 2016, с. 7-9].

Примеры словарных статей

АГАЯН

— *Агаян /Игаян/ — бр́ат /бр́атка/ с кем-либо.*

Похожий на кого-либо, несколько не лучше его.

С Задоржихой хлеб по льду возили, сдавали. Она така же бедна, Игаян — брат /Срет./. Произрастали рядом, вместе девковали, потом обженились, так что я с Николаем Игаян — братка /Нерч./. Ну ты с ём Агаян — брат, взяли моду огород копытить /Срет./.

РАСЧЕСАТЬ

— *Расчесáть по-бабли кого-либо.*

Заплетать невесте одну косу как молодухе.

Натягивают повойник, наденут фальшонку /косынку, фату/, она чёрна, шёлкова. А как венчаются, по бабли расчешут, в одну косу /Шилк./. Невестенке и попадёт: раз тебя по-бабли расчесали, не бегай по вечеркам, не крути подолом /Черн./.

Материал располагается в соответствии с традиционным структурно-семантическим принципом: на основе опорного, стержневого слова, которое и выносится перед сочетанием.

Словарь является по своему характеру идеографическим, так как фразеологизмы и иные устойчивые сочетания подаются в тематических разделах: 1. Характеристика человека. 2. Действия, состояния, их характеристика. 3. Характеристика ситуаций. 4. Предметы, их характеристики.

Тематическая подача облегчает поиск фразеологических единиц при изучении их смысловой содержательности.

«Словарь фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Забайкальского края» В.А. Пащенко представляет научный интерес как лингвистический источник, он может дать самую разнообразную научную информацию.

Содержание словаря, безусловно, может изучаться в различных аспектах.

В ракурсе современных лингвокультурологических, лингвоаксиологических и этнолингвистических исследований Словарь В.А. Пащенко будет весьма востребован.

Несомненно, будет интересным рассмотрение забайкальских фразем и паремий в аспекте репрезентации фрагментов национальной, в том числе и региональной, обыденной картины мира, выявления их национально-культурной специфики. Этнолингвистический ракурс исследования забайкальского фразеологического фонда позволит на его основе реконструировать особенности быта, виды деятельности, ряд обрядов, мифологические представления, верования забайкальцев.

В первом разделе «Характеристика человека» очень ярко отражается национальная система ценностей: что ценили в людях забайкальцы, а что осуждали, над чем подтрунивали: *бабушка Кыра* — ‘ворчливая, сварливая’; *Куда ветерок, туда и умок (у кого-либо)* — о легкомысленном человеке; *По колён в навóзе — по лóкоть в мáсле* — поговорка о трудолюбивом человеке, живущем в достатке.

Второй раздел «Действия, состояния, их характеристика» даёт представление о том, какой трудной была жизнь у жителей Забайкалья, какой у них был род занятий, уклад: *На свои слёзные живот добывать* — ‘жить своим трудом’; *Дéнь днева́ть, ве́чер вечера́ть* —

‘работать с раннего утра до позднего вечера’; *жить безнёмиши* — ‘голодать, нуждаться’.

В этом разделе можно найти остроумные народные выражения о любимых занятиях односельчан, например: *на ворóтах вёситься* — ‘проявлять любопытство к прохожим, подглядывать за кем-либо’; *ка́танки суши́ть* — ‘бездельничать’ и др.

Обрядовые действия, отражающие сохранившиеся архаические представления забайкальцев о мире, репрезентированы, например, в таких фразеологических единицах, как *завива́ть Нику́лину боро́дку* — ‘закручивать в пук колосья на специально оставленном для полевого духа несжатом клочке поля’; *загады́вать в трубуи́ину* — ‘произносить слова заклинания в банную отдушину’; *замкну́ть на оде́жу кого-либо* — элемент рождественского гадания и т.д.

В третьем разделе «Характеристика ситуаций» встречаются фраземы и поговорки, в которых представлено народное философское отношение к жизни и смерти, тонко подмечена диалектическая причинно-следственная связь явлений бытия: *От мамки до ямки* — о жизни от рождения до смерти; *На бугоро́к забежа́ть* — ‘умереть’; *Гроза́ своё дере́во найдёт* — поговорка со смыслом ‘чему быть, того не миновать’; *Не зёрнышко бы, и колосóчку не подня́ться* — поговорка о причинно-следственных отношениях; *Коровушка во дворе — Христов день на столе!* — поговорка о достатке, благополучии в доме, где держат корову.

В четвёртом разделе «Предметы, их характеристики» фразеологические единицы выражают отношение забайкальцев к окружающим реалиям и метафорическое их восприятие: *Стару́шье лето* — жаркое лето; *гуси́ные дожди́* — об осенней ненастной погоде.

По устойчивым сочетаниям можно увидеть забайкальский деревенский мир: *кресто́вый до́м* — ‘дом из четырёх комнат с двумя капитальными перегородками’; *изба́ в точёнка* — ‘дом с деревянной резьбой’; *загне́та до́м тепли́т и ду́шу весели́т* — поговорка; *карто́шка в солё, карто́шка в толчё, карто́шка в перё* — о картошке, основной пище забайкальцев, и др.

Богатый иллюстративный материал демонстрирует употребление фразеологической единицы в диалектном контексте, который выявляет её значение.

В издании в самих диалектных фразеологических единицах, а также в иллюстративном материале представлена диалектная лексика. Облегчают её выборку два Приложения в конце издания.

В Приложении 1 даётся список забайкальских фразеологизмов с диалектными компонентами, например:

- Век *векúша* — одинокий
- *Веретно́м* стряхни — ветхое, старое
- С *верика́* (отругать, осудить и под.) — не разобравшись в сути дела
- Под *веселу́* (гулять и под.) — без спиртного
- День *днева́ть*, вечер вечерить — работать с утра до вечера
- Направить *виноходь* — наставить на путь истинный
- *Турсук турсуко́м* — угрюмый, сердитый
- *Тык ты́ком* — одинокий
- Рука с *ты́ром* у кого-либо — вороватый и др. [Пашенко, 2016, с. 377–391]

Далее даны забайкальские пословицы и поговорки с диалектными компонентами, например:

— На прохожего, на проезжего, на проезжего, на *áлошного*, не завидного — говорят перед началом посадки овощей

— *Бадара́ги (батогги)* зря не вырастут — говорят о людях с могильной костью у больших пальцев ног, признаком сомнительных достоинств человека

— Кабашники к кабаку, *барда́шники* к бардаку — ср. каждому свое

— *Берегмя́* берегёшь, да чёрту шубу сошьёшь — о неразумности излишней экономии

— *Беру́чих* имают да на спине играют — о вороватых людях

— Кому в поле *бечь*, кому на лавку лечь — о ленивых

— Мы с *братаном* Петрованом по елани сундалой хлыном хлыняли — дразнилка по поводу местной речи

— *Бравой* девке и куль сарафан [Пашенко, 2016, с. 391–393].

Включен в Приложение 1 и список цельных номинативно-терминологические сочетаний с диалектными компонентами, например:

— *Бу́совое* сито — решето для муки тонкого помола

— На *бурушках* возить — носить на закорках

— *Бушевная́* шуга — ледоход с заторами

— /Тонкий/ как **бучу́кан** — о высокосортной коже
— /Пить чай/ на **быка́** — торопясь, большими глотками
— **Взяде́ный** хозяин — муж, пришедший в дом жены, приймак
— **Вековéшный** житель — старожил
— Делать **вля́зины** — устраивать новоселье
— Обернуться **вобудённо** — возвратиться в тот же день и др. [Пашенко, 2016, с. 393–397].

Весьма ценным является Приложение 2, в котором даётся список диалектных слов, употреблённых в контекстах словаря, например:

балаля́кать — бормотать

баламу́шка — болтунья

бала́нда — болтун

ба́нник — банный дух

барахча́н — ягненок

бараша́та — ягнята

барло́вый — сшитый из шкур диких коз

баровый — сшитый из ткани /какой?/

баской — красивый

ба́чить — болтать

бегову́шка — игра в лапту

бегу́нцы — лошади для лёгкой упряжки

безу́тышно — без передышки и др. [Пашенко, 2016, с. 398–411].

Примечательно, что помещённые в Приложение 3 тексты, записанные в сёлах и районных центрах, позволяют увидеть включённость фразеологизмов в живую ткань диалектной речи забайкальцев, почувствовать её уместность и меткость употребления. Приведём небольшой текстовый фрагмент из этого приложения:

Ленька-то наш раз пошёл по голубицу, да рванул туды, меж колок. Иду, говорит, гляжу: мужик какой-то в буром костюме уж берёт. Я ему кричу, чё, дескать, как ягода? А он встал на задни лапы да давай оглядываться. Лёнька-тот присел в ерник (кустарник) да полдня по цибаре (ведру) колотил да лаял. А медведь-от встанет, поглядит — никого, ан дальше голубицу собирать. Пока не *набил требуху*, не ушёл. Записано Чаленко И. в 1988 году от Ульяны Ивановны Алаиной, 74 года [Пашенко, 2016, с. 398–411].

Традиционный системно-структурный подход позволит рассмотреть структуру, морфологическую природу диалектных фразеологических единиц. Исследоваться может формальная вариантность (примеры вариантов: *Ходить в стрók/a/, /по строкáм/* — ‘работать сезонно по найму у частных лиц’; *В кóлье и мя́лье /кóльях-мя́льях/* — ‘неряшливо, небрежно’ / о ношении одежды/), лексический состав, в том числе и лексическая вариантность (примеры: *Бадарáги /батóги/ зря не вы́растут!* — поговорка о злом, жадном человеке). Актуально изучение системных парадигматических, в частности синонимии, антонимии фразем, и синтагматических отношений, например синтагматики внутри фраземы (*Нагóй нагím* — ‘бедный’), лексической валентности в окружающем контексте (*Вóлки в лés уехали на ком-либо* — об исчезнувшем человеке; *Мúхи на руках сидéли у кого-либо* — о неловком человеке; *Ни в стрóй, ни на (в) дрóвá, ни на гробовúю дб́сточку* <пойти, сгодиться и под.> — о непригодном к полезному делу человеке).

Заслуживает внимания и семантика включённых в словарь фразем и паремий, компонентный анализ которой позволит выявить семантические параметры, раскрыть смысловое содержание в полном объёме с учётом прямого и переносного значения и выражаемых коннотаций, например: *Размахай — не лопотíна, золотарь — не человек!* употребляется в адрес легкомысленного человека, проматывающего заработанное. Это уже переносное значение, возникло на базе прямого значения относительно золотарей-одиночек, которое могли на добыче золота заработать значительную сумму, а потом быстро её растратить. В пословице содержится сравнение легкомысленного человека с *размахаем* — ‘платьем простого покроя не в талию без выточек’, которое из-за простоты фасона и пошива не стоит причислять к *лопотине* — ‘одежде’. Пословица содержит отрицательную оценку поведения человека и употребляется с коннотацией неодобрения и осуждения.

Распределение около 3000 единиц в словаре В.А. Пащенко по тематическим блокам облегчает систематизацию и исследование ключевых семантических полей забайкальской фразеологии, возможно описание концептуальной семантики фразем.

Единицы данного фразеологического труда могут изучаться в русле психолингвистических и когнитивных исследований.

Неподдельный интерес вызывает образность фразем и паремий, её природа. Теоретики современной русской фразеологии А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский отмечают, что фразеологизмы являются не только чисто языковым, но и когнитивным феноменом в том смысле, что образная составляющая фразеологизма, даже если она не влияет непосредственно на актуальное значение, является частью плана содержания [Баранов, Добровольский, 2008, с. 21].

Психологический механизм, устанавливающий мотивацию закрепления актуального значения за определённой внутренней формой, создающей специфическую образность с региональным колоритом, может расширить представления об особенностях народного образного восприятия окружающего мира. Например, фраземы *лони́шна* (прошлогодня) *каша* — ‘старая, надоевшая история’, *ва́рега большеро́тая* — ‘болтливый человек’, *хлы́нять по ела́ни сундало́й* (ездить по долине вдвоём на одной лошади) — ‘бесцельно слоняться, отлынивать от работы’, безусловно, отражают региональную специфику мировосприятия жителей Забайкалья.

Фразеологические единицы Словаря можно изучать в функционально-прагматическом аспекте, поскольку словарные статьи включают богатый иллюстративный материал, демонстрирующий употребление фразеологической единицы в диалектном контексте, который выявляет её значение. Контекст имеет помету, где был записан. Тексты в третьем приложении, записанные в сёлах и районных центрах Забайкальского края, позволяют определить коммуникативные намерения говорящих и выражаемые прагматические коннотации.

Этимологические исследования необходимы для выявления происхождения, затемнённой внутренней формы у ряда фразеологических единиц.

Как *амба́нь* (*душенáгубный*) <стоит, сидит и под.> — ‘неподвижный, молчаливый человек’ — встречается лексема *амба́нь* маньчжурского происхождения, которая употреблялась в XVIII в. в забайкальском регионе со значением ‘высший чиновник китайского

пограничного ведомства, что зафиксировано в «Словаре русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье» А.П. Майорова [Майоров, 2011, с. 29]. Для отрицательной характеристики нелюбимых, угрюмых, равнодушных людей (см. в контексте Словаря В.А. Пашенко: Сидит как амбань душепагубный, телевизор глядит, никого делать не хочет /Срет./ [Пашенко, 2016, с. 10]) фразеологизм стал использоваться из-за негативной коннотации у слова *амбань*, возникшей на основе недоброжелательного отношения местных жителей к китайским таможенным чиновникам [Майоров, 2010, с. 48].

Историки языка, несомненно, заинтересуют архаические формы, сохранившиеся в забайкальских фраземах. Например, в приветствии стряпающей хозяйке *Гой ёсте, у когó ру́ки в тёсте!* встречается междометие *гой*, которое восходит к форме повелительного наклонения от древнерусского глагола *гоити* — ‘давать жить, жить, приютить’, использовалось как приветствие, пожелание здоровья, ср. в русском фольклоре: *Гой еси, добрый молодец!* В этой же фраземе употребляется и архаическая форма настоящего времени 2 л. мн. ч. наст. времени глагола *есте* от глагола *быть*.

Во фразеологической единице *Пошёл был посол да по репный рас-сол* — об исчезновении, долгом отсутствии — обнаруживается встречающаяся в забайкальских говорах архаическая форма плюсквамперфекта *пошёл был*; в бранной фраземе *Чтоб ты пра́нцы поели!* сохранилась древняя энклитическая форма В. п. местоимения 2 л. ед. ч. *ты*. И таких примеров консервации языковой архаики в забайкальском фразеологическом фонде достаточно много.

Словарь, безусловно, вызовет научный интерес у диалектологов, изучающих лексику русских говоров, поскольку в нём в самих фразеологических единицах, а также в иллюстративном материале представлена диалектная лексика. Облегчают её выборку два приложения в конце издания «Забайкальские фразеологизмы с диалектными компонентами» и «Список диалектных слов, употреблённых в контекстах словаря», приведём ряд примеров лексических диалектизмов в составе фразеологических единиц: *Аж курма́ заворачивается (дымится)* — ‘быстро (бежать)’, где *курма* — ‘лёгкое стёганое пальто’;

сабатэйку в прázдник не вы́просишь у кого-либо — о недобром, жадном человеке, где *сабатэйка* — ‘пресный хлебец, дешёвое угощение для бродяг’; *вы́шка пустэнька у кого-либо* — о пустоголовом, слабомном, где *вы́шка* — чердак; *ни ко́поти, ни ло́поти у кого-либо* — о бедном, неимущем, где *ло́поть* — одежда; *грязное пу́зо чистым за́поном не закрóбешь* — о невозможности скрыть неблаговидный поступок, где *за́пон* — ‘фартук, состоящий из передника и нагрудника и являющийся обязательным для наряда семейских женщин’, *Кичи́ги закатились у кого-либо* — о дремлющем человеке, где *Кичи́ги* — созвездие Ориона и др.

Диалектологи — фонетисты, морфологи — также найдут в данном словаре по своему профилю диалектный материал, имеющий локальную фиксацию. Приведём ряд дразнилок, высмеивающих особенности местной речи: *Поёхали в Бишигино́ на маши́не шиши́кать* — дразнилка в адрес произносящих мягкие шипящие. Приведёт контекст: *Дед у нас старожил, смешно так говорил, шикал: жена, картошки... А его дразнили: ну, дед, поехали в Бишигино на машине шишикать /Срет/.*

В дразнилке *Евонная сестра за еённым братом была зайшовиши* есть не только диалектные местоимения, но и деепричастие в функции сказуемого. В паремии *В ком нашем, в том и пляшем* — о небрежливости к одежде имеется забайкальское употребление местоимения *кто* вместо *что*. Любопытна фразама *скрёсу нет* — ‘спасу нет’. Контекст: *А он, еретик /дождь/, идёт и идёт, никакого скрёсу нет. Вот час на-рождение месяца, так он не кончится долго /Олов./.* Слово *скрёс*, возможно, этимологически родственно *воскресать* от *крѣсати* — ‘жить, спасать’. В забайкальских диалектах встречается более широкий переход [e] в [o], в данном случае мы видим его даже на месте древнего ъ. Богатый диалектный материал Словаря может быть исследован и в других ракурсах.

Сам словарь В.А. Пащенко (его тип словаря, состав включённых единиц, структура, способы толкования и т.д.) становится предметом лексикографического исследования диалектных фразеологических словарей.

Издание Словаря, несомненно, является своевременным, его научная и практическая ценность очевидна: материалы востребованы филологами, этнографами, культурологами, историками, журналистами. Он даёт возможность увидеть отражённую в забайкальской русской фраземике историю и культуру русского этноса, русскую народную мудрость и национальную систему ценностей.

Список литературы

1. Баранов А.Н., Доровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.
2. Майоров А.П. Введение в лингвокраеведение Бурятии: учеб. пособие для студентов вузов. Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета. 2010. 114 с.
3. Майоров А.П. Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье. Издательский центр «Азбуковник», 2011. 584 с.
4. Милехина В.И., Попова З.Д. Перифразы в отношении к фразеологии // Фразеологизм и слово в русском языке. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1983. С. 38–44.
5. Пащенко В.А. Диалектные фразеологические варианты (на материале забайкальских говоров) // Сибирские говоры: Функционирование и взаимовлияние диалектной речи и литературного языка / отв. ред. Г.Г. Белоусова. Красноярск: Изд-во Красноярского государственного педагогического института, 1988. С. 115–120
6. Пащенко В.А. Коннотативное значение фразеологической единицы и средства его выражения // Петр Алексеевич Кропоткин — гуманист, ученый, революционер: Российская научная конференция: сборник тезисов / ред.-сост. М.В. Константинов, Ю.Т. Руденко, В.Г. Зарубин. Чита: Изд-во Читинского государственного педагогического института. С. 113–115.
7. Пащенко В.А. Материалы к словарю фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Читинской области. Чита, 1999. Ч.1, 2. 166 с.; Чита, 2000. Ч. 3, 4. 143 с.; Чита, 2004. Ч. 5. 144 с.; Чита, 2007. Ч. 5. 143 с.; Чита, 2009. Ч. 3. 132 с.

8. Пащенко В.А. Некоторые способы формирования коннотативного значения диалектных слов // Национальный язык: региональные аспекты. Чита, 2001. С. 38–41

9. Пащенко В.А. О некоторых принципах построения словаря фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний говоров Забайкалья // Лингвистическое краеведение Забайкалья: В помощь учителю-словеснику / под ред. Э.А. Колобовой. Чита: Изд-во Читинского государственного педагогического института, 1992. С. 63–65.

10. Пащенко В.А. Словарь фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Забайкальского края / В.А. Пащенко; под науч. ред. Т.Ю. Игнатович; Забайкал. гос. ун-т. Чита: ЗабГУ, 2014. 484 с.

11. Пащенко В.А. Словарь фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Забайкальского края / под науч. ред. Т.Ю. Игнатович; Забайкал. гос. ун-т. 3-е изд., испр и доп. Чита: ЗабГУ, 2016. 432 с.

12. Фразеологический словарь русских говоров Сибири /под ред. А.И. Фёдорова. Новосибирск: Наука, 1983. 232 с.

Глава 5. Региональная народная культура в полиэтническом Забайкалье: разработка этнолингвистической модели, лексико-графическое описание

5.1. Этнолингвистическая модель региональной народной культуры

Н.А. Лиханова

Изучение словарного состава народных говоров как источника этнолингвистической информации, как средства постижения лингвокультуры определенного этноса является актуальной задачей как для этнолингвистики, так и для диалектной лексикографии. Одним из способов описания диалектной картины региона является анализ логико-понятийных групп диалектных лексем с учетом их культурно-исторической информации.

Изменения, которые происходят в науке, приводят к необходимости описания региональной культуры через универсальные единицы языка. Требуется переосмыслить энциклопедические и культурно-исторические элементы в толковании значения слова, пересмотреть функции контекстного материала словарной статьи, в результате чего и возникают новые подходы к изучению лексикографических источников. Так, логико-понятийные группы способствуют формированию этнолингвистической модели описания региональной культуры.

Отметим, что всё многообразие языковой системы исследовано в рамках лингвокультурного, социолингвистического, коммуникативного подходов. В данном труде предполагается показать уникальность проявления этнолингвистического подхода через диалектную культуру Восточного Забайкалья. Деятельность любой культуры, в том числе и региональной, универсальна. Она реально существует в действиях, которые в зависимости от условий совершаются определенными способами, где под условиями традиционно понимается природный и социальный ландшафт, на котором разворачивается та или иная деятельность, а также созданные людьми предметы — артефакты культуры, впитавшие деятельность прежних поколений.

В целом, идея этнолингвистического подхода заключается в интегральности духовного и материального понимания специфики

культуры, где привлекается широкий круг источников для описания всего языкового материала на диахронном уровне. Здесь должны учитываться проявления народного менталитета, психологии, истории развития в разных регионах, разница которых будет заключена в географическом положении (степная/приморская территория), условиях климата (южные/северные климатические условия), рода занятий (рыболовство/золотодобыча/земледелие/скотоводство) и т.д.

На современном этапе развития этнолингвистического направления сформировались мировые и отечественные научные школы. Это школы зарубежных исследователей: Американская этнолингвистическая школа (Ф. Боас, Э. Сепир, Б. Уорф, Д.Х. Хаймз и др.), Люблинская этнолингвистическая школа (Е. Бартминский, С. Небжеговская, Р. Токкарский и др.), Французская школа этнолингвистики (Э. Бонвини, С. Баюше, Ж. Дреттас и др.). Одной из первых школ в России появилась Московская этнолингвистическая школа (Н.И. Толстой, С.М. Толстая, Л.Н. Виноградова, А.В. Гура, Т.А. Агапкина, Н.Б. Страхов и др.), далее Московско-Тартутская этносемиотическая (семиотическая) школа (Вяч. Вс. Иванов, В.Н. Топоров, Б.А. Успенский, Ю.М. Лотман), Уральская школа этнолингвистики (ономастическая) (Е.Л. Березович, М.Э. Рут, О.В. Востриков и др.).

В рамках этнолингвистического направления заметно возрос интерес и к описанию языкового материала региональной культуры. В отдельных центрах формируются региональные школы и лаборатории этнолингвистической науки: Камчатская этнолингвистическая школа (Н.Г. Ильинская, О.А. Глуценко и др.), лаборатория «Региональной лексикографии и этнолингвистики» при Курском государственном университете (Т.М. Малыхина, Л.И. Ларина и др.), Центр этнолингвистики народов Прикамья в г. Перми (научный руководитель Подюков И.А.) и др. И, как отмечает автор учебника «Введение в региональную этнолингвистику» И.С. Карабулатова, «Этнолингвистика не описывает фонемы и морфемы, однако, она широко использует категории и факты языка в качестве средства для более глубокого проникновения в собственно этнические процессы. Современные проблемы любого российского региона можно в полной мере оценить и понять только в контексте его исторического разви-

тия, характера освоения его территории титульными этническими группами» [Карабулатова, 2005].

Исследования по комплексному этнолингвистическому анализу региональных словарей способствуют *реконструкции региональной языковой картины мира*, которая представляет собой семантическое пространство языка, служит фиксацией человеческого опыта, его хранения и передачи будущим поколениям, она реагирует на изменяющиеся условия жизни человека. Реконструкция региональной языковой картины мира будет способствовать не только описанию региональной культуры, но внесет вклад в развитие региональной этнолингвистики, которая является неотъемлемой частью всего этнолингвистического подхода.

Как известно, диалектные единицы отражают и хранят стародавние русские речевые традиции — это «компонент русской национальной речевой культуры в целом», замечает томский диалектолог О.И. Блинова [Блинова, 2007, с.191]. Вслед за Н.И. Толстым, она вводит в своих работах по диалектному материалу понятие «диалектная лингвокультурология», что применимо к понятию «диалектная этнолингвистика», систематизирует аспекты изучения данного феномена, выделяет онтологический аспект изучения с выявлением отдельных компонентов народной речевой культуры. С.Г. Тер-Минасова, рассуждая о разновидностях национального языка, вводит понятие «диалектная культура», или «диакультура» [Тер-Минасова, 2007, с.47].

Опыт создания областных словарей имеет давнюю традицию лексикографического представления народной лексики, начиная с середины XIX в. Материалы, представленные в диалектных словарях, дополняют друг друга, показывая жизнь слова в географическом пространстве и историческом движении, где определяется культурная специфика лексики каждого региона. Соответственно это позволяет диалектологии выйти на качественно новый уровень изучения лексических единиц, что ведет к формированию диалектной культуры.

Концептуальное описание диалекта ориентировано на выявление внутренней логики диалектной номинации, где изучение диалектного материала даёт информацию о жизни и быте целых поколений людей, где за каждым из таких слов стоят история, судьбы, традиции русско-

го села. Использование комплексной этнолингвистической методики делает описание лексики говоров более полным и достоверным. Лексика, представленная в областном словаре, не имеет эквивалентов в современном литературном языке. Здесь встречаются такие категории слов, которые связаны с отражением старых форм ведения земледелия, названия вышедших или выходящих из употребления сельскохозяйственных орудий, хозяйственных построек, одежды, обуви, предметов быта, ремесленная терминология, обрядовая лексика, названия обычаев и игр, поверий, жилищ, кушаний, особенностей рельефа, действий, связанных с трудовой деятельностью и т.д.

Отражение организации культурно-исторической информации в региональных словарях предполагает использовать *этноидеографический способ классификации языкового материала*, который является одним из путей систематизации знаний о мире человека.

Специалист по языку О.Н. Иванищева отмечает, что «лексикографирование элементов культуры — процесс сложный, так как приходится вербализовать то, что трудно передать словами: ассоциации, представления, ощущения, воспоминания. Дело осложняется еще и тем, что при передаче информации в словаре необходимо говорить о том, что известно одному, так, чтобы это понял другой <...> как представить элементы культуры <...> так, чтобы по возможности соблюсти баланс между „понимать“ и „знать“» [Иванищева, 2004, с. 3.].

Идеографический способ классификации диалектного материала выступает способом систематизации знаний о мире и человеке. Это дает возможность обозначить и представить реально существующую диалектную картину мира как фрагмент национальной картины мира, моделирование которой является конечной целью такого направления как региональная этнолингвистика, отражающая ситуацию взаимодействия языков и культур в исторически сложившемся регионе. В сознании каждого человека представлен субъективный образ объективного мира, поэтому есть основания говорить о формировании картины мира диалектной языковой личности. Идеографический подход к артефактам языка, репродуцированным языковой личностью, позволяет выделить зоны ее «особого внимания», что приближает к пониманию ключевой семантики сознания языковой лич-

ности, которая своеобразна как у каждой социальной общности, так и у отдельных личностей.

В ходе систематизации исследуемого языкового материала предполагается взять за основу логико-понятийную систему (термин А.С. Герда), выявить внутри неё отдельные логико-понятийные группы, которые будут отражать специфику региональной языковой картины мира.

В фокусе фрагментов и уровней региональной языковой картины мира может быть рассмотрена диалектная система. В этом плане лексикографическое описание языковых фактов является эффективным источником в изучении отдельных вопросов именно региональной лингвокультуры. При работе с этнолингвистическими источниками — областными словарями — важно определять статус лексем, степень их востребованности и сохраненности на общезыковом и региональном уровнях. Представляется необходимым использовать языковые артефакты из разных лексикографических источников для получения достоверных сведений об анализируемом лексическом элементе.

Одной из методологических основ для описания диалектной картины мира становится «гипотеза диалектной относительности». Она является развитием гипотезы языковой относительности Сепира-Уорфа, где ключевая мысль содержится в следующем высказывании: «картина мира национального языка компилируется первоначально из картин мира диалектов, сохраняя в течение определенного периода времени после создания национального языка особые качества, связанные с их большей близостью к исконным занятиям человека, традиционному образу жизни, натуральному хозяйству» [Радченко, 2004, с. 28].

Вышеизложенное позволяет говорить о вхождении диалектной системы в следующую парадигму: *национальная картина мира* → *языковая картина мира* → *региональная языковая картина мира* → *диалектная картина региона*.

Под диалектной картиной мира исследователями понимается «присущее данному диалекту как подсистеме конкретного языка определенное устройство системы понятий, отражающее специфиче-

ские пути освоения окружающего мира коллективом носителей данного диалекта» [Закуткина, 2001, с.16]. Диалектная система складывается исторически в рамках отдельных этносов, а язык этноса вбирает в себя информацию об этой картине мира, то есть отражает и закрепляет отработанные историческим опытом народа реалии.

В современной антропологической лексикографии активно ведется разработка поэтапного анализа функционирования культурно-носпецифической лексики диалекта. И вполне естественно, что решение собственно этнолингвистических задач в области этимологии, семасиологии, исторической лексикологии, фразеологии требует, по справедливому замечанию Н.И. Толстого, обращения к широкому культурно-историческому и этнографическому контексту.

Элементы этнолингвистического подхода к осмыслению диалектного материала в российской науке достаточно устойчивы. Начало собственно диалектной русской лексикографии связано с изданием «Опыта областного русского словаря» (1852) и «Дополнения к нему» (1858). Первый сводный областной словарь отразил важную тенденцию подачи диалектного слова в контексте традиционной народной культуры. Энциклопедические элементы (или этнографизмы) весьма ценились составителями областного словаря и вносились полностью. В этом составители видели характерную особенность именно областного словаря в отличие от словаря общенародных говоров. Заметим, что И.И. Срезневский планировал создание этнографического словаря. Также исследователем С.А. Ереминым в 1926 г. был предложен «Проект словаря русской этнографической диалектологии» и «Программа» сбора материала этого словаря [Еремин, 1926, с.5].

Первым в России полным словарем по одному областному наречию стал «Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении» А.О. Подвысоцкого (1855). Бытовое и этнографическое освещение вологодской диалектной лексики предложено в сохраненной рукописи труда П.А. Дилакторского (1902). Яркое воплощение получил фольклорно-этнографический аспект лексики в «Смоленском областном словаре» В.Н. Добровольского (1914), который включил в себя разнообразные материалы: это были наблюдения над особенностями смоленского говора, где опре-

деленное место отводилось описанию крестильных, свадебных, похоронных обрядов и песен.

Перспективный подход к презентации диалектной лексики в лексикографии обозначился в «памятнике русской культуры» — «Словаре русских народных говоров» (1961–2010). Концепцию создания словаря изложил его автор и создатель первых томов Ф.П. Филин в «Проекте «Словаря русских народных говоров»» (1961). Данный словарь отражает лексико-фразеологический состав всех русских народных говоров по записям XIX–XXI веков. Лексика, представленная в словаре, не имеет эквивалентов в современном литературном языке. Здесь встречаются категории слов, связанные с отражением старых форм ведения земледелия, названия вышедших или выходящих из употребления сельскохозяйственных орудий, хозяйственных построек, одежды, обуви, предметов быта, ремесленная терминология, обрядовая лексика, названия обычаев и игр, поверий, жилищ, кушаний, особенностей рельефа, действий, связанных с трудовой деятельностью и т.д.

В современных диалектных словарях аккумулируется такой объем этнокультурной информации, который включает в себя самые разные стороны жизни диалектоносителей. Так, значимым в отечественной региональной лексикографии является «Псковский областной словарь с историческими данными» (1967–2005), включающий и общеизвестные (общерусские) слова и выражения. Исторические данные, по мнению Б.А. Ларина, в данном словаре призваны отразить историческую преемственность лексики и фразеологии, специфику местных наименований на фоне общерусского богатства лексико-фразеологической системы.

«Словарь русских донских говоров Волгоградской области» (1997) содержит интереснейшую информацию, характеризующую особенности речевой культуры казачества, где каждая словарная статья несет в себе культурологические сведения о предметах быта казаков, характере межличностных отношений, особенностях ведения хозяйства, о занятиях и интересах, об отношении к природе, освоении разных видов деятельности и т.д.

В региональном «Историко-этимологическом словаре русских говоров Алтая» (2007), как отмечает создатель лексикографического

труда Л.И. Шелепова, указано время древнейшей фиксации диалектных слов Алтая в памятниках письменности; приведены славянские языковые параллели. Лексико-этнографическое изучение реалий находит отражение в «Архангельском областном словаре», «Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей», «Словаре русских говоров Алтая», «Полном словаре сибирского говора» и др.

Утвердившееся в последнее время в диалектологии этнолингвистическое направление дает возможность зафиксировать специфические диалектные лексемы путем более глубокого внедрения в языковую действительность и максимально полного ее описания. В процессе работы над исследованием обнаружено, что одним из первых опытов этнолингвистического описания традиционной духовной культуры явился словарь «Славянских древностей» (1995–2009). Составители данного лексикографического проекта считают, что в словарных статьях требуется учитывать этимологические истоки, культурные традиции, семиотические функции, семантику элементов культуры и культурные контексты выделенных единиц. Это способствует изучению национальной картины мира с учетом её региональных особенностей.

Очередным опытом этнолингвистического словаря выступает лексикографический труд «Духовная культура Северного Белозерья. Этнодиалектный словарь» (1997). Словарь содержит лексику семейной и календарной обрядности, народные заговоры и молитвы, молодежные и детские развлечения и игры, различные типы несказочной прозы (предания, былички, анекдоты). Некоторые особенности диалектной, фольклорной лексики и фразеологии, связанные со свадебной обрядовостью, представлены в «Этнолингвистическом словаре свадебной терминологии Северного Прикамья» (2004).

Контекст данного исследования позволяет обратиться к региональной лингвокультуре. Так, на территории Забайкальского края (ранее Восточного Забайкалья) сложилась уникальная этническая ситуация. Здесь проживали и проживают различные этносы: эвенки, буряты, русские, которые включают этнокультурные группы казачества — первые русские поселенцы в регионе; старообрядцев, переселившихся в своё время из различных районов России. Данные

этносы способствовали формированию определенного типа местного населения, которое осознаёт свою региональную идентичность и является носителем забайкальской лингвокультуры. В связи с этим, лексикологи и лексикографы региона должны рассматривать модель формирования региональной языковой личности, а в рамках изучения диалектной лексикографии следует ориентироваться на диалектную языковую систему.

Соответственно новые лингвоантропологические подходы к лексикографированию культуры «народного» языка способствуют глубокому пониманию семантики слов, а также знакомят с теми традициями и обычаями, которые стоят за данной лексической единицей. Одним из источников погружения в этнолингвистическое осмысление диалектного материала выступает «Словарь русских говоров Забайкалья» Л. Е. Элиасова. В нем зафиксирован существенный пласт диалектной лексики, характеризующий материальную и духовную культуру Восточного Забайкалья. Здесь отражена лексика практически всех групп старожильческого населения Забайкалья: казаков, сибиряков, семейских, карымов. Как отмечает в предисловии к словарю академик Ф.П. Филин, «в языке и эпосе русского населения Забайкалья отразилась жизнь интереснейшего края, начиная с появления здесь русских переселенцев, его удивительная природа, контакты русских с братскими нерусскими народностями. В забайкальских говорах сохранилось немало золотых словесных россыпей, уже утраченных на территории метрополии, что еще более повышает их научную и культурную ценность» [Элиасов, 1980, с. 6]. Изучение представленной в словаре лексики дает богатейший материал не только для отечественной лексикографии, истории языка, культуры народа, но и для осмысления диалектной культуры Забайкальского региона.

Для применяемого в работе этнолингвистического анализа А.С. Гердом была разработана «логико-понятийная система» (схема, модель) изучения групп лексики. Смоделировать её возможно только путем привлечения не только широкого круга лингвистических источников, но и исследований по этнографии, истории, культуре. Этнолингвист определил её следующим образом: «логико-понятийная система строится как модель знания о мире в том или ином аре-

але для определенного исторического периода. Если мы знаем тип этноса, такая модель представляет собой логико-понятийную схему знаний о мире у данного народа. Подобная классификационная логико-понятийная схема удобна тем, что она может строиться отдельно по ареалам, векам, источникам» [Герд, 1995, с. 63].

Автор данной логико-понятийной системы отмечает, что она может отражать, например, иерархию персонажей мифов по письменным источникам, диалектам, по народным поверьям и т.д. А.С. Гердом представлены фрагменты модели по теме «Жилище», «Домашняя утварь. Посуда», дана характеристика моделям мифологических существ, исследованы микрополя «Водяные существа», «Персонажи-повелители». Вся логико-понятийная структура представляется им как единство различных понятийных макро- и микрополей (групп) разного уровня, которые являются репрезентантами проникновения в мир знания народа, индивида.

Названная логико-понятийная схема лежит в основе разработки новых моделей терминологических словарей, таких как тезаурус [Никитина, 1983], и идеографических словарей [Морковкин, 1970; Табанакова, 1999]. Уместно ее применение и при работе с диалектными словарями, при исследовании любой предметной области материальной и духовной культуры этноса. Словарный состав одного говора в пределах зафиксированного материала можно представить в виде серии логико-понятийных групп, отражающих разные стороны жизни его носителей и находящиеся между собою в определенных отношениях. Это обеспечит системное описание языкового материала.

Идеографическая характеристика словаря выступает одним из важнейших способов исследования его как системного образования, что позволяет определить духовную и материальную сторону лексических реалий. Соответственно, факты языка, выявленные на материале «Словаря русских говоров Забайкалья», наиболее полно представят жизнь русских людей на территории Забайкалья в предшествующие эпохи, позволят глубоко рассмотреть некоторые проблемы региональной лексикологии и лексикографии. Как верно заметил в подтверждение вышесказанному Ф.П. Филин, «лексикологу дороги не только открытия общих лексико-семантических законо-

мерностей, но и каждое слово, каждое его значение, своеобразие его употребления. Каждое слово — свой особый лингвистический мир, раскрыть тайны которого не только поучительно, но и удивительно» [Филин, 1961, с. 45]. Для этого должны привлекаться, как уже подчеркивалось, языковые артефакты различных региональных словарей.

Есть и определенная трудность при составлении диалектных словарей идеографического типа. Она заключается в том, что в современной лингвистике недостаточно описана методика исследования культурных контекстов слова. С точки зрения лингвиста Е.А. Шенделева, вообще любые комплексные единицы лексического уровня языка (лексические гнезда, лексические и семантические поля) могут выступать в качестве этнолингвистических феноменов. Это возможно при рассмотрении языка в рамках антропологической парадигмы, которую не берут во внимание многие составители словарей. Лексические системы, таким образом, остаются лишь «голыми схемами, замкнутыми чисто лингвистическими структурами, не раскрывающими взаимосвязь языка, культуры и мышления» [Поздеева, 2005, с. 43]. Следовательно, сегодня актуальной оказывается проблема методического обеспечения этнолингвистического исследования и учет культурно-исторических фактов при составлении идеографического диалектного словаря.

Так, первые попытки описания культурно-исторической информации в диалектном словаре с учетом идеографического подхода были отражены в исследованиях Ф.П. Филина. Автор, обратившись к анализу диалектной сельскохозяйственной терминологии, ставил перед собой ряд задач: воссоздать историю сельскохозяйственных диалектных терминов, установить способы их образования и семантическую структуру, наметить территориальное распределение сельскохозяйственных терминов и проанализировать процессы словотворчества в сельскохозяйственной терминологии современной деревни. Последняя задача позволила Ф.П. Филину обсудить вопрос о социальной дифференциации сельскохозяйственных терминов в современных народных говорах. Все исследование лексического материала в его труде ведется «в тесном переплетении синхронных и диахронических методов на фоне широкого изучения культурно-

исторических факторов, влияющих на языковые процессы» [Сороколетов, 1978, с. 5].

Лексикографами разных регионов России были высказаны идеи создания областных словарей идеографического типа. Так, красноярский ученый Г.А. Раков озвучил мысль о «Диалектном идеографическом словаре», где было предложено распределять слова по заранее заданным полям. Как отмечал исследователь, «лексическая система, отраженная в диалектном идеографическом словаре, будет открытой, допускающей проникновение новых элементов, не нарушающих до определенного момента структурных связей внутри той или иной группы, и это в большей степени соответствует динамическому состоянию лексики говора на современном этапе его развития» [Раков, 1984, с.149].

Концепция диалектного словаря этноидеографического типа предложена екатеринбургским исследователем О.В. Востриковым. Здесь язык рассматривается не только как часть культуры, но и как наиболее полное детализированное отражение культуры. Значимость данного словаря для отечественной лингвистической науки подчеркнута в диссертационной работе В.В. Липиной (2000). Словарь предстаёт как этнолингвистическая база исследования уральского региона, где «можно говорить о наличии двух кодов — языкового и культурного, находящихся в отношении комплементарности, так как заменить они друг друга не могут: культурный код обеспечивает воспроизведение этноса, а языковой код обеспечивает воспроизведение и ментальную интерпретацию культурного кода» [Липина, 2000, с. 51].

Однако желание расширить границы словарной статьи, сделать её информационно ёмкой за счет включения экстралингвистической информации — этнографической, исторической, культурологической и т.п. приводят к ряду сложностей. Эти сложности заключаются в соотношении разноуровневой информации, которая существует в исследуемых лексемах.

Одним из ключевых направлений этнолингвистики является опыт моделирования языковой картины мира у различных этнических групп. Так, источником изучения диалектной картины региона выступают областные словари, которые не просто содержат информа-

цию о наличии или отсутствии той или иной лексической реалии, а отражают мировоззрение диалектной языковой личности. В данном направлении учитываются культурные, исторические, лингвогеографические, этимологические факты языкового материала.

Трудность комплексного описания диалектной картины региона заключается в том, что в антропологической лексикографии недостаточно представлены областные словари этнокультурологического характера. Кроме того, данные словари должны строиться на основе идеографического подхода, так как идеографическая организация материала способствует глубокому пониманию диалектной культуры. Востребованность изучения региональной лингвокультуры обусловлена тем, что фактически языковой материал, необходимый для актуальных в наше время этнолингвистических и лингвокультурологических исследований, содержится именно в диалектном фонде языка.

Следует подчеркнуть, что обращение к проблемам взаимосвязи языка, культуры и этноса оказывается актуальным в парадигме антропоцентрических исследований. Обозначенные этнолингвистические данные имеют исключительное значение. Они помогают объяснить и связать воедино многие языковые факты при описании специфических черт менталитета того или иного этноса.

Основными единицами языка культуры, по мысли Н.И. Толстого, могут быть не только вербальные смыслы, но и знаки другой природы — предметы, действия, изображения и т.п., чьи символические значения тождественны семантике вербальных элементов, могут создавать с ними сложное синкретическое целое. Иначе говоря, слова обыденного языка получают в языке культуры особые символические значения, или культурную семантику, которые надстраиваются над всеми прочими уровнями значения.

Так, некоторые этнолингвистические идеи отражения культурно-исторического значения диалектного слова нашли своё место во многих работах, касающихся лексики народного языка. Так, исследуемые диалектные единицы И.П. Вербы опираются на «Материалы для словаря русского народного языка» А.И. Островского и изучены с учётом ареальных, лексикографических и структурно-семантических данных (2006).

Лексика женских головных уборов в южных новгородских говорах становится предметом исследования в этнолингвистическом, онома-сиологическом, семасиологическом, парадигматическом, временном и ареальном аспектах в диссертации И.В. Назаровой (2008).

Лексика пчеловодства в алтайских говорах с точки зрения сферы употребления, ареальных и этимологических связей рассмотрена М.В. Титовой (2008).

Анализ предметной лексики трёх тематических групп «одежда», «обувь», «посуда» с привлечением этнографических данных представлен на базе «Словаря русских говоров Приамурья» И.А. Сергеевой (2010).

Таким образом, обзор лингвистической литературы, занимающейся изучением коннотативных признаков словарных единиц, в таких разделах, как лексическая семантика, стилистика, лингвострановедение, показал, что существующие определения ограничены рамками тех или иных дисциплин и не дают полного и точного описания данного феномена. Как этнолингвистический феномен, культурно-историческая (этнокультурная) коннотация требует применения комплексного подхода. Возникает необходимость определить содержательный план её компонентов.

Как известно, диалектный материал обладает огромным культуроведческим потенциалом, который накапливался веками и способен постоянно изменяться. Ориентируясь на реконструкцию представлений, стоящих за языковыми фактами, и логику их проявления, требуется определить составляющие культурно-исторической информации, выработать методологию описания и интерпретации данной информации в этнолингвистическом аспекте.

Как отмечается в работе Е.Л. Березович, «понятие культурно-исторической информации само по себе неоднородно и включает несколько взаимосвязанных блоков: информация об этнической истории, о социальной жизни, о материальной культуре народа, о духовной культуре» [Березович, 1999, с. 130]. Следует учитывать, что культурно-историческая информация в условиях словарного и текстового фонового контекста происходит за счёт подключения дополнительных способов в зависимости от характера единицы, куда могут быть включены следующие компоненты:

- этимологический комментарий;
- семиотический аспект (знаковость);
- обрядовая функциональность;
- историческое развитие содержания слова;
- территориальное распространение диалектного слова;
- межкультурные (межэтнические) связи.

Рассмотрим данные составляющие, определив их значимость для этнолингвистического анализа.

Этимологический комментарий — это способ указания на источник появления культурно обусловленных ассоциаций — так называемый этимологический аспект лексической семантики слова. По удачному выражению В.И. Абаева, «этимологическая память слова» [Абаев, 1984, с. 19] оказывает существенное влияние на этнолингвистический анализ. Однако одна из главных трудностей при этимологизации диалектной лексики заключается в том, что семантическое содержание слов такого рода современному носителю языка обычно известно довольно приблизительно. В связи с этим этимологизация данных лексем зачастую помогает уточнению их семантики, которая из контекста порой определяется с большим трудом. Тем не менее, положительным фактом является то обстоятельство, что этимологическое исследование отдельных групп лексики лучше всего позволяет определить типичные переходы значений и применить их с пользой наблюдения над семантическими закономерностями. Этимологическая наука несёт немалую «культурную информацию, выявляемое этимологически соотношение исконного и заимствованного в лексике знаменует межъязыковые и этнические контакты» [Трубачев, 2004, с. 58], что позволяет реконструировать историю слова. Человек как носитель языка может не обнаруживать интереса ко многим важным научным проблемам языкознания, может даже не подозревать об их существовании, но трудно допустить, чтобы он хотя бы раз в жизни не задумался над происхождением тех или иных слов родного языка.

Исследователь имеет дело с языковым материалом, который может не представлять для него трудностей фонетико-словообразовательного плана, однако обладает особой смысловой сложностью, обусловленной повышенной степенью «символичности». Как известно,

символу нередко присуща своеобразная зашифрованность, проявляющаяся в наличии «многоходовых» мотивационных комбинаций.

Следует также признать, что методика «культурной этимологии» (термин С.М. Толстой) разработана явно недостаточно. Более того, сам материал (например, лексика обрядов и верований) нередко оказывается в «подвешенном состоянии», поскольку находится на пограничье сфер компетенции лингвиста (диалектолога, этимолога) и этнографа. Лингвист, изучающий диалектную лексику, в силу недостаточного владения этнографическим материалом также не в состоянии обеспечить полноты и необходимой систематичности воспроизведения культурной терминологии. Указанные языковые факты становятся объектом изучения этнолингвистики, призванной обеспечить комплексный подход к их интерпретации.

В настоящей работе обнаруживаются системно-языковые связи культурно-исторических групп, где прочитывается на невербальном уровне культурная символика. Следовательно, в диалектной единице рассматриваются функции обрядовости, определённой знаковости, семиотический аспект коннотации.

Современными этнографами и лингвистами отмечается, что, например, в обрядовой форме, как правило, резко увеличивается количество используемых знаковых систем (словесный язык, музыка, жесты, пение, танцы и др.). Человек и всё, что его окружает (постройки, утварь, элементы ландшафта), приобретает статус знаковых объектов. Как отмечал А.К. Байбурин, «происходит семиотическое удвоение мира, точнее, переключение с одного вида реальности на другой», основным признаком которого является знаковость» [Байбурин, 1993, с. 221].

Этот факт достаточно хорошо прослеживается на уровне диалектных единиц, где уместно сказать и о формировании такой дисциплины, как этносемиотика, объектом исследования которой выступает уже не язык, а знак как таковой. В связи с этим появилось этносемиотическое направление, которое даёт возможность «объективно рассмотреть этническое своеобразие национальной жизни вообще и национальной культуры, в частности, не упустить тех ценностей и достижений, которыми так богат каждый этнос, и выявить сложные

проблемы межэтнических, межнациональных взаимоотношений» [Дьячковский, 1999, с. 84].

В дополнение к сведениям о предмете, естественно, необходимо знать, как то или иное название возникло. Только в этом случае получается полное представление о нём, обнаруживается истинное место реалии в истории, культуре, образе жизни этноса. При этнолингвистическом анализе диалектных единиц происходит наблюдение за историческим развитием слова. Становится возможным раскрыть конкретные условия употребления слова в разные периоды его речевой жизни, которые сопровождаются культурными комментариями.

Лингвисты неоднократно отмечали, что история народа не создаёт законов развития языка, но служит общим стимулом его развития. История народа может способствовать созданию в языке конкретных новых явлений, принимающих иногда закономерный характер. Это оправдано, по мнению В.А. Звегинцева, тем, что «разные стороны языка (лексика, грамматика, фонетика) обладают разной степенью «чувствительности» к фактам истории народа.... Вместе с тем не следует забывать того, что в фактах развития языка скрещивается действие разных по своей природе закономерностей, в результате взаимодействия которых в действительности и происходит в языке рождение нового явления» [Звегинцев, 1964, с. 289].

Как правило, слово в тексте памятника письменности несёт конкретную информацию, а в словаре попадает в особую среду, которая полнее высвечивает связи слова и хронологизирует его семантические изменения за определённый период времени. Сопоставительное изучение различных языковых явлений даёт ценные сведения для ретроспективного изучения их истории, выявления структурных взаимосвязей. Эти данные в совокупности дают богатейший материал для исторической диалектологии, для восстановления культурного строя народно-разговорного языка в его территориальных разновидностях.

Основу же для построения лингвистической географии (в частности, южнославянской) заложил Л. Теньер. Одновременно он дал многое для общей теории и практики изучения диалектов методами лингвистического картографирования [Tesnière, 1925, с. 56].

Особую важность ареальной характеристики слова для духовной культуры подчёркивали авторы словаря «Славянские древности. Этнолингвистический словарь». Главная задача словаря «представить семантический материал для реконструкции древнейшей системы народной культуры, где большое значение приобретает ареальная характеристика толкуемых в словаре фактов, ибо надёжная реконструкция может быть произведена только с учётом всех территориальных разновидностей каждого элемента или фрагмента культуры» [Толстой, 1995, с. 9].

Представитель уральской школы этнолингвистики Е.Л. Березович для изучения особенностей языкового моделирования в рамках народной языковой традиции вводит в своих исследованиях понятие «географическое пространство» [Березович, 2002, с. 61].

Кроме того, при этнолингвистическом анализе учитываются межкультурные (межэтнические) связи между народами, в частности, проживающими на территории Забайкалья.

Как отмечалось, на территории Восточного Забайкалья проживают различные народности. Следствием этого является перенесение на сферу языка и культуры моделей и терминов, заимствованных друг у друга. Влияние межкультурной коммуникации представляет собой сложную модель коммуникации, которая проявляется как в самом значении диалектного слова, так и в представленном контексте. Рассмотрение диалектной единицы в этноязыковом ракурсе подчёркивает тот её аспект, который рельефно проявляется в известном противопоставлении чужих культур и собственной культуры. По мысли М.М. Бахтина, это «даёт возможность раскрывать слово полнее, обнажая перед нами новые смысловые глубины» [Бахтин, 1979, с. 47].

Обобщая рассмотренный материал, отметим, что при лексикографическом описании реалий материальной и духовной культуры лексикограф сталкивается с проблемой точной интерпретации слова. К тому же наличие и объём диалектных слов в словаре зависят от ряда факторов, в числе которых и уровень развития общей и региональной лексикографии, интенции составителя словаря, степень сохранённости обрядов, обычаев, верований в рассматриваемом регионе. Без погружения в региональную народную культуру невозможны

лексикографическое описание и фиксация языковых особенностей, в частности, диалектной лексики

Достаточно тесно в рамках этнолингвистического исследования предполагается учитывать метод реконструкции ментальности раннего человека, который базируется на данных истории языка. Так, в статье «К вопросу о методах лингвистических исследований» учёные говорят, что «появление письменности создаёт возможности реализации ещё одного разработанного нами нового метода — метода реконструкции ментальности раннего человека и исследования её развития на основе используемого им словаря. Для этого необходимо перейти от описания исторического развития семантических полей (лексических групп, лексико-семантических групп) к пониманию и интерпретации изменений в процессе такого развития. Практически это может быть осуществлено следующим образом. Из существующих исторических словарей или уже имеющихся описательных исследований извлекается вся информация о семантической эволюции лексических единиц (слов и словосочетаний) определённого семантического поля. Все лексические единицы избранного фрагмента словаря (семантического поля) выстраиваются хронологически с учётом всех изменений их значения...», где «с каждым последующим изменением — появлением новой лексической единицы или нового значения у одной из существующих лексем — можно попытаться ответить на следующие вопросы:

— что вызвало необходимость в появлении новой лексемы (в заимствовании из других языков или других слоёв лексики, в образовании словосочетания или производного слова от имеющегося слова). Причинами могли быть исторические события, культурные факторы — появление новых разновидностей денотата, внутриязыковые поводы, например, необходимость размежевания значений избыточных синонимов, психологические факторы — осознание различных аспектов явления или уточнение знаний о нём с выделением его видов и т. д.);

— при заимствовании из других тематических слоёв лексики того же языка: какие ассоциации привели к установлению связи иного поля с данным или причины изменения значения существовавшей лексемы, вызвавшие её включение в данное поле;

— какова связь более ранних значений лексемы, заимствованной из другого семантического поля того же языка, со значением, полученным в данном поле, или более ранних и более поздних значений лексемы в рамках данного поля;

— что изменилось в семантической структуре поля (в значениях уже существовавших слов) в связи с появлением новой лексемы» [Гринеv-Гринеvич, 2011, с. 66].

Метод реконструкции ментальности раннего развития человека можно применять и на основе диалектного материала, который будет способствовать реконструкции региональной этнокультуры, в частности Восточного Забайкалья.

Таким образом, принципы построения этнолингвистической модели региональной народной культуры *должны включать*: этимологический комментарий; семиотический аспект (знаковость); обрядовую функциональность; историческое развитие содержания слова; учитывать территориальное распространение диалектного слова; межкультурные (межэтнические) связи, учитывать метод реконструкции ментальности диалектной личности.

5.2. Регионально маркированный концепт и его языковая репрезентация

В рамках лингвоантропологически ориентированной лексикографии, как уже было отмечено, решаются проблемы описания этнолингвистической составляющей лексико-семантической системы, разрабатывается новый этнолексикографический дискурс, применяется концептуальный анализ в практике составления словарей и т.д.

Сегодня не вызывает сомнения тот факт, что лексикографические данные могут быть использованы как источники описания концептов и в рамках регионального этнолингвокультурного пространства. Источником познания региональных культурных реалий выступают: фольклорные тексты, обрядовые действия, фразеологический материал, словари — исторические, областные словари, фразеологические, архивные документы.

В трудах В.В. Колесова подчёркивается, что концепт представляет собой «зерно первосмысла, семантический «зародыш» слова — есть диалектическое единство потенциально возможных в явлении образов, значений и смыслов словесного знака как выражение неопределённой сущности бытия в неопределённой форме сознания» [Колесов, 2002, с. 51]. Этнокультурная специфика содержания концепта как единицы ментальности проявляется в языковом сознании народа, в том числе и на уровне региональной языковой личности.

В рамках этнолингвистического подхода концепты репрезентированы в работах Н.И. Толстого, С.М. Толстой, А.А. Плотниковой. Учёные применяют в этнолингвистической науке термин *культурный концепт*, где «значимые для культуры (и человека как субъекта) смыслы могут выражаться и выражаются средствами разных кодов, каждый из которых предлагает свою особую структуризацию и концептуализацию каждого конкретного смысла, и только все формы выражения этого смысла в совокупности способны воссоздать то, что мы можем назвать единицей ментального мира или концептом» [Толстая, 2008, с. 333]. Соответственно, культурное содержание концепта формируется за счёт различных этнолингвистических данных. В ряде работ специалистов по региональной лингвистике появился термин «регионально маркированный концепт» [Орлова, 2010, с. 33].

Репрезентация «регионально маркированных концептов» должна учитывать определённые составляющие этнолингвистической модели региональной народной культуры. Актуализируется этимологический комментарий, определяется обрядовая функциональность, выявляется семиотический аспект (знаковость), анализируется историческое содержание слова, выделяются границы территориального распространения лексем, учитываются межкультурные (межэтнические связи) и метод «реконструкции ментальности» диалектной личности. В результате этого формируется этнолингвистическая методика описания регионально-маркированных концептов. Для описания языкового материала привлекается широкий круг лексикографических источников, которые и служат базой формирования «регионально маркированных концептов». Это позволяет раскрыть специфику функционирования слова в рамках определенного региона.

«Регионально маркированный концепт» должен быть узнаваемым, являться символом определённой территории. Так, в качестве предмета исследования рассмотрим «регионально маркированный концепт» *ургу́й*, который семантизируется на территории Забайкалья как подснежник. Представим данные лексикографических источников.

Раннее упоминание о лексеме находим в «Словаре мѣстныхъ Забайкальскихъ словъ» Г.М. Осокина, где *ургу́й* — трава «пострѣль» [Осокин, 1906, с. 290].

В «Словаре русских говоров Забайкалья» определённым символом весны является подснежник — *ургу́й*, *ургу́й*. Контекстный комментарий следующий: «Самый красивый цветок у нас в Забайкалье. Ещё ни один цветок не пробьётся, а ургуй тут как тут. Принёс он матери букет ургуя, это был первый его подарок». Далее — «Как зацветет ургуй — значит скоро совсем тепло будет. Ургуй — предвестник тепла» [СРГЗаб, 1980, с. 428-429].

В культуре семейских Забайкалья *ургу́лька*, *аргу́лька* — травянистое растение прострел; сон-трава. Из контекста: «Аргу́льки — эта свиток первый. Вот их рвали да но́ди лечили. Делали настой на дикало́ни или вотки да личили». Преимущественно речь идет об использовании растения в лекарственных целях. Далее «Аргу́льки ра́на весной цвятуть, оуцы их любу́ють. Ани фиалетавава цвету» — первоцвет, которым питались домашние животные после долгой зимы. Далее — «Ургу́лик-та назбира́й, зде́лай настой и пей», использовался настой для внутреннего приёма [СГССЗаб, 1999, с. 487]. Имеется вариант: *виргу́ль* — «виргуль — эта цвятóк такой, он мо́жьты и галубьяньким быть и бе́ляньким, но па-ва́шыму, мо́жа и патсне́жник, наверна». Следующий пример: ««Виргу́ль» или «сон» называ́ть, цвятóк такой. Да, есь у нас мно́га виргу́ля» [СГССЗаб, 1999, с. 79]. Вариант *иргу́ль*, то же, что и ургу́лька — «У нас и «иргу́ль» ска́жут, и «пастрéл» гаваря́т» [СГССЗаб, 1999, с.185]. Фиксируется и лексема *ургулёк* — «Ургу́льки у нас на гаре висно́й фсигда краси́ва цвиту́т» [СГССЗаб, 1999, с. 487].

В «Словаре русских народных говоров» лексемы: *ургу́й* — растение подснежник. Описание следующее: «Полевой цветок, появляющийся весной первым из-под снега в виде цветков фиолетового цвета. Высушенные лепестки этого цветка дают хорошую, нежную краску

для пасхальных яиц. Сок ургуя в свежем состоянии ядовитый: приложенный к здоровому телу он вызывает на коже долго не заживающие нарывы», зафиксировано в «Словаре местных слов и речений, употребляемых в пределах бывшей забайкальской области» П.В. Арсентьева (1960) [СРНГ, вып. 47, 1960, с. 323]

Далее «ургуй — «Самый красивый цветок у нас в Забайкалье. Ещё ни один цветок не пробьётся, а ургуй тут как тут», «Снег только начинает таять, а на солнышке уж ургуй появляется» функционирует на территории Забайкалья, Бурятии [СРНГ, вып. 47, 1960, с. 323].

Терминологически определяют лексему как растение *Anemone daurica*, подснежный лютик. Также в СРНГ представлено диалектное слово: *ургуйка* — растение подснежник — «Ночь — столь ургуйков расцвело много» [СРНГ, вып. 47, 1960, с. 323].

Следующий вариант — *ургулёк, ургуль* — растение *Pulsatilla patens* Mill., семейства лютиковых; прострел, сон-трава. «Ургульки у нас на горе весной красиво цветут»; «Ургуль — подснежник, снег сходит, они расцветают». *Ургулька*, то же, что и *ургуль* — «Пойдём в лес за ургульками» в забайкальских говорах. Первое питательное растение для домашнего скота — «Ургульки рано весной цветут, овцы их любят. Они фиолетового цвета» зафиксировано на территории Бурятии. Лексема имеет хождение в амурских говорах — «Ургульки — теперь подснежники, зайдешь на степь, они всяки разные. Уругльки — кладут, когда болит, ноет»; в хабаровских говорах «Уругульки — они раньше всех на земле вылазят» [СРНГ, вып. 47, 1960, с. 323].

Собирательное *ургульник* — то же, что и *ургуй*. Контекстный комментарий следующий: «Корни другой раз накопают ургульника и настаивают. За огородами у нас много ургульнику» — в амурских говорах. Также зафиксирован вариант *ургун* — растение-подснежник — в иркутских и бурятских говорах [СРНГ, вып. 47, 1960, с. 323].

В.И. Даль фиксирует лексему *ургуй*, которая имеет хождение в иркутских говорах — «растение подснежный лютик» [Даль, т. 4, 1980, с. 521].

Ургуй — определено как *Anemone daurica*, рассматривается значение «растение, подснежник» — в якутских, иркутских говорах —

лингвистическая информация по данным «Опыт областного великорусского словаря» [ООВС, 1852, с. 252].

Также диалектные фразеологические единицы выступают как дополнительный источник формирования этнокультурной информации. Уникальным материалом исследования выступает и «Словарь фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Забайкальского края». Например, в контексте «Это самы рани цветы. Трава ещё путем не вылезает. А *аргуйки* /подснежники/ уже тут как тут, с имья весну встречали. Берэгчи их надо». Диалектный фразеологизм «*весну встречали*» являлся одним из элементов обрядовой лингвокультуры при встрече ранней весны [СФИУСЗК, 2015, с. 118]. Далее — «Трава ещё не вылезет, *аргуйки* /подснежники/ тут как тут. Лечебны они, от простуды» [СФИУСЗК, 2015, с. 145].

Этимологический комментарий следующий: *ургуй* «цветок *Antmone daurica*», иркут. Из монгольского *iragai, irgai* — то же [ЭСРЯ, т. 4, 1987, с. 168]. О происхождении лексики диалектов Сибири пишет А.Е. Аникин: *ургуй* — растение прострел... // из бурятского *ургуй — подснежник, прострел (с сохранением конечного *-ui*) ~ бурятское *ургы* то же, *ургылыг* — богатый подснежниками, далее к монгольскому *яргуй* [ЭСРДС, 1997, с. 612]. Фиксируется слово *арагулька* — растение прострел, *каменная арагулька* — растение прострел проникающий. ...Русские формы, возможно, отражает бурятский источник с конечным дифтонгом *-ui-*, воспринятым в русском как *-уй-> уль (-ул')*. Автор словаря подчеркивает возможную связь с эвенкийским *аргавяктэ* и др. 'цветок (лютик, прострел?)' [ЭСРДС, 1997, с. 91]. Также в словаре указан вариант *джарахай, джарахулька* — подснежники в забайкальских говорах (с.188). В Южной Бурятии встречается понятие *цругульки* // из бурятского диалектного источника типа *iryui (без перелома *i-*) с добавлением суффикса *-к(а)* [ЭСРДС, 1997, с. 223].

В рамках «Малой энциклопедии Забайкалья: Природное наследие» прострел определен как род травянистых раннецветущих многолетних растений семейства лютиковых, включающий около 30 видов, распространенных в Европейской части России, Сибири, на Дальнем Востоке, в Монголии. В Забайкалье встречается 7 видов. Уже в конце апреля — начале мая можно увидеть крупные мохнатые цветки на ко-

ротких, сильно опушенных стеблях. Один из представителей семейства лютиковых — прострел аянский — был занесен в Красную книгу Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа (2002). Отмечено, что это лекарственное растение. Народные названия — сон-трава, ургуй. Также в Забайкалье прострелы часто ошибочно называются подснежниками [МЭЗаб 2009, с. 356].

Формирование «регионально маркированного концепта» *ургу́й* как символе весны находит свое отражение в художественных произведениях ряда забайкальских писателей В. И. Балябина, К. Ф. Седых, Г. Р. Грубина и др. Например, Г.В. Граубин пишет в своём произведении «Полустанок» — «А весна была в самом разгаре. На обогретых солнцем увалах пронзительно голубели ургуйки...» [Граубин, 1972, с.9].

Вербализация данного регионального слова является признаком его активного функционирования в лингвокультуре Забайкалья, что подтверждается рядом языковых фактов. Диахронный аспект по данным лексикографических источников указывает на символ растения *ургульки* как предвестника весны, зарождения новой жизни. В обрядовой культуре проявляется следующее: особым образом *ургульки* сушили, применяя его состав при покраске яиц в Пасхальную неделю. Использовали растение и как лекарственное средство от простуды, заболеваний кожи и пр. Это позволяет нам сделать вывод о существовании определенного рецепта, которым обычно занимались знахари. Прострел являлся и первой питательной травой для домашних животных. Относились к растению с бережливой осторожностью.

В современной ситуации изображение первых цветов-подснежников — *ургулек* — часто используется как символ Забайкалья на сувенирной продукции, книгах, фотокартинах, проводится традиционный праздник «Забайкальская ургуйка».

Практически все исследователи концептов признают тот теоретический факт, что при изучении каждого концепта необходимо применять свои методологические модели, которые находятся в стадии формирования лингвистической науки, в том числе и региональной. «Регионально маркированный концепт» — это понятие, которое формируется на протяжении длительного периода в рамках определённой территории. Понятие легко узнаваемо, является символом ма-

териальной или духовной региональной народной культуры. Имеет свои исторические, этнографические, культурные, лингвистические особенности, находит отражение в современной языковой ситуации.

5.3. Этнолингвистическая модель забайкальской народной культуры в лексикографическом описании

Лингвоантропоцентричность современных исследований на материале диалектных словарей направлена на изучение региональной языковой личности, на исследование проблем концептуализации мира, проявленных в языковой картине мира. Всё вышесказанное диктует необходимость создания проекта этнолингвистического словаря русских говоров Забайкалья. Первоочередные задачи на пути реализации идеи — это создание логико-понятийных схем, электронной картотеки диалектных слов для «Материалов к этнолингвистическому словарю Восточного Забайкалья».

Изучение забайкальских говоров сквозь призму региональной культуры может способствовать реконструкции обрядовых действий, способов ведения праздников и застолий, представляет всё многообразие народного творчества жителей Восточного Забайкалья. Достаточный пласт лексики региональной народной культуры региона отражён и в «Словаре русских говоров Забайкалья» Л.Е. Элиасова, где автор замечает, что «по местным словам... совершенно ясно видно, в какие периоды исторического процесса взаимоотношений людей возникает необходимость духовного обогащения» [Элиасов, 1980, с. 17)]. Вот как описывали специфические особенности своей речи жители Забайкалья: «Чево токма в жизни не понаслушался, а вот нет ничо лучше, когда на своём поговоре сказку слушать или другой какой рассказ, про старое или про новое. Вот когда от дома далеко, да земляка встренишь, да как услышишь от него два-три слова, которы в твоей деревне слыхал с детства, ну адали домой на побывку съездил. Вот что значит, родное слово услыхать» [Элиасов, 1980, с. 26]. Среди всего многообразия диалектного материала выделим ряд лексических групп, которые способствуют формированию этнолингвистической модели региональной народной культуры, например:

1. *Наименования демонических существ (абасин*: 1. Чёрт, дьявол, леший. 2. О священнике; *гаяр* — бес, чёрт, дьявол, нечистая сила; *мангас* — чёрт, нечистая сила; *мангатхай* — фольк. Громадное многоголовое прожорливое чудовище, которое может проглотить целое царство пр.).

2. *Наименования колдунов / знахарей (волхидка* — колдунья; *мантус* — колдун; *обознаха* — знахарь; *музган* — человек, который, по суеверным представлениям, способен взглянуть что-либо или кого-либо и пр.).

3. *Наименование свадебной лексики (переряд* — переодевание невесты; *переплётчица* — сватья, выполняющая своё дело за деньги (бранно); *косники* — участник свадебного обряда, продающий косу невесты и пр.).

4. *Наименование церковной лексики (погул* — обход вокруг церкви во время моления у старовёров поповского толка; *отбáжничать* — отказываться от бога, становиться безбожником; *обмолóчиться*, *обмолóчиться* — съесть в пост скромную пищу, оскоромиться; *окстíться* — креститься и пр.).

5. *Наименование игр (ввюн* — детская игра в прятки, в которой ведущий не обязательно должен разыскивать прячущегося, а последний может сам появиться и «застукать»; *налхи́* — игра в щелчки; *обóбки* — игра в палочки и пр.).

Одним из фрагментов описания этнолингвистической модели забайкальской народной культуры, заслуживающим особого внимания, является лексика, связанная с семьёй, среди которой выделяется достаточно большая группа — «*Наименование детей/потомков*». Наблюдения над языковым материалом свидетельствуют о том, что наименования потомков во многом определяются этнонациональными традициями региона, которые уходят своими корнями в глубь истории. Представим подробно данную модель, где сформированы следующие подсистемы:

1. *Обобщённые наименования детей (голопуень* — о ребёнке (ласк.), *ладушка* — о любимом человеке, ребёнке, *сарынь* — маленькие дети и пр.).

2. *Обобщённые наименования неродных детей (кормлёныи* — ребёнок, взятый на воспитание, *коринка* — падчерица, которую

мачеха укоряет куском хлеба, *приёмок* — усыновлённый ребёнок и пр.).

3. Обобщённые наименования детей, рождённых вне брака (*боёгон* — внебрачный ребёнок, *поблудки* — дети, рождённые вне брака, *побочень* — ребенок, родившийся в отсутствие мужа и пр.).

4. Наименования грудных детей (*линунок* — грудной ребёнок, *малюшка* — о грудном ребёнке, *молокосос* — грудной ребенок, *отсосок* — ребёнок, который перестаёт питаться молоком матери и пр.).

5. Наименования непослушных детей (*набаловень* — баловень, шалун, *непослушка* — непослушная девочка, женщина и пр.).

6. Наименования детей, начинающих говорить (*залепеньчик* — ребёнок, только что начавший лепетать, *мовня* — ребёнок, начинающий говорить, и пр.).

7. Наименования замаравшихся детей (*няша* — грязнуля, замарашка, *омарях* — замарашка, грязнуля, *чурила* — замарашка, неопрятная девочка и пр.).

8. Наименования потомков от смешанных браков: а) потомки от смешанного брака русских и бурят (*карым*, *харым*, *мешак*); б) потомок от родителей разных национальностей (*болдырь* — потомок от смешанного брака между русскими, бурятами и эвенками, *наболд* — ребёнок от родителей разных национальностей и пр.).

9. Наименования старших/ младших детей (*поднора* — о старшем сыне; *ба́тька* — старший сын и т.д.) и пр.

Репрезентируемая группа диалектных единиц «Наименование детей/потомков» не подвергалась комплексному этнолингвистическому анализу в отечественной лексикографии, в т. ч. и на региональном уровне. Хотя существует достаточное количество работ, где представлена группа лексики, характеризующая «Человека» по данным различных областных словарей. Так, феномен диалектной языковой личности охарактеризован томским учёным Е.В. Иванцовой (2002), лексика тематической группы «Человек» представлена в тамбовских говорах Е.А. Нивиной (2003), Ж.К. Гапонова анализирует группу «Человек» в этнолингвистическом аспекте на материале лексики мологских (ярославских) говоров (2008), наименования лиц в брянских говорах становятся предметом изучения Ю.В. Седойкиной (2011), Ю.С. Шуля-

кина представляет наименования человека по отношению к нормам нравственности на базе ивановских говоров (2012) и т.д.

В отдельных работах представлены и группы слов, относящиеся к «Наименованию детей/потомков». Например, концептуальные признаки внутренней формы диалектных наименований ребёнка в архангельских говорах отражены Н.Н. Хохловой (2011). Концепт «дитя/ребёнок» как один из фрагментов русского национального сознания по данным «Словаря русских народных говоров» представлен московским исследователем Е.Д. Звуковой (2012). Лингвокультурологический анализ лексических единиц, репрезентирующих представление о ребёнке в народной культуре, на материале говоров Среднего Приобья рассмотрен М.М. Угрюмовой (2012).

Этнолингвистический комментарий рассмотрим на примере диалектной единицы, которая относится к наименованию младших детей в семье на территории Восточного Забайкалья.

Так, слово *отхóн* семантизируется в словаре Л.Е. Элиасова как «младший ребёнок». Контекстный комментарий следующий: «*Ему всё достанется, он отхон. Отхон счастливый. Два старших брата в солдатах, третий — отхон, дома. Отхона женю и помирать можно*» [Элиасов, 1980, с. 263]. Обычно *отхоном* именовался последний сын в семье, которому уделялось большое внимание со стороны родителей, т.к. впоследствии отхончик принимал заботу о них на себя; ему также доставалось всё родительское наследство.

Считается, что первые и последние дети в семье родителей пользовались особым отношением, и, как правило имели специальное название. Так, у Л.Е. Элиасова находим диалектные номинации: *перва́к* — старший сын — контекст — «*Первак в солдатах, отхон, пока дома. Вся надежда у меня на первака, подрастёт, всё же полегче будет*»; *насе́вок* — младший сын, *насе́вка* — младшая дочь — «*Насевок занемог, так все забегали. Вот достанется насевку. Все подросли, насевок и то ноне в армию пойдет. Насевку всегда больше всех любят*»; *больша́к* — старший сын, *большу́ха* — старшая дочь — «*У меня уже большак в армию пошёл. На большака вся надежда. Без большака семью одному мне не прокормить было. На большухе всё хозяйство держится. Большуха всему голова. От большухи всё зависит. Другие то*

дочки на неё смотрят. Только и большуха, то мастерица робить». Считалось, что старшим и младшим детям приписывались особые умения, удачливость, магические способности, такие как лечение, вызывание дождя, например, в славянских культурах.

В результате тесного взаимодействия этносов на территории Забайкалья отметим, что и в семейской лингвокультуре лексема *отхон* также обозначает младшего ребенка в семье. То же, что *отхончик*, *покормёнок*, *мылэн*, *поскрёбыш*. Из контекста узнаём следующую информацию: «Братан-то мой Иван был атхон — млатшим самым. А самава последнива ребёнка называли атхончик. Родители знали, што с атхончиком им старазь даживать. И дом родительский, наделёк — усё яму и атхадила. Нас три сына у матки было, а я-то самый млатший, атхончик.

В следующем лексикографическом труде слово *отхон*, *отхонек* представлено в нескольких значениях: 1. Младший ребёнок в семье. *С отхоном бабка нянчилась. Я отхон, самый малый был.* 2. Последний ребёнок в семье; единственный ребёнок в семье. Контекст: *Как его не любить, ведь он отхон у нас.* Распространено в забайкальских, сибирских, иркутских говорах. В иркутских и забайкальских говорах встречается и лексема *отхонка* — младшая дочь. *А Катька — отхонка, через двенадцать лет родилась.* Ласкательно *отхончиком* именуют младшего, единственного, последнего ребёнка в семье — *Это мой отхончик, самый маленький, последний.*

В.И. Даль зафиксировал лексему *отхонь*, распространённую в забайкальских говорах в значении «единое или последнее дитя» [Даль, т. 3, 1978, с. 792]. Предположительно, по словам В.И. Даля, слово заимствовано из монгольского языка.

Слово *отхон* в этимологическом словаре заимствовано из бурятского языка *одхон* «младший», *одхон хубуун* «младший сын». Монгольское слово обычно толкуют как «хранитель домашнего очага и наследник отцовского удела» < *од-хан* < *од* — огонь + *хан* «хан, владыка». Возможная аналогия представлена в письменном монгольском языке — *odčigin* «младший сын», если *od* «огонь», *čigin «княжич». Однако такие учёные, как Дёрфер, усматривают в этом народную этимологию [Аникин, 1997, с.198].

Итак, принятый во внимание системный языковой материал по данным словарей свидетельствует о том, что описанные лексемы *отхон*, *отхончик* были характерны для всех представителей забайкальской лингвокультуры. В привлекаемых к исследованию трудах сказано, что данное слово распространено было на территории Забайкальского региона, заимствовано из монгольского языка. Наименования младших и старших детей имели особый смысл в лингвокультуре многих народов, им поручали ответственные роли в семейных делах, работе. Слово заимствовано из монгольского языка, что свидетельствует о межкультурных контактах приграничных народов на территории Восточного Забайкалья.

Уникальный региональный контекст имеет и лексема *омаря́х*, уменьшительно-ласкательное *омаря́шка* — замарашка, грязнуля. Из словарной статьи «*Вот наша омарях, так омарях её с детства прозвали. Куда-то омарях убеждала*» [Элиасов, 1980, с. 264].

В СРНГ со ссылкой на забайкальские говоры также зафиксированы слова *омаря́х*, *омаря́шка* — замарашка, грязнуля по отношению к детям. Имеет распространение в томских и забайкальских говорах [СРНГ, вып. 23, с. 197].

В историко-культурном этнографическом источнике «Опыте областного великорусского словаря» зафиксирована лексема *омаряхъ*, обозначающая «нечистоплотный человекъ». Представлена и лексема *омаряшка*, т.е. замарашка. Имеет хождение в томских говорах [ООВС, 1852, с. 121]. Лексемой *омарях* именовались все неаккуратные, неблаговидные люди, впоследствии это в большей степени стало относиться к наименованию маленьких замаранных детей.

Специфическая роль отводится и детям, рождённым вне брака. В народной культуре считался существом маргинальным в силу своего происхождения. В забайкальской региональной культуре встречается слово *боегон* — внебрачный ребёнок. Л.Э. Элиасовым приводится следующий контекст: «*Принесла она боегона, и не было ей житься от соседей, а боегон рос и рос такой парень выдался, что потом все суседи ей завидовали. Далее: Раньше принести в дом боегона, значит опозорить всю семью и всю родню. За боегона проходу не было по деревне*» [Элиасов, 1980, с. 65].

В традиционных представлениях славян внебрачному ребёнку приписывается красота, но, главное, невероятная удачливость в любых начинаниях: как в хозяйстве, так и на поле брани. Появление боегона в забайкальской лингвокультуре воспринималось как семейный позор, мать и дитя подвергались насмешкам, но тем не менее боегон в жизни наделялся особыми чертами характера.

В лингвокультуре семейских Забайкалья *боегоном* также пренебрежительно именовался внебрачный ребёнок. Контекст «*Все будут прасмеивать иво: «Улька баягона загульнова принесла»* [СГССЗ, 1999, с. 41]. Ребёнок вне брака в народных представлениях отличается от обычных детей тем, что душу ему даёт не ангел, а чёрт, а после смерти она не переселяется в другого человека. Незаконное происхождение налагает отпечаток на судьбу ребенка.

В «Словаре русских народных говоров» отмечено, что лексема *боегон* означает незаконнорожденного ребёнка, распространено на территории Забайкалья. Представляет собой «сленговое» слово [СРНГ, вып. 3, 2014, с. 59].

В этимологическом словаре *боегон* — внебрачный ребёнок в иркутских, забайкальских говорах. В эвенкийском девушка, родившая вне брака, именовалась *бэ́жэ́н*, внебрачный ребёнок — *бэ́жэ́ин*, *бэ́жэ́э*, эвенкийское *бэ́жэ́* — «человек», «мужчина, личность, тело» [Аникин 1997, с. 133].

Боегон (как личность) воспринимался как отклонение от заведённого семейного порядка, который «угрожал» окружающим своей нечистоплотностью. Пренебрежительному отношению подвергался как сам ребёнок, так и в особенности женщина, родившая такого ребёнка.

В лексикографическом труде Л.Е. Элиасова встречается и лексема *сура́з*, также обозначающая внебрачного ребёнка. Контекстный комментарий следующий — «*Ты сураз, — закричали на парня, потому тебе слова нету. Человек я, а не сураз, — кричал парень. — Это вы суразы. Далее: Суразу не хотели давать земли, но тут мужики поднялись и сказали, что теперь время не старое и потому все должны быть равны»* [Элиасов, 1980, с. 399]. Видим из примеров, что внебрачное дитё сохраняло свой отпечаток всю жизнь, *сураз* мог и не участво-

вать в сельских делах, например, при наделе земли. Также не имел собственного слова и прав.

У семейских Забайкалья *сура́з, сура́за, суразёнок, сура́зка, суразю́га* — пренебрежительно о внебрачном ребёнке. Рассмотрим примеры: *Муш мой сурас, он двенацати лет астался от матери сиротой. Раньше езли биз мужика радили, давили крачча. А езли нет, то сурас растёт, глаза мозолит. Сурас-та, дак это нагулянный ребенок, бизба-тиишный, безавременная рожденный. Следующая лексема суразёнок — Сурас или суразёнок, биз батьки нажитый то ись. Раньше сраму такова мала была, ретка, а типеря. Вона, Ольга бегат — суразёнок она, мамка ейна у гароди её «нашла». Далее: — «Суразёнка па кучкам «нашла», суразёнка «ростит»», — говорят пра неё. А ребёнок не виноват веть. Суразю́га — сураз — ребёнка девка нагулять, яво и называют етак. Вон суразюга идёт, матка яво идее-та «нашла». Кто яво жалейть, матка адна жалеить [СГССЗ, 1999, с. 459-461].*

Лексема зафиксирована во многих русских народных говорах, о чём свидетельствуют данные «Словаря русских народных говоров». Само слово *сураз* обозначало: 1. Несчастье, беда, потрясение — в сибирских, пермских говорах. Существовало выражение: *Сураз за суразом*. Беда за бедой (о частых несчастьях, преследующих кого-либо). *Сураз за суразом: парень спился, девка убежала замуж*. 2. Внебрачный ребенок. В енисейских, кемеровских, сибирских, прибайкальских говорах. *Без мужа девка или баба родит ребенка, говорят сураз*. А незаконный рождается, так звали сураз. Раньше от конфуз был, что сураз за родить. Вот когда ребёнок без отца родился, его суразом зовут. 3. Ребёнок, рождённый от кровных родственников — в томских говорах. 4. О женщине, родившей вне брака. Фиксируется и лексема *сура́за* — внебрачный ребенок. *Твой-то сураза моего, дева, набил; суразёнок, если несколько детей — суразя́та*. Контекст: *Нагульные дети суразёнками зовутся. Суразёнок — это без отца ребенок, незаконно-рожденный. Полный двор суразят, покоя от них нет*.

Специфичной является и лексема *суразя́та* — цыплята, высиженные курицей из яиц, которые она снесла где-либо вне двора. *Курица отложила яйца на болоте, да привели осенью одиннадцать суразят*. Зафиксировано в новосибирских говорах.

Сура́зка — это: 1. Внебрачная дочь. *Суразка моя прибежала*. В новосибирских словарях. 2. Женщина, родившая вне брака, мать-одиночка. Имеет хождение в Бурятии.

Сура́зница — это: 1. Женщина, имеющая внебрачного ребенка. *Кто в девках, без замужества родит, та и суразница*. В томских и кемеровских говорах. 2. Внебрачная дочь. Зафиксировано в кемеровских говорах [СРНГ, вып. 42, 2014, с. 273-274].

Нечестная девушка подвергалась разного рода наказаниям, особенно строгим в лингвокультуре южных славян: её изгоняли из дома, не брали замуж, родные побивали девушку камнями, такому же наказанию подвергался и её партнер. Такая девушка не имела права скакать через костёр на Ивана Купалу, т.к. она тем самым осквернила бы его, собирать папоротник, т.к. папоротник «не дастся», не будет иметь никакой силы (русины). Полагали, что нечестная девушка приносит несчастье: если она первой войдёт в дом на Рождество, в доме всё пойдёт трещинами, начиная со стен и до утвари [Толстой, 1995, с. 135]. Соответственно подобным наказаниям подвергался и внебрачный ребёнок, который не мог участвовать в разного рода обрядовых действиях.

В словаре В.И. Даля *суразь* — сибирская лексема, в значении «небрачно рождённый». Образовано от слова «*разить*», трактуется и как бѣдовый случай, ударь, огорчение — Суразь за суразомъ или беда за бедой [Даль, т. 4, с. 371].

Этимологический комментарий следующий: *сура́зный* — сураз «внебрачный ребёнок». Образовано, предположительно из *су-* и *разъ-* «удар, порез», глагол рѣзати. Бытует в сибирских, пермских говорах [Фасмер, т. 3, с. 806].

Таким образом, следует сказать, что *сура́з, сура́за, суразёнок, сура́зка, суразю́га* обозначает «внебрачного ребенка». Аналогично именовалась и мать ребёнка. Появление такого дитя связывалось с представлением о том, что мать «находила» его в огороде, некое антропоморфное существо. Это был ребёнок-найдёныш: «нашли в огороде». Подвергалось резкому осуждению его зачатие, особенно рождение и воспитание. Кроме того, такого ребёнка могли тайно при рождении (крача) убить, чтобы женщина могла избежать позора, хотя она всё равно

носила след совершенного греха. Ребёнок наделялся «нечистой» энергией так, что с ним старались не общаться окружающие, не проявляли чувств сочувствия. Имеет место функционировать в пермских, кемеровских, сибирских, прибайкальских говорах. По происхождению носит славянские корни.

Образ внебрачного ребёнка плотно закрепился в народном сознании и нашёл свое отражение в региональной языковой картине мира. Наименования внебрачного ребенка имеют обширный ряд диалектных слов, обладающих, главным образом, отрицательной коннотацией, в т.ч. и в забайкальской этнокультуре. Рождение добрачных и внебрачных детей осуждалось народной традицией.

Отметим, что образ ребенка занимает одно из самых значимых мест в сознании человека. Семья вообще и ребёнок в частности испокон веков считались самым важным пунктом в ценностной системе мироощущения человека. С ребёнком связывается множество разнообразных обрядов и таинств, традиций и условностей, которые так или иначе наложили свой отпечаток не только на лексический состав всего русского языка, но и на региональную лингвокультуру. Исходя из этого, можно сказать, что широкое разнообразие наименований детей/потомков определяется не только значимостью самого понятия «ребёнок» как в русской языковой картине мира, так и в отдельно взятой региональной картине мира, но также и другими факторами, в т.ч. рядом ассоциаций, возникающих в сознании человека при употреблении наименований ребенка в повседневной ситуации общения.

Далее рассмотрим лексему *карым* в этнолингвистическом аспекте, которая семантизируется Л.Е. Элиасовым следующим образом. 1. В дореволюционной России: бурят, принявший православную веру, русский образ жизни, русские обычаи. 2. Потомок от смешанного брака русских и бурят. Привлечённый контекстный комментарий помогает раскрыть специфику региональной лексики: «Внук-то у меня карым, парень на бурятке женился. // Смуглый, похожий на бурята человек. Не бурят он и не русский, потому карымом его и зовут. Может в предках у него русские и буряты в кровной родне были» [Элиасов, 1980, с. 152].

Как уже было отмечено, совместная жизнь, постоянное общение представителей разных этносов на территории Забайкалья способствовали смешению культур, верований, обычаев, языков. Так, к началу XX в. население Забайкалья преимущественно состояло из коренных сибиряков (потомков прежних завоевателей края), которых здесь насчитывалась большая часть, значительную группу представляли семейские старообрядцы, буряты. По окраинам насчитывалось незначительное число евреев, цыган, а также временно в приграничных районах проживали китайцы, монголы, которые занимались торговлей.

В лексикографическом труде «Опыт областного великорусского словаря» лексема *кары́мъ* представлена в двух значениях: 1) новокрещённый буряты; 2) похожий на бурята, смуглый челове́къ [ООВС 1852, с. 80]. Ареальное распространение лексемы отражено в иркутских и якутских говорах.

В. И. Далем отмечаются слова *кары́мъ* (для лиц мужского пола), *кары́мка* (для лиц женского пола). Это «крещонный бурят; новокрещенъ; метись, болдырь... помѣсь отъ русскаго племени с бурятскимъ, тунгузскимъ, монгольскимъ. Похожіи на бурята, смуглый челове́къ» [Даль, 1978, т. 2, с. 235]. Лексема имела хождение в иркутских, якутских говорах.

Также обратимся к бесценному источнику сведений о русском народе, его нравах, обычаях, укладе — «Словарю русских народных говоров». В словаре зафиксированы диалектные слова *карым*, *кары́мка*, значение их следующее: 1) представитель нерусской народности в Сибири, принявший православную веру, русский образ жизни, русские обычаи; 2) человек, родившийся от смешанного брака русского и представителя нерусской народности в Сибири; 3) смуглый, похожий на бурята человек. Смуглая женщина. Русский, похожий лицом на обрусевших представителей нерусской народности в Сибири; 4) прозвище — *карымы*. Матка *карыма*. Функционируют все значения лексем в сибирских, иркутских, якутских говорах. Представлено в источнике наименование *кары́мочка* — женщина, девочка, похожая лицом на обрусевших представителей нерусских народностей Сибири [СРНГ, вып. 13, 2014, с. 112].

В «Словаре говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья» лексема *кары́м* семантизируется как «смесь, потомок от смешанного брака русских и бурят». Из контекста: «*Карым он. Ну как тебе сказать? Матка у ниво бурятка, а батька-то наш русский*», «*Я тоже смесь, а гаварю па-семейскаму*» [СГССЗ, 1999, с. 195]. Как известно, в начале XX в. семейские старались не вступать в брачные отношения с представителями коренного этноса Забайкалья. Спустя почти столетие ситуация изменилась: появились в среде семейских смешанные браки, потомки которых также именовались *карымами*.

Л.Е. Элиасовым фиксируется и лексема *карымовáтый*, где представлен антропологический тип лица потомков от смешанных браков между русскими и бурятами — «смуглый с плоским лицом». Контекстный комментарий расширяет границы этнолингвистического анализа: «*Парень карымоватый, любо поглядеть. То про карымоватого всю правду говорю. На такого карымоватого посмотришь и глязелки не оторвёшь. Карымоватого любила, За него в замуж пошла — семейская частушка*» [Элиасов, 1980, с. 152]. По представленному материалу можно констатировать, что эти потомки внешне приятные, смуглые, с плоским лицом.

Как уже было сказано в культурно-историческом словаре В.И. Даля [Даль, т. 2, 1978, с. 235], речь идёт о похожем на бурята, смуглом человеке. Автор этот тип лица называет карымоватым, калмыковатым или плосколицым, смуглым.

В «Словаре русских народных говоров» *карымовáтый* означает человека «с лицом полумонгольского-полурусского типа» [СРНГ, вып. 13, 2014, с. 112].

В этнографических очерках Г.М. Осокина отмечено, что «смѣшение русскаго населенія съ инородческимъ путёмъ браковъ и сожительствъ выдвинуло даже новый типъ, носящій мѣсное названіе «карымы», ближе стоящій къ инородческому типу». Автор подчёркивает, что «только семейскіе старообрядцы не смѣшиваются и не сблизаются съ инородцами, а также и съ коренными сибиряками, считая какъ тѣхъ, такъ и другихъ «нечестью» — нечистыми въ отношеніи своихъ религіозныхъ взглядовъ» [Осокин, 1906, с. 20]. Именовались потомки смешанного населения не только *карымами*, также их на-

звали «крещеными инородцами Цонголова рода» [Осокин, 1906, с. 63]. Г.М. Осокиным достаточно своеобразно представлено и внешнее описание карымоватых. Это «крещёные инородцы «каримы» по наружности своей, какъ и потомство ихъ отъ браковъ съ сибиряками, конечно, ближе всего стоятъ къ инородцу и въ большинствѣ представляютъ низкорослый, некрасивый типъ населенія. Во второмъ или третьемъ колѣнѣ наблюдается иногда преобладающимъ типъ сибиряка, но нѣкоторыя черты инородца, какъ напр., значительно выдающіяся скулы, смуглый цвѣтъ лица и разрѣзъ глазъ остаются слишкомъ замѣтными» [Осокин, 1906, с. 65]. Автор подчёркивает, что потомки каримов имели внешне непривлекательный тип лица.

Таким образом, в данном примере *каримами* в первом значении именуют бурят, принявших православную веру на территории Сибири, в т.ч. и в Забайкалье. Подтверждение данному факту можно обнаружить в работах Ф.Ф. Болонева, где автор отмечает, что русское правительство по отношению к коренным народам Сибири было весьма внимательно и заинтересовано в их развитии. В задачи правительства входило приучить кочевые народы к оседлому образу жизни, земледелию. В целом вопросу перехода бурят в православную веру посвящено достаточное количество этнографических трудов Т.М. Михайлова (1979), О.В. Бураевой (2000) и др. Второе значение характеризует потомков от смешанного брака русских и бурят, которое выдвинуло «новый тип этноса» — каримов.

Этносы различных национальностей и конфессий, проживая в той или иной местности региона, приобщившиеся к быту, обычаям и традициям друг друга, считались своими. Соответственно, браки между людьми разных национальностей не вызывали резкого осуждения. В то же время появление, например, русской женщины в бурятской семье нарушало привычный уклад семьи, сложившиеся нормы поведения, оказывало влияние и на развитие коммуникативного поведения.

Этнолингвистический анализ лексемы *карым* представлен по данным лексикографических источников. В результате лексикографирования культуры получаем информацию о существовании определённых религиозных действий при переходе в православную веру

у татар, монголов, бурят и других народов. Это говорит о специфике существования обрядовой культуры, в т.ч. и на территории Восточного Забайкалья. Ареальный факт указывает на распространение представленных лексем в иркутских, якутских, уральских говорах. В забайкальских говорах имела хождение лексема *наболд*, где проживали и проживают коренные этносы Сибири. Тесная взаимосвязь в быту русских, отдельной группы семейских Забайкалья, бурят способствовала формированию межэтнических связей в регионе, тесному взаимодействию лингвокультур. Это отразилось и на воспитании потомков Забайкалья, которые проживали в условиях двуязычия, наблюдая за разными этноконфессиональными группами. Лексемы свидетельствуют о коммуникативной актуальности понятия, в котором отразился диалог культур русских поселенцев Восточного Забайкалья и местных аборигенов (бурят, эвенков). Номинация *карым* выступает как ключевой концепт региональной культуры, который характеризует тип сложившегося этноса.

Проведённый анализ лексем свидетельствует о том, что наименования детей/потомков Восточного Забайкалья — совершенно уникальнейший предмет этнолингвистического исследования, является фрагментом описания «Материалов к этнолингвистическому словарю Восточного Забайкалья». Наблюдение над языковым диалектным материалом Восточного Забайкалья свидетельствует о том, что наименования потомков во многом определяются национальными традициями региона, которые уходят своими корнями вглубь истории. Соответственно языковой материал демонстрирует сформированный в Забайкалье этнокультурный пласт региональной народной культуры. Следовательно, пользуясь материалами регионального словаря, где слово представлено и реально существует в определенном типе текста, основываясь на характеристике лексической единицы, можно решать самые различные вопросы парадигматического и синтагматического описания слов (проблемы семантического поля слова, характеристика определенных логико-понятийных групп лексики, учитывать этнолингвистический комментарий и др.).

Лингвистам известно, что тот запас смыслов, который накоплен тем или иным этносом, концептуальный подход к описанию моде-

ли мира отражают региональные словари. Критерии же описания современной картины мира, категорий этого мира, а, следовательно, и аспекты изучения культуры оформляются постепенно, синтезируя все то, что было создано эволюционными картинами мира в результате культурогенеза этносов. В процессе жизни одного и того же этноса картина мира меняется, реалии внеязыковой деятельности не остаются неизменными. Меняется экономическая, общественно-политическая жизнь, происходят изменения в государственном устройстве и, несмотря на большую устойчивость и консерватизм, подвергается изменениям и ментальность народа, манера понимания мира. И все это, естественно, отражается в языке: меняется картина мира — изменяется и языковая картина, отсюда — региональная картина мира.

Следовательно, описание региональной народной культуры входит в задачу этнолингвистики, которая исследует язык человека через призму материальной и духовной культуры. В контексте данного осмысления языкового материала перед исследователями возникает задача рассмотрения диалектного материала с идеографических позиций, которая позволяет моделировать региональную народную культуру и ее фрагменты, становится базой для создания этнолингвистического словаря Восточного Забайкалья.

Список литературы

1. Абаев В.И. Понятие идеосемантики // Известия АН СССР. Т. XI. Вып. 1. М.: 1948. С. 13–18.
2. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А.К. Байбурин. Санкт-Петербург: Изд-во «Наука», 1993. 240 с.
3. Березович Е.Л. Этнолингвистическая проблематика в работах по ономастике (1987–1998 гг.) // Известия Уральского государственного университета. 1999. С. 128–142.
4. Березович Е.Л. Географический макромир и микромир в русской народной языковой традиции // Славяноведение. 2002. № 6. С. 60–71.

5. Герд А.С. Введение в этнолингвистику / А.С. Герд. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 1995. 280 с.
6. Гринев-Гриневиц С.В. К вопросу о методах лингвистических исследований // Вестник Московского государственного областного университета: электронный журнал. 2011. № 3. С. 57–67.
7. Дьячковский К.Д. Проблемы этносемиотики Саха в свете суверенитета Республики Саха (Якутия) // Республика Саха (Якутия) на рубеже XX-XIX веков: укрепление государственности. Новосибирск, 1997. С. 145–148.
8. Закуткина Н.А. Феномен диалектной картины мира в немецкой философии языка XX века: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 2001. 197 с.
9. Звегинцев В.А. Очерки по общему языкознанию / В.А. Звегинцев. М.: Изд-во Московского государственного университета, 1964. 382 с.
10. Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях: в 2 ч. / В.А. Звегинцев. Ч. 2. М.: Изд-во «Просвещение», 1960. 330 с.
11. Иванищева О.Н. Принципы лексикографирования слов в словаре лексики духовной культуры кольских саами // Современные исследования социальных проблем: электронный журнал. 2012. № 9(17). С. 80–85.
12. Карабулатова И.С. Введение в региональную этнолингвистику / И.С. Карабулатова. М.: Изд-во Московского государственного педагогического университета, 2005. 200 с.
13. Липина В.В. Региональный диалектный идеографический словарь: принципы построения и семантическая структура (на материале бытовой лексики говоров Среднего Урала): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2000. 384 с.
14. Осокин Г.М. На границах Монголии. Очерки и материалы к этнографии юго-западного Забайкалья / Г.М. Осокин. Санкт-Петербург: Типография А. С. Суворина, 1906. 304 с.
15. Орлова О.В. Миромоделирующий потенциал регионально маркированного медиаконцепта: концепт «нефть» в томской меди-

асфере // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 4 (12). С. 33–41.

16. Поздеева С.М. Лингвосемиотические связи в диалектной лексической системе: на материале экзистенциальной лексики пермских народных говоров: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Пермь. 2005. 203 с.

17. Раков Г.А. О диалектном идеографическом словаре // Сибирские русские говоры. Томск: Изд-во Томского государственного университета. 1984. С. 148–150.

18. Радченко О.А., Закуткина Н.А. Диалектная картина мира как идиоэтнический феномен // Вопросы языкознания. 2004. № 6. С. 25–48.

19. Сороколетов Ф.П. Из истории диалектной и исторической лексикологии русского языка // Диалектная лексика. Ленинград: Изд-во «Наука», 1978. С. 5–17.

20. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики / С.Г. Тер-Минасова. М: Изд-во АСТ, 2007. 286 с.

21. Толстой Н.И. Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии / Н.И. Толстой. М.: Изд-во Индрик, 1995. 512 с.

22. Трубачёв О.Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура / О.Н. Трубачёв. Т. 1. М: Изд-во «Языки славянской культуры», 2004. 800 с.

23. Tesnière L. Atlas linguistique pour servir à l'étude du duel en slovène / L. Tesnière. Paris, 1925. 118 p.

Источники и принятые сокращения

1. Элиасов – Элиасов Л.Е. Словарь русских говоров Забайкалья / Л.Е. Элиасов. М.: Изд-во «Наука», 1980. 472 с.

2. СГССЗаб – Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / Под ред. Т.Б. Юмсуновой. Новосибирск: Изд-во СО РАН, Научно-издательский центр ОИГГМ, 1999. 540 с.

3. СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред С.А. Мышников. Вып. 47. Санкт-Петербург: Изд-во «Наука», 2014. (Ужом-Урос). 354 с.

4. Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. Т.4. М: Изд-во «Русский язык», 1978-1980. 712 с.
5. ООВС – Опыт областного великорусского словаря / под ред. А.Х. Востокова, А.М. Коркунова. Санкт-Петербург: Изд-во Императорской Академии наук. 1852. 301 с.
6. СФИУСЗК – Пашенко В. А. Словарь фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Забайкальского края / под ред. Т. Ю. Игнатович. Забайкальский государственный университет. 2-е изд., испр. и доп. Чита: Изд-во Забайкальского государственного университета, 2015. 484 с.
7. ЭСРЯ – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стер. В 4 т. Т. 4 (Т-ящур). М.: Изд-во «Прогресс», 1987. 864 с.
8. ЭСРДС – Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков / А.Е. Аникин. Новосибирск: Сибирское издательско-полиграфическое и книготорговое предприятие СО РАН, 1997. 774 с.
9. МЭЗаб – Малая энциклопедия Забайкалья: Природное наследие / гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. Новосибирск: Изд-во «Наука», 2009. 698 с.
10. Граубин – Граубин Г.В. Полустанок / Г.В. Граубин. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1971. 148 с.

Глава 6. Язык произведений современных забайкальских писателей и поэтов: актуальные языковые процессы и региональные особенности

6.1. Современная забайкальская проза в аспекте теории языковой композиции: активные процессы и модификации

А.В. Иванова

Общая характеристика современной забайкальской прозы

Современная забайкальская литература представляет сложное явление, в настоящее время слабо изученное в языковом аспекте. Исследование забайкальских художественных текстов традиционно осуществлялось в литературоведческом ключе. Как особое социокультурное явление рассматривается женская проза Забайкалья в диссертации Л.Д. Титарёвой [Титарёва, 2015]. Необходимо указать, что современная забайкальская проза не получила полноценного изучения в языковом аспекте. Кроме того, при её рассмотрении ранее практически не учитывались те общезыковые тенденции, которые выявлены исследователями как характерные для современной русской литературы в целом. Феномен региональной прозы состоит в том, что она развивается на стыке двух противоположных тенденций. С одной стороны, проза определённой местности представляет собой одну из составляющих единой национальной литературы, таким образом, следует говорить о наличии неких точек соприкосновения, которые должны служить объединяющим началом региональной и общероссийской литературы. Однако, с другой стороны, статус региональной прозы, указывающий на отдалённость авторов от культурного и географического центра, предполагает местную специфику, влияющую на тематику произведения, а также, возможно, на идиостиль.

Отметим, что в настоящем исследовании не поставлена цель выявить местную уникальность и средства её создания. Целесообразным в свете интегративного подхода представляется изучение языка забайкальской прозы как составляющей единого литературного процесса. Данная работа представляет анализ языка забайкальской

прозы в аспекте общей теории языковой композиции, в частности, в русле активных процессов.

Методологической основой исследования целесообразно считать принцип взаимосвязи формы и содержания, принцип системности и принцип диалектического единства общего и индивидуального как частный вариант диалектического метода познания [Болотнова, 2007, с. 407; Трапезникова, 2009, с. 259-260], а также общенаучные методы наблюдения, анализа и синтеза. А.И. Горшков, ведущий исследователь в области стилистики текста, отрицает наличие в ней узкоспециальных методов, подробно останавливаясь на комплексном подходе к тексту как целому. Таким образом, стилистика текста может опираться на такие лингвистические методы, как метод лингвистического наблюдения и описания и метод сплошной выборки.

Общая характеристика современной русской прозы

Современная русская проза характеризуется рядом активных процессов и модификаций. Следует отметить, что модификации не появились бы в современной литературе без активных преобразований в современном русском языке. В работе Н.С. Валгиной «Активные процессы в современном русском языке» рассматриваются разные аспекты языковых преобразований, среди которых названы лексические и фразеологические, словообразовательные и морфологические преобразования, переосмысление синтаксических явлений [Валгина, 2001]. Многие лексические и грамматические процессы нашли отражение в языке современной художественной прозы.

Обратимся к трудам учёных, которые рассматривали современную русскую прозу в аспекте теории языковой композиции. В первую очередь стоит отметить работы Г.Д. Ахметовой. Ей принадлежит разработка теории языковой композиции, в соответствии с научной традицией А.И. Горшкова. Языковые процессы, выделенные Г.Д. Ахметовой, включают следующие явления, обусловленные развитием языковой композиции текста: модификации приёмов субъективации, усиление роли межтекстовых связей, феномен публицистической прозы, метафоризацию языка художественной прозы («уход в метафору»), изменения в словообразовании и грамматике современной прозы, активизацию графического оформления текста [Ах-

метова, 2006-а, с. 39-56]. Следует указать, что обозначенные процессы рассматривались Г.Д. Ахметовой на материале широкого круга текстов таких писателей, как В. Маканин, В. Дёгтев, Р. Киреев, А. Слаповский, О. Славникова и др., однако к анализу не привлекался региональный материал.

Обзор активных языковых процессов, характерных для современной прозы

Отметим, что указанные модификации рассматриваются в русле теории языковой композиции, впервые обозначенной ещё в работах В.В. Виноградова, получившей дальнейшее развитие в исследованиях А.И. Горшкова и представленной в наиболее полном виде в монографии Г.Д. Ахметовой [Ахметова, 2002]. Рассмотрим каждый из названных процессов.

Языковая композиция современных прозаических текстов характеризуется модификациями явления субъективации повествования. Такие модификации представлены, в первую очередь, взаимодействием и взаимоналожением словесных и композиционных приёмов субъективации. Помимо этого, наблюдается наличие модификаций внутри самих приёмов, к которым следует отнести появление выделенной прямой речи (термин Г.Д. Ахметовой), видоизменения диалога (вплоть до развёртывания диалога-повествования) [Ахметова, 2002, с. 120].

Кроме изменений субъективации, в художественном повествовании выявлено очевидное усиление роли межтекстовых связей [Ахметова, 2006 а, с. 39-56]. Явление межтекстовых связей предполагает «содержащиеся в том или ином конкретном тексте выраженные с помощью определённых словесных приемов отсылки к другому конкретному тексту (или к другим конкретным текстам)» [Горшков, 2000, с. 54]. Межтекстовые связи также могут участвовать в организации языковой композиции.

По Г.Д. Ахметовой, что в современной литературе находит своё отражение феномен публицистической прозы, т.е. намеренное сближение художественного и публицистического повествования (прямое появление автора-писателя в повествовании, фактическая точность текста, сближающие его с прозой нон-фикшн) [Ахметова, 2006 а, с. 39].

Следующий процесс Г.Д. Ахметова обозначает как «уход в метафору» [Ахметова, 2006 а, с. 39-56]. При этом важным признаётся усиление роли метафор в языковой композиции, что возможно в случае развёрнутой метафоры, значимой для текста в целом [Ахметова, 2006 а, с. 39-56].

В трудах учёного также представлены заметные изменения, характеризующие словообразование и грамматическую сторону современной прозы. В частности, процессы, приводящие к активизации художественного словотворчества, Г.Д. Ахметовой названы словообразовательным «взрывом» [Ахметова, 2006 а, с. 39-56]. Предполагается, что окказионализмы также включаются в языковую композицию. Модификации на грамматическом уровне во многом основаны на явлении грамматической переходности. Эти преобразования в работах Г.Д. Ахметовой обозначены как грамматические «сдвиги». Грамматические «сдвиги» предполагают переносные значения грамматических форм в контексте повествования [Ахметова, 2006 а, с. 39-56].

Кроме названных, в современном художественном повествовании активизируются так называемые паралингвистические средства. В статьях Г.Д. Ахметовой [Ахметова, 2003; Ахметова, 2006-6] появляются идеи, касающиеся графического аспекта художественного произведения, т.е. графических средств и их роли в построении языковой композиции. Явлению креолизации текста как особому феномену посвящены работы Е.Е. Анисимовой, В.Г. Костомарова, Н.А. Кузьминой и др. Следует отметить, что данное явление в основном рассматривается в рамках изучения медиатекстов и представляется недостаточно изученным в аспекте языка современной художественной прозы. Отклонения от графической нормы могут влиять на языковую композицию.

Изучению названных модификаций посвящены работы Г.Д. Ахметовой, Н.Б. Анциферовой, Н.Н. Глухоедовой, А.В. Ивановой, А.В. Курганской, Г.Б. Поповой и др. [Ахметова, 2006 б; Анциферова, 2010; Глухоедова, 2009; Иванова, 2018; Курганская, 2011; Попова, 2012].

В качестве материала для исследования выбраны тексты следующих современных забайкальских писателей: М. Вишняков, Н. Ганьшина, А. Гордеев, О. Димов (г. Чита). Изучение их текстов в работе

представляет систематизацию отдельных публикаций, посвящённых языковой стороне забайкальской прозы.

Михаил Евсеевич Вишняков (2 сентября 1945 г., село Сухайтуй — 5 июля 2008 г., г. Чита) — советский и российский поэт, прозаик. Закончил с отличием Литературный институт имени А.М. Горького. Член Союза писателей СССР с 1978 года. Автор 14 поэтических сборников и 2 книг прозы. Известен переводом — поэтическим переложением «Слова о полку Игореве», заслужившим высокую оценку академика РАН Дмитрия Сергеевича Лихачёва. Получил звание заслуженного работника культуры Российской Федерации (1995 г.) и Всероссийскую литературную премию имени М.Ю. Лермонтова (2006 г.). В работе представлен анализ текстов М.Е. Вишнякова из сборника «Забайкальские болтомохи» (Чита, 1991). Названные тексты размещены на российском литературном портале Проза.ру.

Олег Афанасьевич Димов (14 апреля 1951 г., с. Усть-Дурой — 16 мая 2013 г., Чита) — российский писатель. Закончил Литературный институт имени А.М. Горького. В 1996 г. принят в члены Союза писателей СССР (России). Организовал издательско-полиграфический комплекс «Поиск». В 2006 г. на региональной выставке-презентации «Читинская книга» его новая повесть «Сказ о Федоре, Дарье и Забайкалье, в котором они живут» была признана лучшей книгой года. Является составителем уникального по содержанию и оформлению издания «Даурское диво». В 2011 г. вышла книга О. Димова «Дети длинных ветров». Лауреат премии губернатора Забайкальского края в области литературы им. Михаила Вишнякова за цикл православных рассказов «Рождение человека». Названные тексты размещены на российском литературном портале «Читальный зал (национальный проект сбережения русской литературы)».

Александр Николаевич Гордеев (19 марта 1956 г., с. Ундино-Поселье — 10 апреля 2019 г.) — писатель, публицист. Обучался в Литературном институте им. А.М. Горького. Работал в жанре прозы. Дебютировал в 1981 году рассказом «Печник Трофимыч». Затем последовали: роман «Молодой Бояркин» (1988), комедия «Американская сказка» (1999), фантастическая повесть «Не бойся темного сна» (2001), «Бесконечная книга» (2003). Член Союза писателей России с

1990 года, руководил семинаром прозы в областной писательской организации. С 2009 г. по 2011 г. возглавлял Забайкальскую краевую писательскую организацию. Тексты размещены на российском литературном портале Bookz.ru.

Нина Ганьшина (псевдоним Г.Д. Ахметовой) — российский писатель и поэт, публицист. Была принята в Союз писателей России в 2011 году. Её проза была отмечена рядом премий: лауреат Всероссийского конкурса короткого рассказа имени В.М. Шукшина, лауреат литературного конкурса «Долгие вёрсты войны, светлые строки Победы», «длинный список» Бунинской и Казаковской премий, «длинный список» в «Конкурсе современной драматургии им. В. Розова «В поисках нового героя». В данной главе представлен анализ текстов малой прозы писателя, размещённых на российском литературном портале Проза.ру. В качестве материала для исследования были выбраны повесть «Чудесное» (2015 г.), а также рассказы из сборников «Нарисованный тигр» (2016 г.) и «На пуантах» (2016 г.).

Рассмотрим проявление каждого из названных процессов в произведениях указанных авторов.

Модификации приёмов субъективации

Невыделенная прямая речь

Следует указать на тот факт, что в наибольшей степени приём невыделенной прямой речи выражен в прозе Н. Ганьшиной. Его применение отличается частотностью в каждом из рассмотренных текстов (рассказы «Фарфоровая рыбка», «Портрет сына художника», «Однажды на озере»):

Ах, как хочется остаться в мире! Как хочется зацепиться за уходящую жизнь хотя бы маленькой ненужной фарфоровой рыбкой из разбитого сервиза... [Ганьшина, «Фарфоровая рыбка», 2016, с. 5].

Но он никогда не писал стихи. Лицо у него было явно вдохновенное, глаза — мечтательные. И волосы он носил длинные — легкие кудри рассыпались на голове, образуя шапку. Её можно было бы назвать поэтической!

Он работал врачом в отделении урологии. Он был хорошим врачом. Но ему очень хотелось написать хоть одно небольшое стихотворение! <...>

Стрижи летали за окном. <...> Они мешали больным отвечать на вопросы, даже на такие нелепые — сколько классов школы осталось за спиной... А кто посчитает ступени после школы? [Ганьшина, «Портрет сына художника», 2016, с. 6-7].

Если кто-то ещё не понял, то объясняю, что Аза — моё имя, а на самом деле я водолей, то есть не водолей, а водолаз (всё время путаю эти слова!).

<...>

Я, конечно, не читаю книги, хотя иногда смотрю на них. Но часто лежу там и по запахам стараюсь определить... нет, не содержание! До этого водолеи (ах, опять!), то есть водолазы не додумались [Ганьшина, «Однажды на озере», 2016, с. 43-44].

Как видим, выбранные контексты организованы использованием невыделенной прямой речи, которую Г.Д. Ахметова относит к модификации повествования. В рассказе «Зелёная голова» наблюдается повествование от 3 лица, однако первые же строки сигнализируют о субъективированном повествовании:

Где же муж? Договорились встретиться на этом месте ровно в 18.30, а сейчас уже 18.35, и его нет. Его теперь, наверное, никогда не будет. Как страшно! Невозможно ступить в сторону ни шага, потому что безопасно только под этим деревом <...> Ноги слабые такие. И холодно. Руки замёрзли и стали влажными. Перед глазами — круги, всё кружится: прохожие, листья, деревья, собаки. Поводок в руках натянулся. Противный пёс! [Ганьшина, 2016, с. 4].

Контекст строится на приёме невыделенной прямой речи, что можно наблюдать и в повести «Чудесное»:

...Работать бабушкой интереснее, чем профессором! И нужнее [Ганьшина 2015].

Вкрапления в ткань повествования невыделенной прямой речи организуют языковую композицию названного текста:

Ну, трудно здесь жить. Лето скупое. Весна холодная. <...> И это всё проходит так быстро! <...> Но зато — какая волшебная, какая долгожданная весна! А если лето всегда, если летние птицы всегда, если цветы всегда... Чего ещё-то ждать от жизни? [Ганьшина, 2015];

Кстати, до меня только сегодня дошло, что разница во времени между нами сейчас — 8 часов! Жуть! [Ганьшина, 2015];

В некоторых контекстах невыделенная прямая речь организует слабо изученное явление художественной прозы — невыделенный диалог:

И сразу стало мне тепло и спокойно — о своем сыне я хочу говорить с консулом в этом десятом окне!

Где живет в России?

Когда уехал?

Когда вернется?

Зачем уехал?

Что изучает?

Где нашел деньги на поездку?

Я разговаривала с консулом, словно беседовала со знакомым человеком о знакомых вещах [Ганьшина, 2015].

Субъективация повествования представлена невыделенной прямой речью в текстах малой прозы А. Гордеева (цикл «Простые истины»). Подобный процесс наблюдается и в миниатюре «Большой Взрыв»:

Как прекрасно всё это, возникшее от Большого Взрыва! Но каким же прекрасным было тогда то взорвавшееся Великое Ничто <...>?! И почему оно взорвалось, если было прекрасным? [Гордеев, 2011]

Пример из миниатюры «Созревание»:

На Земле круговорот воды, продуктов, воздуха и прочего. Но всё остаётся в одном количестве. А разум? Отчего в замкнутом пространстве Земли прибавляется он? [Гордеев, 2011]

В рассказе забайкальского писателя Олега Димова «Дети длинных ветров» также наблюдается невыделенная прямая речь:

Вы приезжаете сюда заработать денег <...> Вас уже устраивает оклеенная газетами комната в щитовом бараке [Димов, 2011].

Вы можете увидеть в окно белого медведя <...> Если у вас нет бинокля — он далеко и не страшен [Димов, 2011].

Следует отметить, что для прозы данного писателя невыделенная прямая речь характерна в меньшей степени.

Итак, анализ невыделенной прямой речи в текстах забайкальских писателей показал, что данная модификация субъективации повествования организует языковую композицию произведений Н. Ганьшиной и А. Гордеева. Для текстов других писателей невыделенная прямая речь не характерна или не является организующим началом повествования.

Невыделенная прямая речь в сочетании с традиционной прямой речи

Отмечается, что в некоторых текстах невыделенная прямая речь взаимодействует с вполне традиционной прямой речью. Например, в повести Н. Ганьшиной «Чудесное»:

В банке получила выписку из своей карты. Пока ждала, увидела рекламу: «Вклад почётный процент». В первую минуту мне показалось: «Почётный доцент». Интересно, почему нет Дня Доцента? Или — Дня Профессора? Зашла сегодня в бухгалтерию за справкой о зарплате, а меня девушка спрашивает: «Вы кем работаете?» «Профессором — говорю ей — работаю».

Но всё же лучше было бы работать в зоопарке крокодилом! [Ганьшина, 2015]

Перед нами прямая речь, как бы обрамлённая невыделенной прямой речью. Такой принцип построения текста создаёт эффект одновременной коммуникации героини-рассказчицы с другими персонажами и автокоммуникации, что придаёт повествованию реалистичность. Подобное явление наблюдается и в следующем примере из повести:

И вот я никак не могу вспомнить, вернул мне консул паспорт или нет... При положительном результате вернуть его он не должен. Но у меня в руках оставалась папка с документами. Он сказал мне: «Хорошо. Идите к четвёртому окну». И я, держа что-то в руках (папку?), сказала неуверенное «спасибо» — четвёртое окно оказалось кассой, куда надо отдать двадцать долларов. Я прошла! Но я уточнила у кассира, прошла ли... Она кивнула серьёзно и паспорт мне не вернула. Паспорт с американской визой должны прислать домой, в Читку [Ганьшина, 2015].

Здесь рассуждения, выраженные невыделенной прямой речью, обрамляют прямую речь, что усиливает психологизм повествования, переход от тревожных сомнений к уверенности.

В текстах других писателей подобный активный процесс не был выявлен.

Взаимодействие приёмов субъективации повествования

Наложение композиционного приёма монтажа и изобразительно-го приёма и словесного приёма невыделенной прямой и несобственно-прямой речи наблюдается в рассказах Н. Ганьшиной:

Стрижи летали за окном. Они пролетали мимо открытого окна и кричали что-то счастливое. Они мешали врачам собирать анамнез. Они мешали больным отвечать на вопросы, даже на такие нелепые — сколько классов школы осталось за спиной... А кто посчитает ступени после школы? [Ганьшина, «Портрет сына художника», 2016, с. 8];

Шторка скотчем прилепилась к стене — словно это был занавес в кукольном очаге. И там, за ним, — там, конечно же, был прорисованный очаг! Не такую ли шторку проткнул деревянным носом Буратино? [Ганьшина, «Портрет сына художника», 2016, с. 6-7]

Модификации диалога

Модификации диалога прослеживаются в цикле А. Гордеева «Простые истины». В миниатюре «Правильный мир» диалог расширяется до композиционной основы повествования:

- *Все знают, что свет от Солнца. А от чего темнота?*
- *То есть, как от чего? <...>*
- *Такое невозможно. <...>*
- *Темноте не дано побеждать свет. Лишь свет побеждает темноту [Гордеев, 2011].*

В миниатюре «Полный неудачник» наблюдается аналогичное явление. Приведём полный текст миниатюры:

- *Да он же, Генка-то, ушёл от неё. И снова уже женился. Хорошо живёт, говорят. Только вот далеко. Так что, чего уж тут хорошего... [Гордеев, 2011].*

Типичное для диалога-повествования отсутствие авторской речи указывает на модификацию явления.

Усиление межтекстовых связей

Следующий языковой процесс, свойственный современной русской прозе. Отмечается, что в выбранных текстах специфичным следует признать явный, намеренный характер межтекстовых связей.

Экспликация межтекстовых связей

Межтекстовые связи в произведениях эксплицитно выражены. Например, в цикле А. Гордеева «Простые истины» наблюдается вольное обращение к библейским образам (текст «Угольки»):

Господь знал <...> число талантов [Гордеев, 2011];

Господь ещё раз взглянул на угли <...> [Гордеев, 2011],

Как видим, в приведённых примерах межтекстовые связи также отличает эксплицированный характер.

Приведём примеры межтекстовых связей (рассказы «Родинка», «Гори, гори, моя звезда...», «Ася», «Настурция», «Мужчина с абрикосами», «Не Дынин»):

«Это все я», — удивлялась она, глядя на себя в зеркало. Прозрачной слезинкой печального Пьеро светилась на правой щеке родинка [Ганьшина, «Родинка», 2016, с. 18].

Марта пыталась рассмотреть, куда был устремлен его взгляд. И однажды, решившись, подошла совсем близко к окну. Перед человеком на стене висел портрет. На нем был изображен он сам. В первое мгновение Марта даже отшатнулась, словно тень литературного Дориана Грея накрыла ее, вырвав из реальности [Ганьшина, «Гори, гори, моя звезда...», 2016, с. 33].

«Да! Он был! Он был — тот мальчик!» — рыдала ведьма. Люди оглядывались, не зная, откуда доносятся крики. И некоторые, знакомые с Горьким, даже думали про себя: «А был ли мальчик?» [Ганьшина, «Настурция», 2016, с. 18]

Все эти выдумки Кинга, Брэдбери, Шекли и Стругацких казались мне замечательными сказками. <...>

Я, будучи в возрасте Лолиты, но еще не читавшая про нее, с огромной радостью взяла протянутые им плоды. От них сладко пахло летней жарой. <...>

На полянке стоял мужчина, глядя на меня с улыбкой главного героя фильма «Молчание ягнят». <...> Я ступила на эту полянку, ко-

торая одновременно и мгновенно напомнила мне какой-то забытый замечательный рассказ Аркадия Гайдара, и какую-то странную сказку о девочке, заснувшей на полянке [Ганьшина, «Мужчина с абрикосами», 2016, с. 27-28].

...Оглянувшись на окно, за которым опустился летний вечер, увидел он в светлом небе, среди туч, узкое отверстие. <...> И в это отверстие вошла, как в рамку Монтеessori, фигурка живого жёлтого щенка, каким была когда-то умершая собака. Щенок оставался некоторое время там, наверху, «врезываясь» (прав, прав был Маяковский!) в небо [Ганьшина, «Не Дынин», 2016, с. 12].

Да, конечно, её звали Ася. И хотя это имя — чистейший плагиат, и любой человек, хоть слегка знающий литературу, тотчас вспомнит Тургенева, — но её звали Ася. <...> Это была Ася, тургеньская девушка [Ганьшина, «Ася», 2016, с. 51-52].

Примеры межтекстовых связей наблюдаются в рассказе Н. Ганьшиной «Руна Ансуз» из сборника «Нарисованный тигр»:

И потому, когда много лет спустя я прочла в одной книге толкование руны Ансуз, одной из самых священных рун, связанной с верховным божеством скандинавской мифологии Одином, а также его оборотной стороной — Локи, коварным божеством, тёмным и светлым одновременно <...> [Ганьшина, «Руна Ансуз», 2016, с. 13].

Как видим, межтекстовые связи носят эксплицированный, явный характер, вводятся в тексты намеренно и намеренно же поясняются автором.

Межтекстовые связи как средство усиления других процессов модификации

Следует отметить, что межтекстовые связи также могут реализовывать явление автобиографичности прозы, сближая её с нон-фикшн, что наблюдается в повести Н. Ганьшиной «Чудесное»:

На улице чуточку потеплело — ну, хотя бы не тридцать градусов, а слегка поменьше! Шла на работу, чтобы с китайскими аспирантами обсудить ваковские статьи, — шла и думала, что Сталин всё-таки был прав, когда отправлял людей осваивать эти жуткие ледяные просторы. И всё-таки надо думать не только о себе, но и о людях, о стране. Жили тяжело, но у людей была жизненная цель. Те-

перь народ покидает эти забытые Богом места, переселяется ближе к центру, заботясь о собственном благе, — а Душа-то где? Где смысл? Где цель? [Ганьшина, 2015]

Как видим, межтекстовые связи отличаются намеренной экспликацией и выступают не только как характеристика персонажа, но и как отражение авторских предпочтений, имеющих явно выраженный филологический и кинематографический характер (любимые книги и авторы, известные книги), а также научных знаний (имя педагога) и даже цитаты из распространённых песен.

В Интернете нашла статью З. Прилепина «Вышли мы все из народа» <...>: «В России 60 процентов населения (вдумайтесь!) живёт в деревнях <...>» [Ганьшина, 2015].

Таким образом, в текстах Н. Ганьшиной межтекстовые связи, помимо эксплицитной природы, характеризуются своей способностью усиливать такие модификации, как публицистичность и субъективация повествования.

Уход в метафору

Уход в метафору — это следующее языковое явление, характерное для современной прозы. При этом в работах Г.Д. Ахметовой подчёркивается, что под метафоризацией понимается не только простое употребление метафор, но также и особенности композиционного построения текста.

Активизация метафор в повествовании

Примеры метафоризации в прозе Н. Ганьшиной рассказах многочисленны. Можно считать, что именно активизация метафоры в повествовании является самым активным языковым процессом в проанализированных текстах. Приведём некоторые примеры, на наш взгляд, наиболее показательные (рассказы «Фарфоровая рыбка», «Портрет сына художника», «Солнышко»):

Теперь же я видела старый продавленный диван. Наверное, она и умерла на этом диване. И он, по-видимому, хранил еще ее одинокие сны [Ганьшина, «Фарфоровая рыбка», 2016, с. 4].

В операционные дни он прятал свою поэтическую шапку под марлевую чалму — и выходил после операции похудевший и без всяких рифм [Ганьшина, «Портрет сына художника», 2016, с. 7].

Сашенька выбежала во двор. Немолодой мужчина, улыбаясь, стоял в лучах солнца. Казалось, какой-то искусный визажист наложил морщины на юное лицо, пробывавшееся сквозь два десятилетия. Но вот сейчас он засмеется, подставит, зажмурив глаза, веселое лицо под струю чистой воды и смоет бутафорные уставшие складки. Лишь темные глаза были те же [Ганьшина, «Солнышко», 2016, с. 15].

В палатах у некоторых больных висела одежда, в которой они пришли в больницу. Он смотрел на неё и видел, как она умирает за дни, проведённые здесь. Умиравшая одежда, потерявшая своего хозяина.

<...>

Старушка в инвалидном кресле. Старушка, поспешно проезжающая последние оставшиеся метры жизни [Ганьшина, «Портрет сына художника», 2016, с. 8].

В повести «Чудесное» метафоры появляются с первых строк:

Я верила, что Знаки Судьбы расставлены только для меня. Их расставил мой неведомый Ангел. Это вечерняя звезда любви, в неярких и нежарких лучах которой родилась тонкая берёзка — символ будущей жизни в вечном чудесном сиянии Божиих лучей [Ганьшина, 2015].

Метафора является ведущим принципом языковой композиции. Значимость так называемой «живой» метафоры рассматривается А.В. Ивановой [Иванова, 2018]. Приведём примеры:

День скукоживается, в восемь утра — совсем ночь, небо звездное. Или это депрессивный конец декабря <...>? [Ганьшина, 2015],

Сильное отклонение от нормы приводит к слому, к шизофрении — как у человека, так и у мира в целом, так и у текста [Ганьшина, 2015];

Дальнейший анализ метафор в прозе Н. Ганьшиной раскрывает их деление на «живые» и «неживые» (классификация Г.Д. Ахметовой).

Метафоры «живые» и «неживые»

Ведущими для текстов Н. Ганьшиной являются так называемые «живые» метафоры. Следует отметить, что часто метафоры отражают акт творения — рождения, создания, воплощения:

Чудесное — это когда будущий ребёнок ждёт, что появится на неведомом табло цифра, — дата его рождения. Эта цифра — она тоже похожа на эмбрион. Она тоже живая, неслучайная. Она тоже в тесном своём пространстве. Им одновременно надо родиться в мир —

ребёнку-Душе и цифре. И тогда уже на всю земную жизнь они неразлучны [Ганьшина, 2015].

Этим метафорам противопоставлены негативные метафоры болезни, смерти, не-жизни:

После публикации списка неэффективных вузов я перестала видеть будущее. Будущее исчезло, замерло, как замирает ребёнок, который не хочет рождаться у нерадивой матери или в тяжёлых жизненных обстоятельствах. И в том, и в другом случаях необходима принудительная абортация — а за ней, скорее всего, последует бесплодие [Ганьшина, 2015].

Зачастую метафора «оживляет» образы неживого, описывая их в антропоцентрическом ключе:

Я ждала, когда Судьба сама постучится ко мне, — но она всегда проходила мимо [Ганьшина, 2015].

К «живым» метафорам также условно можно отнести контексты, в которых неживое, часто абстрактное явление уподобляется конкретному предмету, для которого характерны движение, изменение, развитие:

Перелистнулась — словно и не было! — чудесная страница жизни, один миг, улыбочивые, ласковые дни на зелёном острове [Ганьшина, 2015].

В целом метафоры организуют повествование в повести и рассказах:

Какие чудесные слова — Привет из Америки! Я поцеловала открытку, перелетевшую океан [Ганьшина, 2015].

Скайп дарит иллюзию соприсутствия. И Маратик даже протянул нам через океан печенью. Угостил [Ганьшина, 2015].

Метафоры характерны для рассказов сборника «Нарисованный тигр». Например, метафоры из рассказа «Зелёная голова»:

Лето. И высокое солнце медленно и неохотно спускается вниз, потом словно застывает над горизонтом, плавясь само и превращая в огонь всё вокруг себя [Н. Ганьшина, 2016, с. 4].

В целом метафорические ряды текстов следует наряду с субъективацией повествования признать ведущим принципом языковой композиции в повествовании Н. Ганьшиной. Подобная значи-

мость метафор не характеризует прозу М. Вишнякова, А. Гордеева, О. Димова.

Метафоры в языковой композиции текста

Г.Д. Ахметова исследует явление метафоризации не только в качестве простого употребления метафор, но также как принцип композиционного построения текста. В этой функции метафоры наблюдаются и в её собственных текстах. Рассмотрим более подробно композиционную роль метафор на примере рассказа «Я хочу потрогать Землю!». Обратим внимание на начало повествования:

Я недоверчиво коснулась пальцем асфальта: «Но это же простая земля, а я хочу потрогать Землю!» [Ганьшина, 2009]

Дальнейшее рассмотрение текста позволяет сделать вывод о развёртывании метафоры, в которой развивается составляющая (объект «Земля»):

Если идти все вперед и вперед, туда, где светлый край неба смыкается с округлым боком планеты, — может быть, там я сумею потрогать Землю? [Ганьшина, 2009]

Данный контекст, в котором планета уподобляется одушевлённому созданию, уже позволяет отнести метафору к разряду «живых», как и в последующем примере:

Конечно же, конечно, моя мама тоже поняла в тот миг, что круглый бок нашей планеты остро и круто вздымается вверх как раз в том месте, где он соединяется с ярким небом [Ганьшина, 2009];

И вот именно там, коснувшись Земли ладонями, — можно почувствовать ее тихое дыхание, можно услышать биение ее огромного сердца [Ганьшина, 2009].

Развёрнутая метафора ложится в основу повествования, что предполагает её значимость для языковой композиции рассказа. Метафоры пути, прошлого, будущего, счастья как обозримого, чувственно воспринимаемого объекта в повествовании взаимодействуют:

Но слушатели не смотрели на меня. Они глядели в свое прошлое, которое почти сомкнулось с будущим, оставив для настоящего узкую светлую щель, в которую мог пробиться лишь взгляд уставших глаз [Ганьшина, 2009].

Однако в основном все эти метафоры вплетаются в главную, которая продолжает развиваться:

Я оглянулась на собственный пройденный путь. Нет, он еще не окончен! Я еще не коснулась ладонью Земли, я еще не взрастила собственную Душу, как говорил своим читателям Юрий [Ганьшина, 2009].

Таким образом, названные артефактные метафоры включены в единую «живую» метафору Земли:

Я не стала читать бывшим учителям свои стихи. Вместо стихов я рассказала им о ритмично мерцающем сердце Земли [Ганьшина, 2009].

Даже метафора смерти вплетается в единую «живую», будучи одновременно и противопоставленной ей, и включённой в неё в качестве естественного компонента (смерть как часть жизни):

И внезапно я подумала, что может же произойти так, — что всё на свете взлетит вдруг в воздух и разорвется белыми яркими сполохами? И головы живых людей одновременно превратятся в обугленные черепа с обожженной кожей и сгоревшими глазами? И это будет означать лишь одно — круги жизни у многих людей на Земле могут полностью совпадать друг с другом [Ганьшина, 2009];

Но если все повторяется в жизни, — значит, прорастут сквозь пустые глазницы умерших людей зеленые молодые ростки? [Ганьшина, 2009]

В последних строках отчётливо наблюдается объединение всех метафор текста в единую общую «живую», выявленную ещё в начале повествования:

Вот когда я доберусь до нагретого солнцем выпуклого бока Земли, когда коснусь его руками, когда услышу из глубины биение огромного сердца, когда пойму, наконец, что живу на Земле для того, чтобы Душа моя стала чистой, мудрой и нежной... [Ганьшина, 2009]

На наш взгляд, такое объединение указывает на композиционную роль метафоры. Кроме того, следует отметить ведущий характер «живой» метафоры в рассказе.

Перейдём к следующему тексту — рассказу «Швейцарский нож»:

Рассказ не получился. Я не сумела описать ночь. Столько метафор уже буквально рождалось — а я вдруг увидела, как блестело в темноте горлышко бутылки. И хотя бутылка была не разбитая, а вполне

целая и даже наполнена пивом, — но образ-то не мой!.. Наивная интертекстуальность слишком узнаваема, чтобы присваивать ее себе [Ганьшина, 2009].

«Живая» метафора, отражающая появление вдохновения как рождение живого создания, взаимодействует с межтекстовыми связями. Далее метафорическая ткань повествования усложняется:

Обнажалась розовая стена вместо однообразных повторяющихся картинок — мама-зайчиха баюкает своего сына зайчонка. Это были детские обои. Мы покупали их с сыном. Вместе клеили и радовались тому, как светло и весело стало в комнате.

Сын вырос. А мать зайчиха по-прежнему баюкала своего пушистого ребенка. А я садистски отрывала им лапки, головы. Я рвала на части туловище. Остатки их осыпались на пол быстро засыхающей бумажной стружкой. Одна из лапок оказалась за стеной шкафа. Я никак не могла вытянуть ее оттуда [Ганьшина, 2009].

В данном контексте наблюдается некое «противостояние» метафор — метафоры жизни, т.е. «живой» (мама-зайчиха баюкает своего сына зайчонка), и метафоры смерти, или даже убийства (я садистски отрывала им лапки, головы). Далее в повествовании «противостояния» наблюдается постепенное вытеснение метафоры убийства «живой» метафорой:

На следующий день я просто наклеила новые обои поверх старых. И я даже радовалась тому, что добродушные рисунки остались живы. Когда-нибудь, когда постареют и нынешние обои, я оторву их — и обнаружу под ними все тех же ничуть не постаревших зайцев — маму и сына [Ганьшина, 2009];

И как хорошо, что я сберегла крошечный кусочек своего прошлого. Там, где новые обои не очень плотно приклеились, там можно увидеть золотистую луну. Она смотрит в комнату, где мама-зайчиха держит на коленях своего маленького сына [Ганьшина, 2009].

Как видим, героиня-рассказчица подчёркивает полное вытеснение метафор смерти единой развёрнутой «живой» метафорой. Эта сложная метафора также организует языковую композицию текста.

Обратимся к следующему тексту — рассказу «Надувной глобус». В нём основной метафорой является образ некоего шара. Он имеет двоякую природу:

Сквозь прикрытые глаза чудится, что в руке, между большим и указательным пальцами, светится небольшой ярко-белый шар, блестящий, как солнце на небе. Лучи от него словно просвечивают руку насквозь, отчего она кажется розовой, как будто горячей на ощупь. И всегда было так. Долго-долго так было. И лишь однажды посмотрел нес на руки хозяйки, — а вместо белого лучистого шара увидел черный, мертвый, неподвижный. Хотел глаза закрыть, — и не смог. Не слушались глаза [Ганьшина, 2006].

С одной стороны, перед нами метафора жизни (*в руке светится небольшой ярко-белый шар*), однако ей противопоставлена метафора смерти (*вместо белого лучистого шара увидел черный, мертвый, неподвижный*). Обе метафоры, по сути, являются разными аспектами одной сложной метафоры. При этом следует отметить, что её природа зависит от того, какой аспект станет ведущим:

Хозяйка улыбается, плакать перестала. Принесла ему воды в мисочке. А руки у нее горячие, розовые. И между пальцами — словно свечение. Исчез черный шар! Опять появился белый, блестящий, яркий шарик — с лучами. Как хорошо! [Ганьшина, 2006]

Метафора шара в итоге «разрастается» до образа самой планеты:

И вот, когда зашла эта соседка с мячиком в птичьей руке, — ему вдруг показалось, что сейчас она заберет у него резиновый мячик, — и тогда исчезнут разом и блестящий шар в руке хозяйки, и сама Земля, облитая солнцем, по которой он бегал, глотая белый снег [Ганьшина, 2006].

В конце повествования само название текста приобретает метафорическое значение, становясь аспектом единой сложной метафоры:

Теперь он просто лежал в траве, закрыв глаза, ощущая аромат цветов, и чуть заметно перебирал лапами, словно шел по нагретому боку огромного надувного шара, называемого Землей, — потому что каждое живое существо на Земле должно отшагать отмеренное ему количество шагов [Ганьшина, 2006].

В последнем рассказе метафора также приобретает композиционное значение.

Рассмотрим роль метафоры в произведениях М.Е. Вишнякова. Метафоры в текстах встречаются вместе с другими средствами выразительности:

Явился на Руси добрый молодец Иван Ивашкин, косяя сажень в плечах, силушка по рукам катается, как пригорки с горок [Вишняков, 2011].

В приведённом примере наблюдается сочетание метафоры и сравнительного оборота, при этом метафора относится к так называемым «неживым». «Живая» метафора представлена в следующем контексте:

Еще два-три шага, и вот — чело берлоги [Вишняков, 2011].

Следует отметить, что в данном случае происходит не просто перенос признаков живых существ на неживой объект, а приписывание этому объекту человеческих черт, которое характеризует метафору как антропоморфную.

Помимо «очеловеченных» метафор, встречаются случаи уподобления ряда понятий природным явлениям, что порождает особые биологические, природоморфные метафоры:

А на другом конце села за это время подросла и расцвела, как саранка, дивной красоты Дарима Бальжирова. <...> Дарима-Даримая, ласточка степная, ковылинка в росе, ранний туман над Ононом! [Вишняков, 2011]

Такие метафоры сближают повествование с устным народным творчеством, как в следующем примере, в котором метафора взаимодействует со сравнительным оборотом:

Гарная жена и Галя Путинцева. Родом с Украины, брови — как сабли запорожских казаков, плечи — лебеди белые, грудь высокая, истомой не тронутая. Залетела в Сибирь — не померзла яблоневым цветом, а еще ярче разгорелись щеки, да стать выходилась полная, зрелая [Вишняков, 2011].

Кроме того, в ряде случаев метафора заключается в конкретизации абстрактных понятий языковыми элементами, типичными для описания предметного мира, что указывает на артефактную природу метафоры:

Волосы яркие и до пояса, щеки румяные, талия — поясок серебряный, да в характер камушек вставлен, как в кресало. Чиркнет тот камушек по серебру — искры сыпятся из глаз у друга Баира, и друга Жаргала, и уже женатого завскладом Нимы [Вишняков, 2011].

— *Ракетчики* — народ стратегический, — бодро ответил Гаученов, — куда нацелены, туда и летят [Вишняков, 2011].

В некоторых случаях метафоры ориентируются на гастрономические аспекты человеческой жизни:

...говорит медовым голосом, язык так и прилипает к губам [Вишняков, 2011].

Пусть будет еще слаще, кому ж охота в сорок лет на горечь горькую переходить [рассуждения мужа о собственной супруге — А.И.]? [Вишняков, 2011]

Возможны случаи обратного варианта метафоры, при которой конкретные предметы, явления, люди уподобляются абстрактным понятиям:

И не стало ни хохлов, ни гуранов, одна согласная сила, широта, могущество повели свадьбу дальше по широкой реке народной жизни... [Вишняков, 2011]

Как видим, метафоры в малой прозе М.Е. Вишнякова употребительны и представляют важное средство образности, однако в повествовании они не характеризуются развитием, не развёртываясь в рамках целого текста, что указывает на их малую значимость в языковой композиции.

В цикле А. Гордеева «Простые истины» метафоры также организуют языковую композицию (тексты «Доказательство пришествия», «Неисчерпаемость», «В реке творчества», соответственно):

Более того, во сне я знаю способ полёта, как будто эта «технология» открывается сразу за ширмой сна, но её невозможно вытащить в явь [Гордеев, 2011];

Ты боишься, что тебя быстро вычерпают и ты станешь не интересным? <...> Можешь ли ты сказать, что, прочитав всего Толстого или прослушав всего Чайковского, ты вычерпал их так, что они стали скучными? [Гордеев, 2011];

Во мне течёт удивительная река — река творчества. Приятно плыть по своему внутреннему потоку. <...> Находясь в потоке,вливаюсь на кухню, пью чай, даже смотрю телевизор (правда, уже не всё подряд) <...> [Гордеев, 2011];

Метафоричность в целом наблюдается также в текстах О. Димова, однако в его прозе метафоры отличает локальный характер, не предполагающий композиционной роли:

Остающиеся вписаны крайностями природы в нестандартную жизнь Приполярья. На Большой земле жизни закреплены за этажами <...> Жизнь поселка не укладывается в круги [Димов, 2011];

Над меховой постелью на стебельках боли раскачивались увядающие глаза [Димов, 2011].

Следовательно, метафоры действительно характерны для текстов забайкальских писателей М.Е. Вишнякова, А. Гордеева, О. Димова, Н. Ганьшиной, однако их употребление существенно различается. В малой прозе М.Е. Вишнякова и О. Димова метафоры служат средством создания образности, однако не объединяют образы и не характеризуются развитием, т.е. не имеют композиционной роли. В текстах Н. Ганьшиной метафоры отличает сложная динамичная природа, позволяющая им развёртываться в ходе повествования, что явно указывает на композиционную значимость метафор в проанализированных текстах.

Словообразовательный «взрыв»

Единичные случаи употребления окказионализмов

Явление, названное словообразовательным «взрывом», также не находит широкого применения в текстах региональной прозы, однако единичные случаи окказионального словообразования были нами зафиксированы. Приведём примеры из прозы Н. Ганьшиной (рассказы «Когда зацветет кактус», «Портрет сына художника»):

Кактус цвел один раз в год — весной. Вернее, это не была еще настоящая весна. Это была предвесна. Довесна. Почтивесна [Ганьшина, «Когда зацветет кактус», 2016, с. 79].

«Моё отчество Мишковна», — засмеялась она [Ганьшина, «Портрет сына художника», 2016, с. 8].

В повести «Чудесное» также наблюдаются единичные примеры указанного явления:

На мамин день рождения были дети в гостях. Поели деньрожденное чили (я сегодня приготовила), разные тарталетки, тортик... [Ганьшина, 2015]

В повести А. Гордеева «Улыбка хвостом» примеры также немногочисленны: *бессобачно; прилапили* [Гордеев, 2006, с. 5], как и в цикле «Простые истины» (миниатюра «Лучшая из профессий»): *заводильщик часов* [Гордеев, 2011].

Единичны примеры из рассказа О. Димова «Дети длинных ветров»: *глаза оглублились; клюквенки горловой крови орошали снег* [Димов, 2011].

Анализ малой прозы М.Е. Вишнякова показал намного более высокую активность окказионализмов.

Активизация окказионального словообразования в малой прозе М.Е. Вишнякова

После анализа найденные примеры были структурированы в соответствии со способом словообразования. Результаты приведены ниже.

— суффиксальный способ:

Часто такое словообразование реализуется по типу разговорного, с помощью суффиксов *-ист-, -щик-, -к-, -ик-, -ц-, -щин-, -ль* и т.п.:

Однако, порода такая караганистая... (рассказ «Везучий Балдан») [8];

— *Эй, ты! Гидра чечилистая* [от имени героини рассказа Чечила — А.И.]! (рассказ «Про солдата Гаученова») [Вишняков, 2011]

Следует отметить, что данный способ является достаточно популярным в текстах М.Е. Вишнякова и во многом характеризует идиостиль писателя, не только создавая комический эффект, но и являясь средством образности, в частности, образов рассказчика и персонажей.

— префиксальный способ:

Префиксы менее разнообразны, однако также встречаются в текстах рассказов и характеризуются разговорным оттенком (*до-, за-, по-*).

Дофутболил противника до края ринга... (рассказ «Петух на протезах») [Вишняков, 2011].

— *Го-го-го! — заголосил Степан, засвистел, зафышкал...* (рассказ «Пятнистый дрюк») [Вишняков, 2011].

Разговорный оттенок выделенных слов также характеризует идиостиль повествования, окказионализмы также служат средством создания образности.

— префиксально-суффиксальный и префиксально-постфиксальный способ:

Такое словообразование характерно для слов разных частей речи:

*А волосы назад кресла откинёт, и чтоб расчесывал, <...> в тридцать три кудели **закосмачивал*** [от разг. *косматить*, т.е. *делать лохматым*] (рассказ «Про солдата Гаученова») [Вишняков, 2011].

*Но забайкальский народ, особенно такие **забузовщики** и **заварганщики*** [от разг. *бузить*, т.е. *скандалить*, *драться*, и *варганить*, т.е. *делать, готовить*], *которые живут в Борзе...* (рассказ «Петух на протезах») [Вишняков, 2011].

Такой способ используется для создания наречий с помощью префикса *по-* и суффиксов *-ому-*, *-ему-* по типу *по-новому*, *по-весеннему*:

*А то на латунных как-то несолидно, не **по-борзински**...* (рассказ «Петух на протезах») [Вишняков, 2011].

Часто слова, образованные таким способом, имитируют народно-разговорную речь, создавая региональный колорит, придавая достоверности образам героев.

— образование сложных слов:

Отметим, что подобные окказионализмы также часто характеризуются разговорной природой. Единичны случаи сложения основ слов с суффиксацией:

*...горланят величальную, **сивокобыльную*** (рассказ «Везучий Балдан») [Вишняков, 2011].

Наблюдаются единичные случаи так называемого повтора-отзвука, или, по-другому, эхо-конструкций:

*Тут под рукой всякие **банки-склянки, варенья-соленья, водочки-коньячки*** (рассказ «Про солдата Гаученова») [Вишняков, 2011].

Подобные явления также следует считать средствами создания идиостиля автора.

— разговорная аббревиация:

Аббревиатуры в проанализированных текстах встречаются редко, образованы с помощью слоговой аббревиации и придают повествованию комический оттенок.

— *Ото добрячи хлопцы у тих **кенгуранов*** [от *кенгуру* и *гуран*, т.е. *забайкалец, потомок от смешанных браков русских с бурятами, эвен-*

ками, монголами, маньчжурами — А.И.] *наросли* (рассказ «Будь здоров, кенгуру!») [Вишняков, 2011].

Кроме перечисленных способов словообразования, автор использует окказиональную метатезу с целью достижения комического эффекта:

— *Ре-ку-кака!* — *запел Петя* [имя петуха в рассказе — А.И.] *наоборот*. — *Ре-ку-кака!* (рассказ «Петух на протезах») [Вишняков, 2011]

Причём затем от приведённого окказионализма с помощью разговорного суффикса образуется вторичный окказионализм:

...хотела пригрозить Пете, да куда там — хитрый *реку-какашник* взлетел на крышу сарая... (рассказ «Петух на протезах») [Вишняков, 2011].

В рассмотренных текстах последние окказионализмы встречаются редко, возможно, с целью создания комического эффекта, а также имитации живой речи, т.е. речевой характеристики персонажей.

Объём исследуемого материала не позволяет в полной мере утверждать наличие в прозе М.Е. Вишнякова словообразовательного «взрыва», однако функционирование окказионализмов во всех проанализированных рассказах указывает на тот факт, что в выбранном аспекте данные тексты забайкальской прозы соответствуют общим тенденциям развития современной русской литературы.

Грамматические «сдвиги»

Грамматические «сдвиги» основаны на переосмыслении традиционных грамматических категорий. Как и словообразовательные особенности, «нетипичная» грамматика не характерна для рассказов, выбранных для анализа. Рассмотрим единичные случаи её проявления, в частности, нестандартное употребление личных местоимений и частиц.

Нетипичное употребление частей речи

Обратимся к рассказу «Не Дынин»:

...На двери подъезда, где они жили с мамой, висела деревянная табличка с фамилиями жильцов. Напротив квартиры 31 выведено было — «Дынин». «А почему Дынин? — спросил мальчик у мамы. — Ведь у меня другая фамилия!» Мать ничего не ответила, а мальчик мелом приписал на табличке частицу «не» — получилось «Не Дынин» [Ганьшина, 2016, с. 12].

Как видим, в приведённом контексте наблюдается нетипичное употребление отрицательной частицы. Рассмотрим следующий пример (рассказ «Рябина»):

Я заплатила за картину <...> «Вы должны подписать её», — требовательно сказала я.

<...> Напишите, что это мне.

— Да? — обрадовался художник и написал: «Мне».

— А дальше пишут — от кого, — продолжала я, не видя пока того, что он пишет. — Надо написать: «От меня».

— Странно как-то получилось: «Мне от меня», — пробормотал художник <...> [Ганьшина, 2016, с. 9].

Как видим, в приведённом контексте наблюдается нетипичное употребление личных местоимений. Однако в целом активные языковые процессы, затрагивающие грамматический уровень повествования, не являются характерными для текстов Н. Ганьшиной.

Расширение грамматических возможностей частей речи

Расширение грамматических возможностей частей речи также характеризуется единичностью употребления. В основном такое явление встречается в повести Н. Ганьшиной (расширение возможностей таких частей речи, как безличное предикативное слово и наречие: *жаль его мнение о провинции; даже немного упал; Маратик остался легко* [Ганьшина, 2015]).

В других текстах подобные явления не были обнаружены.

Феномен публицистической прозы

Активные языковые процессы, наблюдаемые в повести «Чудесное», представлены усилением документализма и автобиографичности прозы, что сближает произведение с прозой нон-фикшн. Активные языковые процессы, наблюдаемые в повести «Чудесное», представлены усилением документализма и автобиографичности прозы, что сближает произведение с прозой нон-фикшн.

Автобиографичность и документализм повествования (проза нон-фикшн)

Следует отметить, что феномен публицистической прозы широко представлен в некоторых рассказах Н. Ганьшиной, а также в её повести «Чудесное», в которой образ героини максимально приближен

к личности самой писательницы. В частности, в тексте упоминаются имена её реальных родственников и знакомых, названия стран и городов, в которых бывала автор, особенности работы и быта. Автобиографичность прозы является основой языковой композиции текста и пронизывает повествование:

Я удивилась, что руки мои всё помнят — и как переодеть, и как пеленать, и как дать молочко из бутылочки... А сердце полностью распахнуто навстречу Чудесному [Ганьшина, 2015].

Признаками прозы нон-фикшн можно назвать упоминания имён реальных знакомых автора:

Я носила на руках спящего малыша и вспоминала докторскую защиту Л.В. Камединой. Она говорила: дитя целостно. В него изначально заложены ценности, которые потом теряются — после общения с социумом [Ганьшина, 2015].

Однако центральными образами, организующими автобиографическое повествование, следует признать те, которые представляют читателю родных и близких автора, скрывающегося за маской героини-рассказчицы:

Думаю о Маратике, читаю письма Ильдара, делаю свои бесконечные дела... Обычная жизнь. Только в этой жизни появилось Чудесное. Интернет даёт возможность почти живого общения. Мне удалось немного пообщаться с Ильдаром, пока он был в аэропорту Аммана [Ганьшина, 2015];

Ильдар пишет свои заметки о путешествии, я пишу книгу о творчестве и языке А.Е. Рекемчука. Я переписываюсь с писателем, готовлю книгу к изданию. Одновременно редактирую диссертации китайских аспирантов и магистрантов. Каждый из нас делает своё дело, предназначенное ему [Ганьшина, 2015].

Частотность упоминания фактов профессиональной деятельности автора также указывает на их значимость для композиции повествования:

И столько во мне появилось неожиданной энергии, что вечером я даже написала ворох рецензий для «Гуманитарного вектора»! Это самая тяжёлая часть рецензий — для аспирантов. Им приходится писать по две рецензии — от себя как редактора и от себя как науч-

ного руководителя. В этом номере три моих аспиранта и один соискатель [Ганьшина, 2015].

Часто биографические детали личной жизни героини вплетаются в широкий контекст истории края, что характеризует текст как составляющую региональной прозы:

Печальная запись из Интернета: «Студенты проведут флеш-моб с зажжением свечей в память погибавшего ЗабГГПУ 14 октября на площади имени Ленина в Чите.

<...> Происходит вопиющая несправедливость. Объединяются университеты — ЗабГУ и ЗабГГПУ. В этой ситуации страдает больше ЗабГГПУ, так как объединение происходит на базе ЗабГУ. ЗабГГПУ — это 70 лет истории. Он вынужден объединить факультеты [Ганьшина, 2015];

Скончался сегодня писатель Олег Димов. Умер он в больнице, после тяжёлого заболевания. А сразу после этого известия пришло новое — в тяжёлом состоянии доставлен в больницу бывший наш преподаватель В.С. Левашов. Ему требуется переливание крови [Ганьшина, 2015].

Как и во многих произведениях нон-фикшн, в повествование включены вставки из нехудожественных текстов (словарей, справочников, энциклопедий, заметок, документов):

Звонили дети — из Flagstaff (штат Аризона). Это небольшой город в девяноста милях от Большого Каньона: «Флагста́фф (англ. Flagstaff) — город в округе Коконино (Аризона, США). Площадь — 164,8 км2. Население — 60 222 чел. Рядом со Флагстаффом находятся Обсерватория Лоуэлла (в которой был открыт Плутон и кольца Урана) и Станция Флагстафф военно-морской обсерватории США (в которой был открыт Харон)» [Ганьшина, 2015].

Как видим, языковая композиция повести построена на автобиографичности повествования, что сближает текст с прозой нон-фикшн.

Графический словесный ряд

Единичные случаи употребления нетипичных графических средств

К явлениям модификации также относятся изменения графического облика текста, например, особенности шрифта (курсив, круп-

ный шрифт и др.), а также относит иконические средства, расположение текста.

В текстах Н. Ганьшиной элементы специфической графики также встречаются нечасто. Как правило, это крупный шрифт или графическое отражение специфики произношения. Обратимся к следующим примерам (рассказы «Руна Ансуз», «Чужая фотография»):

Плохое всегда кончается хорошо, т.е. оно просто всегда ЗАКАНЧИВАЕТСЯ [Ганьшина, «Руна Ансуз», 2016, с. 13].

И у нас родился замечательный сын, так похожий на замечательного парня из рекламы. Но ведь я плакала ПОТОМ? [Ганьшина, «Чужая фотография», 2016, с. 59].

Элементы нетипичного графического оформления языковой композиции прослеживаются в данных контекстах (повесть «Чудесное»):

...Дети сказали, вернувшись в родной город, что здесь НИЧЕГО, ровным счётом ничего не изменилось... Словно время сжалось — и они уезжали лишь на мгновение. Прошлое осталось в прошлом [Ганьшина, 2015].

Графические средства усиления других активных процессов

Следует отметить, что к модификациям языковой композиции можно отнести взаимодействие разных языковых процессов. Некоторые контексты характеризуются взаимоналожением, взаимодействием таких процессов, как модификации субъективации повествования и нетипичная графика:

Теперь наша дорога I-5. Первый хайвей остался в стороне, около океана. А мы мчимся по прямой ровной дороге. Мимо проплывают холмы в тумане. Именно холмы! Сопками, как у нас, их не назовешь. И не горы это. Hill — одно из первых английских слов, которое я выучила в пятом классе. Вот когда пришлось увидеть наяву hill (холм) [Ганьшина, 2015].

В данном контексте графические средства, такие, как латинский шрифт или транслитерация англоязычного слова, усиливают невыделенную прямую речь. В следующем контексте графическое оформление самостоятельных слов через дефис, создающее эффект одного окказионализма, а также реализует невыделенную прямую речь:

Карандаши-альбомы-собаки-кошка-малина-груша-макароны-пластиковые буквы-балкон-книжки-телевизор-пульт-компьютер-телефон-детские песенки-мультфильм про кошку-мультфильм про паровозик... [Ганьшина, 2015]

Графические окказионализмы в повести Н. Ганьшиной также служат усилению субъективации повествования и нон-фикшн:

Самое радостное событие дня — письмо от Олеси. Я спросила ее: «Как наши ласковые дела?))))) <...>» [Ганьшина, 2015];

В целом все ОК, осматриваю сегодня Бейрут [Ганьшина, 2015];

Стал спрашивать <...> говорит — No problem, I will give you discount when we come! <...> Говорю — I must know how much [Ганьшина, 2015].

К нетипичным графическим средствам в тексте относятся прописная вместо строчной буквы, латиница, а также эмотиконы.

Графические средства усиления модификаций наблюдаются в малой прозе М. Вишнякова. Рассмотрим пример из рассказа «Бабушка-а...», в котором в сказочной форме описывается встреча охотника и медвежонка. Следует отметить отклонения от традиционного написания, присутствующие в самом названии текста:

— *Ба-абушка-а!* — заплакал малыш. — *Меня дядя чужой обижает* [Вишняков, 2011].

Как видим, в самом примере подобное нетипичное графическое оформление слова отражает произносительные особенности в речи персонажа, т.е. служит средством речевой характеристики и создания образа в целом. Однако далее подобное написание дублируется в авторском повествовании:

Проня ты, Проня Унтиков! Нам остаётся снять шапку и перекреститься. Бабушка — это, брат, такая ба-абушка-а, что семь волков на деревьях влезли, до сих пор там сидят, вывод делают: нет, не надо обижать маленьких медвежат [Вишняков, 2011].

Следует отметить, что во втором случае графические особенности слова сочетаются с обращением к незадачливому герою-охотнику и таким явлением, которое в трудах Г.Д. Ахметовой получило название невыделенной прямой речи. В следующем примере наблюдается уже другая функция нетипичной графики:

*Солдат, известное дело, шилом бреется, самогоном греется, ему со-
браться недолго: пуговицы почистил, ремень подтянул, улыбку до ушей
раскатал и — ш-шагом-ариш! — за ворота части [Вишняков, 2011].*

Графические отклонения, во-первых, приводятся в сочетании с ок-
казиональным словообразованием, во-вторых, сигнализируют о нали-
чии в приведённом контексте субъективации рассказчика, в частно-
сти модифицированной невыделенной прямой речи. Следовательно,
графические средства усиливают одновременно два активных язы-
ковых процесса.

Перейдём к другому примеру из рассказа:

*— Ре-ку-кака! — запел Петя наоборот. — Ре-ку-кака! [Вишня-
ков, 2011].*

Графические средства используются для выделения окказиона-
лизма, усиливая его значимость, а также комический эффект воздей-
ствия на читателя.

Перейдём к следующему примеру — рассказу «Пятнистый дрюк»:

*Сварить «чай с дымом», посидеть у костра, послушать кукушку
[Вишняков, 2011].*

В приведённом примере графическими средствами выступает не-
характерное употребление кавычек. Предположительно, такое за-
кавычивание отражает включение чужой речи в авторское пове-
ствования. Подобные единичные включения закавыченных слов и
выражений встречаются в повествовании:

*Интересно то, что рыбаки и охотники из Усть-Кары знают те-
перь: на Шилке, при впадении в нее замечательно прозрачной речки
Сосновки, водится страшный пятнистый «дрюк», который не то
что человека, самого Лохматого гнал и выгнал из тайги, и чуть не
задрал на отмели [Вишняков, 2011].*

В данном случае кавычки сигнализируют о наличии «чужого» сло-
ва в контексте с явной субъективацией рассказчика, следовательно,
перед нами пример «субъективации в субъективации», при котором
в точку видения рассказчика вплетается иная точка видения, возмож-
но, принадлежащая указанным рыбакам и охотникам из Усть-Кары,
что делает вторую точку видения выражением так называемого «эха
народного» (термин Э.Н. Полякова [Поляков, 2005]).

Нетипичное графическое оформление может сопровождать окказиональное словообразование:

— *Андрюк я, Андрюк! — Степан вылез из воды и замахал руками.*

<...> Эхо летало от берега к берегу, отражаясь в скалах:

— *...дрюк я! ...дрюк!* [Вишняков, 2011]

Кроме того, наблюдается употребление кавычек, отражающее как наличие двойного смысла слова, так и наличие субъективации:

Открутили головку с одной бутылки, «причастились» под холоденькую [Вишняков, 2011].

Субъективация в данном случае не относится к конкретному персонажу и отражает «полифонию» (термин М.М. Бахтина), т.е. наличие единой для многих названных и неназванных персонажей оценки.

Сделаем вывод. Выбранные для анализа тексты забайкальских писателей характеризуются разной степенью проявления модификаций и активных процессов. В целом следует отметить, что явления модификации характерны для региональной прозы, хотя и в меньшей степени, нежели для текстов, получивших всероссийскую известность. Таким образом, названные произведения в большей степени характеризуются традиционным повествованием, при этом явления модификации в основном наблюдаются в повести Н. Ганьшиной.

Отметим, что исследование текстов забайкальской прозы в аспекте теории языковой композиции представляется актуальным и требует пристального научного интереса филологов.

Список литературы

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): учеб. пособие для студ. факультетов ин. языков вузов. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 128 с.
2. Анциферова Н.Б. Образ рассказчика в современной дневниковой прозе: языковой аспект (на материале дневников С. Есина, В. Гусева, Т. Дорониной): автореферат дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2010. 26 с.
3. Ахметова Г.Д. Живая графика // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им.

Н.Г. Чернышевского. Серия «Филология, история, востоковедение» / под общ. ред. Г.Д. Ахметовой. 2011. № 2 (37). С. 18-23.

4. Ахметова Г.Д. Курсив в повести В.С. Маканина «Где сходилось небо с холмами» // Русская речь. 2006. № 5. С. 41-44.

5. Ахметова Г.Д. О графическом словесном ряде (на примере романа Р. Киреева «Победитель») // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: Материалы II Международной научной конференции, Челябинск, 5-6 дек. 2003 г. / Отв. ред. Л.А. Нефедова; Челябинский гос. ун-т. Челябинск, 2003. 538 с.

6. Ахметова Г.Д. О материале языковой композиции как важнейшей проблеме курса «Филологический анализ текста» (теоретический аспект) // Актуальные проблемы текста: лингвистическая теория и практика обучения: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию доктора филологических наук, профессора О.А. Нечаевой (23-24 апреля 2004 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2004. С. 30-32.

7. Ахметова Г.Д. Языковая композиция художественного текста (проблемы теоретической феноменализации, структурной модификации и эволюции на материале русской прозы 80-90-х годов XX в.): монография. М.; Чита: Изд-во ЗабГПУ, 2002. 264 с.

8. Ахметова Г.Д. Языковые процессы в русской прозе конца XX — начала XXI вв. // Гуманитарные науки 2006. Вызовы и достижения: материалы Международного симпозиума «Гуманитарные науки 2006. Вызовы и достижения» (7-9 сентября 2006 г.). Scientific articles. Humanities 2006. (www.sciencebg.net www.ejournalnet.com). 4 International symposium. September 7-9, Sunny Beach, Bulgaria (ISBN 954-9368-17-3). P. 39.

9. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста. Москва: Флинта: Наука, 2007. 520 с.

10. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие для вузов. М.: Логос, 2001. 303 с.

11. Виноградов В.В. О теории художественной речи: учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов. М.: Высшая школа, 2005. 240 с.

12. Виноградов В.В. О языке художественной прозы. Избранные труды: сб. избр. тр. М., 1980. 257 с.

13. Георгиевский А.С. Русская поэтика малых форм последней трети XX века: духовный поиск, поэтика, творческие индивидуальности: учеб. пособие по спецкурсу. М.: Издательский центр «Альфа» МГОПУ, 1999. 192 с.

14. Глухоедова Н.Н. Языковая композиция художественного текста: структурные компоненты (на материале романа Руслана Киреева «Апология»): автореферат дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2009. 25 с.

15. Горшков А.И. Лекции по русской стилистике. Москва: Издательство: Литературный ин-т, 2000. 269 с.

16. Горшков А.И. Русская стилистика. Стилистика текста и функциональная стилистика. Москва: АСТ: Астрель, 2006. 367 с.

17. Горшков А.И. Русская стилистика: учеб. пособие для вузов. М., 2001. 367 с.

18. Ерёмина Л.И. Графика как средство изобразительности в произведениях Л.Н. Толстого // Очерки по стилистике художественной речи. М., 1979. С. 77-113.

19. Иванова А.В. Язык региональной прозы в контексте модификации повествования (на материале текстов Нины Ганьшиной) // Язык как материал словесности: к 95-летию профессора А.И. Горшкова: материалы XXI научных чтений (Москва, Литературный институт имени А.М. Горького; Центральная универсальная научная библиотека имени Н.А. Некрасова, 20 октября 2018 г.). Казань: Издательство «Бук», 2018. С. 68-78.

20. Поляков Э.Н. Субъективация авторского повествования в прозе Валентина Распутина: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2005. 198 с.

21. Попова Г.Б. Приёмы субъективации в современной русской прозе: явления модификации: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2012. 26 с.

22. Трапезникова О.А. Проблемы методологии исследования автора в художественном тексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики: научный журнал. 2009. № 2 (4). С. 258-261.

23. Титарёва Л.Д. Женская проза как феномен современной российской культуры (на примере Забайкальского края): дисс. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Л.Д. Титарёва. Чита, 2015. 158 с.

Источники

24. Вишняков М.Е. Забайкальские болтомохи. URL: <https://www.libfox.ru/59417-mihail-vishnyakov-zabaykalskie-boltomohi.html>, свободный (дата обращения: 19.07.2019).

25. Ганьшина Н. Нарисованный тигр: короткие рассказы. Казань: Бук, 2016. 104 с.

26. Ганьшина Н. На пуантах: короткие рассказы. Казань: Бук, 2016. 112 с.

27. Ганьшина Н. Чудесное. Ангел мой. Я из провинции (сборник) URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23596587&lfrom=329574480 (дата обращения: 27.08.2019).

28. Гордеев А.Н. Простые истины: новеллы, притчи URL: https://bookz.ru/authors/aleksandr-gordeev/prostie-_922 (дата обращения: 25.09.2019).

29. Гордеев А.Н. Улыбка хвостом: повесть. Чита: Экспресс-изд-во, 2006. 64 с.

30. Димов О.А. Дети длинных ветров: повести, рассказы URL: <http://www.reading-hall.ru/publication.php?id=2286> (дата обращения: 11.11.2019).

6.2. Словесные зёрна Бориса Макарова для возрастания добра

Л.В. Камедина

Актуальность обращения к слову забайкальского писателя и поэта обусловлена культурологическим дополнением большого Забайкальского текста смыслами Бориса Макарова [Камедина, 2014]. По мнению А. Вежбицкой, язык народа, а в данном случае, это русский язык акшинского поэта, может концептуализировать действительность, а любой концепт, закодированный в слове, может представлять универсальный смысл для данной культуры [Вежбицкая, 2001]. Этот смысл

определяется в творчестве Б. Макарова географическим положением Акши в долине Онона на юге Забайкальского края, её близостью к монгольским границам, историей основания вологодскими крестьянами и десятью казачьими станицами Акшинского округа. Борис Макаров кодирует географические и исторические смыслы Акши в своих произведениях. Прочитать его коды, знаки и символы актуально для изучения исторического опыта народа, его духовной жизни, его мышления на юге Забайкалья. Писатель сохраняет русское слово на монгольской границе; размышляет о русском пути человека, родившегося на реке Алатырь в центре Руси/России и волею судьбы оказавшегося на реке Онон, на родине Чингисхана. В русской поэзии Бориса Макарова, которая звучит на южных границах России, много энергии и мощи. Его слова живые, наполненные силой объединяющего добра и целостностью духа. Его культурный проект направлен на сохранение русского слова в пространстве глобализации, костной толерантности, мертвечины языкового распада, дробления, бессмысленности мирового словесного пространства.

Цель исследования — раскрыть значимость русского провинциального Текста для большой литературы, сохранение его смыслов в русском слове, сказанном на южных степных границах России для современников и потомков. Как ручьи вливаются в реки и наполняют их, так и акшинский поэт дополняет забайкальскими смыслами великую русскую литературу.

А. Вежбицкая разворачивает принцип связи между языком и культурой с помощью ключевых слов [Вежбицкая, 2001]. Новизной данного исследования является анализ художественного мира поэзии и прозы Бориса Макарова через ключевые слова, символы, знаки, через русское слово, с которым он входит в классическую литературу конца XX — нач. XXI столетия.

Всё, что написано о Б. Макарове, относится к его биографическим сведениям. Заслуживает внимание только небольшая статья Веры Панченко «Коль мама есть и в комнате светло...», в которой автор касается психологических и экзистенциальных особенностей поэзии Бориса Макарова, его авторского видения окружающего мира и силы воздействия его поэзии на читателя, потому что она «он-

тологически абсолютна честна» [Панченко]. Через ключевые слова-зёрна Б. Макарова формируются идеалы, ценности самого автора, а также установки героев, их мысли о мире, о своей жизни в этом мире. Через указанные «ключи» открываются смыслы русской культуры в целом.

Для анализа творчества забайкальского поэта выбрана методология структурно-семиотического и тео-аксиологического подходов, а также биографического и сравнительно-типологического методов. Структурно-семиотический подход позволяет раскрыть смыслы русского слова в поэтической модели культурного проекта Бориса Макарова, определить приоритетные ценности в структуре его текста, обозначить семиотическое поле его знаков, кодов, символов как для забайкальского, так и русского текстов культуры. Тео-аксиологический подход позволяет проанализировать аксиологическую глубину русского текста Бориса Макарова, выявить подчинение всех смыслов его творчества одному сакральному смыслу, занимающему центральное место в тексте благодаря его связи с Творцом как источником вдохновения, Сеятелем добра, любви и красоты. Биографический метод исследования позволяет выявить источники творчества забайкальского писателя и привязанность его к «милой сердцу Акше», а также объяснить характер лирического героя в поэзии Бориса Макарова. Сравнительно-типологический метод применён для сравнительной характеристики топических образов мировой культуры, которые встречаются как в словесном искусстве Б. Макарова, так и восходят к топосам мировой живописи, кинематографии.

Результаты исследования выявили главную тему творчества забайкальского поэта — тему Родины, в которой переплетаются понятия большой Родины — России, и малой родины — забайкальской Акши. Концепт Родины является основным, он вмещает в себя ключевые понятия: степь, цветы, птицы, река, солнце, зерно.

Одна из повестей Б. Макарова, состоящая из новелл, называется «Зёрна надежды», в ней каждый последующий рассказ дополняет смысл предыдущего. Из множества смыслов новелл складывается повесть с большим, основным смыслом, который писатель хочет донести до своего читателя. Он находит главное слово для харак-

теристики любимых им героев — «зерно». Что такое «зерно надежды»? Из маленького зерна вырастает большое дерево, необходимое людям. Так и человек: сейчас он — ребёнок, но пройдёт время, и он устремится к росту, к знаниям и вырастет из него красивый, добрый, полезный всем работник, учёный, писатель. А ещё «зерно» означает «посев». Апостол Павел призывает «сеять разумное, доброе, вечное». Из зерна вырастает смысл жизни. Если зерно упало на плодородную почву, то принесёт много плода. Если зерно упало в терние, то терние его заглохнет. Если зерно упало на камень, то оно засохнет и не принесёт плода. Камень — это сердце человеческое. У философа И.А. Ильина есть рассуждения «о творческом человеке», где он подчёркивает право художника, человека, творящего свою жизнь на свободную творческую молитву, то есть, по его мнению, творческий человек ничего не создаёт и не изобретает, он находит давно искомое и выражает найденное «в новом облачении» — так человек творческий воссоздаёт Божью идею, радуется Божьему замыслу и удивляется восстановленной Красоте, «чуя отблеск Божией благодати в своём создании» [Ильин, 1993, с. 321-325]. В Евангелии замысел о человеке-творце Христос закодировал в притчу о талантах, в которой раскрывается разное отношение человека к вложенному в него с рождения таланту: одни вкладывают полученные от Бога таланты в дело, другие закапывают свой талант. Первых Господь одаривает и призывает к радости бытия, а последних называет лукавыми и ленивыми рабами, которые приобретут только страх, плач и боль в жизни [Матфей 25, 14-30]. Каждый человек должен свой талант реализовать. Кто получил дар и не воспользовался им, тот погубил свой талант. Дерзость ленивого раба объясняется его закоснелостью в грехе. Но не затем Господь даёт ум, дар слова, силы и способности телесные и душевные, чтобы человек ничего не делал, а для того, чтобы всё это употребил на пользу ближним и себе во спасение. Бог как Творец передаёт энергию творчества человеку как Своему подобию. Борис Макаров даёт представление о творчестве своих героев, понимаемое как сотворение собственной жизни. Для самого писателя и поэта Макарова творчество является кон-

цептом сотворения нового текста, направленного на приумножение добра, любви и красоты.

В стихах Бориса Макарова воспеваются степи, забайкальские саранки (сараны), голубое акшинское небо, летящие журавли. Поэт вписывает себя в южный забайкальский пейзаж, дышит запахом родных степей, ходит по трудным забайкальским дорогам, слушает голоса птиц и, конечно же, радуется жизни:

Эти степи — во мне.

До последней былинки — во мне.

В саране, как в огне <...>

Я с тобой моя родина.

Каждой кровинкой — в тебе [Макаров, 2009, т. II, с. 10].

Как русские художники вписывали в свой пейзаж фигуру человека, (например, И. Левитан в свою картину «Осенний день. Сокольники» навеки «впечатал» фигуру женщины, идущую по аллее), так и поэт Борис Макаров навсегда «впечатал» себя в пейзаж Акши. Его лирический герой любит весенним полем с проталинами, осенними «тяжёлыми стогами», холодной рекой «надолго задёрнутой льдом», серебряным блеском июньской реки, звёздным небом и цветущими лугами с яркими саранками, лилиями, шиповником. Любимая Акша воспета во все времена года и вся пронизана щедрым забайкальским солнцем.

Родина для Бориса Макарова — остров спасения. Родная земля исцеляет от недугов, болезней, от злословия, ворчания и злобы, от грязных городов, бездомных людей и собак. Поэт восстаёт против жестокости, несправедливости глобального мира, который поглощает деревни, превращает в пустоши огромные русские поля, наполняет тоской душу человека. Поэт использует некрасовский мотив стоны русского мужика. Его описания похожи на жалобы, ропот, «беззвучный крик» души:

Разучились дружить,

Научились друг друга бояться [Макаров, 2009, т. II, с. 13].

Толпимся на распустьях, —

А дальше-то куда?.. [Макаров, 2009, т. II, с. 16].

Дома пусты. Сердца пусты.
Деревни тихо умирают,
Россия, выживешь ли ты? [Макаров, 2009, т. II, с. 31].

Скажи мне, Россия, куда ты идёшь иль уходишь?..

Мелькают над пустошью с плачем сиротским стрижи... [Макаров, 2009, т. II, с. 33].

Поэт прибегает к кинематографической метафоре — «кукле, брошенной во дворе», которая пустыми глазами глядит в пустые небеса. Образ забытой, потерянной или брошенной куклы часто используют в мировом кино для остроты ощущения печали, бездомности, смерти. У Бориса Макарова «брошенная кукла» «с мольбой глядит в пустую бездну неба» в пустом селе, среди пустых домов, опустевших ферм, мёртвых полей. С одной стороны, эта кукла — символ кукольных людей с пустыми глазами, которым нечего отражать, а, с другой стороны, поэт наделяет куклу «мольбой». Он оживляет её, делая «чувствительнее» людей, которые её бросили. «Мольба» в глазах куклы — это надежда на Небо, на Бога, который один может изменить этот мир к лучшему, освятить его. В поэзии Бориса Макарова встречаются стихи с двойным смыслом, который, соответственно, и интерпретировать можно двояко. Это делает поэзию глубже и интереснее. Таково и это стихотворение под названием «В деревне нашей песен не поют» [Макаров, 2009, т. II, с. 31].

И всё-таки вся эта щемящая тоска перекрывается в поэзии Б. Макарова образами весёлых детей и «дерзновенными белыми ромашками» на сентябрьском лугу. Жизнь оказывается сильнее тоскливой картины умирания.

В теме Родины у Бориса Макарова есть образ русского блудного сына, который покинул родной дом в поисках лучшей жизни. Поэт оставляет ему два исхода: возвращение к родным местам и исчезновение на дороге забвения. Родина как «остров спасения» всегда примет и исцелит уставшую душу живой водой из родника, запахом степи, звуками птичьих голосов. Надо только прийти и припасть к земле, подпитать растроченные силы, вдохнуть целебного воздуха, залечить раны души.

В новелле «Дом для внуков и правнуков» писатель рассказывает о сельском чудаке, который в заброшенной деревне построил новый дом с надеждой, что родная земля позовёт внуков, и они вернуться на свою малую родину. Такого же героя-чудака вывел Борис Макаров в рассказе «Над оврагом». Саша Притупов решил овраг засыпать по причине того, что овраг может через сто лет близко подойти к его дому и обрушить его. Человек живёт надеждой, что внуки вспомнят деда через сто лет. Оба героя-чудака надеются на светлое будущее внуков и правнуков.

В поэзии Борис Макаров создаёт своеобразное коло жизни, которое разворачивается то на лето, то на зиму через осень и весну. У поэта нет любимого времени года в стихах, он одинаково, с любовью, относится ко всем переменам погоды. Любимая Акша хороша во все времена года. Летом она покрывается цветами, осенью — «тяжёлыми стогами», зимой — белым снегом и льдом, а весной наступает воскресение природы, жизненных сил, солнечного света и радости бытия.

Пожалуй, более сильный акцент сделан поэтом на лете. Поэтическое лето Б. Макарова наполнено многоцветьем. Летом пространство наполняется запахами. Разнообразные запахи лета южных степей напоминают человеку о Рае. Запахами цветов, трав, кустарников пропитан воздух родины. Летнее пространство заполнено звуками дойки коров, стуками тележных колёс, жужжанием жуков, щебетом птиц; а люди, «вслушиваясь в утренние звуки,/ с надеждой смотрят в восходящий день» [Макаров, 2009, т. II, с. 51].

Звуки родины «рассказывают» о труде людей, животных, птиц и насекомых. Звуки приводят в движение бытие жизни. Но постепенно звуки затихают. С приходом осени их становится всё меньше. Слышно только лёгкое журчание реки под тонким льдом, но скоро и она утихнет. Осень у Бориса Макарова хороша тем, что сохраняет в себе лето. Поэт радуется и удивляется «белым ромашкам на сентябрьском лугу».

Поэтическая зима в стихах Б. Макарова — белое и тихое время года — «январская глухая тишина». Однако и зима напоминает поэту о лете цветами на окне:

Чем круче морозы — тем память сильнее о лете.

Шуршание ветра, как шорох созревшей травы.

На окнах — жар-птицы, цветы, плодоносные ветви,

Серебряный отблеск июньской речной синевы <...>

И даже герань, лепестками покрыв подоконник,

Иллюзией лета старается душу согреть [Макаров, 2009, т. II, с. 101].

Весна в поэзии Б. Макарова — это преддверие лета. Весна одаривает светом и весёлыми звуками капли, птичьим свистом. В каждом времени года поэт находит не только лето, но и свет, радость, доброту.

Художественной особенностью пейзажных зарисовок Бориса Макарова является доминантный *белый* цвет, который может быть и цветом, и светом:

В белом поле

Белый ветер,

Белой травки стебелёк...

Для меня на белом свете

Этот белый уголок —

Место, где смываю серость,

Накипь сутолочных дней [Макаров, 2009, т. II, с. 102].

Белое символизирует чистоту, божественность, пеленальный покров и саван. Белый цвет — соборный свет для всех остальных цветов, он вмещает в себя «белое поле», «белый ветер», «берёзовую белизну», «белые ромашки», «белоснежье», «душу белую», «колыбель белую», «белые страницы книг» Виктора Астафьева. «Белое» нужно поэту, чтобы «смыть серость, накипь сутолочных дней». Белый цвет/свет доминирует над всем: он и в природе, и в человеке. Он несёт смысловую нагрузку свежести, детскости, преображённости. Белый цвет/свет радостный! В белом — Любовь! Такова символика белого цвета в лирике Б. Макарова.

Что касается другой цветописы в поэзии забайкальского поэта, то на второе место по частотности упоминания надо поставить «голубой», «синий». Прежде всего, это небо любимой Акши, это синева озёр и рек. Синий — бездонный, бесконечный, космический и вечный. Реже используется «красный» в значении любви и «жёлтый» в символике золотого, святого.

В тему Родины органично вписано у забайкальского поэта обращение к времени и Вечности. Поэт вспоминает своё детство, юность, зрелость, а теперь вот думает о наступившей старости. Он смотрит на

свою внучку, думает о её детстве, которое перерастёт в юность, зрелость, и у неё наступит старость. Вечный круговорот времени подсказывает «не различье, — сходство всех времён». Одновременно это и ответ Бориса Макарова «ворчливым сверстникам», которые, прожив жизнь, заявляют, что прежние времена были лучше нынешних.

Особое место в творчестве поэта занимает прошлое. Как к нему относиться? Лирик отвечает:

Не надо прошлое чернить,
Его обеливать не надо.

Не надо прошлое вгонять
Во фрак, в армяк, в мундир, в ливрею.

Его осмыслить и понять

Куда труднее и важнее [Макаров, 2009, т. II, с. 156].

Воскрешать прошлое, по мнению поэта, опасно. Важнее понять, с какой целью современники поднимают прошлое на поверхность настоящего:

Не для того, чтоб повторить
Иль чтоб оно не повторилось,

А для того, чтоб память-нить

В бикфордов шнур не превратилась [Макаров, 2009, т. II, с. 156].

С этой мыслью Б. Макаров переосмысливает то прошлое, которое в течение 70 лет советской власти было поднято на недостижимую идеологическую высоту и превратилось в «святую память». Поэт живёт в Акше, куда был сослан один из «первых русских революционеров» (по определению В. Ленина) декабрист В. Кюхельбекер. Ему поэт посвящает стихотворение. Но одновременно, в им самим отобранном «двухтомнике», стихотворение «Кюхельбекер в Акше» предваряется поэтическим предисловием в нескольких строчках, но с огромным внутренним смыслом:

Мы говорим:

«Их подвиг помним свято,

Все имена старательно храним».

Кто назовёт хоть одного солдата,

Под лёд Невы

Ушедшего живым?.. [Макаров, 2009, т. II, с. 200].

Две противоположные мысли заключены в этом предисловии: одна — традиционно советская, идеологическая; другая — традиционно русская, в которой звучит укор молодым либералам, декабристам, «русским европейцам», азартным, горячим, с думой о «тихой славе» и мечтой — «на обломках самовластья напишут наши имена». Нужно ли сейчас воскрешать разрушительное революционное прошлое? Не взорвёт ли этот «бикфордов шнур» современное настоящее? Акшинскому поэту прошлое всё время напоминает о себе, ведь он живёт на улице Кюхельбекера, сосланного в Акшу за участие в декабристском мятеже 1825 г. на Сенатской площади Петербурга, где он дважды стрелял в Великого князя Михаила Павловича, брата императора, к счастью, спасённого матросом Дорофеевым и осечкой пистолета. После разгрома мятежа Кюхельбекер со слугой с подложными документами бежал в Польшу, где и был арестован.

Умалается поэтом и «подвиг декабристских жён», которые, по сути, обязаны были следовать за своими мужьями, с которыми они были венчаны, как, например, шла в Даурскую землю Анастасия Марковна с малыми детьми за опальным протопопом Аввакумом. Подвиг жён декабристов не более, чем подвиг русских женщин, живущих на одной улице с Борисом Макаровым в его сибирской Акше:

Морозы те же...

Ветры с тем же свистом...

Тоска всё та же

Может сердце сжать...

И в каждой сибирячке

Декабристку

Должны мы осознать

И уважать... [Макаров, 2009, т. II, с. 202].

Борису Константиновичу удаётся удивительным образом соединить прошлое, настоящее, будущее в Вечность. В его поэтическом мире времени нет, есть Вечность, вмещающая в себя все времена.

В стихотворении «Стрела» лирический герой находит во мху ржавую стрелу: «в кого она летела с воем» и «кто её готовил к бою, и чья несла её рука»? [Макаров, 2009, т. II, с. 156]. Из далёкого прошлого стрела неожиданно обрелась в настоящем на бывших монгольских

просторах. Один предмет, одна находка, а как много мыслей она возбуждает у лирического героя.

Через образ Вечности прорисовывается у Б. Макарова Великая Отечественная война. Его мысли пульсируют на времени: полдень, 21 июня, 1941 года — всё солнечно, радостно, «воскресно» и...

И только время тоненькой прослойкой

Лежало между миром и войной [Макаров, 2009, т. II, с. 138].

Время — тонкая прослойка между вчера и сегодня, между сейчас и завтра. Время тонко и незримо отделяет одно событие от другого, радость от горя, покой от войны. Глубоко и верно сказал поэт о сущности праздника Победы. Для него этот праздник не столько для победителей, сколько для современников. Святость Дня 9 мая обозначена богословски точно:

Этот праздник

Очень нужен

Для спасения души... [Макаров, 2009, т. II, с. 143].

Не предать забвению жертвенный подвиг советского солдата, не уйти по ложному пути дорогой забвения, помнить тех, кто *спас* Родину, будущие поколения и *спасает* до сих пор памятью тех, кто остался жить — вот зерно мысли Бориса Макарова. Павшие *спасают* наши души. Пронзительные мудрые стихи о войне, о своём военном детстве написал поэт Борис Макаров.

В прозе писателя также много новелл, посвящённых теме памяти. Повесть «Зёрна надежды» рассказывает о зёрнах, которые падают в плодородную почву памяти человеческой. В новелле «Седая память старого солдата» такие зёрна прорастают памятью о войне и подвигами солдат: фронтовик посадил в саду пять ёлочек в память о погибших на войне товарищах, а после его смерти сын посадит ёлочку в память об отце-фронтовике. Автор надеется, что зерно памяти передастся по цепочке поколений, и никто, и ничто не будет забыто.

Военная проза Б. Макарова — не личные воспоминания. Он придумывает рассказчика, который повествует о своём или чьём-то трудном, голодном детстве. Писатель не изображает боёв, сражений, он пишет о послевоенных трагических судьбах фронтовиков, их семей, голодных детях. Но и в таких драматических повествованиях писа-

тель остаётся оптимистом. Его рассказы вселяют надежду, свет, добро в душу человеческую.

Писатель может одной фразой передать сюжет жизни, мир чувств героя, целую эпоху. Краткость и ёмкость, смысловая наполненность предложений Бориса Макарова приближает его к А.П. Чехову, который умел на одной странице передать историю жизни героев.

В рассказе «Цветы» Борис Макаров показывает жизнь глазами детей в *движении*, в *звуках*, *запахах*, в *цветописи* и *светописи*. В рассказе используются символы. Главным символом является сами *цветы*, которые, с одной стороны, символизируют любовь, дарение любимому человеку, а, с другой стороны, цветы — символ прощания, цветы кладут в гроб, когда прощаются с умершим. В рассказе и тот, и другой смысл передаётся читателю. Мальчишки бросают в проезжающие вагоны с солдатами полевые цветы, тем самым выражая им свою любовь, преданность. Одновременно эти цветы, брошенные в поезд смерти, идущий на войну, означают цветы памяти, оплакивания. Вагон становится гробом для пока ещё живых молодых ребят. Есть символ *хлеба* как тела Христова. Хлебом дети подкрепляют свои силы: и физические, и духовные. Символ *железной дороги* в русской литературе всегда сопровождается смертью. Вспомним железную дорогу Некрасова, Блока, странницы Феклуши Островского, которая рассказывает о железном «огненном змее» — предвестнике конца света. В рассказе Б. Макарова упоминается о похоронке. Указана дата — 1942 год — это разгар Великой Отечественной войны. Щемяще звучит откровение шестилетнего Витьки о том, что он опять в вагоне «отца видел». Солдаты, едущие на фронт, не все вернутся с войны.

Рассказ Б. Макарова написан с помощью литературного приёма *контраста*. Контрастны глаза солдат: сначала — суровые, а затем — улыбающиеся. Контрастны запахи ада военного времени (смола железной дороги) и рая Вечности (цветы). Запах мангира — запах, очищающий от зла. На Руси дикий чеснок, лук развешивали в домах, чтобы очистить дом от зла и злого человека. Наконец, писатель использует контраст, касающийся военного времени: молодая жизнь детей и гибель отцов.

В рассказе много «недописанных» фраз. Это тоже литературный приём недосказанности. Женщины не могут договорить мысль, потому что их душат слёзы, а дети не договаривают — потому что им жаль матерей. Такая словесная сжатость рождает сильные чувства, эмоциональный подъём. Это называется «мастерство писателя».

В рассказе «Цветы» много света. Сюжет начинается с раннего утра и заканчивается вечером. Рассказ имеет композиционное кольцо — фразу, с которой начинается действие детей и заканчивается, потому что завтра будет то же, что и сегодня: «Из дверей теплушек смотрели на нас суровые глаза солдат» [Макаров, 2009, т. I, с. 9]. И только любовь детей делает эти глаза «улыбающимися», смягчает военные будни.

Поэт даёт «урок потомкам» — не осквернять прошлое, а вдуматься в смысл его, зачем оно нам было дано? Он предлагает брать пример с наших предков — древнерусских летописцев, которые

И в честном, искреннем рассказе

О превосходстве вражьих сил

Никто из них и капли грязи

На свой народ не уронил [Макаров, 2009, т. II, с. 191].

Действительно, древние летописцы, вся древнерусская литература, описывая тяжёлые времена, войны, поражения, ни разу не обругали князя, народ, но всегда заканчивали свой текст оптимистично, на высокой ноте. Вспомним знакомое всем «Слово о полку Игореве»: казалось бы, князь Игорь пошёл в поход по своему тщеславию, проиграл сражение, положил всё войско на половецком поле, сам попал в плен, но текст заканчивается «славой» князю Игорю Святославличу. Слава и песня красных девиц поются потому, что русский князь *вернулся* в Русскую землю, муж воссоединился с женой-Землёй — и Слава Богу за это! Упрёк от Бориса Макарова брошен ноющим, ворчащим современникам, которые в злословьи ругают своё Отечество, народ и его правителей. Макаров посетует на то, что не научились у нас писать историю так, как писали её древние летописцы. Стихотворение Б. Макарова так и называется — «Урок потомкам».

В мотиве время-Вечности не обошлось, конечно, и без некрасовщины. На вопрос поэта-демократа XIX века «кому на Руси жить хорошо?», Борис Макаров отвечает поэмой «Сказ о мастере» и всем своим

творчеством: хорошо на Руси живётся тому, кто постоянно трудится. Чем хуже живётся русскому человеку, тем он изобретательней и трудолюбивее становится: он может сварить кашу из топора, построить дом на болоте — всё может русский мужик. И сделает он своё дело весело, с душой, забавно и споро. Труд для русского человека, если он не затоскует, — занимательное дело, русская забава [Макаров, 2009, т. II, с. 219-233].

«Труд» является ключевым словом и в прозе Макарова. В повести «Зёрна надежды» писатель рассказывает о русских людях, вообще, и о своих земляках, в частности. Все его герои — это труженики, любящие и добрые женщины, целеустремлённые дети. Они умеют сохранить в своих сердцах любовь, доброту, стойкость, силу духа, веру и надежду в лучшее, преодолеть жизненные трудности и выйти победителем над ситуацией, над обстоятельствами жизни, над собой.

Герои новелл любят свою землю, возвращаются на малую родину, помогают своим землякам, чем могут. Таков Генка Рощин из новеллы «Воскрешение Генки Рощина». Предприниматель Генка Рощин надеется на земляков, что они бросят пить и будут трудиться на его мясокомбинате и молокозаводе, и земляки надеются на Генку, что он создаст им новую жизнь, выведет село из нищеты. Новелла «Герка и Генка — мужики хваткие» повествует о зерне мечты шестиклассников, которые трудом заработали себе на велосипеды. Они посадили картошку, вырастили её, выкопали, а потом продали солдатам на кухню. Теперь они мечтают купить мопеды. «Вот на таких и земля держится», — сообщает писатель с надеждой. Для Бориса Макарова дети — это надежда села, России. В рассказе «О чём поют алёнкины птицы» писатель показал образ доброй и трудолюбивой девочки Алёнки, которая, чтобы отблагодарить земляков за спасение её отца, сделала из глины птиц и разрисовала их. Все её жар-птицы «разлетелись» по домам посёлка как вестники надежды. Ведь пока люди живут, они надеются. Птица — символ вести. Люди всегда ожидают и надеются на добрую весть. Любящим, добрым и заботливым предстаёт главный герой новеллы «Настюшина школа». Отец построил для своей единственной дочери, которая мечтает стать учительницей, дом с комнатой-классом. Для этой комнаты отец сделал парты,

доску, чтобы девчонки играли в школу и учились жизни. Отец надеется, что его добро передастся дочери, и она вырастет добрым, «Настоящим Человеком».

В рассказе «С Божьей помощью» через образ главного героя решается «проблема» добра. Необычна сама постановка этой проблемы. Всегда кажется, что добро не содержит проблем. Борис Макаров хочет выяснить: человек добр сам по себе или в зависимости от обстоятельств? Что такое добро? Как его сотворить? Кто был послан главному герою в трудную минуту, чтобы совершить добро и задуматься о нём?

Герой повествования — рабочий-железнодорожник. Он был человеком неверующим, о Боге никогда не думал. И вот в чрезвычайных обстоятельствах, которые могут случиться на дороге, ему посылается спасение. Он увидел бедного человека, бомжа. Кому бы он мог поверить ночью, в лесу, на безлюдной дороге: ангелу или знакомому из жизни бомжу? Конечно, человеку. Рабочий был добрым, но бездуховным человеком, поэтому Господь посылает ему на дороге узнаваемый образ бомжа: «шапка — воронье гнездо, бушлат солдатский — рвань рвань» [Макаров, 2009, т. I, с. 268]. Герой рассказа видел таких людей на улицах города. Неожиданно этот внешне несимпатичный человек оказался простым, ласковым и «нежадным». Он неизвестно откуда явился в трудную минуту водителю и также неожиданно исчез, неизвестно куда. Этот посланник за добро расплатился добром: он произнёс короткую молитву «с Божьей помощью поезжай». Молитва осуществила прорыв из суетной приземлённой жизни рабочего в неизведанную ещё ему духовную жизнь. Он понял, что человеческие усилия не всегда приносят плоды. Порой, надо прибегать к помощи Бога. Молитва и образ тихого, мягкого доброго человека на ночной дороге разорвали время, в котором жил герой и поместили его в Вечность Бога. В Вечности нет земных проблем, в Вечности всё решается, даже заглуший мотор неожиданно заводится. В Вечности человек становится добрым!

Главный герой был комсомольцем, в Бога не верил, но сделал доброе дело для незнакомого, неприятного, ночного человека, и произошло Божье чудо — сам стал добрым, и мотор в машине завёлся.

В этой новелле писатель использует любимый приём контраста. Контрастны одежды нищего человека и благополучного дачника; контрастен образ жизни одного — в лесу, и другого — в городе; контрастны состояния голода лесного человека и сытости рабочего; контрастно настроение в радости и теплоте доброго незнакомца и раздражённого, злого, недоверчивого дачника; контрастна речь немногословием, молитвословием нищего и многословием водителя машины, которая в лесу на подъёме неожиданно заглохла. Наконец, главный контраст в финале у писателя оборачивается чудом:

— Поезжай. С Божьей помощью поезжай, — махнул рукой божж и быстрым шагом с дороги за деревья ушёл.

Сел я в машину, дакнул так просто, без всякой надежды, на педаль — мотор заработал, и я легко, будто на крыльях, на крутяк взлетел, а минут через тридцать был уже дома [Макаров, 2009, т. I, с. 268].

Маленькая история, бытовая по сути своей, сотворена писателем как чудо, миг жизни, который, может быть, никогда и не повторится. Но этот миг повлиял на всю жизнь героя, его мировоззрение, отношение к людям, обстоятельствам. Этот миг сделал его глаза другими.

Писатель Борис Макаров своими рассказами заставляет читателя по-другому взглянуть на мир и на себя в этом мире, на себя — среди людей, и решить проблему добра — а добр ли я? Любить ближнего — это желать ему добра, нисходить к его недостаткам, молиться о его спасении. Апостол Павел произносит гимн любви: «Любовь терпелива и добра. Любовь не завистлива и не ревнива; не хвастлива или тщеславна, не высокомерна, не самомнительна — не надменна, не напыщенна гордостью; она не грубит и не ведёт себя неприлично. Любовь не упряма, она не настаивает на своих правах, или на своём пути. Любовь не обидчива, не раздражается и не держит зла» [1 Кор. 13, 4-7]. Другими словами, когда Бог поселяется в сердце, то человек становится внимательным к ближнему своему, начинает любить его, как самого себя, становится добрее.

Особенностью стиля Б. Макарова являются короткие предложения, множество диалогов, краткие и точные описания природы, героев, местности. Писатель не любит лишних, подробных рассуждений. В его текстах всё ёмко и точно. Рассказы писателя легко читаются, запоминаются.

В диалогах писателя нет вражды, агрессивности. Герои находят взаимопонимание друг с другом. Порой они шутят, иронизируют над собой или над земляком, но это сделано всегда с добром и любовью.

Б. Макаров обходится без нравоучений. Он просто и коротко рассказывает историю и делает неожиданную концовку, как бы обрывая уже понятное повествование. Порой заканчивает рассказ остроумным выражением, шуткой.

Повествование в текстах Бориса Макарова ведётся либо автором, либо его героем, либо ребёнком. Дети — частые герои его рассказов. Детский взгляд на жизнь отразить сложно. Не все писатели обладают таким мастерством. Борис Макаров предлагает взглянуть на мир глазами ребёнка.

Обращает на себя внимание построение текста Бориса Макарова. К примеру, уже упомянутый рассказ «Воскрешение Генки Рощина» начинается неожиданно, ни с того ни с сего, афористической фразой: «Генка Рощин пить бросил!»! А заканчивается непонятным «Только ни-ни...». Наверное, эта фраза не переводима на языки мира, но очень знакома русскому читателю. Борис Макаров порой не дописывает сюжет. Он вводит намёк, какое-то словцо и оставляет читателю додумать самому смысл рассказа.

Любовь к Родине, постоянный труд воскрешать в себе Свет, Радость, Надежду и Любовь являются поэтическим лейтмотивом творчества забайкальского писателя, и называется этот лейтмотив — «жить на свете всё же стоит!»! [Макаров, 2009, т. II, с. 215]. В этом — смысл и зерно жизни, Истина жизни и тайна жизни Бориса Макарова.

Б. Макаров чувствует в русском слове большую силу. Он понимает, что энергия звука — это не отвлечённое понятие, а физическая сила воздействия на слушателя. Для него жизнь и поэзия интонационны, ритмичны, музыкальны. В академическом литературоведческом словаре такая *интонация* стиха называется метрикой, строфикой, ритмикой. В поэтических ритмах Б. Макарова каждый найдёт свою интонацию: кому-то нравятся сказочные, сказовые амфибрахии — «Здесь **б**Ыло сел**О**, а теп**Е**рь только **Я**мы да бр**Ё**вна..., кому-то романсовые анапесты — «У гоб**И**йской ак**А**кции в**Е**тви обл**О**маны в**Е**тром». Б. Макаров любит интонацию древнего античного стиха. От его гекза-

тров с нечётно-стопным анапестом веет древностью, эпичностью, в них — неторопливость жизни и лёгкая тревожность:

Снова вЕтер из ГОби принОсит солЁнную пЫль, –
И бесплОдным станОвится в пАшне пшенИчное сЕмя... [Макаров, 2009, т. II, с. 70].

Интонация стиха завораживает, «создаёт» огромные пространства, погружает в покой Вечности. Поэт зарифмовывает в поэтическую интонацию имя русского писателя, которого Борис Константинович называет духовным ориентиром для себя и всех сибирских писателей, — Виктора Петровича Астафьева:

Но ВИктор ПетрОвич АстАфьев
ТерЯть своё врЕмя не мОг... [Макаров, 2009, т. II, с. 182].

Строчки интонируют амфибрахийем, а в имени писателя присутствует интонация дактиля — ВИктор ПетрОвич АстАфьев. Так же можно «заинтонировать» и самого Б.К. Макарова — БорИС КонстантИныч МакАров. Здесь опять любимый макаровский амфибрахий. Поэт даже в имени своём ритмически и метрически совпал с тем размером, в котором он пишет стихи. Ритм имени продиктовал поэту ритмику, метрику, строфику своего стихотворного творчества. Лирика Бориса Макарова интонационно мелодична.

В заключение хотелось бы сделать акцент на цели поэтического творчества русского поэта, которую Б. Макаров формулирует, обращаясь к поэту Михаилу Вишнякову:

Ты пришли мне благую весть,
Чтобы светом — в моё жильё,
Весть,
что счастье на свете есть.

Если нет — сочини её. [Макаров, 2009, т. II, с. 67]

В этом поэтическом изречении заключается истина поэзии вообще — дать Идеал, к которому душа человека будет стремиться. Поэт высказал это точно и кратко. Благая весть русской поэзии передаётся через Слово поэта читателю. Передача осуществляется из поколения в поколение. Слово нетленно, вечно, хранится в памяти, его нельзя уничтожить.

О божественности поэзии высказался другой забайкальский поэт Вячеслав Вьюнов, посвятив свои строчки поэту Борису Макарову:

И пока он строчки говорил,
Тонко-золотая паутина
Вкруг его сияла головы. [Вьюнов, 2017, с. 77].

Золотой нимб поэта — это его тонкая связь с Богом, который даёт дар поэзии, дар Творца творцу творчества.

Итак, первое стихотворение, которое юный Борис Макаров напечатал в районной газете и назвал «В родном краю», уже определило тему дальнейшего творчества забайкальского поэта. Тема Родины захватила весь русский путь писателя, который он проходил со всей страной и великой русской литературой, наполняя глубинным смыслом сказанное слово, упаковывая свои прожитые годы и знания в поэтический Текст для сбережения потомкам. Русское слово в поэзии Б. Макарова с обилием гласных звуков и певучей неторопливой интонацией гекзаметра передаёт восточный ритм жизни в южных степях Забайкалья в долине величавого Онона и действует возвышающее и целительно на читателей, слушателей и ценителей его стихов. Образы, смыслы, слова-зёрна поэзии и прозы Бориса Константиновича Макарова дополняют Забайкальский текст русской культуры.

Список литературы

1. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
2. Вьюнов В.А. Стихи и поэма. Т. 1 // Поэзия и проза: книга в 2 ч. Чита; Новосибирск: ООО Дом мира, 2017.
3. Ильин И.А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. 431 с.
4. Камедина Л.В. Забайкальский текст в русской культуре // Учёные записки ЗабГУ. Серия «Философия, культурология, социология, социальная работа». 2014. № 4. С. 139-145.
5. Макаров Б.К. Собрание сочинений в 2 т. М.: Русь, 2009.
6. Панченко В.И. «Коль мама есть и в комнате светло...» // Электронный ресурс: zabrabochiy.rf (дата обращения: 30.06.2019).
7. Толковая Библия, или Комментарий на все книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в 3 книгах. СПб.: Изд. А.П. Лопухина, 1904-1913. Репринтное издание 1987 года.

6.3. Диалектная лексика в произведениях забайкальских писателей

Е.И. Пляскина

Одной из характерных черт современных забайкальских писателей является использование территориально ограниченной, «местной» лексики и фразеологии с целью достижения бóльшей реалистичности в изображении героев и той обстановки, в которой они живут и действуют. Эта традиция русской литературы была заложена в конце XVIII века, когда писатели в реалистические произведения вводили диалектную лексику для обозначения предметов специфически крестьянского быта, для передачи особенностей речи крестьян и создания местного колорита (в описаниях явлений и событий), но порой это был просто набор «деревенских» слов, собранный из различных говоров. Писатели-классики И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, И.А. Бунин в отличие от них привлекали лексику, характерную для той территории, на которой развёртывались события в художественном произведении.

Общеизвестно, что большим мастером в использовании диалектных средств был М.А. Шолохов, который, если можно так выразиться, задал тон современным «деревенским» писателям, как правило, выходцам из деревни, Ф. Абрамову, В. Белову, В. Солоухину, В. Шукшину и другим, в ряду которых находятся великие забайкальцы К.Ф. Седых, В.И. Балябин и менее известные широкой читательской аудитории забайкальские писатели. В их произведениях воплощены принципы употребления диалектизмов, выработанные М.А. Шолоховым: точное отражение особенностей говора; понятность включённой лексики благодаря корневому родству с общенародными словами или словесному окружению, контексту; использование слов, называющих специфические предметы и явления быта (этнографических диалектизмов), то есть таких, без которых невозможно обойтись [Рахманова, Суздальцева 2007, с. 206-209]. Эти писатели используют диалектную лексику не только в речи персонажей (для их речевой характеристики), но и в различных видах авторской речи (особенно в описании природы для создания местного колорита), при этом обычно не разъясняют значения диалектных слов.

Одним из ярких произведений забайкальской прозы является роман «Даурия» К.Ф. Седых, полностью опубликованный в 1948 году и отмеченный Государственной премией в 1950, который рассказывает о событиях, происходящих в казачьем посёлке Мунгаловском в начале XX века (посёлок входит в Орловскую станицу, расположенную на юго-востоке Забайкалья, а в XVII–XVIII веках эта земля называлась Даурией). В центре повествования — несколько семей, жизнь которых, с одной стороны, является отражением жизни России того времени в целом, а с другой, — отличается своеобразием и самобытностью в связи с большой отдалённостью от столицы и некоторой архаичностью жизни, что и обусловило активное использование автором различных диалектизмов.

Писатель родился в казачьей семье в 1908 году в посёлке Поперечный Зерентуй Большезерентуйской станицы (ныне Нерчинско-Заводского района), знал жизнь и быт казаков что называется изнутри, говорил на одном с ними языке (диалекте), поэтому точность и адекватность употребления диалектизмов не вызывает сомнения. Они вполне отражают говор забайкальских казаков того времени, живших на юго-востоке края.

Интерес исследователя лексики романа вызывает довольно большое количество встречающихся в нём **диалектных языковых единиц, номинирующих человека в процессе общения**. Это и лексические диалектизмы — слова, бытующие на ограниченных территориях и неизвестные литературному языку: *гуран, тарбаган, цепник, псюга*, и семантические диалектизмы, то есть слова, известные ЛЯ, но имеющие в говоре другие значения: *брехун, пустолайка, волк, фазан, пентух, шука*. Необходимо выявить семантическую специфику этих слов в романе (и, следовательно, в говоре) путём компонентного анализа значения слова и семантического анализа контекстов.

Далее даны значения ЛЕ (общеупотребительных по Словарю русского языка в 4-х томах и Толковому словарю русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой), диалектных — по тексту и картеке автора), приведены контексты их (по возможности и с прямым значением) употребления из романа с указанием страницы (в некоторых из них в скобках автором статьи даны поясняющие слова и скобками же обозначен пропуск текста) и результаты компонентно-

го анализа значения слова и семантического анализа контекстов употребления слова (там, где это необходимо).

Гуран — 1) дикий козёл, самец косули; 2) забайкальский казак (в наше время и его потомки).

«— И смотреть нечего, — загорячился Никула, солонцов тут вон сколько. А на солонцах косуля испокон веков водится. Да ежели ты хочешь знать, так я тут в прошлом году **гурана** подшиб. Здоровенный козёл был, чистоганом три пуда вытянул» [Седых 1975, с. 75]; «—Встаю я тут и кричу, что желаю, мол, на силача выступить, а у самого дух перехватило, глаза дымом застлало. Одни тут мне шлёпать начали, а другие разные обидные словечки пуцают. Дескать, куда, мол, тебе, **гурану**, он, мол, тебя пополам переломит. Рассердили меня не на шутку. А меня только рассерди... Дурацкий мой характер... — весело осклабился Платон (Волокитин)...» [Седых, 1975, с. 241].

Лексико-семантические варианты (ЛСВ) этого диалектного слова, заимствованного из бурятского языка (*гура/н/* — «самец косули» [БРС, с. 160]) в наше время довольно далеки друг от друга, и понять, почему казака назвали гураном невозможно, если не знать, что когда-то забайкальские казаки, собираясь на охоту, надевали одежду, изготовленную из козлиных шкур: короткую шубу (до колен) мехом наружу с небольшим воротником — *козляк*, унты и шапку, сшитую из шкуры, целиком снятой с головы косули (оставляли уши животного и прорези на месте глаз) — *óро́гду* или *гура́нку*. Память об этом сохранилась в языковом сознании носителей приамурских говоров — потомков тех забайкальских казаков, которые отправились в середине XIX века осваивать Приамурье: — *А казаков так звали — гуранами, потому что они, когда на охоту соберутся, одеваются, как козёл, чтобы дичь не спугнуть. Одевают козляк, унты и орогду. — За чё казаков называли гураны: оне ведь орогды носили гураньи. Прозвишше и сделали «гураны»* [Словарь 2007, с. 108].

Ассоциативная связь между ЛСВ разрушается, так как внутренняя форма слова отсутствует; смысловая обособленность возрастает. Второй ЛСВ употреблён в романе и в качестве обращения, что отличает эту ЛЕ от других, причём значение его понятно из контекста. В эпизоде разбивки сенокосных угодий мунгаловцев на паи поселковый атаман Елисей Каргин с писарем и двумя казаками наткнулись

на жителя деревни Мостовки, который «косил мунгаловский острец». Не успев ускакать, мужик, защищаясь, схватил косу.

«— Брось литовку, брось, тебе говорю! — надсаживался Платон, не зная, на что решиться, и всё ещё надеясь взять мужика испугом. Но тот понял, что казак стрелять трусит, и пошёл прямо на него. В одной руке у него была литовка, другой он грозил Платону и кричал:

— На, гад, убивай! Убивай, *гуран* проклятый!» [Седых, 1975, с. 134].

Тарбаган — 1) сурок (небольшое животное семейства беличьих, зимой впадающее в спячку); 2) спрятавшийся в яме, расщелине человек.

«А верхняя группа тем временем, прочёсывая кусты, подошла к расщелине, где, согнувшись в три погибели, задыхался от сердцебиения кривой.

— Ну-ка, ткни сюда шашкой, — показал Платону на расщелину Каргин. Платон ткнул так удачно, что, вытаскивая шашку, увидел на конце её кровь.

— Нашли **тарбагана**. Не уйдёт, — оскалился Платон искомандовал: — А ну, вылезай!..» [Седых, 1975, с. 53].

Переносное метафорическое значение с живой образностью появилось у этого слова, заимствованного из бурятского языка (*тарбага/н/* — степной сурок [БРС, с. 415]) на основе семы «имеющий нору, прячущийся в норе», не включённой в словарное толкование, но важной для понимания созданного образа.

Цепник — пёс, сидящий на цепи; 2) злой прислужник кого-либо.

«В козулинской ограде бесновался на привязи **цепник**. Он вставал на дыбы, захлёбывался хриплым, гневным лаем, рычал и скрёб лапами ступеньки крыльца» [Седых, 1975, с. 81]; «И нашему Елисею Петровичу от него попало. Ведь он атамана, стервец, вроде как бы **цепником** обозвал.

— Про **цепных кобелей** ничего не говорили, Это ты, паря, должно быть во сне видел, — возразил Никуле Иннокентий Кустов.

— Мало ли что не говорили. А по смыслу из Елисея самый настоящий **цепник** получается» [Седых, 1975, с. 311-312].

Метафорический вариант представляет собой яркий образ и передаёт презрительную оценку, как и словосочетание *цепной кобель (собака)*, на основе которого образовано слово *цепник*.

Псюга — 1) пёс, собака; 2) злой и грубый человек.

«Неожиданно рванувшись вперёд, залепил он (беглый каторжник) в усталое лицо Никифора обильным вязким плевком.

— Брось баловать, сволочь... Давай, Никифор, ремень... Его, **псюгу** бешеного, скрутить надо... [Седых, 1975, с. 53].

Негативная характеристика человека, названного *псюгой*, дополняется определением *бешеный* в переносном значении «исступлённый, необузданный, неистовый» [МАС, 1981, т. 1, с. 89]; эти качества беглого каторжника очень мешали казакам поймать его, тем не менее отнеслись они к нему с презрением.

Пустолайка — 1) *разг.* собака, лающая попусту, без нужды [МАС, 1981, т. 3, с. 561]; 2) человек, говорящий пустое, болтун.

Брехун — 1) собака, пёс, лающий попусту (см. *брехать* — 1) лаять; 2) врать, говорить вздор [Ожегов, Шведова, с. 59]; 2) *прост., пренебр.* врун, пустомеля [МАС, 1981, т.1, с. 115].

«Лучше *цепником* быть, чем *пустолайкой*, вроде тебя, — рассердился Иннокентий.

— **Пустолайка**, она ничего, а вот беззубые **брехуны** — это уж настоящее дерьмо, — вступился за Никулу Семён Забережный, намекая Иннокентию на недавно выбитые у него в драке во время гулянки зубы» [Седых, с. 312].

Эти ЛЕ передают пренебрежительное отношение к человеку, которого так называют.

Волк — 1) хищное животное семейства псовых, обычно серой окраски, родственное собаке [МАС, 1981, т. 1, с. 204]; 2) жестокий человек.

«— Изверг!.. Аспид!.. Креста у тебя на воротах нет... Да бог с ним с богатством, ежели ей жених не по душе. Не дам я тебе родного детиса губить, не дам. Не человек ты, а **волк!** — Она (Аграфена) подбежала к Дашутке, прижала её к себе» [Седых 1975, с. 173]; «— Я за папашу ещё расплачусь. < > Первому Тишке Косых красные сопли пушу.

— Это не он ли нынче помогал комиссарам казаков вязать?

— Он самый. Да не один он, у него и друзья-приятели есть. Такие же **волки**» [Седых 1975, с. 413].

Негативная оценка презрения явно ощущается у метафорического варианта слова *волк* в представленном контексте.

Щука — 1) хищная пресноводная рыба с вытянутой, сплюсненной головой и удлинённым телом [МАС, 1981, т. 4, с.744]; 2) *бран.* о женщине.

«Увидев осколки стакана, она (Милодора) набросилась на Дашутку с руганью. Испуганная Дашутка долго отмалчивалась, но потом не удержалась и обозвала Милодору в запальчивости **дохлой щукой**» [Седых, 1975, с. 211].

Уничижительное отношение к собеседнику, передаваемое лексемой *щука*, усиливается просторечным определением *дохлый* со значением «хилый, тщедушный, слабосильный» (метафорическим), которое передаёт пренебрежительное отношение к названному признаку [МАС, 1981, т. 1, с. 441].

Из всех метафор-зоонимов со значением лица не являются оценочными ЛЕ *гуран*, *тарбаган*, остальные характеризуют человека негативно, хотя степень эмоциональной оценки разная. Пренебрежение выражают ЛЕ *пустолайка*, *брехун*; презрение — *цепник*, *псюга*, *волк*, уничтожение — *щука*. Причины, вызвавшие использование этих слов в качестве номинаций человека, — образное мышление и возможность свободно проявлять недоброжелательные эмоции, что, очевидно, позволялось речевым этикетом казаков — характерны для русской народной среды. Эти метафоры придают **общению казаков такие черты, как прямота, безапелляционность и грубость.**

ЛЕ *гуран* использована в романе и в качестве обращения (обращения-индекса, по классификации В.Е. Гольдина [Гольдин, 2009, с. 80]) в словосочетании *гуран проклятый*, которое выражает презрение, так как в нём актуализирована сема «ненавистный», выражаемая бранным словом *проклятый* [Ожегов, Шведова, 2010, с. 613], что подтверждает мнение о грубости общения и в семье, и между односельчанами.

Общеупотребительные в прямом значении ЛЕ *пустолайка*, *волк*, *щука* имеют диалектные переносные метафорические значения, в литературном языке на их месте лакуны — так проявляется семантическая специфика этих слов в говоре. Слово *брехун* тоже имеет семантическую специфику, которая заключается в том, что в говоре у него есть прямое значение — название животного (попусту лающей собаки), которого нет в литературном языке и просторечии, хотя все нор-

мативные словари фиксируют значение «лаять» у родственного слова *брехать* как 1-ое, прямое.

Не менее интересны с точки зрения использования диалектной лексики рассказы Е.И. Чубенко, жительницы села Дешулан Улётовского района, в которых отражён говор жителей этого района: односельчан, родственников и знакомых. Это отражение можно назвать документальной фиксацией говора и тех отношений, которые характеризуют забайкальцев. Например, рассказ «В ягодах» [Чубенко, 2015] — не столько художественное произведение, так как там нет художественного вымысла (но есть художественный стиль), сколько зарисовка с натуры, повествование о поездке за ягодой на живом разговорном языке сельчан, который называется говором села Дешулан.

Далее представлены лексические диалектизмы — слова, не известные литературному языку, — встретившиеся в рассказе, даны их значения (по тексту или диалектным словарям) и контексты употребления из рассказа (номер страницы указан в скобках):

бубочка (ягодка): «Нонешна ягода всю округу с ума свела. Сколь лет её не было такой, сумасбродной. По одной, по две *бубочки* висит, да и та на землю падат, как ветки коснёшься — от жары» [Чубенко, 2015, с. 41]; *чаевать* (пить чай): «Приехали к тётке. Посидеть за столом, чинно *почаевать* — никакой силы нету» [Чубенко, 2015, с. 42]; *обутки* (любая обувь), *ширкать* (тереть, шаркать): «Обе аж все *обутки* под столом *ширкали* — скорей надо в ягоды» [Чубенко, 2015, с. 42]; *братан* (двоюродный брат): «*Братан* подогнал свой грузовичок, уселись они в кузов «шестьдесят шестого» и, довольнующие, поехали за речку» [Чубенко, 2015, с. 42]; *покос* (место косьбы травы), *покосный* — сенокосный, *падь* — долина между сопками: «У ключа спешились. *Братан* поехал дальше, на свой *покос*, а мы, брэнча посудой в котомках, споро шагнули через *покосную падь*, изрытую дикими свиньями, к сопке» [Чубенко, 2015, с. 42]; *падушка* (уменьш.-ласк. от *падь*): «*Падушкой* между сопок углубились. Красота кругом...» [Чубенко, 2015, с. 42]; *присбирывать* (причитать, охать): «А по глазам вижу: зря прибедняются, зря *присбирают* — сейчас не удержишь ни одну, ни другую. (В ягоды-то с ними с малолетства ходила, помню, что никто их по лесу догнать не мог)» [Чубенко, 2015, с. 42]; *чушачий* (свиной от *чуш-*

ка — «свинья домашняя», а в рассказе — и дикая), *ладом* (в рассказе «точно»), *прогонистый* (высокий и худой): «Ягодникам моим лет да лет — на двоих почти сто сорок! Но бабульки мои про гипертонии мгновенно забыли, через *чушачьи* рытвины впереди меня несутся, глазами уже сопку и справа, и слева оббежали, хоть до неё ещё полкилометра *ладом*. Тётя Нюра — потоньше, *попрогонистей*, а мама за каждый лишний килограммчик сейчас, поди, себя материт» [Чубенко, 2015, с. 42]; *девятитьльник* (травянистое лекарственное растение, применяемое при девяти болезнях, то же, что пижма), *багульник болотный* (низкорослый кустарник с сильным, резким запахом): «Золотистые пуговицы *девятитьльника* оторочивают лесные наряды. Оголили коленочки берёзы и осинки, колокольчики по самые эти коленки поднялись, щекочут ласково. *Багульник болотный* пьянит, голова сразу кругом» [Чубенко, 2015, с. 42-43]; *ключевинка* (низина, низменное место, где бьёт ключ): «Цветы, трава на *ключевинке* — ковром, зубровка томительно пахнет, в детство запахом *покосным* манит: на *покосе-то* всегда ею пахло» [Чубенко, 2015, с. 43]; «Ключ встретил весёлым говорком. Расставив у дороги свои котомки, скорей стали опускаться в *ключевинку*. Обжигающая вода немислимо вкусна, смывает следы комариных пиршеств и размазанную по лицу и рукам голубику» [Чубенко, 2015, с. 46]; *набирник* (небольшая ёмкость для сбора ягоды, обычно прикрепляемая на поясе с тем, чтобы руки были свободны (как видно из дальнейшего текста, это бидончик)):

«Тёткины корявые руки мелькают привычно, как на дойке. Приглядываюсь: точно, движения доярки — обеими руками споро «выдаивает» ветки вокруг себя, незаметно перемещается правее и правее. Мама — тоже самое. Только влево. Струйки ягод текут и текут в *набирники*. Вот уже первые литры ягоды аккуратно пересыпаются в вёдра» [Чубенко, 2015, с. 43-44]; *рясный* (обильный, густо растущий, густо унизанный ягодами): «Припав на коленку начинаю обирать *рясный* куст, второй рукой разминаю успевшую уже онеметь поясницу» [Чубенко, 2015, с. 44]; *чепурильник* (молодые, невысокие, густо растущие деревья (берёза, ольха, черёмуха и др.)): «Не успею толком перевести дыхание, маму уж, как ветром понесло в другую сторону. — Куда? Давай тут соберём! — пытаюсь протестовать. — Давай, давай... — а

сама уже за *чепурильником* не видна» [с. 44]; *натрапить* (найти, обнаружить), *лесина* (отдельно стоящее дерево): «Возле сломанной поваленной *лесины* снова присели, *натрапив* на рясный кружок» [Чубенко, 2015, с. 45]; *чепура* (то же, что чепурильник), *паря* (от *парень*: обращение к мужчине, а иногда универсальное обращение), *почо* (то же, что *пошто* — зачем, с какой целью): «Сбоку на нас из-под *чепуры* налетает тётя Нюра.

— Вы каво тут берёте? Но, *паря*, вон там-то шибко уж *бравые* ягоды» [Чубенко, 2015, с. 45];

«— *Почо*... вот *почо* по столь хватали?! — сокрушалась мама, едва переставляя ноги. — Пропаду ить завтра... вся спина отнялась, ноги отнялись от самой спины! Отходилась, *паря*! Сроду больше не пойдём...» [Чубенко, 2015, с. 46]; *табор* (место остановки в лесу): «Поняв, что я однозначно проиграю своим «хворым» старухам, плетусь к *табору*» [Чубенко, 2015, с. 45]. «Набрав по два ведра и по пятилитровому бидончику, собрались у *табора* перекусить» [Чубенко, 2015, с. 46]; *отабориться* (выбрать место стоянки, расположиться там): «Меньше часа не прошло — ведро полное. Плетёмся к выбранной нами лесине, где *отаборились*» [Чубенко, 2015, с. 44]; *ерничина* (от *ерник* — заросли молодых берёз: прут ерника): «После обеда снова, как *ерничиной* настёганные, сорвались в бега» [Чубенко, 2015, 5, с. 46]; *наособицу* (отдельно, по отдельности): «Ключ встретил весёлым говорком. Под зелёными подолами берёз, среди почерневших корневищ весело бурлил, с каждым корешком *наособицу* здоровался и торопился к Ингоде, где каждый камушек его ждал и знал...» [Чубенко, 2015, 5, с. 46].

Другой не менее интересной группой являются семантические диалектизмы — слова, совпадающие по форме со словами литературного языка, но отличающиеся семантикой, то есть это или диалектные значения литературных слов, или омонимы литературных слов:

бравый (красивый, хороший): «А нынче — благодать! Вот бабы одна другой и хвастают: — В Естихворихе голубица шибко *бравая*» [Чубенко, 2015, с. 42]; «— Ой, но тут *бравые* ягоды! Да сладкий кружок! — восторгается мама» [Чубенко, 2015, с. 44]; «Вы каво тут берёте? Но, *паря*, вон там-то шибко уж *бравые* ягоды. Каво у вас тут! У

меня крупней! — и убедительно бидончик под нос нам суёт» [Чубенко, 2015, с. 45]; *обсвистать* (быстро оббежать, обойти какую-либо территорию): «– Глянь, Нюрка-то уж была! Ведро-то — вот уж — стоит! Это сколь же она *обсвистала*?!» — удивляется мама наполненной посудине своей сестры» [Чубенко, 2015, с. 44]; *брать* (собирать (ягоду)), *сам* (муж): «Глотнув чаю из бутылки, снова углубляемся в ягоды. *Сам* пытается нас урезонить: «Не бегайте, *берите* тут!..» Но куда там! Удрали» [Чубенко, 2015, с. 44]; *промяться* (проголодаться), *варить (чай)* (кипятить воду для чая): «*Варить* чай на костре — времени жалко, обошлись домашним, уже прохладным. *Промялись*, набегавшись по *чепурильнику*, и припасы быстренько подсократили» [Чубенко, 2015, с. 46].

Фразеологические диалектизмы представляют собой устойчивые словосочетания диалектного характера с целостным значением: *как век не евши* (очень голодные): «Тётка моя маме звонит: «Галька, ты знашь кака ягода нонче в паднях! Таку сроду даже не видала, не то што брала. Приезжай, пока люди всю не схватили! Поналетят, *как век не евши*, да стопчут, как бараны!..» [Чубенко, 2015, с. 42]; *как баранухи с пригона* (все вместе, группой): «*Сам*-то, мой, нас, дурочек, изучил уж вдоль и поперёк: ступил в голубичную поляну, выбрал лесину повыше, рассупонился под ней и начал собирать ягоду. Мы, *как баранухи с пригона*, — табунком вправо, влево» [Чубенко, 2015, с. 43]; *с бычий глаз* (очень большой): «Услышав с лесу: «Ленка-а-а-а, ты каво там берёшь?» — срываюсь и улетучиваюсь к маме, подозревая, что она снова нашла голубицу *с бычий глаз!*» [Чубенко, 2015, с. 45].

Всего в рассказе встретилось 27 лексических диалектизмов, 6 — семантических и 3 — фразеологических. Проверив лексические и семантические по Словарю русских народных говоров [Словарь, 1965], мы можем сказать о их генезисе. Распространёнными только в Сибири и в Забайкалье являются следующие слова (17): *багульник болотный, бравый, ерничина, набирник, надь, падушка, паря, присбирывать, почо, рясный, сам, чаевать, чепурильник, чепура, чушачий, промяться*; севернорусскими (9) — *братан* (вятск.), *ладом* (вятск.), *обутки* (вятск.), *наособицу* (яросл.), *девятильник* (тверск.), *брать* (тверск.), *варить (чай)* (арханг.), *пошто* (арханг., волог.), *ширкать* (вятск.); сред-

нерусским (1) — *отaborиться* (моск.), южнорусскими (8) — *бубочка* (смол.), *обсвистать* (смол.), *натрапить* (ряз.), *ключевинка* (ряз.), *прогонистый* (тул.), *покос*, *покосный* (ворон., куб., дон.), *табор* (рост.).

Проведённый анализ диалектизмов подтверждает тезис о вторичном образовании говора жителей села Дешулан на севернорусской основе (как и большинства забайкальских говоров) и о влиянии южнорусских говоров; а представленные контексты показывают его яркость (выразительность) и самобытность. Люди, носители говора, предстают перед нами трудолюбивыми и такими, у которых дело спорится, несмотря на их возраст, даже азартными в работе, подвижными и нетерпеливыми, открытыми и заботливыми, немного грубоватыми и фамильярными, наблюдательными и любящими то место, где они живут.

Список литературы

1. Гольдин В. Е. Этикет и речь. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 16 с.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Темп, 2010. 874 с. ТСОШ.
3. Рахманова Л.И., Суздальцева В.Н. Современный русский язык. Лексика. Фразеология. Морфология. М.: Аспект Пресс, 2007. 464 с.
4. Словарь русских говоров Приамурья. Благовещенск, 2007. 542 с.
5. Словарь русского языка: в 4-х т. под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981. 698 с. МАС.

Источники

1. Седых К.Ф. Даурия. Иркутск: Восточно-Сибирское издательство, 1975. 431 с.
2. Чубенко Е.И. В ягодах // Вот так и живём. Чита, 2015. С. 41-46.

Глава 7. Забайкальский медиадискурс и городское языковое пространство: общероссийские тенденции и региональные особенности

7.1. Забайкальский медиадискурс как сегмент общероссийского медиадискурса

А.В. Иванова

Понятие медиатекста представляет единицу медиадискурса и объединяет такие тексты, как газетная статья, радиопередача, телевизионные новости, реклама, интернет-тексты и прочие виды продукции средств массовой информации.

Оно появилось в 90-х гг. XX в. в англоязычной научной литературе и достаточно быстро закрепилось в научном обороте. В основе концепции медиатекста лежит органичное сочетание единиц вербального и медийного ряда. А. Белл пишет: «Определение медиатекста выходит за рамки традиционного взгляда на текст как на последовательность слов, напечатанных или написанных на бумаге. Понятие медиатекста гораздо шире: оно включает голосовые качества, музыку и звуковые эффекты, визуальные образы — иначе говоря, медиатексты фактически отражают технологии, используемые для их производства и распространения» [цит. по: Добросклонская, 2014, с. 29].

Учёные приводят разные параметры квалификации медиатекста среди которых чаще выделяют следующие: способ производства текста (авторский — коллегияльный), форма создания (устная — письменная), форма воспроизведения (устная — письменная), канал распространения (средство массовой информации — носитель: печать, радио, телевидение, интернет), функционально-жанровый тип текста (новости, комментарий, публицистика, реклама), тематическая доминанта или принадлежность к тому или иному устойчивому медиатопику [Добросклонская, 2014].

В соответствии с каждым из параметров конкретные медиатексты подвергаются анализу и систематизации.

Например, **по способу производства** медиатекст классифицируется в зависимости от того, сколько человек принимают участие в его

разработке, а также указывается ли авторство при презентации конечного информационного продукта.

Пример авторского текста (статья И. Комогорцевой «Ничьи, как поражение, и победа по пенальти» (Читинское обозрение» (№ 20 (1556) // 15.05.2019 г.):

За три домашних матча забайкальские футболисты одержали лишь одну победу вместо трёх. Причём голы в «ничьих» играх были забиты нашей команде на последних минутах встреч. И всё бы ничего, но на «раскачку» времени совсем нет, ведь до конца сезона осталось слишком мало игр.

Бронза? Не думаю. Результат этих трёх встреч, может быть, и не был бы столь досадным для любителей забайкальского футбола, если бы до зимней паузы наша команда находилась выше в турнирной таблице. Но за первую половину сезона подопечные Ильи Макиенко одержали всего две победы, набрали восемь очков и в итоге ушли на перерыв на последнем месте. Задачу на остаток сезона «быкам» тоже поставили серьёзную — занять третье место. Вот только бронза турнира с каждым матчем выглядит всё более недостижимой [Комогорцева, 2019].

В некоторых случаях редакция намеренно не указывают авторов публикуемых материалов, с целью подчеркнуть значимость корпоративного характера издания (в таких газетах г. Читы, как «Читинское обозрение», «Экстра» и др.).

По **форме создания и воспроизведения** («речь устная — речь письменная») однозначное деление медиатекстов невозможно. Причиной этого является тот факт, что многие тексты, создаваемые как устные, доходят до потребителя в письменном виде, а тексты первоначально письменные реализуются затем в устной форме (интервью, напечатанное в газете или журнале, текст по природе своей изначально устный, речь диктора, который читает новости, выступление телекомментатора, читающего текст с экрана «бегущей строки», что создаёт иллюзию живой неподготовленной речи).

Определяющее значение для классификации медиатекстов имеет также **канал распространения**, т.е. средство массовой информации, в рамках которого данный текст создан и функционирует. Каждое

средство массовой информации (печать, радио, телевидение или интернет) характеризуется особым набором медийных признаков, которые оказывают существенное влияние на свойства текста. Например, в газете или журнале словесная часть текста может быть усилена графическим оформлением и иллюстрациями, на радио — голосовыми возможностями и звуковым сопровождением, на телевидении — видеорядом.

По **функционально-жанровой принадлежности** медиатексты делятся на следующие типы: новости, информационная аналитика и комментарий, текст-очерк, реклама [Добросклонская, 2014, с. 29].

Таким образом жанрообразующим фактором выступает сочетание ведущих функций каждого медиатекста. Например, новости — это тексты, наиболее полно реализующие одну из главных функций языка — сообщение, и одну из главных функций массовой коммуникации — информативную [Лисицкая, 2015]. Медиааналитика, или комментарий, сочетают реализацию функции сообщения с усилением компонента воздействия за счёт выражения мнения и оценки. Публицистические тексты, к которым относится широкий диапазон тематических материалов, представленных основными СМИ, характеризуются дальнейшим усилением воздействия в его художественно-эстетическом варианте. Реклама совмещает в себе функцию воздействия как функцию языка, реализуемую с помощью богатого арсенала лингвостилистических средств выразительности, и функцию воздействия как функцию массовой коммуникации, реализуемую посредством особых медиа технологий, присущих тому или иному средству массовой информации [Солганик, 2008].

Содержательная характеристика текста позволяет выделить его тематическую доминанту, или принадлежность к одной из устойчивых, регулярно освещаемых СМИ тем — медиатопику [Кузнецов 2002], поскольку изучение медиадискурса демонстрирует наличие устойчивых тематических структур, или медиаконтента, устойчивой системы медиатопиков (регулярно воспроизводимых тем: политика, бизнес, спорт, культура, погода, новости международной и региональной жизни и т.п.). В забайкальских СМИ к таким, например, в

весенне-летний сезон относится тема лесных пожаров [Добросклонская, 2014, с. 29].

Таким образом, можно заключить, что медиатекст — сложное, многоуровневое и многомерное явление. К медиатекстам относятся газетная статья, радиопередача, телевизионные новости, интернет-реклама, объявления и др.

Общая характеристика речевого жанра объявления

К жанру «объявление» относят уличные, газетные и рекламные объявления. Согласно определению И.Ф. Исламовой, уличное объявление — это особый речевой жанр, представляющий собой в основном неофициальную, небольшого формата, письменную информацию, вывешенную в местах наибольшего скопления горожан и несущую конкретное сообщение о социально-экономических событиях в их жизни.

По мнению И.Ф. Исламова, текст уличного объявления имеет в основе риторическую природу, что предопределяет возможности его тематического моделирования с использованием инструментария, базирующегося на специфических характеристиках данного речевого жанра (в частности, адресантной соотнесенности и клишированности) [Исламова, 2009].

Текст уличного объявления, по мнению, И.Ф. Исламовой, представлен набором компонентов, входящих в структуру разных видов данного речевого жанра, предназначенных для эффективного функционирования в городском дискурсе. С точки зрения синтактики, текст объявления имеет формульный характер, то есть связанный жесткой последовательностью элементов.

Текст уличного объявления обычно имеет достаточно жесткую структуру. В нем можно выделить три основных части: заголовок, основной текст и подпись (как правило, содержащая контактную информацию — адрес, телефон и т.п.). Заголовок обусловлен темой объявления. Тема объявлений этого типа — предложение каких-либо услуг.

Газетное объявление рассматривается Т.В. Шмельёвой как самостоятельный речевой жанр. По мнению исследователя, жанровый состав массовой коммуникации наиболее подвижен [Шмельёва, 2011]. Сре-

ди многочисленных жанров рекламного объявления является наиболее простым видом. Его общепринятого определения на сегодняшний день не существует: рекламное объявление может пониматься как любое рекламное сообщение, реклама в периодических изданиях и синоним рекламы.

В зарубежной литературе понятия «реклама» и «рекламное объявление» являются синонимичными [Калмыков, 2009]. Российские исследователи определяют рекламное объявление как вид рекламы [Кузнецов, 2002], простейший вид рекламы [Добросклонская, 2014].

К функциям объявления любого вида относятся стимулирование сбыта, оперативное информирование, формирование имиджей, мнений, потребностей [Лисицкая, 2015].

Ю.В. Рождественский называет объявления о товарах и услугах «классической рекламой», имеющей нулевой уровень коммуникации, и считает, что современная реклама отличается более высоким уровнем коммуникации [цит. по: Добросклонская, 2014].

Понятие объявления обусловлено близостью к таким жанрам газеты, как рекламная статья и частное объявление, а также к жанрам настенного объявления и плаката.

Настенное объявление как речевой жанр рассматривается Е.Д. Фатеевой и А.М. Комаровой. Они определяют настенное объявление как «особую типизированную форму массовой коммуникации, используемую в ситуациях повседневной социально-регламентированной практической деятельности в целях стимулирования, коррекции и регулирования целесообразных в тех или иных обстоятельствах и общественно одобряемых способов действия» [8]; «текст, частный коммуникативный контекст которого характеризуется прямой обращённостью адресата» [цит. по: Добросклонская, 2014].

Таким образом, объявление с одной стороны, обладает признаками, присущими настенному объявлению, с другой, — имеет отличительные признаки, определяемые рекламной функцией и спецификой носителя.

Объявления в современном мире играют важную социальную роль, поэтому требует к себе постоянного анализа и изучения. Это направление маркетинговых коммуникаций, посредством которого распро-

страняется информация, так или иначе формирует образ повседневной жизни человека.

Уличное объявление — это особый речевой жанр, представляющий собой в основном неофициальную, небольшого формата, письменную информацию, вывешенную в местах наибольшего скопления горожан и несущую конкретное сообщение о социально-экономических событиях в их жизни.

Рекламное объявление призвано нести только позитивную информацию, в то время как настенное объявление может содержать информацию негативную.

Как медиатекст жанр объявления интегрирует в единое коммуникативное целое разные семиотические коды (вербальные, невербальные) и имеет особый набор медийных признаков, выражая неподготовленную и неофициальную речь жителей города.

Результативность текста объявления обеспечивается стилистическими качествами вербального текста. Большое значение в объявлении имеет четкая синтаксическая структура, которая позволяет быстро воспринимать информацию. Немаловажную роль играет экспрессивный синтаксис, поскольку, благодаря этой структуре, возможно, во-первых, усилить изложение, во-вторых, четко структурировать текст рекламы, что благоприятно влияет на его восприятие. К экспрессивному синтаксису относят обычно стилистические (риторические) фигуры.

Язык объявлений г. Читы: лингвостилистический аспект

Рекламные объявления организаций. Рекламные объявления распространены во всех видах СМИ.

Цель каждого рекламного объявления — привлечение внимания потенциального покупателя, что достигается использованием различных языковых средств и стилистических приёмов. Авторы рекламных объявлений г. Читы чаще всего применяют следующие вербальные средства (сохранены орфография и пунктуация оригинала):

— **восклицательные предложения и побудительные конструкции**

Они побуждают к действию (в рекламе на покупку какого-либо товара или услуги) и привлекают внимание. Примеры объявлений:

«*Всё доступно!*»; «*Всё, как я хочу!*»; «*Дарите любимым роскошь!*»; «*Мы вместе!*»; «*Внимание!!! Объявляется набор...*»; «*Длиннее путь на одной заправке!*»; «*Дорогой студент!*»; «*Лови момент!*»; «*Внимание! Покрытие гель-лаком всего!!! 500 р.*»; «*Кореянки в Чите!*»

— **вопросно-ответные конструкции**

Примеры объявлений: «*А ты установил систему видеонаблюдения? Если нет — то звони прямо сейчас!!!*»; «*Отказал банк? Звони!*».

Рекламодатель задаёт вопрос, связанный с его услугой или продукцией, и даёт на него ответ, который выглядит решением возможных проблем потенциального покупателя.

— **повторы**

Повторение слова или словосочетания (чаще название товара) на эмоциональном уровне обращает к себе внимание потенциальных клиентов и указывает на его значимость: «*Хорошая обувь по очень хорошей цене*».

— **использование личных местоимений**

Личные местоимения в рекламных объявлениях используются в целях установления контакта с потенциальным покупателем и внушения ему чувства исключительности: «*Одобрим ваши желания*»; «*Всё, как я хочу!*»; «*Займы для вас стали ещё доступнее*»; «*Мы вместе!*».

— **использование прецедентных феноменов**

Прецедентным феноменом является отсылка или намёк на известное выражение, текст и т.п. Использование такого стилистического приёма позволяет сформировать мнение о компании или товаре благодаря ассоциациям, которые возникают у читателя. Примеры объявлений:

«*Лови момент!*» (дословный способ включения прецедентного феномена в текст)

«*Ярких цветов требуют сердца!*» (трансформированный способ включения прецедентного феномена в текст, лексическая замена компонента «*перемен*» из первоисточника на словосочетание «*ярких цветов*», усечение: в песне В. Цоя было «*требуют наши сердца*»).

— **анафора**

Примеры объявлений: «*Общие ценности. Общее будущее*».

— **метафора**

Примеры объявлений:

«*Формула обеда 149/20*» (по сходству функций);

«*Живые вывески*» (по сходству производимого впечатления);

«*Займ лёгкий ноль*» (по сходству в структуре оценок);

«*Ужин на высоте*» (по сходству производимого впечатления).

— **приёмы языковой игры**

Языковая игра основана на нарушении общепринятых языковых норм, иногда на двусмысленности, что, безусловно, привлекает внимание. Примеры объявлений:

«*Кэээибэк*» (графическая игра — написание слова с графическим отклонением, троекратным повтором буквы э, что имитирует протяжное произношение);

«*ЧитАющее детство*» (графический приём наложения слов «*Чита*» и «*читающая*», а также графическое выделение);

«*ЗавтрОК*» [см. приложение] (графическое выделение и намеренное нарушение орфографических норм, наложение слов);

«*Длиннее путь на одной заправке!*» (многозначность слова «*заправка*»);

«*Кореянки в Чите!*» (многозначность слова «*Кореянки*», которое употреблено в значении «*машины из Кореи*»);

«*Кормим грудью!*» (реклама новых бургеров с куриным филе).

Таким образом, жанр объявления задействует многочисленные стилистические приемы для достижения собственных целей. Чаще всего в г. Чите среди рекламных объявлений используются такой стилистический приём как восклицательные конструкции и побудительные предложения. Также популярным является приём языковой игры.

Нормативный аспект языка объявлений. Следует отметить, что тексты объявлений организаций г. Читы не всегда соответствуют нормам литературного языка. В частности, в них наблюдаются следующие ошибки.

— **нарушение лексической сочетаемости**

Примеры объявлений: «**Комитет «За честные выборы» вновь проводит в Забайкалье беспрецедентную акцию**». Слово *беспре-*

цедентный означает «небывалый, не имеющий прецедента», то есть «случая в прошлом, служащего примером или оправданием для последующих случаев подобного рода».

— **смещение паронимов**

Примеры объявлений: **Спешите оплатить за тепло в этом месяце и станьте участниками наших поощрительных акций.**

— **неверный выбор слова**

Примеры объявлений: *«За новый и красивый город!»*

— **нарушение порядка слов в предложении**

Примеры объявлений: **Демисезонные изделия из кожи разных размеров в магазине «Оскар».**

— **неоправданная компрессия синтаксической конструкции**

Примеры объявлений: *«Делами навстречу людям!»*

— **орфографические и пунктуационные ошибки**

Примеры объявлений: *«Уважение к Людям!»* (неоправданное употребление прописной буквы); *«Добрые дела доброе имя!»* (пропуск знака препинания); *«В каждом слове — знание — опыт!»* (немотивированные знаки препинания); *«Городу-энергию молодым!»* (неразличение тире и дефиса).

Объявления частных лиц в г. Чите. Частные объявления являются достаточно эффективным средством покупки либо продажи личных вещей, транспортных средств, недвижимости, услуг и т.д. В настоящее время такие объявления размещаются как на печатном носителях, так и в виртуальном пространстве (электронные доски объявлений).

Рассмотрим кратко стилистические возможности частных объявлений. При работе с частными объявлениями выделяются следующие стилистические приёмы.

— **парцелляция**

В практике рекламных объявлений часто прибегают к парцелляции для того, чтобы облегчить восприятие текста и сделать его привлекательным для читателя. Например, парцелляцию используют в объявлениях (сохранены авторская орфография и пунктуация): *«У нас кобель, 3 года, вязка будет первая. Чистокровный, но без документов»;* *«Продам щенят. 3 месяца, с документами, возможен торг»;*

«Продам таксу. Девочка. Ласковая, дружелюбная, игривая»; «В живописном месте! Продам шикарный 3 этажный коттедж в п. Ивановка в 20 км от Читы».

— **инверсия**

Примеры объявлений: *«Срочно!!! Ищем дом для милой крохи!!! Оставить не могу, свой кот лезет драться!»*, *«Дачу, дом построим, отремонтируем»*. Любой инверсный порядок слов всегда привлекает внимание к тому элементу, который находится в нетипичной позиции.

— **эллипсис**

Примеры объявлений: *«Первые 3 месяца Интернета — бесплатно»; «Покупаете два шампуня — третий в подарок!»*

— **антитеза**

Примеры объявлений: *«Большие связи и маленькие связи»; «Большой эффект небольших деталей»; «Купить дешевле, чем угнать!»*, *«Снимаю лучше, чем рулю, когда рулю — не отвечаю»* (из автомобильной рекламы). Сюда же можно отнести и оксюморон. Примеры объявлений: *«Маленькая большая машина. Рено бТЛ»; «Авторитет грешника»*. Противоположные понятия могут не только противопоставляться, но и неожиданно соединяться, образуя оксюморон.

— **градация**

Примеры объявлений: *«Рассудите, подумайте, решите, сделайте»; «Хороший, приятный, очаровательный, восхитительный, великолепный...»; «Очаровательная, привлекательная, замечательная, достойная, уникальная, великолепная, роскошная и современная...»*. Отметим, что в объявлениях частных лиц градация не всегда используется удачно, так как в силу недостаточной лингвистической подготовки рядовой носитель языка часто не осознаёт, какой из компонентов обозначает признак в большей степени, что затрудняет размещение компонентов в тексте.

— **пермутация**

Примеры объявлений: *«Считаем, что банки нуждаются в людях настолько, насколько люди нуждаются в банках. Даже чуть больше»; «Сердце средиземного моря. Средиземное море в сердце»*.

— **аллюзия** (приём использования известных читателю текстов и т.д.):

парафраз заголовков, фильмов, книги

Примеры объявлений: *«И кензо создало человека»* (от названия фильма Роже Вадима «И Бог создал женщину»).

парафраз поговорок, пословиц, крылатых выражений

Примеры объявлений: *«Помоги себе сам и контрекс тебе поможет»*; *«Фиат — это я»*; *«Старая любовь никогда не умирает»*.

парафраз другого объявления

Примеры объявлений: *«Одну чашечку кофе — да, но кофе стен-тор»* (парафраз рекламы известной марки макарон Panzani — *«Макароны — да, но панзани»*).

— **метафоры**

Примеры объявлений: *«Формула обеда 149/20»*, *«Завтрак на высоте»*.

— **сравнения**

Примеры объявлений: *«Наши конфеты такие же вкусные, как сладости вашего детства»*; *«Колготки от Milfin — прозрачнее кристалла»*; *«Наше пиво холоднее, чем сердце твоей бывшей»*. Профессионалы часто пользуются развернутыми сравнениями, а иногда и закладывают их в основу объявлений (это может быть сравнение и героев, и их поступков, и судеб и т.д.).

— **гипербола**

Гипербола — постоянная спутница рекламирования и PR-журналистики, имеющая особое значение для коммерческой товарной рекламы. Примеры объявлений: *«Уважаемые повара холодного цеха! 12 октября состоится обучение цеха и аттестация по приготовлению сырников. Явка строго обязательна, никаких уважительных причин кроме смерти быть не может»*, *«Соседи! В то время, как вы закрываете за собой дверь, мы смотрим на вас глазами, в которых стоят слезы благодарности. Спасибо вам, спасибо!»*, *«Адепт черной магии наведет сглаз, порчу близких родственников того, кто оставил в подъезде мусор»*.

— **метафорические гиперболы, или гиперболические метафоры** (троп, заключающийся в употреблении слов и выражений в переносном значении с явным преувеличением качества или признака)

Примеры объявлений: «Наша компания — один из Гулливеров российской экономики».

— **оказиональное словообразование**

Примеры объявлений: «Арбузиха, дыни, сочные, спелые, молодые».

— **имитация другого жанра**

Примеры объявлений: «Мне от 40 до 78 квадратных метров, буду готова к концу августа. Познакомимся?» (объявление о продаже квартиры в формате объявления о знакомстве).

Таким образом, в ходе исследования было выявлено, что язык объявлений г. Читы по своим стилистическим возможностям соотносится с общероссийскими тенденциями к повышению стилистической экспрессивности. При этом, однако, наблюдается некоторое снижение письменной речевой культуры в объявлениях как частных лиц, так и организаций.

Список литературы

1. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. М.: Флинта, 2014. 264 с.
2. Исламова И.Ф. Уличное объявление как речевой жанр: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2009. 20 с.
3. Калмыков А.А. Интернет-журналистика в системе СМИ: становление, развитие, профессионализация: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009. 369 с.
4. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе: Некоторые особенности языка современной газетной публицистики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. 268 с.
5. Кузнецов Г.В. Телевизионная журналистика. URL: http://evartist.narod.ru/text6/32.htm#з_13 (дата обращения: 11.05.2019)
6. Лисицкая Л.Г. Прагматическая адекватность медиатекста: взаимодействие контента и аксиологии: дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2015. 355 с.
7. Солганик Г.Я. Стилистика современного русского языка. URL: <http://www.gramota.ru/> (дата обращения: 07.05.2019).

8. Фаткуллина Ф.Г. Медиатекст в современном коммуникативном пространстве // Современные проблемы науки и образования URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=18258> (дата обращения: 13.05.2019).

9. Шмелева Т.В. Автор в медиатексте. URL: <http://www.novsu.ru/> (дата обращения: 10.05.2019).

Источники

10. Ваша реклама в Чите. URL: http://onlinegazeta.info/zabaykalsky_krai/ (дата обращения: 13.05.2019).

11. Даурская Новь (Интернет-портал). URL: http://onlinegazeta.info/zabaykalsky_krai/ (дата обращения: 13.05.2019).

12. Из рук в руки. URL: http://onlinegazeta.info/zabaykalsky_krai/ (дата обращения: 13.05.2019).

13. Комогорцева И. Ничьи, как поражение, и победа по пенальти // Читинское обозрение. №20 (1556) (15.05.2019). С. 3.

14. Комсомольская правда. Чита. URL: http://onlinegazeta.info/zabaykalsky_krai/ (дата обращения: 13.05.2019).

15. Стройка. URL: http://onlinegazeta.info/zabaykalsky_krai/ (дата обращения: 13.05.2019).

16. Чита.Ру. URL: http://onlinegazeta.info/zabaykalsky_krai/ (дата обращения: 13.05.2019).

7.2. Эргонимикон г. Читы

А.В. Иванова

Понятие языка города. Проблема изучения языка города обусловлена сложностью такого социокультурного понятия, как город, который представляет собой «сложное единство, включающее природные факторы, материальные объекты, создаваемые человеком, и самих людей» [Аврорин, 1975, с. 10]. Любой город, таким образом, является объектом исследования историков, географов, экономистов, культурологов и прочих заинтересованных исследователей. «Город как материализованно-вещественный объект и его образ как феномен духовной жизни человека концентрирует в себе ценности, идеалы социума на определенных этапах социокультурной динамики. Выражение этих

ценностей и идеалов носит знаковый характер. В условиях возрастания полистилистичности городской культуры множество текстов городской культуры могут оказаться невостребованными, могут прийти в противоречие друг с другом, но могут находиться в состоянии гармонии, сочетания, взаимодополнения. Гармонизация городской жизни предполагает сочетаемость текстов городской культуры на основе выстраивания стратегии развития города и городской культуры» [Шимкевич, 2002, с. 14].

Лингвистический интерес к феномену города обусловлен его языковым аспектом. При этом учёные отмечают условность понятия «язык города», указывая на то, что термин «язык города» не является строгим с теоретической точки зрения [Романова, 1998, с. 9]. По причине неоднозначности явления «язык города» в науке встречаются различные его толкования.

Например, в коллективной статье «Наблюдения над речью жителей г. Челябинска (К проблеме «язык города»)» наблюдается следующая дефиниция понятия: «Язык, или «языковой быт», города образуют исторически сложившиеся и социально закреплённые языковые средства, обеспечивающие свободное, незатруднённое общение в его пределах» [цит. по: Ларина, 2006, с. 35].

Н.А. Прокуровская, в свою очередь, понимает под языком города «неподготовленную, неофициальную речь горожан, иначе, социально-коммуникативную систему, используемую жителями данного города» [Прокуровская, 1996, с. 5]. Исследователь указывает, что изучение языка города невозможно без учёта устной спонтанной речи городских жителей. В связи с подобным толкованием природы явления учёным представляются адекватными такие термины, как «речь города», «живая речь города», «речевая стихия современного города», «городская разговорная речь» и др. Л.А. Шкатова определяет явление как «совокупность речевых формаций: литературной разговорной речи, просторечия, полудиалектов, жаргонов, иноязычных вкраплений» [Шкатова, 1988, с. 19].

Исследователь О.Н. Федянина даёт собственное определение: «Язык города — это совокупность языковых средств кодифицированной системы и различных некодифицированных, используемых

языковым коллективом города» [Федянина, 1997, с. 14]. Автор подходит к данному сложному понятию в двух аспектах, указывая, что, во-первых, «в широком понимании, — это язык городов как общая система, противостоящая диалектам. Во-вторых, это понятие характеризует язык конкретного города с учетом его возраста, численности, социальной структуры, отличающейся от других городов» [Федянина, 1997, с. 15].

Топонимика как аспект изучения языка города. Социально-культурные и экономические изменения в России конца XX — начала XXI вв. привели к появлению значительного количества учреждений и предприятий различного функционального профиля (деловых и коммерческих объединений, спортивных и культурных заведений и пр.), что сопровождалось многократными актами номинации (создания эргонима).

Термин «эргоним» предложила Н.В. Подольская. В соответствии с её идеями, он означает наименование любого делового объединения людей (различные союзы, учреждения, корпорации, кружки, заведения) [Подольская, 1988].

Отметим, что в ономастике для каждого подвида онима даётся своё терминологическое наименование: урбанонимы — названия улиц, площадей, различного рода учреждений, магазинов, ресторанов и пр. в целом, далее, в частности, агоронимы — названия городских площадей и рынков, годонимы — названия улиц, хоронимы — названия отдельных зданий, эмпоронимы — названия магазинов, фирмонимы — названия коммерческих предприятий и т.д. При этом в лингвистике, например, отсутствует специальный термин для наименования ресторанов, кафе и других заведений общественного питания. Однако не вызывает сомнений факт, что эти наименования, наряду с эмпоронимами и фирмонимами, относят к разряду эргонимов — наименований коммерческих предприятий и деловых объединений.

Разработкой проблемы языка города в аспекте эргонимов занимается ряд учёных, привлекая различный языковой материал. Например, исследованием лексико-семантических особенностей наименований кинотеатров занимался С.А. Копорский [Копорский, 1969]. А.В. Суперанская в работе «Общая теория имени собственного» [Суперан-

ская, 1973] предлагает относить указанную группу к комплексным объектам. В 1979 г. выходит первое издание Словаря русской ономастической терминологии Н.В. Подольской, в котором термин «эргоним» впервые получает лингвистическую трактовку [Подольская, 1988]. 80-е-первая половина 90-х гг. XX в. ознаменованы интересом ученых к историческому аспекту исследования эргонимов (Е.С. Отин [Отин, 2004]), а также к эргонимам зарубежных стран (А.В. Беспалова [Беспалова, 1991], Л.В. Дубровина [Дубровина, 1988], Е.Г. Микина [Микина, 1993]). В работе Н.А. Прокуровской [Прокуровская, 1996] изучены городские онимы в историческом и региональном аспектах.

Эргонимия регионов России рассматривалась в работах И.А. Астафьевой [Астафьева, 1996], С.В. Земсковой [Земскова, 1996], Д.А. Яловец-Коноваловой [Яловец-Коновалова, 1997], Е.А. Яковлевой [Яковлева, 1999], Н.А. Янко-Триницкой [Янко-Триницкая, 1997].

В нормативном аспекте эргонимы исследовались М.Я. Крючковой [Крючкова 2003], с точки зрения прагматического потенциала они были представлены в работах таких учёных, как М.Е. Новичихина [Новичихина, 2002], Н.В. Шимкевич [Шимкевич, 2002], И.В. Крюкова [Крюкова, 2004], Е.А. Трифонова [Трифорова, 2006].

Анализ эргонимов в социолингвистическом, лексико-семантическом, структурно-грамматическом, риторическом и деривационном аспектах был предложен в работах А.М. Емельяновой [Емельянова, 2007], Носенко Н.В. [Носенко, 2007], Г.Н. Алиевой [Алиева, 2009].

Следует указать, что эргонимикон г. Читы ранее практически не привлекался в качестве языкового материала при изучении вопросов языка города. Таким образом, актуальность исследования читинских эргонимов, их систематизации, закономерностей номинации и функционирования представляется бесспорной.

Типология эргонимов. Следует отметить, что единого подхода к классификации эргонимов в науке не наблюдается. Лингвисты, на основании разных критериев, выделяют разные типы эргонимов. Рассмотрим некоторые из них.

Согласно универсальной классификации А.В. Суперанской, все эргонимы подразделяются на реально мотивированные и символические [Суперанская, 1973]. А.А. Трапезникова добавляет к ним ре-

кламные и смешанные [Трапезникова, 2009, с. 68-70]. С учётом типа, к которому относится тот или иной эргоним, представляется возможным выявить внутреннюю семантику последнего, мотивацию именования. Предлагаемая классификация основана на специфике мотивировочных признаков эргонимов:

1. К эргонимам реального типа относится прямое обозначение сферы деятельности и местонахождения компании, а также возможное обозначение владельца фирмы; такие эргонимы характеризуются высокой степенью информативности и активно используются именодателями (мастерская «*Наружная реклама*»).

2. Символические эргонимы строятся на основе ассоциаций наименования с видом деятельности учреждения. Во многом такие номинации передают метафорическое значение признака.

Кроме того, следует указать на значимость эмоционально-экспрессивного компонента эргонимов. По мнению учёных, экспрессия достигается за счет использования следующих средств и приёмов: 1) жаргонизмов и разговорной лексики; 2) приёмов языковой игры; 3) графических приёмов; 4) использования прецедентного текста. Последний имеет особый потенциал: «Прецедентный текст, храня определённый изначальный смысл, обладает способностью, попадая в поле человеческого восприятия, обновлять и приумножать этот смысл» [Костомаров, Бурвикова, 1996, с. 298].

3. Эргонимы рекламного типа делятся на следующие группы:

а) названия, обозначающие широту ассортимента, например, разговорные значения слов типа «море» (*море скидок*) или «гора» (*горы призов*);

б) названия, указывающие на качество услуг и ценовую политику компании; реализуются через лексемы «люкс», «элит», «эконом», варваризмов «бэст», «вип», «VIP»;

в) названия, характеризующие фирму.

4. Эргонимы смешанного типа создаются путём совмещения нескольких номинативных типов:

а) сочетание реального и рекламного типов;

б) совмещение реального и символического типов.

Классификация на основании мотивировочных признаков даёт возможность более чётко систематизировать эргонимическую номинацию и показать разнообразие урбанонимов в пространстве современного города.

Представим краткий обзор ещё некоторых классификаций:

1. В исследованиях Т.П. Романовой [Романова, 1998, с. 18-34] эргонимы подразделяются на информативные, рекламно-информативные (содержат характеристику называемого объекта), рекламные и номинативные (информация об объекте номинации скрыта, автор включает в эту группу «имена-ребусы», в зашифрованном виде передающие информацию об учредителях фирмы, например «АЛАТ» — от первых букв фамилий владельцев).

2. По степени необходимости в их составе номенклатурного термина выделяют три группы эргонимов (наличие/отсутствие слова-проводителя типа *бар, бутик, салон* и др.) [Новожилова, 2005]:

а) наименования с низкой степенью необходимости номенклатурного термина (прямое указание на вид деятельности организации и дополнительный сопроводитель не нужны);

б) эргонимы со средней степенью необходимости (присутствует косвенная связь, опосредованная фоновыми знаниями воспринимающего наименование адресата);

в) названия с высокой степенью необходимости слова-сопроводителя.

3. Исследователь М.Е. Новичихина классифицирует эргонимы по трём признакам [Новичихина, 2004]:

а) по степени мотивированности все коммерческие имена подразделяются на мотивированные и немотивированные;

б) по структуре номинации они делятся на однословные и составные;

в) по «степени прозрачности» осуществляется разделение коммерческой номинации на прямую и непрямую (отсутствие связи названия с предлагаемым товаром либо соотношение на уровне ассоциаций).

4. Н.В. Шимкевич [Шимкевич, 2002] выделяет эргонимы прагматические и прагматические:

а) прагматические эргонимы включают в себя информирующие (сообщают сведения о роде занятия фирмы) и неинформирующие (не сообщают никаких сведений о фирме);

б) прагматические эргонимы дифференцируются на:

прагматические информативные — сообщают некую проверяемую дополнительную информацию о предприятии, не имеющую прямого отношения к роду деятельности этого предприятия, но помогающую созданию у адресата позитивного образа предприятия;

прагматические ассоциативные — создают положительные ассоциации, апеллируют к различным областям знаний и культурного опыта возможного потребителя, то есть стремятся повлиять на выбор адресата в пользу той или иной конкурирующей фирмы.

Как видим, большинство существующих типологий эргонимов опирается на мотивировочные признаки.

Принципы номинации учреждений, заведений. И.В. Крюкова [Крюкова, 2004] выделяет три основных принципа номинации, значимых для создания рекламного имени: идентифицирующий, условно-символический и символический.

1. Идентифицирующий принцип находит отражение при создании таких рекламных имён городских объектов, как, например, магазин «Цветы», магазин «Продукты» и др. Прагматика таких номинаций обусловлена их основной функцией — формированием в сознании потенциального потребителя рекламируемого образа, соотносимого с его функциональным назначением. Подобные номинации удобопроизносимы, понятны потребителю, несут определённые семантические ассоциации.

2. Условно-символический принцип предполагает наличие в имени опосредованного отражения качеств рекламируемого объекта. Прагматика таких имён создаётся через ассоциативные связи с рекламируемыми объектами (их качествами, свойствами, функциональным назначением). Часто такие рекламные названия могут быть непонятны целевой аудитории вне контекста, указывающего товарную категорию.

3. Символический принцип предполагает отсутствие смысловой связи с объектом номинации. Семантика таких имён неясна без указания товарной категории. Исследователи отмечают, что в том слу-

чае, если целевая аудитория не может по одному имени определить назначение объекта, такое имя не может считаться эффективным, по крайней мере до тех пор, пока не станет широко известно аудитории [Ларина, 2006].

Предположительно, наибольшим прагматическим потенциалом обладают онимы, построенные с учётом первых двух принципов, поскольку они семантически связаны с самим объектом номинации. Кроме того, имена второй группы могут быть построены с использованием изобразительных средств, что создает дополнительный экспрессивный потенциал.

Т.В. Ларина [Ларина, 2006, с. 35-42] добавляет к названным ещё четыре принципа: принцип эмоциональности, принцип языковой игры, принцип эстетичности, а также принцип образной номинации:

1. Принцип эмоциональности предполагает положительную эмоциональность и оценку объекта. Средствами его реализации являются эмоционально-оценочной лексические единицы как с положительной оценкой, заложенной в корне, так и с дополнительной оценочностью, выраженной аффиксами, чаще суффиксами субъективной оценки.

2. Продуктивным является также принцип языковой игры, под которым понимается определенный тип речевого поведения, основанный на преднамеренном нарушении системных отношений языка с целью создания комических языковых форм. Принцип языковой игры реализуется на фонетическом, графическом и словообразовательном уровнях. В названиях этот принцип не так широко распространен в силу большей интеллектуальной затратности как при создании, так и при восприятии, однако такие наименования встречаются.

3. Как и принцип языковой игры, принцип эстетичности полифункционален. Принцип эстетичности выдвигает к названию определенные фоносемантические требования (краткость и легкость произношения, благозвучность, способствующие запоминанию приёмы аллитерации, ассонанса, рифмы).

4. Принцип образной номинации заключается в номинации путём отождествления самого названия с теми или иными свойствами объекта. В целом следует отметить, что названия создаются по двум

направлениям: информативному (содержит конкретную информацию о специфике учреждения или владельце) и образно-игровому.

Принимая за основу нейминговые стратегии К. Веркмана [Веркман, 1986], можно отметить следующие особенности в создании названий. Стратегия «Фантазийные названия» используется в случае, если название направлено на активизацию эмоций потребителя и исключительность названия. Стратегия «Название-символ», используется, если создатель имени желает вызвать у потребителя нужные ассоциации. Стратегия «Описательные названия» широко представлена в онимическом поле. Такие функциональные названия, как правило, состоят из некоторого набора «ключевых» терминов, объясняющих специфику учреждения. Стратегия «Названия-метафоры» также часто используется в процессе выбора названия. В ономастическом поле названий ресторанов встречаются названия-метафоры с компонентами «дом» (в том числе в англоязычных вариантах *city, house*). Также в этой стратегии используются цветочные метафоры: «Золотой век», «Золотая линия» и т. п. Стратегия «Названия латиницей» используется, если владелец хочет придать названию налет элитарности. Такие названия, как правило, лишены негативных коннотаций (возможно, в силу неясного для многих смысла). Стратегия «Человеческие имена» используется довольно часто. Также часто в рамках стратегии «Человеческие имена» выбираются мифонимы. Стратегия «Имена-провокации» заключается в использовании имён необычного содержания или формы. Таким образом, выбор принципа и стратегии создания названий обуславливается рядом экстралингвистических факторов, таких как традиция, мода, личностный вкус номинатора, ориентация на потребителя и др. Благодаря этим факторам все многообразие названий сводится к определённому количеству номинативных моделей, составляющих эргонимическое поле города.

Предполагается, что с появлением новых факторов, новых социально-экономических условий возникают новые модели образования эргонимов, появляются новые направления в их изучении. Всё вышесказанное обуславливает перспективность дальнейших исследований в области эргонимики.

Основные функции эргонимов. Основные функции эргонимов выделяются многими исследователями [Суперанская, 1973, Романо-ва, 1998, Крюкова, 2004, Трапезникова, 2009, Шмелёва, 2014]:

1. Номинативная (номинативно-выделительная) функция идентифицирует объект и считается главной функцией эргонима.

2. Информативная функция указывает, поясняет вид услуги учреждения. В настоящее время наблюдается тенденция к увеличению числа информативных эргонимов.

3. Рекламная функция призвана представлять учреждение в наиболее выгодном свете.

4. Рекламно-информативная функция представляет собой синтез последних двух функций.

5. Эстетическая функция заключается в тех положительных ассоциациях, которые вызывает благозвучие названия.

6) Аттрактивная функция, по мнению А.В. Суперанской, является основной в коммерческих эргонимах, поскольку позволяет отличать конкретную организацию от конкурирующих [Суперанская, 1973].

7. Мемориальная функция заключается в наличии потенциала имён исторических личностей, руководителей организации, учреждений культуры, фирмы.

8. Функция охраны собственности, при которой в эргонимах может присутствовать элемент (например, префиксальные элементы *Рос-*, *Заб-*, *Урал-*, *Чит-*), указывающий на принадлежность к данной стране, городу, месту.

Данные функции являются обязательными для большинства существующих эргонимов. Специфические функции эргонимов были выделены такими исследователями как И.А. Тортунова и А.В. Ходоренко [Тортунова, 2012, Ходоренко, 2011].

И.А. Тортунова писала о «воздействующей» функции эргонима, когда отсутствует прямое указание на объект номинации, меньшая информативность эргонима компенсируется его оригинальностью. Оригинальность названий может удачно сочетаться с информативностью: имя должно вызывать у потребителя образы, которые связываются со сферой работы фирмы, производят благоприятное впечатление, эффектно, привлекательны [Тортунова, 2012].

А.В. Ходоренко указывает: «Мы предлагаем следующее определение наименованиям групп лиц, совпадающим с эргонимами. НГЛ — это имена собственные с признаками антропонимов (называющие людей) и онимов (отождествляющие занятия, коммерческую, а также социальную деятельность людей, включая их привычки и приверженности)» [Ходоренко, 2011, с. 95]. По мнению А.В. Ходоренко, НГЛ и эргонимы синонимичны и выполняют две основные функции: прагматическую и когнитивную, факультативной является манипулятивная (или нейропрограммирующая) функция [Ходоренко, 2011].

Прагматическая состоит из назывной, номинативной, информативной и рекламной.

Когнитивная функция делится на рекламно-когнитивную и характеризующе-когнитивную:

а) рекламно-когнитивная функция. У эргонима-НГЛ нет связи с понятием, лежащим в основе наименования. Часто этимология НГЛ утеряна, семантика может быть таким образом затемнена. Эргоним-НГЛ является лишь «вывеской» для именуемого объекта, вызывая разные ассоциации с главным денотатом (ООО, кафе-бар);

б) характеризующе-познавательная функция. НГЛ-эргонимы раскрывают экономическую и промышленную жизнь региона, города, страны.

Манипулятивная (или нейропрограммирующая) функция заключается в манипулятивном воздействии на потенциального клиента.

Итак, в современном ономастическом пространстве в настоящий момент важными оказываются фактически все функции имени, так как основная цель любого городского предприятия состоит в том, чтобы выгодно предложить или продать свой товар или услугу как можно большему числу людей и за более высокую цену. Но для того, чтобы совершить данную коммерческую сделку, необходимо вначале привлечь внимание потенциального покупателя-потребителя. Из-за этого в настоящее время у номинаторов возросла популярность названий, выполняющих рекламную функцию, порой в ущерб информативной и номинативной функциям.

Эргонимы г. Читы в мотивационном и стилистическом аспекте

Среди исследованных эргонимов г. Чита были выявлены названия магазинов, мест общественного питания, салонов красоты.

Далее представлен анализ лингвистических особенностей этих групп названий в аспекте их мотивированности, структуры и грамматических признаков, стилистических качеств. Например, по структуре и грамматическим характеристикам читинские эргонимы в основном представлены одним словом (обычно существительным), почти пятая часть — в форме словосочетаний. Единичны примеры эргонимов, оформленных по типу предложения.

Эргонимы-слова делают очевидным стремление хозяев назвать свои магазины конкретно и точно, поскольку такие названия обычно проще запоминаются. Например, магазины «Весна», «Парад», «Генезис» и т.д. Второе место занимают эргонимы-словосочетания, помимо рекламной функции, они почти всегда выполняют также информативную функцию, ведь часто в таких названиях дается указание на товар, продаваемый торговой точкой. Например, магазин «Доступная мебель», пекарня «Булочки от мамочки» и др.

1. По классификации на основе мотивировочных признаков можно выделить следующие:

1. Эргонимы реального типа характеризуются высокой информативностью и активно используются имядателями: мастерская «Наружная реклама» (прямое обозначение сферы деятельности); ТЦ «Центральный» (местонахождение — находится в центре города); «Адвокатский кабинет» (прямое обозначение сферы деятельности); магазин «Петровский» (местонахождение — на улице Петровской); кафе «Лапша и пельмени».

К эргонимам, содержащим прямое обозначение владельца компании, примыкают искусственно созданные названия-«фамилии», внутренняя форма которых отражает специфику деятельности предприятия: кафе «Шафраноф». С помощью таких названий имядатели стремятся «очеловечить» языковой облик города.

2. Символические эргонимы: магазин «Дочки и сыночки» (ассоциативное соответствие); магазин обуви «Котофей»; магазин обуви «Скороход» (ассоциативное соответствие); студия света «Пантера»;

краевая служба правовой защиты «Эгида»; заведение особого типа — ресторан и бар, рестобар «Бардак»; название паба «Пьяный филин»; бар «Пятый угол».

Для сравнения возьмём названия магазинов с одинаковой специализацией: «Детская одежда» и «Малыш». Это показательный пример реально мотивированного и символического образования эргонимов.

II. Эргонимы г. Читы с экспрессивным потенциалом, который достигается за счёт использования:

1) жаргонизмов и разговорной лексики: зоомагазин «Котя»; магазин одежды «Обновка»; «Чистюля»; магазин «Клёвый»; кафе «Нархоз»; кафе «МегаБлин»; столовая «Х.З.» (расшифровка сокращения шрифтом мелким шрифтом: *хорошее заведение*); кафе «Ё-моё»; ювелирный салон «Ювелирка»;

2) приёмов языковой игры, например, изменение внутренней формы слова, чтобы потребитель мог судить о сфере деятельности компании: ремонт обуви «Подкаблучник»; пивной бар «40 градусoff»;

3) смешения кириллицы и латиницы: бар «Сонет», магазин «Baby top»; бар «Good bar»; ресторан с бильярдным клубом «Zasada»;

4) лингвострановедческого компонента в эргониме, например, лексемы «русский», «российский», прецедентных собственных имён и отдельных графем: «Русский мех», «Русский букет», «Русский текстиль», «Российский трикотаж»;

5) использования прецедентного текста: кафе «Кавказская пленница».

III. Эргонимы рекламного типа г. Читы:

1. Названия, содержащие обозначение широты ассортимента: «Мир музыки», «Мир обоев», «Море мебели», «Океан улыбок».

2. Названия, указывающие на качество услуг и ценовую политику компании: магазин детской одежды «Best Baby», «V.I.P. Sound», стоматология «Дента Люксик».

3. Названия, характеризующие фирму:

а) указание на очередность образования компании: «Первый коммиссионный магазин»;

б) актуализация новизны предлагаемых товаров и услуг: «Новый интерьер», «Новый стиль», «Новые окна»;

в) обозначение позиции фирмы на рынке: магазин «Лидер»; турагентство «Бэст».

IV. Эргонимы смешанного типа создаются путем совмещения нескольких номинативных типов:

1. Сочетание реального и рекламного типов: «*Стоматологическая клиника Дента Люкс*»;

2. Совмещение реального и символического типов: «*Гриль-бар Мясоед*».

Можно убедиться, что семантика эргонимов способствует или, напротив, препятствует пониманию окружающего языкового мира, в котором живет современный человек.

Эргонимы-англицизмы г. Читы. Проницаемое значение иноязычного эргонима — такое значение, которое является семантически мотивированным и воспринимается носителем языка корректно; его восприятие соответствует замыслу автора данной номинации, использованные в ней иноязычные элементы не препятствуют пониманию эргонима.

Частично проницаемое значение иноязычного эргонима воспринимается носителями языка недостаточно полно, частично. Степень информативности значения номинации находится в зависимости от уровня языковой компетенции носителя языка, его знания языка-источника, из которого заимствовано мотивированное значение эргонима. Иноязычные элементы и слова, входящие в состав номинации, осознаются только теми носителями языка, которые овладели иностранным в достаточной степени.

Непроницаемое значение иноязычного эргонима не осознаётся носителем языка. Эргоним, находящийся на начальных стадиях ассимиляции, вероятней всего, будет семантически непроницаемым для монолингва, тогда как адресат со знанием иностранного языка будет осознавать такой эргоним.

I. Среди эргонимов, образованных эксплицитным способом (в эргониме обозначено назначение, функция своего объекта), можно выделить группы с проницаемым, частично проницаемым и непроницаемым значением:

1. Эргонимы, которые характеризуются семантической проницаемостью: «*Кофе-шоп*» (интернет-магазин натурального кофе); «*Гранд Сити Отель*».

Мотивированное ядро эргонима является освоенным на всех языковых уровнях (графический, морфологический, семантический), что делает его понятным для горожан.

2. К группе эргонимов с частичной семантической проницаемостью относятся:

а) транслитерированные реверсивы — эргонимы, представляющие собой исконно русские слова, оформленные графическими средствами иностранного языка: магазин одежды «*Egoist*», «*Molodejka*»; ресторан с бильярдным клубом «*Zasada*»;

б) графогибриды — эргонимы, оформленные графическими средствами русского и иностранного языков: салон красоты «*Сонет*»;

в) эргонимы, которые имеют в своем составе узнаваемые единицы иноязычного происхождения: «*Авто Арсенал*» (англ. Auto машина), «*Роза Лэнд*», «*НаперстОК*» (магазин трикотажных изделий; наперсток + ОК, что значит в англ. «ладно, хорошо»).

3. Единицы с непроницаемой семантикой представляют собой группу оригинальных транслитерированных эргонимов типа «*Хинкали хаус*» (англ. house «дом»), и нетранслитерированных иноязычных вкраплений, например, «*Harat's Pub*» (англ. pub — «пивная»).

ИмPLICITный (косвенный) способ вербализации замысла автора наблюдаем в том случае, если имядатель вкладывает в номинацию не прямое указание на назначение заведения, а лишь ассоциативное, связанное со спецификой предоставляемого товара или услуги, которую, предположительно, сформирует носитель языка.

II. К эргонимам, образованным имPLICITным способом, также относят группы с наиболее проницаемым, частично проницаемым и непроницаемым значением:

1. Наиболее семантически проницаемыми являются номинации, состоящие из ассимилированных иноязычных слов и элементов: «*Ария*» (магазин штор), «*Космос*» (фотостудия), «*Гурме*» (кофейный дом).

2. К частично проницаемым эргонимам относятся:

а) транслитерированные реверсивы: «*Graff & Tiffani*» (свадебный салон);

б) графогбриды: «*Сонет*»;

в) эргонимы с «узнаваемыми» элементами: «*Best Baby*» (магазин; с англ. best — «лучший», baby — «ребенок»).

3. Группу семантически непроницаемых эргонимов имплицитного способа образования составляют:

а) оригинальные транслитерированные семантически не освоенные иностранные слова и словосочетания: «*Дебют*» (магазин, с фр. Début — «начало, появление»), «*Бьюти*» (салон красоты; с англ. beauty — «красота»), «*Ля посуда*» (магазин посуды; с фр. артикль «la» для обозначения ж.р.);

б) нетранслитерированные эргонимы-вкрапления: «*Sun ray*» (соларий; с англ. «солнечный луч»), «*Cherry*» (парикмахерская; с англ. «вишня»), «*Fish Beer*» (магазин пива; с англ. буквально «рыба пиво»).

Итак, информационный потенциал эргонимов иноязычного происхождения зависит от степени семантической проницаемости номинаций, образованных различными способами — эксплицитным и имплицитным. Наиболее понятными и осознаваемыми являются полностью освоенные иноязычные слова или их компоненты. Для эргонимов-реверсивов и графогбридов характерна частичная проницаемость, иноязычные вкрапления же в большинстве своем семантически непроницаемы. Многое зависит также и от языковых возможностей и общей языковой культуры адресата и адресанта.

Эргонимы г. Читы по принципу номинации. И.В. Крюкова выделяет три основных принципа номинации, значимых для создания рекламного имени: идентифицирующий, условно-символический и символический. Проиллюстрируем их действие на примере нашего языкового материала [Крюкова 2004].

1. Классификация по И.В. Крюковой:

1. Идентифицирующий принцип: магазин «*Цветы*», магазин «*Продукты*» и др.

2. Условно-символический принцип: ремонт ювелирных изделий «*Ювелирная Мастерская*»; туристическое агентство «*Вокруг света*»; ювелирный отдел «*Дамский угодник*» и др. Имя не является здесь пря-

мым описанием объекта номинации, но имеет с ним общие семантические компоненты. Такие рекламные имена могут быть построены с опорой на тропы, часто это ассоциативные метафоры (кафе «Вилка-ложка»); перифразы («Ковровый двор», «Дары Армении»); метонимии «Хинкали хаус»; салон цветов «Альгамбра»; студия цветов «Гербера»; в том числе графические (ювелирный магазин «585 Золото»). Прагматика таких имен создается через ассоциативные связи с рекламируемыми объектами (их качествами, свойствами, функциональным назначением).

3. Символический принцип: студия света «Пантера»; гостиница «Да»; магазин штор «Ария»; ТЦ «Шоколад»; продуктовый магазин «Весна» и др. Семантика таких имен абсолютно не понятна, если в рекламном сообщении не указана товарная категория.

II. Классификация по Т.В. Лариной (принцип эмоциональности, принцип языковой игры, принцип эстетичности, принцип образной номинации) [Ларина, 2006]:

1. Принцип эмоциональности. Положительная оценка достигается следующими средствами:

а) использование эмоционально-оценочной лексики с положительной окраской: магазин одежды «Любимая пижамка»; магазин «Хороший»; частотность в названиях слов «золотой»: «Золотой телец»; «Золотой дракон» и т.п.;

б) наличие суффиксов субъективной оценки: «Кастрюлька», «Любимая пижамка», «Облачко»; магазин «Рюмашка».

2. Принцип языковой игры реализуется на фонетическом, графическом и словообразовательном уровнях.

В названиях этот принцип не так широко распространён, однако такие наименования встречаются: магазин пива «40 градусOFF» (фонетическое сближение со словом «градусов»).

На словообразовательном уровне ономастическая игра также проявляется. Это добавление *ff* на конце слова «ШашлыкоFF»; способ сложения: «МнеБукет».

Обыгрывание омографов: магазин цветов «Ирис» и рядом продуктовый магазин «Ириска».

Названия по модели отчества или имени-отчества: «Рыболович»; «Гураныч»; «Ван Ваныч».

3. Принцип эстетичности. Как правило, это случаи аллитерации, ассонанса, рифмы («Отличные наличные»; «Вилка-Ложка»).

4. Принцип образной номинации заключается в осуществлении номинации через отождествление названия с теми или иными свойствами продукции или услуг: магазин часов «Тик-так»; кафе «Сытый папа» (образно-игровое направление).

II. Классификация по стратегиям К. Веркмана:

1. Стратегия «Фантазийные названия»: кафе «Мясоед»; «Ван Ваныч».

2. Стратегия «Название-символ»: магазин «Хороший»; кафе «Вилка-ложка» тоже создано с помощью стратегии «название-символ» («вилка» и «ложка» — символ того, чем люди едят); ресторан «Сытый папа» вызывает ассоциации с качеством блюд.

3. Стратегия «Описательные названия»: кафе «Цыпленок табака».

4. Стратегия «Названия-метафоры»: «Дом люстр»; «Sushi city»; «Green House» и др. Также в этой стратегии используются цветковые метафоры: «Золотой век»; «Золотая линия» и т.п.

5. Стратегия «Названия латиницей»: «Sushi City»; «Cherry»; «Solongo» и др.

6. Стратегия «Человеческие имена»: магазин одежды «Настя»; салон женского нижнего белья «Пепси»; ТЦ «Виктория»; магазин «Иван да Марья» и др. Очень часто в рамках стратегии «Человеческие имена» выбираются мифонимы («Емеля»; «Mr. Fox»; «Дионис»).

7. Стратегия «Имена-провокации»: кафе «Виниловая сова»; паб «Пьяный филин».

Таким образом, можно сделать вывод, что данные названия обуславливаются рядом экстралингвистических факторов, таких, как традиция, мода, личностный вкус номинатора, ориентация на потребителя и др.

Мотивационный анализ эргонимов. С точки зрения мотивированности в эргонимии г. Читы можно выделить ряд тематических групп: эргонимы-отантропонимы; эргонимы-отгопонимы; эргонимы, содержащие в себе характеристику человека; эргонимы, связанные с флорой и фауной; эргонимы — отвлеченные понятия, эргонимы — сказочные герои, герои мультфильмов, книг, предметная

лексика, лексика с семантикой престижности; отхрононимы, отнумеронимы, отмифонимы.

1. Эргонимы-минералы, драгоценные камни: ювелирный магазин «*Сапфир*»; ювелирный магазин «*Аметист*». Оба являются названиями ювелирных магазинов. Данные эргонимы мотивированы сферой деятельности организаций.

2. Эргонимы-отнумеронимы: кафе «*Дуэт*».

3. Эргонимы-отмифонимы: магазин «*Дионис*» (Дионис — бог виноделия); кафе «*Олимп*» (в древнегреческой мифологии обиталище, а также собрание богов).

4. Эргонимы-отастронимы: магазин «*Юпитер*»; кафе «*Меркурий*»; парикмахерская «*Венера*».

5. Эргонимы, связанные с названиями еды: «*Щи да каша*»; «*Позная*»; «*Булочки от мамочки*»; «*Цыплята Табака*»; «*Кедр*»; «*Золотая сота*»; «*Морковка*»; «*Шоколад*».

6. Эргонимы с семантикой престижности: «*Эталон*»; «*Элита*»; «*Гранд*».

7. Предметная лексика: «*Магнит*»; «*Глобус*»; «*Деньга*»; «*Иголочка*»; «*Полкопейки*» и т.д.

8. Эргонимы — сказочные герои, герои мультфильмов, книг: кафе «*Емеля*» (персонаж русской народной сказки); магазин «*Жар-птица*»; магазин «*Умка*» (персонаж мультфильмов); магазины «*Лимпопо*», кафе «*Кавказская пленница*»; магазин «*Багира*»; магазин цветов «*Аленький цветочек*»; бар «*Дон Кихот*»; магазин «*Робинзон*»; детский сад «*Изумрудный город*»; детский сад «*Иван да Марья*»; кафе «*Самобранка*»; магазин «*Золотой ключик*»; магазин «*Эльдорадо*» (мифическая южноамериканская страна, богатая золотом и драгоценными камнями); магазин «*Мойдодыр*»; ортопедический салон «*Данко*»; парикмахерская «*Адам и Ева*».

Данная группа эргонимов всегда привлекает к себе внимание. Выбор таких названий не всегда мотивирован сферой деятельности предприятия. Например, если для кафе название «*Кавказская пленница*» выглядит уместно, при этом намекает потенциальным покупателям о том, что же они смогут приобрести в данном месте, то торговый центр «*Жар-птица*» не отвечает данным требованиям.

8. Эргонимы-оттопонимы:

а) региональные: магазин «*Читинка*»; магазин «*Даурия*»;

б) иноязычные: автомойка «*Токио*»; школа английского «*Лондон Экспресс*»; парикмахерская «*Венеция*»; кафе «*France-cafe*»; магазин обуви «*Милан*»; парикмахерская «*Верона*».

Иностранные оттопонимы могут быть мотивированы как сферой деятельности предприятия (например, кафе «*France-cafe*»), так и личными предпочтениями (например, парикмахерская «*Венеция*»).

9. Эргонимы — отвлеченные понятия: «*Мечта*»; «*Фортуна*»; «*Комфорт*»; «*Секрет ангела*».

10. Эргонимы, связанные с флорой и фауной: магазин «*Соловушка*»; цветочный магазин «*Ирис*»; зоомагазин «*Котя*»; цветочный магазин «*Эдельвейс*»; магазин цветов «*Альгамбра*»; зоомагазин «*Мотылек*»; зоомагазин «*Какаду*»; кафе «*Панда*»; студия света «*Пантера*»; салон красоты «*Малинка*»; зоомагазин «*138 попугаев*»; цветочный магазин «*Глориоза*»; цветочный магазин «*Поляна*» (последний эргоним не только сообщает о предмете товара, но и о его количестве, поскольку название предполагает, что выбор цветов будет большой).

11. Эргонимы, содержащие в себе характеристику или статус человека: магазины «*Лидер*»; ремонт обуви «*Подкаблучник*»; магазин бытовой химии «*Чистюля*»; «*Капитан*»; «*Купец*»; «*Непоседа*»; «*Дочки и Сыночки*»; «*Турист*»; «*Витязь*».

Большинство эргонимов, содержащих в себе характеристику или статус человека, мотивированы статусом потенциальным клиентом. Чаще всего в них указан человек, для которого предназначен этот магазин, салон красоты и т.д. Например, по названиям «*Карпузики*», «*Малыш*» сразу понятно, что это детские магазины.

12. Эргонимы-отантропонимы: магазин одежды «*Настя*»; батутный центр «*Гагарин*»; бар «*Менделеев*»; студия красоты «*Джулия*»; ТЦ «*Виктория*»; ТЦ «*Амелия*»; студия кухонь «*Катюша*»; магазин женской одежды «*Саша*»; свадебная студия «*Мальвина*»; продовольственный магазин «*Юлия*»; детский сад «*Иван да Марья*»; магазин одежды «*Ивашка*»; магазин «*Синьор Антонио Петти*» и др.

Как установлено, треть проанализированных эргонимов г. Читы мотивированы сферой деятельности.

Стилистический анализ эргонимов. После исследования названий можно также сделать вывод, что эффективной моделью эргонима в г. Чите является эргоним-неологизм, придуманный владельцами организаций, в котором есть какие-либо элементы языковой игры, например, графическая стилизация под заимствования, либо использование латиницы и кириллицы вместе и др.

I. Классификация по эффективности:

К неудачным, на наш взгляд, названиям, можно отнести:

1. Студия света *«Пантера»*, т.к., во-первых, название не несёт никакой информации о предоставляемых услугах, местонахождении студии и т.д., во-вторых, данное название больше подошло бы для зоомагазина, чем для студии света.

2. ТЦ *«Сталкер»*. Значение данного слова такое: «Сталкер. 1. Первопроходец, первооткрыватель (обычно в опасных для жизни местах). 2. Тот, кто рискует жизнью, подвергает ее большой опасности ради достижения какой-л. Цели» [Энциклопедический словарь 2009].

На наш взгляд, название вызывает не самые положительные ассоциации. Кроме того, данное название не отражает сферу деятельности организации, местонахождение, не привлекает к себе особого внимания.

3. Магазин штор *«Ария»*. Слово заимствованное: «Ария (итал.). 1. Вокальная или музыкальная партия для одного голоса или инструмента как законченный эпизод или самостоятельный номер» [большой толковый словарь Кузнецов 1998]. Название не мотивировано.

4. Ювелирный салон *«Пандора»*. Имя героини античного мифа, из-за любопытства выпустившей на свободу страшные беды, не мотивировано статусом учреждения.

5. Названия частных охранных предприятий *«Сократ»*, *«Тантал»*. Имя реального античного философа, как и имя мифического древнегреческого царя, обречённого на вечные муки в царстве мёртвых, не мотивированы деятельностью организаций.

6. Салон женского нижнего белья *«Пепси»*. Имя героини детской книги А. Линдгрэн не связано с товаром магазина — нижним бельём для взрослых женщин.

7. Киоск быстрого питания «Синий кит». До недавнего времени символ синего кита в интернет-общении обозначал философию суицида, в связи с чем имя, не мотивированное продукцией киоска, становится также некорректным.

II. Классификация по графическим особенностям:

1. Эргонимы, написанные кириллицей, в г. Чите явно преобладают в силу большей доступности.

Примеры: торговый центр «Парад»; кафе «Емеля»; цветочный магазин «Аленький цветочек»; магазин детских товаров «Умка»; супермаркет «Хороший»; «Темп»; «Весна»; магазин канцтоваров «Глобус»; сеть супермаркетов «Караван»; парикмахерская «Малинка»; кафе «Вилка-ложка»; продуктовый магазин «Привоз»; парикмахерская «Лилия» и др.

2. Иноязычные эргонимы функционируют в г. Чите в следующих вариантах:

а) эргонимы, написанные латиницей: эргонимы-варваризмы [Романова 1998] — это иностранные слова, написанные латиницей. Например, магазин обуви «*Charisma*»; солярий «*Sun ray*»; «*Chicken*»; магазин женской одежды «*Bellissimo*»; салон красоты «*Cherry*»; магазин одежды «*Glamour*»; Торгово-развлекательный комплекс «*Likerka Plaza*»; суши-бар «*Wasabi*»; суши-бар «*Sushi-city*»; магазин «*Oscar*»; свадебный салон «*Graff & Tiffani*»; магазин одежды «*Dress code*»; бар «*Good bar*» и т.д.

б) эргонимы-экзотизмы [Романова 1998] — это иностранные слова, написанные кириллицей: «*Бонжур*»; «*Вуаля*»; «*Бамбино*».

в) смешанные — это такие эргонимы, в которых используются как русские буквы, так и иностранные. В г. Чите таких эргонимов немного, например: студия красоты «*Сонэт*»; магазин детской одежды «*Детки Style*».

Популярность иноязычных названий можно объяснить тем, что такие эргонимы звучат престижно, солидно; намекают покупателю на сотрудничество с иностранными партнерами; намекают на высокое качество товаров и услуг, уникальность товара. Например, название магазина «*Glamour*» создаёт впечатление, что покупателей там ожидает все самое редкое, эксклюзивное, модное.

Графическая стилизация под заимствования обладает таким же влиянием на покупателей, как иноязычные названия, при этом возникает намерение на элитарность.

Отражение социально-культурных факторов в эргонимах г. Читы. Язык во многом представляет отражение социально-культурных факторов русской языковой картины мира. С опорой на работу Я.М. Нитко представляется возможным проанализировать эргонимы г. Читы в данном аспекте [Нитко 2016].

I. Социальные факторы, которые отражаются в эргонимах города:

1. Социальная ориентированность номинации. Например, магазины «*Барский двор*»; «*Элита*»; «*Низкие цены*»; «*Смешные цены*» своими названиями намекают покупателю о бюджетном варианте покупки либо, наоборот, указывают на высокое качество, элитарность.

2. Гендерные особенности горожан. Например, женские магазины одежды «*Eva*»; «*Barbara*»; «*Glance*»; «*Дама*»; «*Миледи*» и т.д. Для мужчин предназначены такие магазины, как «*Egoist*»; «*Кавалер*»; «*Франт*» и т.д. Функция данных названий состоит в том, чтобы показать, для кого эти магазины предназначены. Также в них присутствует оценка, в основном положительная.

3. Возрастные особенности горожан. Для детей открыты такие магазины, как «*Дочки и сыночки*», «*Малыш*», «*Карпузики*», «*Бэбитоп*».

II. Кроме того, эргонимы г. Читы могут быть образованы под влиянием культурно-исторических факторов. Рассмотрим дифференциацию эргонимов в данном аспекте:

1. Среди эргонимов г. Читы наблюдаются примеры историзмов: например, магазин одежды «*Купец*».

2. Примеры архаизмов: «*Цирюльникъ*»; «*Трактиръ*» (условно можно отнести к названиям с архаизированным написанием, с добавлением Ъ на конце слова); «*Антикваръ*»; «*Экономъ*».

3. Примеры неологизмов: кафе «*Мясоед*»; кафе «*Гураныч*»; пивная «*Чемпивон*»; бар «*Бухмистер*»; продуктовый магазин «*КолбаСыр*».

4. Прецедентные названия:

а) названия кинофильмов: кафе «*Мимино*»; кафе «*Кавказская пленница*»;

б) прецедентные имена: магазин «*Петр 1*»; бар «*Менделеев*»;

в) названия произведений русской художественной литературы: магазин мебели «*Двенадцать стульев*»;

г) названия русских детских мультфильмов: «*Умка*»; «*Капитошка*»; «*Лимпопо*»; «*Кошкин дом*»; «*Бонифаций*»;

д) названия из фольклора и мифологии: «*Емеля*»; «*Жар-птица*»; «*Витязь*»; «*Колобок*»; частные охранные предприятия «*Сократ*», «*Тантал*»;

е) названия, связанные с историческими «мифами»: сеть ювелирных магазинов «*Золото партии*».

5. Эргонимы, связанные с природой России: «*Берёзка*»; «*Малинка*»; «*Ёлочка*»; «*Калинка-Малинка*».

10. Названия, созданные под влиянием городских реалий или региональных особенностей: магазин «*Петровский*» (Петровская — название улицы г. Читы); ТЦ «*Сосновый бор*» (Сосновый бор — название района г. Читы); гостиница «*Даурия*».

Сделаем вывод. Эргонимикон г. Читы представляет собой сложное, многоаспектное, многокомпонентное явление и в целом реализуется по тем законам и направлениям, которые характерны для эргонимов России, однако при этом очевидным является наличие региональных (гостиница «*Даурия*») и собственно-городских (ТЦ «*Сосновый бор*»), а также этнически обусловленных особенностей («*Буузная*»), что находит отражение в городском эргонимическом пространстве.

Список литературы

1. Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (К вопросу о предмете социолингвистики). Л.: Наука, 1975. 267 с.

2. Алиева К.Н., Алистанова Ф.Ф. Структурно-семантическая характеристика новейших эргонимов г. Махачкалы // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики; сб. научных трудов: Владикавказ, 2009. С. 250-262.

3. Астафьева И.А. Способы номинации в речевой ситуации города (на материале ойкодомонимов г. Омска): дисс. ... канд. филол. наук. М., 1996. 185 с.

4. Беспалова А.В. Принципы и способы номинации в английской эргонимии (на материале названий фирм и компаний) // Номинация в ономастике. Свердловск, 1991. С. 158-167.
5. Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. Gramota.ru>gramota/ about/contacts.
6. Веркман К.Дж. Товарные знаки. Создание, психология, восприятие. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1986. 520 с.: илл.
7. Дубровина Л.В. Официальные названия лечебных учреждений в Великобритании и США // Ономастика: Типология. Стратиграфия / АН СССР, Ин-т языкознания; отв. ред.: А.В. Суперанская. М.: Наука, 1988. С. 99-107.
8. Емельянова А.М. Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтничного города: на материале деловых, коммерческих, культурных, спортивных обществ г. Уфы: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2007. 170 с.
9. Земскова С.В. Лексико-семантический и словообразовательный анализ эргонимов г. Тольятти Самарской области Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1996. 20 с.
10. Козлов Р.И. Современные эргоурбонимы в городской топонимической системе // Известия Уральского государственного университета. 2001. № 20. С. 26-34.
11. Копорский С.А. О лексико-семантических особенностях наименований (названия кинотеатров) // Мысли о современном русском языке. Сб. статей под ред. акад. В.В. Виноградова. Сост. А.Н. Кожин. М.: Просвещение, 1969. С. 24-30.
12. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Прецедентный текст как редуцированный дискурс // Язык как творчество: сб. ст. к 70-летию В.П. Григорьева. М., 1996. С. 297-302.
13. Крюкова И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности: дисс. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2004. 360 с.
14. Крюкова М.Я. Многокомпонентные эргонимы в аспекте орфографии: Проблема совершенствования нормы правописания: дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 199 с.
15. Ларина Т.В. О концептуализации в области эргонимии // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. Сургут, 2006. Вып. 3. С. 35-42.

16. Мікіна О.Г. Номінаційні процеси у сучасній європейській ергономії: автореф. дис. ... канд. філол. н. Донецьк, 1993. 21 с.
17. Нитко Я.М. Семантика и прагматика городского пространства: (на примере графосемантического моделирования эргонимикона г. Перми). URL: <https://4science.ru/events/sfy2016/theses/6d5b388edb7c406c8143ad76cd0eab1d> (дата обращения: 20.10.18)
18. Новичихина М.Е. Коммерческая номинация: монография. Воронежский обл. ин-т повыш. квалиф. работа. Образ. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2003. 192 с.
19. Новичихина М.Е. Коммуникативная эффективность коммерческой номинации // Методы современной коммуникации: проблемы теории и социальной практики: Материалы 1-й международной научной конференции «МСК — 2002». М., 2002. С. 64-65.
20. Новичихина М.Е. О некоторых методиках изучения современной коммерческой номинации // Методы современной коммуникации. Вып. I / Под ред. В.Н. Переверзева. М., 2003. 207 с.
21. Новичихина М.Е. Современная коммерческая номинация: стихийность или закономерность? // Вестник ВОИПКРО. Вып. 8. Воронеж, 2002. С. 169-172.
22. Новичихина М.Е. Теоретические проблемы исследования эффективности коммерческой номинации: дисс. ... докт. филол. наук. Воронеж, 2004. 351 с.
23. Новожилова Т.А. Номинация современных коммерческих предприятий (На материале русского, английского и немецкого языков): Автореф. дис. канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 170 с. 17 с.
24. Носенко Н.В. Названия городских объектов Новосибирска: структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты: дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2007. 218 с.
25. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. Донецк: ООО «Юго-Восток, Лтд», 2004. 412 с.
26. Подольская Н.В. Проблемы ономастического словообразования (к постановке вопроса) // Вопросы языкознания. 1990. № 3. С. 56-61.
27. Прокуровская Н.А. Город в зеркале своего языка (на языковом материале г. Ижевска). Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1996. 224 с.

28. Романова Т.П. К вопросу о типологии названий торговых предприятий губернского города // Ономастика Поволжья: материалы 7-й конференции по ономастике Поволжья. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1997. С. 181-188.

29. Романова Т.П. Проблемы современной эргонимии // Вестник Самарского госуниверситета. Серия «Филология». 1998. №1. С. 18-34.

30. Романова Т.П. Самарские рекламные урбанонимы // Ономастика Поволжья: тезисы докладов 9-й международной конф. Волгоград, 2002. С. 127-129.

31. Романова Т.П. Самарские эргонимы в фоносемантическом аспекте // Ономастика Поволжья: материалы 7-й конференции по ономастике Поволжья. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2001. С. 263-271.

32. Романова Т.П. Эволюционные процессы в области современной российской эргонимической терминологии. Вопросы ономастики. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2006. №3. С. 76-83.

33. Романова Т.П. Эволюция типов рекламных имён в истории русской эргонимии (XIX — начало XXI вв.) // Вестник СамГУ, 2009. №3 (69). С. 174-180.

34. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская; Отв. ред. А.В. Суперанская; АН СССР, Ин-т языкознания. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 187,[2] с.

35. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного / Отв. ред. А.А. Реформатский. Изд. 3-е, испр. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 368 с.

36. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 420 с.

37. Суперанская А.В. Структура имени собственного. Фонология и морфология. М.: Наука, 1969. 207 с.

38. Суперанская А.В. Что такое топонимика? / Отв. ред. Г.В. Степанов. М.: Наука, 1985. 177 с.

39. Суперанская А.В., Соболева Т.А. Товарные знаки. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 192 с.

40. Тортунова И.А. Эргоним как результат речетворчества / И.А. Тортунова // Научный диалог, 2012. № 3. Филология. С. 126.

41. Трапезникова А.А. Ономастическое сознание современного горожанина: на материале эргонимии Красноярск: автореф. дисс. канд. филол. наук. Красноярск, 2010. 21 с.
42. Трапезникова А.А. К вопросу о классификации эргонимов (на материале коммерческих наименований Красноярск) // Мир науки, культуры и образования. 2009. № 2. С. 68-70.
43. Трифонова Е.А. Названия деловых объектов: семантика, прагматика, поэтика: На материале русских и английских эргонимов: дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 247 с.
44. Трофимова Е.А. Проблема семантики в эргонимии // Ономастика Поволжья: тез. докл. 9-й международной конференции. Волгоград, 2002. С. 105-107.
45. Федянина О.Н. Некодифицированная лексика жителей города Кирова: на материале жаргона и просторечия: дис. ... канд. филол. наук. Калуга, 1997. 285 с.
46. Ходоренко А.В. Функции и дефиниция наименований групп лиц / А.В. Ходоренко // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24 (63). 2011. № 2. Часть 2. С. 95.
47. Шимкевич Н.В. К вопросу о прагматизме эргонимов в неконкурентной среде // Ономастика и диалектная лексика: Сб. научн. трудов. Вып. 4. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2003. С. 131-136.
48. Шимкевич Н.В. Названия риелторских предприятий Перми, Екатеринбурга и Омска: к вопросу о региональной специфике в эргонимии // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Т. 6. Екатеринбург: УрГПУ, 2001. С. 151-156.
49. Шимкевич Н.В. Русская коммерческая эргонимия: прагматический и лингвокультурологический аспекты: автореф. дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 22 с.
50. Шкатова Л.А. Специфика городского общения // Живая речь уральского города: сборник трудов. Свердловск: УрГУ, 1988. С. 19-28.
51. Шмелёва Т.В. Ономастикон российского города. Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2014. 137 с.

52. Шмелева Т.В. Письменность городской среды // Фонетика — Орфоэпия — Письмо в теории и практике: Межвуз. сб. научн. трудов. Вып. 1. Красноярск, 1997. С. 114-123.

53. Шмелева Т.В. Язык города. Методическая разработка к практике для студентов филологического факультета. Красноярск, 1989. 40 с.

54. Яковлева Е.А. Вывеска как предмет лингвокультурологического исследования // Семантика языковых единиц. М., 1999. С. 80-83.

55. Яковлева Е.А. Разновидности городской письменной речи: уличные объявления как речевой жанр // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Барнаул, 2003. С. 61-69.

56. Яковлева Е.А. Уличные объявления как особый речевой жанр (в аспекте изучения языка города) // Язык и культура. М., 2003. С. 406-407.

57. Яловец-Коновалова Д.А. Названия коммерческих предприятий: ономазиологическая классификация и функционирование в современном русском языке: дисс. ... канд. филол. наук. Челябинск, 1997. 177 с.

58. Янко-Триницкая Н.А. Собственные наименования предметов // Русский язык в школе. М.: Наука, 1977. № 6. С. 93-97.

7.3. Транспортная эпитафия г. Читы

Е.О. Филинкова

Город — это «коммуникативное пространство особого типа» [Лебедева, 2010, с. 30], поэтому разные элементы этой коммуникации, как устной, так и письменной, составляющих язык города, приобретают важное значение.

Термин «язык города» имеет в лингвистике два значения: во-первых, «совокупность локальных особенностей речи горожан» и, во-вторых, «формируемый словом облик городской среды» [Подберёзкина, 2014, с. 774]. Таким образом, язык города складывается из устной речи горожан (текстов, диалогов), а также из письменной речи, функционирующей в городском пространстве в виде информационных табличек, разного рода вывесок, рекламы, различных надписей (эпитафии) как официальных, так и спонтанных.

Языковой облик городской среды формируют несколько взаимосвязанных подсистем: хоронимы (наименования районов города), гонимы (наименования улиц, переулков, проспектов), эмпоронимы (названия государственных учреждений и коммерческих фирм), трапезонимы (названия учреждений общественного питания). Не менее важны для языкового облика города и такие явления, которые еще не получили собственных лингвистических терминов: например, названия парикмахерских [Шмелева, 1994, с. 70], а также названия остановок общественного транспорта, которые являются самым молодым видом городских топонимов, весьма актуальным, постоянно обновляющимся и дающим богатый языковой материал.

В Чите названия остановок общественного транспорта размещены на бортах маршрутных такси, больше данные названия в языке города нигде письменно не фиксируются: их нет на самих остановочных пунктах (за редким исключением), на бортах троллейбусов указаны только конечные остановки маршрутов (например: *ТРЗ — СибВО, Дено — Сосновый Бор*). Кроме того, так как маршрутные такси в городе принадлежат разным частным перевозчикам, названия остановок, размещенные на них, в большей степени обладают неофициальностью и лучше отражают городской уzus.

По классификации Т.В. Шмелевой [Шмелева, 1994, с. 108], названия остановок общественного транспорта по фактору пространства относятся к транспортной эпиграфике, т.е. размещены на бортах автомашин; по фактору жанра относятся к ориентирующим названиям, т.е. способствуют пространственному самоопределению горожан, обеспечивают их комфорт нахождения и перемещения в городской среде.

Названия остановок общественного транспорта г. Читы как особый вид топонимов выполняют несколько функций, которые выявляют их значимые лингвистические и экстралингвистические особенности.

Первая функция названий остановок — идентифицирующая (назывная), она состоит в выделении объекта в ряду однородных [Арышева, 2012, с. 37; Разумов, 2013, с. 309]. Называя объект, топоним делает его уникальным, отличающимся от других подобных объектов. В связи с этим каждое такое название должно обладать некоторым

своеобразием, в то же время неудачными являются повторяющиеся, совпадающие названия разных остановок (типа *Почта, Школа, Поликлиника, Университет* — для корпусов одного вуза, расположенных в разных частях города) или названия, повторяющие топонимы, имеющие протяженность в пространстве города (типа *ул. Рахова, ул. Бабушкина*).

Вторая функция названий — утилитарная, [Арышева, 2012, с. 37], или адресная [Разумов, 2013, с. 309], проявляется в том, что названия остановок служат средством ориентации в городском пространстве (эту особенность подчеркивает и жанр эпиграфики, названный Т.В. Шмелевой [Шмелева, 2014, с. 108]). В данной функции названия остановок употребляются не только в письменной речи (на бортах маршрутных такси), но также в устной речи горожан, использующих какие-либо ориентиры в городском пространстве. Причем, по нашим наблюдениям, среди читинцев названия остановок используются в устной речи чаще топонимов или хоронимов, которые являются названиями объектов слишком протяженных или крупных для обозначения конкретного места.

Следует отметить, что топонимы и хоронимы также активно используются в качестве названий остановок, но с некоторыми особенностями: названия районов города (хоронимы) в г. Чите чаще обозначают конечные остановки маршрутов: *ГРЭС, КСК, Антипиха, Песчанка, Остров* и т.д.; названия улиц (топонимы) показывают маршрут движения такси (*СЮРПРИЗ — ул. Рахова — ПОЖАРКА; ГАИ — ул. Верховенская — Сосновый Бор; по ул. Труда*). Кстати, стоит обратить внимание на интересную деталь: в названиях остановок троллейбусов в Чите топоним обозначает место пересечения маршрута с данной улицей, а не движение по ней: маршрут троллейбуса пролегает по ул. Бутина, остановка называется «Ул. Бабушкина»; маршрут пролегает по ул. Комсомольской, остановка «ул. Недорезова».

Третья функция названий остановок тесно связана с предыдущей — это функция формирования чувства места. Городские топонимы обладают способностью наполнять пространство социальным и эмоциональным смыслом, как бы «привязывая» человека к месту (на этот факт обращают внимание, например, географы [Павлюк, 2017,

с. 33–34]). Иными словами, названия остановок, наряду с другими локальными топонимами, являются важным средством пространственной самоорганизации городского сообщества, помогают сделать пространство «своим» для горожан за счет своей эмоциональности, неофициальности, а также тем, что называют значимые части городского пространства, в том числе его малые части.

Именно сформированное чувство места горожан, как представляется, способствует сохранению старых или «местных» названий остановок, даже неактуальных с точки зрения именованного соответствующих объектов. Так, в г. Чите часто используют названия старых (и уже не существующих) предприятий, магазинов: *Машизавод, ЦРММ, Дворец спорта, маг. «Буратино», Скороход, Северянка, РАДУГА*. Эта особенность имеет и другой эффект: она в некоторых случаях сохраняет ставшие привычными названия торговых предприятий (независимо от времени существования и владельца): «Сувениры», «Темп», «Старт» и др. Кроме того, продиктованы чувством места локальные названия, понятные ограниченному кругу лиц: *Десятка, Отделение*. Таких довольно много в устной речи водителей и пассажиров маршрутных такси (*Штаб, Налоговая, ФОК, ЗабКЛИИ* и др.), что может способствовать их последующей письменной фиксации.

С точки зрения сформированного чувства места можно объяснить использование в названиях остановок таких актуальных для жителей города наименований объектов, которые не фиксируются в качестве официальных, например на карте и в справочнике «2ГИС»: *Городской пляж*, на карте — *Водная станция; Шатры*, на карте — *Детский центр Орешки; Налоговая, Штаб, Отделение* на карте отсутствуют [см.: Карта и справочник «2ГИС»].

Также для названий остановок в данной функции характерно вытеснение официальных названий неофициальными, например, *Пожарка* уже почти вытеснило название «*Ул. Недорезова*» и используется на карте «2ГИС»: *Пожарка, остановка наземного транспорта* [см.: Карта и справочник «2ГИС»], там же имеется название *Зенитка. Место, Чита. 52.039604°, 113.438267°*.

Функция формирования чувства места, как представляется, оказывает влияние на выбор городского объекта при нейминге остано-

вок. В этом случае выбор может быть субъективным и зависеть от восприятия городского пространства. Как следствие, одна и та же остановка может называться по-разному: *Удокан, м-н Центральный, ОДОРА, Театральная площадь* (для этого места характерна концентрация значимых городских объектов). Часто такая субъективность порождает варианты названий одних и тех же объектов в качестве названий остановок: *ВЦ Забайкальский, Выставочный центр, ВЫСТАВОЧНЫЙ*; *гор. БОЛЬНИЦА, гор. больница № 1; ГАИ, Обл. ГАИ; ЧитГУ, ЧГТУ, Тех. университет, Пед. университет, ЧГПУ, ЗабГПУ, ЗабГУ, УНИВЕРСИТЕТ* (сохранена орфография источников). Таким образом, для горожан названия остановок создают особую карту города, выделяя значимые объекты по признаку актуальности, давая им неофициальные, однако вполне функциональные обозначения.

Четвертая функция названий остановок может быть названа исторической, т.к. в названиях отражается история города. Историческую функцию выполняют также другие городские топонимы, но в названиях остановок за счет частого использования она актуализируется и дольше сохраняется. Особенно важно, что таким образом актуализируются названия, отражающие региональную историю, так как они в данном случае являются уникальными, создают своеобразие языкового облика данного города: *ул. Бутина, ул. Рахова, проспект Белика* и др. Неофициальные городские топонимы так же важны в этом смысле, т.к. отражают историю данного места: *Пожарка* (где была пожарная часть и каланча), *Зенитка* (где находилась зенитная батарея), *Девичья сопка*.

Историческая функция проявляется также и в том, в названиях остановок на долгое время фиксируются наименования уже не существующих городских объектов, имевших некогда большое значение для города, так, например, сохраняются названия *Машизавод, КСК, ЦРММ* (кроме названий остановок больше нигде не используются); названия магазинов *Северянка, Буратино, Скороход, Дом книги, Шаптры*; кинотеатров *Спутник, Центавр*; фиксируются устаревшие названия *ЧитГУ, ЗабГПУ, Тех. университет, Пед. университет*. Таким образом, названия остановок помогают сохранению исторических городских топонимов.

Пятой функцией названий остановок следует назвать социокультурную функцию. Её суть состоит в том, что данные топонимы проявляют социальную структуру и культурные реалии каждого города, отражая некоторую «обобщенную» позицию горожан, в частности их картины мира и особенностей речи. При этом важен тот факт, что названия, размещённые на бортах автомашин, — это результат индивидуального творчества, однако их создатели ориентируются на узус, так как названия остановок адресованы многим горожанам и должны быть им понятны. «Образ города — это во многом и образ создавшей его культуры, наиболее отчетливо выражающий ее сущность» [Лебедева, 2014, с. 29], поэтому так важны все элементы, формирующие этот образ, в особенности язык.

Язык города складывается из элементов разных подсистем русского национального языка: кодифицированного русского языка (в его разговорном стиле), городского просторечия, полудиалектов, различных жаргонов. Однако основной языковой фонд, представленный в речи современного российского города, традиционно называют городским просторечием, отмечая сложность и малоизученность этого явления: ««Просторечие» (при достаточно широком его понимании) составляет «ядро», некий инвариант системы языка современного города» [Шарифулин, 1997, с. 10].

Это наблюдение подтверждают названия остановок г. Читы, в частности, такой особенностью, как неофициальность, проявляющейся в широком использовании элементов городского просторечия. Примеры: *Политен* (Политехнический институт), *Нархоз* (Институт народного хозяйства), *Десятка* (магазин № 10), *Отделение* (одно из подразделений ОАО «РЖД»). Кроме того, слова в данных названиях могут быть использованы без учета их значения, например, *Храм* для обозначения остановки у конкретного православного собора, при этом храм — любое культовое сооружение.

Также к проявлениям городского просторечия в названиях остановок следует отнести их вариативность при наименовании одного и того же объекта, например, на бортах разных маршрутных такси. Примеры: *ЦИРК*, *Шапито*; *КДЦ «Родина»*, *кин-р «Родина»*, *РОДИНА*; *УНИВЕРСИТЕТ*, *Пед. университет*, *Пед. институт*; *ЧГУ (Заб-*

ГУ), ЧитГУ, ЧГТУ, *тех. Университет, Политех; ДЕТ. БОЛЬНИЦА, Детская ОКБ.* Существование разных вариантов одного названия в городском узусе, видимо, не создает помехи в коммуникации, в выполнении ориентирующей функции. Более того, говоря о неофициальности городских топонимов, следует заключить, что данные названия формируют особую карту города, выделяя значимые объекты по признаку актуальности, давая им обиходные, однако вполне функциональные обозначения.

Также важной особенностью названий остановок г. Читы, а также чертой, соответствующей городскому просторечию, является их орфографическое оформление, в частности, многочисленные отступления от принятых правил правописания. Среди них обращают на себя внимание исследование использование прописных и строчных букв, оформление графических сокращений, написание сложносокращённых слов.

Так, в названиях остановок на бортах маршрутных такси в большинстве случаев не дифференцируются прописные и строчные буквы. Например, все названия выполнены только прописными, или полностью прописными выполнены только отдельные названия среди прочих: *КАШТАК ТЦ ЦАРСКИЙ / СЕВЕРНЫЙ ТЦ МАКСИ / АКАДЕМИЯ ЗДОРОВЬЯ КЛИН.БОЛЬНИЦА; м-н Океан / Гор. Больница / рынок ВИТЭН/ ПЕСЧАНКА; МАШЗАВОД Багульник / Родина ВОКЗАЛ; площадь ЛЕНИНА.* При таком способе написания не различаются аббревиатуры и обычные слова: *ГРЭС КСК Ц.РЫНОК; ТРЦ МАКСИ; ЦРМ, МЖК, ЦИРК.* Также ненормативное использование прописных букв не даёт возможности различать имена собственные и нарицательные: *старый РЫНОК, центральный РЫНОК, база Геологов, Дом Книги, ЧЕРЕЗ МАКСИ, ВОКЗАЛ* и др. В некоторых случаях прописная буква используется для выделения определенных названий, возможно, ключевых для данного маршрута, или заменяет собой другие средства письменного текста, например, кавычки: *маг. ТЕМП — маг. ВЕСНА; Кинотеатр ЦЕНТАВР; ктр. УДОКАН.* Таким образом, в написании названий остановок «отменяется» функция прописной буквы, или это графико-орфографическое средство используется с новыми значениями.

Графические сокращения в названиях остановок также в большинстве случаев отличаются от тех, что приняты правилами русской орфографии. Прежде всего, они не единообразны: одно слово может иметь несколько вариантов в сокращенном виде: *ДИАГН. ЦЕНТР*, *Диагност. Центр*, *Диагн-кий Центр*; *Клин. больница*, *Клин. бол-ца*, *Клинич бол.*; *маг. Сувениры*, *м-н «Океан»*, *м-н. «Океан»*, *мг. Рассвет*; *г-ца Забайкалье*, *гост. «Турист»*, *г. Турист*. Наблюдается непоследовательное использование точки в сокращениях (*Клинич*, *м-н.*), наличие окказиональных сокращений. Примеры: *бол-ца* и *бол.* при нормативном общепринятом сокращении *б-ца* и *больн.* — *больница* [Основные, с. 923]; *К-ТР УДОКАН*, *кт. Спутник*, *кин-р «Родина»* при нормативном сокращении *к/т* — *кинотеатр* [Основные 2018, с. 927]; *4, 5, 6 мкр.*, *1-Й МКР* при нормативном *мкр-н* — *микрорайон* [Основные 2018, с. 928]; *ст. Лocomотив*, *стд. СибВО* при нормативном *стад.* — *стадион* [Основные 2018, с. 932]. Встречается сокращение ключевых для пространственной ориентации пассажиров слов (*СОСН. БОР*, *Дев. Сопка*), вследствие ненормативного сокращения слов затемняется их значение: *г. Турист* (гора? господин?), *р. ВИТЭН* (река?). Некоторые сокращения представляются коммуникативно нецелесообразными: *Академия Зд.*, *Академия Здор.*, *Ц.РЫНОК*, *Перин-ный центр*. Таким образом, написание графических сокращений не только не соответствует правилам орфографии, но и в ряде случаев может затруднять восприятие надписей.

Написание сложносокращенных слов в названиях остановок также во многих случаях противоречит правилам, хотя среди городских топонимов подобных слов не много: *МАШЗАВОД*, *Маши. завод*, *Маши-Завод*; *МОЛ. ЗАВОД*, *Мол-Завод*. С учетом использования прописной буквы иногда создается 3 — 5 вариантов одного названия: *Пед. университет*, *пед. Университет*, *ПЕД. УНИВЕРСИТЕТ*; *Гор. больница № 1*, *ГОРБОЛЬНИЦА*, *ГОР. БОЛЬНИЦА*, *гор. БОЛЬНИЦА*, *гор. Больница*. При этом нормативный вариант используется редко, чаще наблюдается стремление авторов графическими средствами разделить части сложного слова.

Таким образом, орфографическое оформление транспортной эпиграфики не соответствует норме, оно проявляет характерную черту просторечия, зафиксированного в письменной форме. Будучи напи-

санными, названия демонстрируют низкий уровень лингвистической компетенции авторов, которые не различают графические сокращения и аббревиатуры (*т.и.*, *Аврора*, *ТЦ «Эльдорадо»*), сложносокращенные слова и сокращения (*гор. Больница*, *гор. пляж*) и другие языковые явления, непоследовательно используют прописные буквы, кавычки и другие графические средства.

Также социокультурная функция названий остановок реализуется в том, как они отражают городские реалии, точнее — важные для жителей ориентира в городском пространстве. Чтобы выявить это, необходимо провести подсчёт годонимов, хоронимов, эмпоронимов и других названий, используемых также в качестве названий остановок. Для данного подсчёта были произвольно выбраны 122 наименования, без учёта повторяющихся.

В результате в названиях остановок Читы больше всего было зафиксировано эмпоронимов (частная группа — названия магазинов и рынков) — 24,6 % (*м-н Океан*, *Д. Книги*, *Сувениры*, *ТЦ «Эльдорадо»*, *мг. Рассвет*, *Ц. Рынок*, *Р. ВИТЭН* и др., всего 30 единиц) и годонимов — 21,3 % (*Советская*, *Магистральная*, *площадь Ленина*, *ул. Бабушкина*, *ул. Рахова* и др., всего 26 единиц). Также присутствуют хоронимы — 14,8 % (*ГРЭС*, *КСК*, *Песчанка*, *Пожарка*, *Сосновый Бор*, *Северный*, *Остров* и др., всего 18 единиц), названия досуговых учреждений — 13,1 % (*КДЦ «Родина»*, *ДК Железнодорожников*, *Театр кукол*, *Дворец спорта*, *к-тр Удокан*, *ст. Локомотив*, *Цирк* и др., всего 16 единиц), названия учреждений образования — 9 % (*Пед. Университет*, *ЧГУ*, *ЗабИИЖТ*, *Мед. Академия*, *Нархоз*, *школа 17* и др., всего 11 единиц, многие являются вариантами названий одного учебного заведения — *ЗабГУ*), названия медицинских учреждений — 5,7 % (*Клин. Больница*, *Гор. Больница*, *Академия Здоровья*, *7-я поликлиника*, *Перин-ный центр* и др., всего 7 единиц). Меньше всего зафиксировано названий промышленных предприятий Читы — 4,1 % (*Маш. завод*, *ЦРМ*, *Пивзавод*, *Овощебаза*, *Мол. завод*, всего 5 единиц). Имеются и прочие названия — 7,4 % (*Вокзал (Храм)*, *ГАИ*, *Метеостанция*, *Дацан*, всего 8 единиц).

Проведённый подсчет позволяет сделать вывод о выборе определенных городских объектов для названия остановок и, вследствие этого, об их значимости для горожан.

Хоронимы и годонимы ожидаемо используются в названиях остановок, они обязательны как названия конечных пунктов маршрутов (хоронимы) и как линейные объекты этих маршрутов (годонимы). В то же время многочисленные названия торговых и досуговых, или развлекательных, учреждений в названиях остановок (в целом больше одной трети от всех названий) говорят о значимости данных объектов для городской среды и для сознания горожан. Названия этих городских объектов часто меняются: так, в имеющемся языковом материале зафиксированы названия уже не существующих объектов: *Северянка*, *м-н Птица*, *Калинка* — и двойное наименование, отражающее смену эмпоронима: *Привоз (Буратино)*. Однако широкое использование эмпоронимов в качестве названий остановок поддержано их заметными вывесками и отчасти сформированной городской традицией (уже не существующие названия «*Северянка*», «*Радуга*», «*Скороход*» и др.).

Образовательные и медицинские учреждения также являются в большей степени актуальными для горожан, в то время как названия промышленных предприятий и государственных учреждений используются весьма ограниченно, что говорит об их меньшей значимости в городской жизни. При этом названия некоторых ранее существовавших промышленных предприятий Читы сохранились только в названиях остановок, а также отдельные — в названиях районов города, то есть стали хоронимами: *Машизавод* (Читинский машиностроительный завод), *КСК* (Камвольно-суконный комбинат), *ЦРММ* (Центральные ремонтно-механические мастерские), *Овощебаза*, *ТРЗ* (Тепловозоремонтный завод).

В целом, выполняя одну из названных функций — социокультурную, — транспортная эпиграфика города Читы демонстрирует элементы просторечия, представленного в письменной форме. К таким элементам следует отнести орфографическую ненормативность (при наличии общепринятых нормативных вариантов, о которых авторы надписей не знают), широкую вариантность названий как на орфографическом, так и на формальном уровне. Названные особенности, как правило, не снижают ориентирующего характера данных написаний, чему способствуют такие их черты, как неофициальность и традиционность названий, составляющих городской узус.

Таким образом, транспортная эпиграфика города Читы является важным составным элементом языкового облика города, наряду с другими. Она представляет собой довольно молодое, актуальное, постоянно обновляющееся явление, оперативно отражающее городской узус, городские реалии и языковую картину мира горожан. Рассматривая транспортную эпиграфику, можно делать как лингвистические, так и экстралингвистические выводы. Лингвистические выводы, в основном, касаются использования в данном языковом материале характерных черт просторечия как наиболее распространенной подсистемы языка города, его «ядра». Экстралингвистические выводы касаются социальной структуры населения города, его образа жизни и занятий. Например, о транспортной эпиграфике Читы можно сказать, что имеющиеся названия остановок адресованы горожанам, а не приезжим. Также можно говорить о важности торговли для жителей города Читы, в целом о пространственных предпочтениях горожан, о целях их перемещения в городе.

Список литературы

1. Арышева А. А., Гладилова А. И. и др. Нейминг остановок г. Кемерово: современное состояние, проблемы и направления оптимизации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4–3 (52). С. 37–41.
2. Карта и справочник «2ГИС» // 2gis.ru. URL: <https://2gis.ru/chita> (дата обращения: 04.11.2019).
3. Лебедева О. С. Город как социокультурное пространство // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания. 2010. Т. 8. № 9 (69). С. 29–32.
4. Основные общепринятые графические сокращения // Русский орфографический словарь: около 200 000 слов: 4-е изд., испр. и доп. / под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2018. С. 922–934.

5. Павлюк С. Г. Городская локальная топонимия как индикатор пространственной самоорганизации общества // Городские исследования и практики. 2017. № 2 (7). С. 33–42.
6. Подберёзкина Л.З. Язык города // Эффективное речевое общение (Базовые компетенции) Словарь-справочник. Электронное издание; Под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. С. 774–775.
7. Разумов Р. В. Названия остановок и проблемы городской коммуникации // Человек в информационном пространстве: сборник научных трудов. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2013. С. 308–312.
8. Шарифулин Б. Я. Язык современного сибирского города // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вып. 5. Красноярск: Красноярский государственный университет, 1997. С. 8–26.
9. Шмелева Т.В. Как называют парикмахерские в Великом Новгороде // Человек в коммуникативном пространстве: сборник научных статей. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. Т. 5. № 5. С. 69–75.
10. Шмелева Т.В. Современная городская эпиграфика // Язык и культура: Третья междунар. конф. Доклады и тезисы. Киев: Лада, 1994. С.106–109.

Глава 8. Динамика региональной языковой ситуации в полиэт- ническом Забайкалье

8.1. Современное русско-бурятское языковое взаимодействие *Ц.Р. Цыдендамбаева*

В мультикультурной картине России особое место занимает Забайкальский край, современное население которого характеризуется значительным национальным, религиозным и культурным разнообразием. «Это связано с преобладанием здесь пришлого населения, прибывавшего сюда для освоения свободных сельскохозяйственных угодий, а позднее — в связи с развитием промышленности, необходимостью охраны государственных границ и т.д. При этом и в будущем следует предполагать сохранение преобладания двух ключевых для региона этносов — русского и бурятского, а также присущих им культур» [Регионализация образования, 2007, с. 11].

Небывалое смешение этносов и культур становится основой новых культурных универсалий, определяющих своеобразие региональной культуры Восточного Забайкалья, население которого многонационально и многоконфессионально.

Региональная культура Восточного Забайкалья представлена как особая форма проявления российской культуры, отличная от общероссийской культуры, проявляющаяся в диалектическом взаимодействии универсального и локального с явным превалированием локального над универсальным, что и определяет своеобразие региональной культуры Восточного Забайкалья [Регионализация образования, 2007, с. 11].

Совместное проживание различных по культуре и языку этносов в крае обусловило специфическое своеобразие развития почти во всех областях человеческой жизни: социальных, экономических, политических, образовательных, культурных и т.д. Здесь надо отметить особенность современной языковой ситуации в России — это повышенный интерес народов к своей культуре, языку, обычаям, традициям. Перед наукой же встали задачи изучения проблем этнокультурного сосуществования, тенденций изменений национального самосозна-

ния, языковой ситуации в процессе происходящей в российском обществе демократизации.

Отличительной особенностью Забайкальского края с точки зрения этноязыковой является наличие русско-бурятского двуязычия. Как отмечает видный бурятский учёный Л.Д. Шагдаров, «более трёхсот лет контактирует бурятский язык с русским языком. За это время эти языки оказывали друг на друга интенсивное влияние. Особенно громадным было влияние русского языка на бурятский, ибо русский язык является одним из самых развитых языков мира, имеющих многовековые традиции. Изучение этого длительного, прогрессивного и разностороннего влияния русского языка на бурятский язык — одна из почётных задач языковедов» [предисл. к Дондуков 1974, с. 3].

Основное условие возникновения двуязычия вообще и бурятско-русского двуязычия в частности — это тесные многовековые связи между двумя народами. Современное развитие науки, культуры, экономические контакты оказывают решающее влияние на развитие массового двуязычия бурят.

Употребление русского языка бурятами распространяется на бытовое общение, образование, сферу устной коммуникации, в области культуры, периодическую печать и т.д.

Процесс становления и развития бурятского и русского языковых контактов имеет длительную историю и представляет собой неотъемлемую часть всего комплекса общественно-политических, культурно-исторических и этнолингвистических связей этих народов. А.А. Дарбева, анализируя условия развития бурятско-русского двуязычия, называет два основных периода его развития:

1) дореволюционный период. Сюда относится встреча русских с бурятами в XVII веке. Массового заселения не было. Языковые взаимоотношения носили преимущественно устный и индивидуальный характер, реже — групповой. Далее — массовое заселение русских в Бурятии. Русские учились у бурят скотоводству, а буряты — земледелию. В основном характерны лексические заимствования. Этот период сопровождается преобладанием русско-бурятского двуязычия и ограничивается распространением бурятско-русского двуязычия. На начальном этапе процесс двуязычия большое распространение

имел у западных бурят в связи с насильственным крещением. К концу XIX — началу XX века в связи с появлением бурятской интеллигенции ценилось знание русского языка, шло постепенное приобщение к мировой культуре, получение образования;

2) постреволюционный период. Массовое стремление к освоению русского языка. Преобладает бурятско-русское двуязычие, расширились социальные функции бурятского и русского языков. Языковые контакты с русским народом сказались на развитии не только словарного состава и терминологии бурятского языка, но и его фонетики, грамматики [Дарбеева, 1976].

Говоря о современном периоде языковых взаимоотношений, следует иметь в виду всю совокупность вопросов, касающихся природы и роли межэтнических отношений в развитии и функционировании полиэтнического сообщества. Известно, что межэтнические отношения имеют сложную систему языковых и других (экономических, политических, правовых, нравственных, психологических) связей, складывающихся между этносами и другими социально-историческими общностями. Из этой сложной сети многообразных связей языковые взаимоотношения можно рассмотреть как составную часть межэтнических отношений [Балханов, 2002]. По своей значимости в жизни полиэтнического общества именно язык является универсальным символом межэтнических взаимоотношений.

При исследовании особенностей взаимовлияния двух языковых систем следует учитывать ряд их фонетико-графических и грамматических специфических черт, которые играют немаловажную роль при адаптации заимствований в обоих языках:

1. Среди фонетико-графических особенностей бурятского языка обращает на себя внимание тот факт, что в настоящее время для письменной формы общения бурятами используется кириллица, которая официально была принята в 1939 году. Учёными были признаны значительные преимущества русской графики над существовавшими ранее старомонгольской и, позднее, латинской графикой. Таким образом, современный бурятский алфавит содержит в своём составе 36 букв, с добавлением к 33 буквам русского алфавита дополнительных знаков өө (всегда долгий и потому двойной), ү и фарингального һ.

2. Главной характерной фонетико-графической особенностью бурятского языка, в отличие от русского, является так называемый сингармонизм гласных, заключающийся в особенностях употребления в одном слове гласных, представленных тремя группами: заднерядными (твёрдыми), переднерядными (мягкими) и нейтральными гласными (эрэ, эмэ, эрсэ аялганууд). Например, основная рекомендация звучит так: «Твёрдые и мягкие гласные не пишутся в одном слове, а нейтральные пишутся с теми и другими» [Правила орфографии и пунктуации бурятского языка 2009, с. 98].

3. В бурятском языке, в отличие от русского, во многих словах используются дифтонги (сочетание двух звуков, произносимых слитно, один за другим, как один звук), например, в словах *айл* [a^uл] (*семья*), *нохой* [нохо^u] (*собака*), *ой* [o^u] (*лес*), *уйдаха* [y^uдаха] (*грустить*), *гүйхэ* [гү^uхэ] (*бегать*).

4. Бурятский язык характеризуется отсутствием словесного ударения, которое присуще словам русского языка. Сильные позиции гласных нередко выражаются при помощи долготы гласных, проявляющейся на письме удвоенным написанием гласных букв (*аа, оо, уу, өө, үү, ээ, ии*), например, *сагаан* (*белый*), *баабгай* (*медведь*), *бууза* (название бурятского национального блюда). С этой особенностью бурятского языка связано и произношение во многих словах беглых гласных, которые практически не произносимы и видны только на письме.

5. В плане грамматики важен учёт того, что, согласно типологической классификации языков, русский и бурятский языки относятся к разным группам: русский — язык флективного словоизменения, бурятский — агглютинативного. Специфика агглютинации в бурятском языке заключается в механическом последовательном присоединении аффиксов числа, падежа, притяжания, например, *нүхэдтээ* — (*нүхэ+д+тэй+ээ*) – бур. досл. *со своими друзьями*, где последовательно присоединены аффиксы -д (показатель формы множественного числа), -тэй (показатель формы совместного падежа), -ээ (показатель формы безличного притяжания). Также в бурятском языке отсутствует понятие предлога, который частично представлен словами, именуемыми послелогоми (*дахуул үгэнүүд*), которые при переводе на русский язык передаются при помощи предлогов и падежных окончаний.

чаний. В русском языке основным носителем грамматических значений изменяемых слов является их флексия, часто в сочетании с предлогом, например: *тетрадью*, где окончание *-ю* указывает на то, что это существительное женского рода единственного числа творительного падежа.

6. Кроме того, отличительными особенностями бурятского языка являются отсутствие грамматической категории рода, склоняемость всех групп существительных, в том числе заимствованных.

7. Главной синтаксической особенностью бурятского языка, в отличие от русского, является строгий порядок слов в предложении, согласно которому подлежащее и сказуемое, будучи организующими центрами предложения, занимают в нём крайние места: подлежащее в начале предложения, а сказуемое — всегда в конце. Кроме того, в бурятском языке не очень употребителен тип связи согласование, и его специфика совершенно иная, чем в русском языке, в связи с отсутствием категории грамматического рода и т.д.

Эти и многие другие особенности обеих языковых систем находят отражение в характере адаптации заимствований как в русском, так и в бурятском языке.

Рассматривая особенности влияния русского языка на бурятский, У-Ж.Ш. Дондуков отмечает, что обогащение бурятского языка под влиянием русского заключается «в прямом заимствовании русских слов, в калькировании отдельных слов и фразеологизмов, в семантическом освоении отдельных слов, а также в освоении синтаксических моделей русского языка». Это, по мнению учёного, свидетельствует не только о количественном увеличении словарного состава бурятского языка, но и о формировании «новых понятий языковой общности», о «путях развития человеческой мысли» [Дондуков, 1974, с. 98]. В большинстве случаев заимствование слов связано с появлением новых понятий в области быта, экономики, юридического, военного дела и т.д., для которых в языке-реципиенте нет соответствующих словесных обозначений.

Изучению заимствований из русского языка в составе бурятского языка посвящено достаточное количество лингвистических исследований, где учёными подробно рассматриваются вопросы фонети-

ко-графического, семантического, грамматического освоения русских заимствований, причины и пути их проникновения в бурятский язык, основные тематические группы. Об этом свидетельствуют фундаментальные труды таких учёных, как Ц.Б. Цыдендамбаев, К.М. Черемисов, У-Ж.Ш. Дондуков, Б-Д.Б. Батоев, Л.Д. Шагдаров, Д.А. Алексеев, М.П. Хомонов, И.Д. Бураев, А.А. Дарбеева и др.

Современную бурятскую разговорную речь по-прежнему отличает большое количество заимствований из русского языка, а также лексем, проникновению которых он способствует, например, англицизмов. Обратимся к примерам из устной разговорной речи бурят.

В предложении *Ши телефондом симкыем вставлеэжэ үгыш* (*Ты вставь мою симку в мой телефон*) обращает на себя внимание использование русского слова даже в том случае, когда в бурятском языке есть его эквивалент: *вставлеэжэ* (от слова *вставлять*) — *табижа*. Как видим из приведённого примера, заимствования, сохраняя свою частеречную принадлежность, принимают аффиксы заимствующего языка, например: слово *телефондом* имеет окончания *-до* и *-м*, которые в бурятском языке являются показателями у существительных дательного-местного падежа и личного притяжания соответственно; слово *симкыем* имеет окончания *-ые* и *-м*, являющиеся показателями винительного падежа и личного притяжания соответственно; глагол *вставлеэжэ үгэ* представляет сочетание основы русского глагола *вставлять* с присоединением аффикса *-жэ* (показатель деепричастной формы) и вспомогательного слова *үгэ*, которое, употребляясь с деепричастиями, выражает действие, совершающееся в пользу кого-либо. Причём при произнесении и письменной фиксации подобных примеров из бурятской разговорной речи наблюдается соблюдение сингармонизма гласных, например, окончание *-до* в слове *телефондом* связано с тем, что в русском языке ударение падает на букву *о* в корне. Строй предложения сохранён в соответствии с синтаксическими особенностями бурятского языка.

В предложении *Квартира снимайха болообди* (*Нам придётся снять квартиру*) при наличии эквивалентов в бурятском языке не использованы переводы слов *квартира* (*байра*), *снимайха* (*хүлһөөр абаха*), причём глагол использован не только с применением дифтон-

га ай, но и с и окончанием причастия будущего времени -ха и построен по законам сингармонизма гласных. Строй предложения соответствует синтаксическим нормам бурятского языка.

В предложении *Минии сестрѐнка Сэсэг гэжэ нэрэтэй (Мою сестрѐнку зовут Сэсэг)* также наблюдается неоправданное употребление русского слова *сестрѐнка*, имеющего широко употребительный в бурятском языке перевод — *дүү басаган*.

Как показывают наблюдения над живой разговорной речью молодого поколения бурят, примеры подобного тотального вытеснения бурятских слов их русскими эквивалентами более чем частотны. Наиболее очевидной причиной такой языковой ситуации следует признать скудный лексикон говорящих на бурятском языке, свидетельствующий об использовании ими в качестве основного языка общения языка русского. Причѐм заимствуются при наличии переводных эквивалентов слова разных частей речи, и даже вводные конструкции:

— *В основном, Гэсэр тухай хөөрөө (В основном, рассказывал о Гэсэре).*

— *Однажды иимэ юумэн болоо һэн... (Однажды случилось следующее...).*

— *Би, наверно, кинодо ошохогүйб (Я, наверно, не пойду в кино).*

— *По-моему, ши зуб хэлэнши (По-моему, ты правильно говоришь).*

— *Может, мүнөөдэр гэртээ ошохоб (Может, сегодня поеду домой).*

— *Короче, тэрэ намда мүнгэ үгөө (Короче, он дал мне денег).*

— *Ямар грубоор хэлээш (Как грубо ты сказал).*

— *Кажда хүн өөрын характертай (У каждого человека свой характер).*

— *Ши намда энэ ном рекомандайгааш. Помнишь? (Ты мне рекомендовала эту книгу. Помнишь?).*

— *Намда тэрэ тухай бү хөөрэ: надоел (Не рассказывай мне об этом: надоел).*

Таким образом, современную народно-разговорную речь бурят, где встречается не всегда оправданное использование заимствований из русского языка, характеризует следующие признаки:

1) активное употребление русских слов, имеющих эквиваленты в бурятском языке, причѐм в плане их фонетико-графического оформ-

ления при словоизменении в большинстве случаев с соблюдением действующего в бурятском языке закона сингармонизма гласных (*кажда, грубоор, телефондом*);

2) использование заимствований с присущими бурятскому языку аффиксами, образование новых слов и их форм агглютинативным способом, например, образование личной формы глагола в форме прошедшего времени с соответствующими аффиксами (*рекомендовать* → *рекомендов- + ай + гаа + и*); образование падежных форм существительных (*характер* → *характер + тай*; *телефон* → *телефон + до*); образование наречий (*грубо* → *груб- + оор*) и т.д.;

3) в предложениях соблюдается порядок слов бурятского языка, который проявляется, в первую очередь, в позиции сказуемого в конце предложения;

4) в последнее время появляются нарушения синтаксической нормы бурятского языка, когда говорящие используют некоторые способы согласования, более присущие русскому языку, например, в словосочетании *сэбэрнүүд басагадууд* (прав. *сэбэр басагад — красивые девушки*) к обоим словам присоединены аффиксы множественного числа, хотя в бурятском языке это не требуется;

5) частотно употребление целых синтаксических конструкций из русского языка, например, вводных.

С рассматриваемым явлением связана одна наиболее острых языковых проблем в нашем регионе — современное состояние литературного бурятского языка, и влияние на него русско-бурятского двуязычия. Учёные считают «проблему сохранения и возрождения национальной культуры, прежде всего языка, самой насущной, причём язык признаётся наиболее значимой идеологемой бурятского национального самосознания» [Дырхеева, 2002, с. 3]. Динамика развития двуязычия в настоящее время идёт не в пользу бурятского языка, что ведёт не только к его исчезновению, но и к деградации общего состояния культуры.

Вместе с тем есть ряд работ, авторы которых признают, что, являясь составной частью межэтнических отношений, двуязычие является активным инструментом межэтнической идентификации. Так, например, именно двуязычные дети проявляют большую гибкость в познавательных операциях, легче адаптируются в многонациональ-

ном школьном коллективе [Балханов 2002]. Двухязычие обеспечивает культурный рост человека и является в некоторой степени барометром, показывающим изменения, происходящие в культурной жизни данного народа и общества в целом» [Батоев, 1993, с. 3].

Ярким свидетельством межкультурной коммуникации между представителями бурят и русских и, как следствие, интересных языковых явлений служат особенности регионального варьирования русского языка, в частности, «заимствование забайкальскими говорами слов из бурятского языка» [Абросимова, 2011, с. 5]. Исследования этих вопросов посвящены труды Л.Е. Элиасова, У-Ж.Ш. Дондукова, Т.Ю. Игнатович, В.М. Егодуровой, С.М. Бабушкина, Б.Д. Цыренова, К.Н. Матвеевой, О.Л. Абросимовой, Д.Ш. Харанутовой и др.

Авторы статьи «Заимствованная из бурятского языка лексика как компонент регионального русского языка» В.М. Егодурова, С.М. Бабушкин [Егодурова, Бабушкин, 2012, с. 84–91], со ссылкой на ряд исследований в этой области, в числе основных тематических групп заимствований из бурятского языка перечисляют следующие:

— некоторые названия животных: *инзаган* / *анжиган* / *анджиган* (бур. *инзаган*) — козлёнок до полугодовалого возраста; *даган* (бур. *даган* — двухлетний жеребёнок) — молодой необъезженный конь; *бурун* (бур. *буруун*) — бычок и др.;

— названия охотничьего промысла: *гал* (бур. *гал* — огонь, свет) — светящийся ориентир;

— названия диких растений: *мангир* (бур. *мангир*) — дикий лук; *ургуй* / *аргуй* (бур. *ургы*) — подснежник; *карагана* (бур. *харгана*) — колючий мелкий кустарник;

— названия одежды: *дыгил* (бур. *дэгэл*) — меховая шуба; *доха* (бур. *даха*) — большая шуба из козьих или овечьих шкур шерстью наружу;

— названия продуктов и блюд: *шара* (бур. *шаара*) — выварки чая; *тарак* (бур. *тараг*) — род варенца; *буза* (бур. *бууза*) — национальное блюдо бурят; *курунгуи* (бур. *хүрэнгэ*) — молочный напиток вроде кумыса;

— слова, относящиеся к географической терминологии: *бутан* (бур. *бута*) — кочки на болоте; *хужир* (бур. *хужар*) — солончак, *аршан* (бур. *аршаан*) — источник, ключ хорошей воды, пресный родник и др.

Исследователь забайкальской диалектной лексики О.Л. Абросимова отмечает, что «заимствованию в забайкальских говорах подвергались слова, обозначающие бытовые реалии, и слова, связанные с животноводством» Помимо перечисленных выше тематических групп предметных заимствований О.Л. Абросимова называет слова, относящиеся к лексике, связанной с характеристикой человека [Абросимова, 2011, с. 6], например:

— социальная характеристика человека: *батхул* (бур. *бодхуул* — беглец, дезертир — прим. авт.) — бродячий каторжник;

— характеристика человека по происхождению: *гуран* — коренной забайкалец;

— характеристика детей: *отхон* (бур. *одхон*) — младший ребёнок в семье.

Уникальный языковой материал для исследования места бурятизмов в русской народно-разговорной речи представлен в «Словаре фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Забайкальского края» В.А. Пащенко [Пащенко, 2014].

Особый интерес привлекает богатая иллюстративная база словаря, а именно: его оснащённость единицами, их трактовкой, приведение контекста, указание на место записи текста и пр. Участие бурятизмов в составе исследуемых фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний свидетельствует о тесной межкультурной коммуникации носителей типологически различных русского и бурятского языков на территории Забайкальского края. «При этом носителям говоров необходимо знать не только иноязычное слово как таковое, но и культурный компонент его значения, реалии инокультуры. Только в этом случае иноязычное слово войдёт в диалектную систему и получит в ней новую жизнь. Можно сказать, что заимствование предотвращает не только смысловые, но и культурные сбои в процессе коммуникации» [Абросимова, 2011, с. 6].

«В сравнении с сибирскими диалектами именно бурятские заимствования представляют в русских говорах Забайкалья специфическую лексику забайкальского происхождения, придают русской речи местный колорит» [Игнатович, Биктимирова, 2016, с. 141].

Примечателен сам факт употребления бурятизмов в составе устойчивых сочетаний, что свидетельствует о том, что обращение к ним

имеет далеко не единичные проявления в русской народно-разговорной речи забайкальцев.

Рассмотрим некоторые примеры употребления бурятизмов в составе устойчивых единиц, приведённых в словаре В.А. Пащенко [Пащенко 2014]. Толкования слов в языке-источнике даны с опорой на «Бурятско-русский словарь» К.М. Черемисова [Черемисов, 1973]:

— *амбань* в составе сочетания как *амбань стоит, сидит* (и под.) трактуется в словаре В.А. Пащенко как «неподвижный, молчаливый», например: *Сидит как амбань душепагубный, телевизор глядит, никого делать не хочет* (Сретенский район) [Пащенко 2014, с. 10]. Лексема образована от бурятского *амба(н)* — сановник; вельможа [Черемисов, 1973, с. 48]. Возможно, учёт лексического значения слова в языке-источнике придаёт фразеологизму оттенок значения «ленивый, важный, как чиновник какой...» (прим. авт.);

— *бурун* (как *бурун пузатый*): о человеке со вздувшимся животом. Например: *Этого луку натолкёшь и с водой холодной нахлебаешься, и ходишь как бурун пузатый* (Красночикийский район) [Пащенко, 2014, с. 15]. Лексема образована от бурятского *буруун* — тёлка-двухлетка; двухлетний бычок [Черемисов 1973, с. 114]. Такой тип сравнения в бурятском языке достаточно распространён;

— *саландай* (*саландай саландаюшко*) трактуется в словаре В.А. Пащенко как «беспутный» [Пащенко, 2014, с. 78]. К нему приведён следующий контекст: *Лопаясь от стыда, от позора. Я тя кормлю, а ты колоттем кормить надо, саландай ты саландаюшко, да мякиной гречушной одной* (Акшинский район). В бурятском языке *саландай* толкуется так: 1) неосторожный; 2) неаккуратный, небрежный; 3) аляповатый; неуклюжий [Черемисов 1973, с. 383];

— *шуля* (*шиля, шилюшка*), образованная от бурятского *шулэ(н)*, что переводится как «суп, бульон, мясной отвар» [Черемисов, в 1973, с. 738], встречается в словаре В.А. Пащенко неоднократно в разных сочетаниях, например:

1) *шуля яшина* (никчёмный, не приносящий пользы): *А вот про человека, который ни Богу свечка, ни чёрту кочерга, называют его шуля яшина* (Шилкинский район) [Пащенко, 2014, с. 106];

2) *шиллюшка шиллюшкой* (о невкусной, несытной жидкой пище): *Капусты маленечки, потом бульбочки почисти, да не забудь водички побольше залить. Да уж после маслица положи, жиру. Вроде шиллюшка шиллюшкой, а горяченько, посербаеть, похлебаешь* (Оловянинский район) [Пащенко, 2014, с. 423];

— интересно употребление бурятизма *курма* в сочетании *аж курма заворачивается у кого-либо* (быстро бежать, идти), например, в предложениях: *Как он бежит, выпить-то поспешает, аж курма заворачивается* (Шилкинский район); *Дед говорит: попал в осиное гнездо, еле-еле выдрался. Бежал аж курма заворачивалась* (Чернышевский район) [Пащенко, 2014, с. 279]. Возможно, это слово образовано от бурятского *хормой*, что значит «подол, пола (одежды)» [Черемисов, 1973, с. 589]. Предположительно, бурятизм *курмушка* имеет то же происхождение (бур. *хормой*). В словаре В.А. Пащенко он приведён в сочетании *аж курмушка дымится у кого-либо* (быстро, стремительно бежать и под.): *Пришёл окошки ломать, так Фёдор его так распетрушил. Бежал, аж курмушка дымилась* (Нерчинский район) [Пащенко, 2014, с. 279];

— неоднократно встречается в словаре и бурятизм *таракин*, образованный от бурятского *тархи*, что в переводе на русский означает «1) голова; 2) мозг» [Черемисов, 1973, с. 415], например, в таких сочетаниях:

1) *таракин потёк у кого-либо* (о предсмертном состоянии раненого): *Прибежала, думала, голова у него стрёхнута, надо править. А у него уж таракин потёк* (Хилокский район) [Пащенко, 2014, с. 341]. Возможно, данный бурятизм употреблён в этом контексте дословно, в прямом значении («мозг»);

2) *таракин не работает у кого-либо* — тупой, несообразительный [Пащенко, 2014, с. 437].

— *четкур* в составе сочетания *четкур полосатый* рассматривается в словаре В.А. Пащенко как бранное выражение, например: *Туда бабы по ягоды ходили, разбрехались по лесу. А как наберут, так аукуются, чтобы, значит, не по-отдельному идти. Так им леший стал откликаться. Аукат, четкур полосатый. Тажно не стали далеко разбредаться* (Борзинский район) [Пащенко, 2014, с. 10]. Лексема обра-

зована от бурятского *шүдхэр*, что переводится как «чёрт» [Черемисов, 1973, с. 737]. Получается аналогия с русским просторечным выражением *чёрт полосатый* (*черти полосатые*).

Несомненным достоинством словаря являются приложения, где представлены забайкальские фразеологизмы с диалектными компонентами (Приложение 1), список диалектных слов, употреблённых в контекстах словаря (Приложение 2) и тексты, записанные в сёлах и районных центрах Забайкальского края (Приложение 3).

В приложениях к словарю также в достаточном количестве встречаются бурятизмы. Приведём некоторые примеры, данные в словаре В.А. Пащенко, и их соответствия в бурятском языке (по словарю К.М. Черемисова):

— *урашное молоко* — молозиво [Пащенко, 2014, с. 446], образованное от бур. *уураг* — молозиво [Черемисов, 1973, с. 481];

— *арака* — водка из молока [Пащенко, 2014, с. 447], которому в бурятском языке соответствует *архи* — молочная водка, тарасун; водка, вино [Черемисов, 1973, с. 60];

— *аргуйки* (*аргульки*) — подснежники [Пащенко, 2014, с. 447] — в бурятском языке *ургы* — бот. подснежник [Черемисов, 1973, с. 60];

— *гужир* (*кужир*) — соль с примесью, добываемая на солонцах [Пащенко, 2014, с. 449], образованное от бур. *хужар* — солончак, солонцы [Черемисов, 1973, с. 599];

— *жамба* — жареное зерно [Пащенко, 2014, с. 450], которому в бурятском языке соответствует *замбаа* — поджаренная мука [Черемисов, 1973, с. 248];

— *ишина* — картофельная ботва [Пащенко, 2014, с. 451], образованное от бур. *эшэ* — 1) ручка, рукоятка; 2) стебель, черенок, чубук (растения) [Черемисов, 1973, с. 780];

— *тулун* — шкура животного, используемая как ёмкость [Пащенко, 2014, с. 459], в бурятском языке *тулам* — кожаный мешок [Черемисов, 1973, с. 434];

— *икеришки* (*икерята*) — близнецы [Пащенко, 2014, с. 451] от бур. *эхир* — близнец, близнецы [Черемисов, 1973, с. 779] и мн. др.

В целом процесс освоения иноязычной лексики представляет собой сложное взаимодействие не только лексических, но и фонети-

ко-графических, грамматических систем языков. К числу основных признаков освоения каким-либо языком заимствованного компонента относятся грамматическое освоение лексемы, передача её фонетическими и графическими средствами заимствующего языка, относительная деривационная активность слова, достаточная частотность его использования. Наблюдения над русской разговорной речью забайкальцев позволяют выявить не только употребление в ней тех или иных бурятских заимствований, но и наличие у них названных признаков заимствования.

Как показывают наблюдения за подобными заимствованиями и их «поведением» в языке-реципиенте, следует отметить, что:

1) в целом они сохраняют ту же частеречную принадлежность, что и в языке-источнике, например, существительные *жамба* (бур. *замбаа*), *гужир* (бур. *хужир*), *тулун* (бур. *тулам*); глагол *зунтуглеть* (бур. *зунтэглэхэ*);

2) присущие бурятскому языку звуки и буквы *өө*, *у* заменяются русскими *о* и *у*, долгие гласные заменяются ударными (*бүхэлээр* — *бухлер*, *дааган* — *даган*, *замбаа* — *жамба*, *шүлэн* — *шуля*), фарингальный *h* чаще заменяют *с* (*сагаан хара* — *саган сара*, *һалан* — *халын*);

3) заимствованные слова способны участвовать в некоторых словообразовательных моделях согласно особенностям заимствующего языка: *икеришки*, *икерята* (бур. *эхир*) с суффиксами существительных *-ишк-*, *-ят-*; прилагательное *ураишый* (бур. *уураг*) с суффиксом *-ин-* со значением признака, относящегося к предмету; существительное *отхончик* (бур. *одхон*) с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-чик-*; существительные *саландаюшко* (бур. *саландай*), *шилюшка* (бур. *шүлэн*), *курмушка* (бур. *хормой*) с суффиксами *-юшк-*, *-ушк-* и т.д.;

4) «приобретение» словом признаков слов той части речи, которую они представляют, например, отнесение существительных к словам того или иного грамматического рода и, соответственно, типа склонения, хотя в языке-источнике этой категории нет: *шуля* (существительное I склонения, женского рода); *тулун* (существительное II склонения, мужского рода); *арака* (существительное I склонения, женского рода), *ишина* (существительное I склонения, женского рода);

5) с точки зрения синтаксической бурятизмы в русском языке повторяют те же функции, что и существительные, формы которых они принимают. Кроме того, активно участвуют в словосочетаниях при согласовании, тогда как в бурятском языке на уровне словосочетаний согласование практически не встречается: *шуля яшина, урашное молоко, бурун пузатый*.

Вплетаясь в живую русскую речь забайкальцев, бурятские заимствования обогащают её, делают более яркой, самобытной. Проникая в разговорную речь сибиряков, бурятская лексика не могла не отразиться в письменной речи, в частности, в художественной литературе. Бурятизмы, как выяснилось, присущи не только разговорной речи, но и в достаточной степени встречаются в текстах современной художественной литературы, например, в произведениях таких русскоязычных писателей, как И. Калашников, В. Гармаев, В. Балдоржиев.

Рассмотрим примеры употребления бурятизмов, особенности их адаптации на примере предложений из текстов произведений серии «Великая степь» русскоязычного писателя В. Балдоржиева [Балдоржиев, 2004].

Много людей собирается к осени в доме-трактире купца Губельмана, где работницы-бурятки готовят и подают к столам бузы, эрелжэ, убсуну, бараньи головы, арсу и айрак... («Силачи»).

Обратим внимание на бурятизмы *буза, эрелжэ, убсун, арса, айрак*:
— *буза* — от бур. *бууза* (большие пельмени, сваренные на пару): долгий *уу* преобразуется в ударное *у*. Существительное женского рода, I склонения, в контексте употреблено в форме винительного падежа, множественного числа;

— *эрелжэ* — от бур. *эрэлжэ* (самодельная колбаса из печени): долгий *ээ* → ударный *е*. Несклоняемое существительное, оканчивающееся на *-э*;

— *убсун* — бур. *убсүүн* (баранья грудинка): *ү* → *у*, долгое *үү* → ударное *у*. В контексте слово мужского рода, II склонения, употреблено в форме винительного падежа, множественного числа, с присоединением окончания *-ы*;

— *арса* — бур. *аарса* (молочный продукт, крепкий, утоляющий жажду напиток): долгий *аа* → ударный *а*. Вещественное существитель-

ное (из группы *singularia tantum*) женского рода в форме винительного падежа, единственного числа, с окончанием *-y*;

— *айрак* — бур. *айраг* (кислое молоко крепости пива): *г* → *к*. Используется в контексте как вещественное существительное мужского рода, в форме винительного падежа, единственного числа.

Ещё два копыа с привязанными голубыми полосами шелкового хадака лежали на земле («Последние войны волков»):

— *хадак* — от бур. *хадаг* (сложенное вдвое шёлковое полотенце, подносившееся в виде приветственного дара почётным гостям): *г* → *к*. Существительное мужского рода, II склонения. В контексте используется в форме родительного падежа, единственного числа (окончание *-а*).

Там песни поют, там бранятся, брызгая слюнями, там парни и девушки ёхор водят, где-то играют на лимбе и бьют в бубны («Уодхэ»):

— *лимба* — от бур. *лимбэ* (бурятский национальный музыкальный инструмент, флейта): *э* → *а*. В контексте употребляется как существительное женского рода, I склонения, в форме творительного падежа, единственного числа (окончание *-е*);

— *ёхор* — от бур. *ёхор* (бурятский хоровод): долгий *ёо* → ударный *ё*. В контексте употребляется как существительное мужского рода, I склонения, в форме винительного падежа, единственного числа.

В дымном тумане тумэты, торопясь, набивали тулумы утварью, одеждой, серебряными и золотыми украшениями («Последние войны волков»):

— *тулум* — от бур. *тулам* (кожаный мешок): *а* в слабой позиции → ударный *у*. В контексте слово употреблено как существительное мужского рода, II склонения, в форме множественного числа, винительного падежа (окончание *-ы*).

Тихо, тихо. Так, надо побольше гирю... Ого, как раздобрели! Да это целый хаширик! («Силачи»):

— *хаширик* — от бур. *хашараг* (двухгодовалая тёлка или бычок): замена слабо произносимого *а* на *и*; а также *г* → *к*. Существительное мужского рода, II склонения, в форме единственного числа, именительного падежа. В тексте слово употреблено в переносном значении.

Всыпьте им плетей и гоните отсюда прочь! Пусть их харшаны съедят! («Уодхэ»):

— *харшан* — от бур. *харшан* (людоед, вампир): употребляется как существительное мужского рода, II склонения в форме множественного числа с присоединением окончания *-ы*.

Разжигай огонь возле обо («Последние войны волков»).

— *обо* — от бур. *обоо* (вершина со ступой из камней, где проводятся молебствия, призывают духов и эзенов, угощают их, вымаливают удачу и счастье): долгий *оо* → ударный *о*. Несклоняемое существительное среднего рода.

В случае с художественным текстом при анализе мотивов использования автором заимствований выясняется, что многие из них гораздо точнее, более метко выражают смысл обозначаемого, часто не имеют эквивалентов в русском языке, представляя собой лакуны (*обоо*, *хадаг*, *лимбэ*, *аарса* и др.).

Круг заимствований в каждую историческую эпоху определяется общественно-политическими, культурными и другими условиями и оказывается преходящим в эволюции литературного языка: отвергаемое в предыдущую эпоху становится обычным фактом речи (что-то при этом уходит вместе с эпохой и её речевым бытом), для новых поколений и в новых условиях появляется другой набор обсуждаемых с нормативных позиций заимствований. И этот процесс идёт вместе с развитием языка.

Как известно, лексические заимствования являются одним из источников образования новых слов. Их изучение позволяет проследить сложность языковых процессов, переплетение внутренних и внешних явлений в языке, воздействие последних на различные звенья языковой структуры.

Вопросы взаимного обогащения языков разных народов весьма актуальны, и существенное взаимовлияние русского и бурятского языков на протяжении исторического контакта их носителей не вызывает сомнений. Это взаимодействие, как выяснилось, продолжается в какой-то степени и теперь и требует дальнейших лингвистических исследований.

Список литературы

1. Абросимова О.Л. Заимствования и их адаптация в забайкальских говорах // Гуманитарный вектор. 2011. № 4 (28). С. 5–8.
2. Балдоржиев В. Последние войны волков. Чита: Поиск, 2004. 168 с.
3. Балханов И.Г. Двухязычие и социализация: монография. Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2002. 253 с.
4. Батоев Б.-Д.Б. Бурятский язык (Графика, орфография и пунктуация). Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1993. 144 с.
5. Дарбеева А.А. Условия развития бурятско-русского двухязычия // Развитие национально-русского двухязычия. М.: Наука, 1976. С. 85–102.
6. Дондуков У.-Ж.Ш. Влияние русского языка на развитие и обогащение лексического состава бурятского языка. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1974. 99 с.
7. Дырхеева Г.А. Бурятский язык в условиях двухязычия: проблемы функционирования и перспективы развития. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. 191 с.
8. Егодурова В.М., Бабушкин С.М. Заимствованная из бурятского языка лексика как компонент регионального русского языка // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 51. С. 84–91.
9. Игнатович Т.Ю., Биктимирова Ю.В. Забайкалье устами первопроходцев и старожиллов: научно-попул. изд. Чита: ЗабГУ, 2016. 245 с.
10. Кудрявцева Т. Межкультурная коммуникация и обучение русскому языку // Русский язык в национальной школе. Научно-методический журнал. 2009. № 2. С. 21–23.
11. Пащенко В.А. Словарь фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Забайкальского края / под науч. ред. Т.Ю. Игнатович. Чита: ЗабГУ, 2014. 484 с.
12. Правила орфографии и пунктуации бурятского языка / под общ. ред. Л.Д. Шагдарова. 2-е изд., испр. и доп. Улан-Удэ: Бэлиг, 2009. 168 с.
13. Регионализация образования (на примере Забайкалья) / под ред. Л.А. Бордонской, М.И. Гомбоевой, Л.В. Черепановой; ЗабГГПУ. Чита, 2007. 313 с.

14. Цыдендамбаева Ц.Р. Специфика освоения русским языком бурятских заимствований // Язык в различных сферах коммуникации: материалы Международной научной конференции. 2014. С. 173–176.

15. Черемисов К.М. Бурятско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1973. 804 с.

8.2. Динамика языковой ситуации в полиэтническом Забайкалье *Т.Ю. Игнатович*

В забайкальском полиэтническом регионе русский язык является доминирующим идиомом, но такая ситуация была не всегда. Русский язык начал функционировать в Забайкалье сравнительно поздно, со второй половины XVII в. с приходом на данную территорию русских первопроходцев и поселенцев.

По данным археологов, люди жили в Забайкалье задолго до русской колонизации, свидетельства об этом уходят вглубь тысячелетий, самые древние были оставлены людьми 100 тыс. лет назад. Известно, что в VI–IX вв. здесь кочевал народ хунну, древнетюркские племена уйгуров, монгольские и тунгусские племена шивэй, монгольские племена сянби, в IX–XI вв. монгольские племена киданей, тунгусоязычные племена чжурчженей.

Когда в середине XVII в. в Забайкалье пришли русские первопроходцы, здесь жили потомки киданей — дауры, тунгусы — предки современных эвенков, монголоязычные буряты.

Первоначально русское население было немногочисленным. До 1697–1698 гг. в Нерчинском уезде было лишь две слободы — Урульгинская, Куенгская и однодворная деревня Боты. Во всех селениях насчитывалось 24 двора пашенных крестьян, обрабатывавших 11,5 десятин государственной пашни. В связи с переселением в 1697–1698 гг. в Нерчинский уезд ста семей беглых верхотурских крестьян были основаны слободы: Городищенская, Ундинская, Алеурская [Константинов, Константинова, 2002, с. 70–71]. В 1697 г. отправили в Нерчинское воеводство из Тобольска 423 человека. К Читинскому острогу, по архивным данным, в 1710 г. было приписано 18 небольших, по два-

три двора, деревень, расположенных по рекам Ингоды и Читы [Халетский, 2003, с. 81, ссылка на: Тимофеев, 1971, с. 8–13].

В начале XVIII в. в Нерчинской крепости служило 470 человек; по данным четвертой ревизии, в 1782 г. в Нерчинске проживало 1287 человек, в том числе 359 государственных крестьян [Артемьев, 1999, с. 25–29]. В 1706 г. по Указу Петра I был основан Нерчинский Успенский мужской монастырь. Всего за монастырем числилось 160 душ приписных крестьян [Казакова, 2003, с. 82, 86, ссылка на: ГАЧО, ф. 282, оп. 1, д. 125]. Русские переселенцы были русскоязычными, в большинстве своём выходцами из северных регионов Российского государства.

В 1762 г. в Нерчинском горном округе уже проживало 11854 душ мужского пола приписных крестьян, а в 1787 г. при передаче заводов Кабинету в округе насчитывалось 282 деревни [Жидков 1973, с. 101]. Здесь также проживало 1005 ссыльных, из них 387 обрабатывали казённую пашню [Константинова, Халетский 2003, с. 25].

Во второй половине XVIII в. в юго-западную часть Восточного Забайкалья стали переселяться так называемые «семейские», старообрядцы, высланные из Черниговской (Стародубье) и Могилевской (Ветка) губерний. Выселение происходило в 1735 г. и 1764 г., и в Забайкалье прибыло до 4 тыс. человек. В 1782 г. в западной части Забайкалья проживало около 4400 старообрядцев, в 1827 г. — 12876 [Константинова, 2002, с. 153]. Диалектная речь семейских имеет черты южнорусского происхождения.

В 1799 г. в соответствии с Указом 1799 г. в край было переселено 4980 крестьян и отставных солдат опять же из западных районов Сибири и Европейской части России [Дамдинов, 2005, с. 30].

Известно, что в середине XVIII в., по свидетельству Петра Симона Палласа, Забайкалье было заселено дагурами-монголами, бурятами и тунгусами (16000 душ) [Дамдинов, 2005, с. 48]. В «Уставе об управлении инородцами» 1822 г. коренное население получило право пользоваться своим языком для официальных целей [Любимова, Баянова, 2009, с. 83].

В 1897 г., как свидетельствуют «Материалы Высочайше утвержденной под председательством статс-секретаря Куломзина комиссии для

исследования земледелия и землепользования в Забайкальской области. Вып. 6. Население, значение рода у инородцев и ламаизм» (сост. Н. Разумов, И. Сосновский. СПб., 1898, с. 39-40), общая численность населения Забайкальской области равнялась 561 542 чел. Русских насчитывалось 362 623 человек (64,7%), бурят — 170 849 (30,4%), тунгусов — 24 594. (4,5%), евреев и татар — 2476, (0,4%) [Любимова, Баянова, 2009, с. 83-84]. При этом ряд забайкальских учёных полагают, что количественное преобладание русского населения над аборигенным (бурятским и эвенкийским) говорит о тенденции изменения языковой ситуации к концу XIX в. с бурятско-русского двуязычия на русско-бурятское [Любимова, Баянова, 2009, с. 83-84]. Среди бурятского и эвенкийского населения развивалось двуязычие, русское население, если тесно не контактировало с представителями автохтонных народов, оставалось носителями только русского языка.

Языки автохтонных народов оставили след в забайкальской топонимии. Известный исследователь забайкальских русских говоров Л.Е. Элиасов отмечал высокий процент заимствований (более 90% от общего числа зарегистрированных местных названий) из автохтонных языков в топонимике Забайкалья, так как к «приходу русских большая часть мест, гор, рек, озер, ключей уже носила бурятские и эвенкийские названия» [Элиасов, 1965, с. 97]. Таковыми, например, являются топонимы *Чита*, *Ингода*, *Акатуй*, *Балей*, *Борзя*, *Калга*, *Могойтуй* и др. Бытуют нерусские названия и в микротопонимике. Так, в ныне русскоязычном с. Ундино Поселье Балейского района есть названия районов *Зутурул*, *Кэцэкэн*, *Бушулей*, *Зудыр*, *Дацан*, недалеко от села находятся пади *Мудуихэ*, *Зутурульская*. В настоящее время издан «Топонимический словарь Забайкальского края» Т.В. Федотовой [Федотова, 2017], исследования региональной топонимии с точки зрения происхождения и информационного потенциала проводит Р.Г. Жамсаранова [Жамсаранова, Шулунова, 2003].

Например, у топонима *Чита* имеется 7 версий объяснения автохтонного происхождения: 1) от эвенк. имени *Чита*; 2) от эвенк. слова *чата* или *чатала* — «глина»; 3) от ороч. *чита* — «береста»; 4) от эвенк. *чатэ* — «черная земля», «уголь»; 5) от уйгур. *чыт* — «жилище»; 6) у нивхов *читы* — «колодец»; 7) слово носит собирательный

характер и в переводе с языков народов Восточной Азии обозначает «вода» [Федотова, 2017, с. 126–127].

А.П. Майоров, исследовавший региональный узус русской деловой письменности XVIII в. по памятникам Забайкалья [Майоров, 2006], отмечает, что в тот период языки аборигенов взаимодействовали с формирующимся забайкальским вариантом русского языка и в него пришли многочисленные автохтонные заимствования. Рассматривая заимствования из автохтонных языков (бурятского, якутского и эвенкийского), А.П. Майоров приходит к выводу, что, обозначая предметы и явления чужой культуры, автохтонные заимствования вместе с обозначаемыми реалиями довольно быстро становятся достоянием материальной и языковой культуры русского населения Забайкалья. Так, например, наименования *ганза*, *гуран*, *затуран*, *кабус*, *каптагай*, *качерик*, *саломат*, *тарасун*, *чебак* ‘ меховая шапка’, *яман* и мн. др. прочно вошли в речевой обиход русских, проживавших в XVIII в. в Забайкалье, а сами реалии широко использовались в их повседневной жизни [Майоров, 2006, с. 32]. Подобные слова, считает автор, выполняли обычную номинативную и коммуникативную функции, не акцентируя национальный колорит обозначаемых реалий. В региональном узусе русского языка XVIII в. автохтонные заимствования функционировали наряду с другими регионализмами как полноправные члены лексической системы данного идиома.

П.А. Ровинский в статье «Очерки Восточной Сибири», опубликованной в журнале «Древняя и новая Россия» в 1875 г., обращает внимание на влияние речи местного населения на русский язык в Сибири: «Чем дальше вы продвигаетесь к востоку, тем больше пестрят русскую речь эти совершенно чуждые слова. В Нерчинске в разговоре с русскими людьми мне приходилось так часто обращаться за переводом слов, что коренной нерчуган удивился этому и задал вопрос: «Что это такое, вы не знаете самых обыкновенных русских слов?» А эти обыкновенные русские слова были: «зантугло» (отупевший человек), «дымбей» (напрасно), «каптурга» (кисет с табаком) и т. п.» [Ровинский, 1875, с. 232]. А.П. Майоров считает, что денотаты таких автохтонных регионализмов стали неотъемлемым социокультурным

фактом жизни русских людей, обосновавшихся в Сибири, и слова, обозначающие эти реалии, закономерно входят в лексическую систему исследуемого региолекта — русского языка, функционирующего в Забайкалье XVIII в. [Майоров, 2006, с. 36–37].

По данным Э.Д. Эрдынеевой, в конце XX в. русских говорах Забайкалья активно функционировало около 300 бурятизмов [Эрдынеева, 1992, с. 109]. Бурятизмы, вошедшие в лексику русских говоров Забайкалья, либо выражают более конкретное понятие по сравнению с русскими названиям и одним словом могут заменять описательное наименование, либо имеют экспрессивно-оценочный характер. Они русифицированы и способны развивать переносные значения, образовывать словообразовательные гнезда.

Фактор влияния автохтонных языков обусловил формирование специфических общих региональных черт в русских говорах Восточного Забайкалья как севернорусского, так и южнорусского генезиса. Однако в настоящее время в русских говорах Восточного Забайкалья происходит процесс утраты части заимствований из автохтонных языков в связи с утратой реалий, которые они обозначали, или заменой их общерусскими синонимами.

Русская история освоения края с середины XVII в. в виде разноязычных миграционных волн с разных территорий России, а в новейшее время и из стран ближайшего зарубежья, пребывание здесь коренных народов (бурятов, эвенков) обеспечили полиэтничный состав населения, что нашло отражение в забайкальской русской народно-разговорной речи.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в Забайкальском крае проживает 1 млн. 107 тыс. 107 человек, являющихся представителями более 100 национальностей и народностей [Статистический ежегодник Забайкальского края. 2012, с. 48–49].

Самая многочисленная национальность — русские: в 2010 г. они составили 88,28 % (977 тыс. 400 человек) от всего населения Забайкальского края [Статистический ежегодник Забайкальского края. 2012, с. 49]. Доля русских в конце прошлого столетия представляла: в 1989 г. — 88,4 %, в 1994 г. — 90,9 %, в 2002 г. — 89,8 % (1 млн. 37 тыс. 502 человека) [Чипизубов, 2002, с. 79], то есть наблюдается колеба-

ние доли русского населения с увеличением, а затем понижением на полтора процента.

Из коренного населения Забайкалья буряты составляют соответственно — 6,68 % (73 тыс. 941 человек) от всего населения региона [Статистический ежегодник Забайкальского края. 2012, с. 48], по сравнению с 1989 г. — 4,8 %, 1994 г. — 5,4 % [Чипизубов, 2002, с. 79], 2002 г. — 6 % (70 тыс. 457 человек), то есть наблюдается рост представителей бурятской национальности. Эвенки в 2010 г. составили — 0,13 % (1387 человек) [11, с. 49], сравнение с данными переписей 1989 г. — 0,1 %, 1994 г. — 0,2 %, 2002 г. — 0,13 % (1492 человека) показывает, что наблюдается снижение численности этого этноса.

По переписи 2010 г. 99,66 % русских считают русский язык своим родным языком, в 2002 г. было 99,5 %.

Процентное соотношение русского населения к коренным народам Забайкалья 88,28 % русских и 6,68 % бурят, 0,13 % эвенков при небольшом росте среди коренного населения количества лиц, признающих язык своей нации родным языком (буряты — 94 % в 1994 г., 80,1 % в 2002 г., 88,04 % в 2010 г., эвенки соответственно — 14 % в 1994 г., 13 % в 2002 г., 16,51 % в 2010 г.), свидетельствует о том, что влияние автохтонных языков на русские говоры осталось в прошлом. Если в 2010 г. Всероссийская перепись показывала 229 носителей эвенкийского языка, то в 2019 году, по данным забайкальских СМИ, их осталось 43 человека [<https://www.chita.ru/blogs/shadrin/138314/> от 22 ноября 2019 г.].

К многочисленным национальностям, проживающим в нашем регионе, можно отнести украинцев — 11 тыс. 843 чел. (1,02 %), татар — 8 тыс. 159 чел. (0,7 %), армян — 3 тыс. 594 чел. (0,3 %), белорусов — 2 тыс. 973 чел. (0,25 %), азербайджанцев — 2 тыс. 129 чел. (0,18 %), немцев — 1294 чел. (0,11 %), чувашей — 1271 чел. (0,11 %), башкир — 1228 человек (0,10 %) и др.

Родным языком считают язык своей национальности: армяне — 56,45 %, азербайджанцы — 55,33 % (в 1994 г. — 94 %), украинцы — 21,85 % (в 1994 г. — 45 %), татары — 21,47 % (в 1994 г. — 48 %), белорусы — 14,21 %, (в 1994 г. — 33 %), эвенки — 13% (в 1994 г. — 14 %), немцы — 7,95 % и т. д. Соответственно возрастает количество лиц

нерусской национальности, считающих русский язык своим родным языком.

Нерусских, назвавших родным русский язык, в 2002 г. — 39,2 % против 31% в 1989 г. и 24 % в 1994 г.

Статистические данные свидетельствуют о том, что государственный русский язык занимает устойчивую позицию, активно востребован в забайкальском регионе в качестве языка межнационального общения.

Вместе с тем актуальной остаётся проблема качества и уровня владения русским языком русским и нерусским населением.

Современные трудовые мигранты из азиатских республик плохо владеют русским языком. Приведём пример из типичного диалога с водителем такси, узбеком по национальности, который уже 7 лет живёт в Чите и имеет российское гражданство:

— Русский язык учил родина, на родина. Дедушка умер, бабушка умер, мой дети сороковая школа. Мать приехал Чита гости. Дорога Новобульварная делают.

Новый гражданин России не собирается возвращаться на родину. Четвёртый ребёнок родился в России, дети учатся в русской школе, осваивают русский язык, и, безусловно, будут его знать лучше, чем родители.

Культурная и языковая ассимиляция — длительный процесс, но если национальные культурные традиции, включая и язык, становятся не востребованы, они умирают через три поколения.

Так, в Шилкинском районе есть деревня Васильевка, в 1929 г. её основали 25 семей переселенцев из Московской области по национальности мордва. Сначала они соблюдали национальные традиции, в семьях говорили на родном языке. Сменилось три поколения, тем, кто родился в годы переселения, сейчас за 80 лет. Они помнят родной язык, вспоминают мордовские национальные праздники, обычаи; их дети понимают родную речь, но сами обычно не используют даже в бытовом общении; внуки понимают лишь отдельные слова. В семьях говорят на русском языке в его просторечной разновидности и не могут вспомнить, когда в последний раз на свадьбах пели мордовские песни. Произошла национальная ассимиляция, и в послед-

ней переписи подавляющее большинство выходцев из Мордовии причислили себя к русским.

Русская речевой узус в регионе в настоящее время не однороден, в краевом центре — городе Чите и диалектная речь практически не звучит, бытует литературная речь, просторечие, в среде малообразованного населения на просторечие насаиваются жаргонизмы. В районных центрах — небольших городах, посёлках и селах диалектная основа речи проявляется более явно, на которую насаиваются просторечие, жаргоны, воздействует литературный язык.

М.А. Башурова отмечает следующие стадии изменения языковой ситуации в Забайкальском регионе:

1. Языковая ситуация до прихода русскоязычного населения (до второй половины XVII века): на территории функционируют языки коренных народов.

2. Языковая ситуация во время активного заселения края русским населением XVII-XIX вв: в этот период наблюдается смена языковой ситуации, языки коренных народов перестают доминировать за счёт того, что количество русскоязычного населения увеличивается.

3. Языковая ситуация с XX века может быть охарактеризована как многокомпонентная с преобладающим количеством русскоязычного населения [Башурова, 2018, с. 64-65].

Наблюдается угасание воздействия автохтонных языков — всё это обуславливает своеобразную диахронную динамику русского речевого узуса в Забайкалье.

Список литературы

1. Артемьев, А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток: РАН ДО Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, 1999. 335 с.

2. Башурова М.А. Языковые заимствования как источник изучения языковой ситуации в Восточном Забайкалье в XVII–XVIII вв. // Филологическое образование и современный мир: материалы XIV Всероссийской молодежной научно-практической конференции с между-

народным участием / Забайкальский государственный университет; отв. ред. А.Э. Михина. Чита: ЗабГУ. 2018. С.63–65.

3. Дамдинов Д.Г. О предках Гантимуровых, титулованных князей и дворян (по московскому списку). Чита: АНО «ЦНОП», 2005. 94 с.

4. Жамсаранова Р.Г. Шулунова Л.В. Топонимия Восточного Забайкалья: монография. Чита: Изд-во ЗабГПУ, 2003. 128 с.

5. Жидков Г.П. Кабинетское землевладение (1747-1917 гг.). Новосибирск: Наука, 1973. 264 с.

6. Константинова Н.Н. Казачество // Энциклопедия Забайкалья: Читинская область / гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. В 2-х т. Новосибирск: Наука, 2002. Т. 1. С. 212–215.

7. Константинова Н.Н. Население Забайкалья и виды хозяйственной деятельности / Н.Н. Константинова // Энциклопедия Забайкалья: Читинская область / гл. ред. Р.Ф. Гениатулин: В 2-х т. Новосибирск: Наука, 2002. Т. 1. С. 152–154.

8. Константинова Т.А., Халетский А.Н. Нерчинское воеводство (1655–1783) // Нерчинское Забайкалье. Архивный вестник № 6 / под ред. М.В. Константинова. Чита, 2003. С. 12–25.

9. Константинов А.В., Константинова Н.Н. История Забайкалья (с древнейших времён до 1917 года): Учебное пособие по региональному компоненту образования. Чита: Изд-во ЗабГПУ, 2002. 248 с.

10. Константинова Т.А., Халетский А.Н. Нерчинское воеводство (1655-1783) // Нерчинское Забайкалье. Архивный вестник / Под ред. М.В. Константинова. № 6 Чита, 2003. 136 с.

11. Любимова Л. М., Баянова С. Е. Языковая ситуация как объект лингворегионалистики // Вестник Бурятского государственного университета. № 10. 2009. С.82–85.

12. Майоров А. П. Региональный узус деловой письменности XVIII в. (по памятникам Забайкалья): Автореф. дис. ...д-ра филол. наук: 10.02.01. М, 2006. 45 с.

13. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Забайкальская область. СПб, 1904. Вып. 74. 182 с.

14. Статистический ежегодник Забайкальского края. 2012: статистический сборник / Забайкалкрайстат. Чита, 2012. 320 с.

15. Федотова Т.В. Топонимический словарь Забайкальского края. Чита: ЗабГУ, 2017. 272 с.
16. Халетский А.Н. Верхнеингодинская заимка: к истории основания села Доронинское // Нерчинское Забайкалье. Архивный вестник / под ред. М.В. Константинова. Чита, 2003. № 6. С. 81–82.
17. Чипизубов В.И. Национальный состав // Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: В 2-х т. / гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2002. Т. 1. 302 с.
18. Элиасов Л.Е. Бурятские и эвенкийские заимствования в языке русского старожилого населения Забайкалья (на материале произведений устного творчества народов Сибири в советскую эпоху). Улан-Удэ, 1965. С. 96–103.
19. Эрдынеева Э.Д. Русские говоры Бурятии (лексикологический и социолингвистический аспекты). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1992. 124 с.

Заключение

Т.Ю. Игнатович

В монографии представлены результаты коллективного исследования состояния регионального варианта русского языка в динамическом аспекте в полиэтническом Забайкалье.

Одним из методологических оснований книги является понимание наличия в языковой системе стабильных и подвижных элементов, последние из которых исторически изменчивы, способны варьироваться в зависимости от территориального функционирования.

Разработанная *концепция* комплексного и интегративного исследования регионального варианта русского национального языка в Забайкальском крае позволила провести исследования и отразить в монографии следующие результаты:

1. Рукописные памятники деловой письменности Нерчинской воеводской канцелярии XVII–XVIII вв. являются важнейшим лингвистическим источником при изучении становления норм русского национального языка в регионах Российского государства, в данном случае забайкальском, при выявлении рудиментов церковнославянского и старорусского языков, общерусских и региональных особенностей, реконструкции забайкальского речевого узуса и языковой картины мира казаков-первопроходцев и первых русских поселенцев Забайкалья.

В книге описан ряд региональных лексических маркёров из текстов памятников деловой письменности XVII–XVIII вв. Восточного Забайкалья, отражающих специфику языковой самоидентификации забайкальцев в географически отдалённом от центра страны регионе.

2. Сопоставительное исследование реконструированных по данным забайкальских памятников деловой письменности конца XVII–XVIII вв. региональных фонетических и морфологических особенностей русского разговорного речевого узуса начала формирования забайкальских говоров с данными современных забайкальских русских диалектов позволило определить среди реликтовые диалектных различий неустойчивые и относительно устойчивые явления, выявить языковые процессы и тенденции изменений в забайкальском

народно-речевом узусе, отметить проявления формирующегося забайкальского региолекта.

3. В лексической системе современных русских говоров Забайкальского края выявлена общерусская и диалектная лексика различного происхождения, в частности из материнских севернорусских и южнорусских диалектов, а также лексика, заимствованная из языков автохтонных народов. Причиной устойчивости употребления регионализмов в забайкальском народно-речевом узусе является функционирование их в обиходно-бытовом общении и конкретность семантики диалектных наименований из-за стремления к большей детализации при обозначении бытовых реалий. В исследовании представлено системное описание забайкальского лексического материала.

4. Аналитическое описание состояния региональной лексикографии на примере изданных ранее словарей, в частности «Словаря русских говоров Забайкалья» (1980 г.) Л.Е. Элиасова и «Словаря говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья» (1999 г.) под редакцией Т.Б. Юмсуновой показало, что диалектная лексика в данных словарях, была записана в основном на территории Бурятии и в них часть лексических единиц, зафиксированных на территории Забайкальского края отсутствует, есть диалектизмы, не встречающиеся на территории Восточного Забайкалья, в некоторых случаях диалектизмы имеют более широкую или более узкую семантику, что обуславливает необходимость лексикографического уточнения и издания «Диалектного словаря Забайкальского края».

Разработанная концепция структуры и содержания планируемого «Диалектного словаря Забайкальского края», систематизация диалектной лексики и её лексикографическое описание в формате словарных статей с уточнением толкования семантики и расширением контекстного иллюстративного материала позволило подготовить к изданию «Материалы к диалектному словарю Забайкальского края».

Забайкальская фразеография представлена анализом «Словаря фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Забайкальского края» (2014 г.) В.А. Пашенко. В монографии он стал предметом лексикографического описания (тип словаря, состав включённых единиц, структура, способы толкования и т.д.). Кроме того, рассматриваются

возможности использования его фразеологического материала в исследованиях самого широкого спектра научных изысканий.

5. Рассмотрение забайкальского диалектного лексического и фразеологического материала с идеографических позиций позволило разработать этнолингвистическую модель региональной народной культуры, описать ряд её фрагментов. Принципы построения этнолингвистической модели региональной народной культуры включили этимологический комментарий, семиотический аспект, обрядовую функциональность, историческое развитие содержания слова, территориальное распространение диалектного слова, межкультурные (межэтнические) связи, реконструкцию ментальности диалектной личности.

К системным сегментам этнолингвистической модели региональной народной культуры относятся логико-понятийные группы диалектных слов, в которых выявляются ключевые региональные культурные концепты. В исследовании разработано понятие *регионально маркированный концепт* в соотнесении с его языковой репрезентацией: *регионально маркированный концепт* — это понятие, которое формируется на протяжении длительного периода в рамках определённой территории, оно легко узнаваемо, является символом материальной или духовной региональной народной культуры, имеет свои исторические, этнографические, культурные, лингвистические особенности, находит отражение в современной языковой ситуации. Языковая репрезентация регионально маркированных концептов как сегментов этнолингвистической модели региональной народной культуры становится базой для создания этнолингвистического словаря Восточного Забайкалья.

6. Исследование языка выбранных произведений современных забайкальских писателей и поэтов (Н. Ганьшиной, А.Н. Гордеева, О.А. Димова) в аспекте актуальных языковых процессов и региональных особенностей показало разную степень проявления модификаций и активных процессов в текстах разных авторов и в целом меньшую степень проявления, нежели в произведениях, получивших всероссийскую известность, что позволяет считать произведения современных забайкальских писателей и поэтов в большей степени верными

классической литературной традиции. Наличие же данных процессов позволяет говорить о включении современной забайкальской прозы в контекст единого современного литературного процесса.

В научном эссе о языке поэзии самобытного забайкальского поэта Бориса Макарова дан глубокий смысловой и лингвистический анализ его поэтических текстов и определено, что Русское слово в поэзии Б. Макарова с глубинным смыслом — с обилием гласных звуков и певучей неторопливой интонацией гекзаметра передаёт восточный ритм жизни в южных степях Забайкалья в долине величавого Онона и действует возвышающее и целительно на читателей, слушателей и ценителей его стихов. Образы, смыслы, слова-зёрна поэзии и прозы Бориса Константиновича Макарова дополняют Забайкальский текст русской культуры.

В монографии также представлен фрагмент исследования использования забайкальской диалектной лексики в произведениях забайкальских писателей с целью достижения бóльшей реалистичности в изображении героев и той обстановки, в которой они живут и действуют, и таким образом репрезентации региональной картины мира на определённом этапе истории Забайкалья.

7. В ходе исследования забайкальского медиадискурса как сегмента общероссийского медиадискурса было выявлено, что его язык по своим стилистическим возможностям соотносится с общероссийскими тенденциями к повышению стилистической экспрессивности, при этом наблюдается более низкая письменная речевая культура.

В городском языковом пространстве эргонимикон г. Читы представляет собой сложное, многоаспектное, многокомпонентное явление и в целом реализуется по тем законам и направлениям, которые характерны для эргонимов России, однако при этом очевидным является наличие региональных (гостиница «Даурия») и собственно-городских (ТЦ «Сосновый бор»), а также этнически обусловленных названий («Буузная»).

Транспортная эпиграфика г. Читы представляет собой актуальное, постоянно обновляющееся явление, оперативно отражающее городской узус, городские реалии и языковую картину мира горожан. Анализ языка эпиграфики показал использование просторечных средств

как наиболее распространенной подсистемы языка города, его «ядра». Учёт экстралингвистических факторов выявил адресованность названий остановок горожанам, а не приезжим, отражение в них пространственных предпочтений горожан, целей их перемещения в городе, в частности номинацию торговых объектов.

8. Поскольку Забайкальским край является полиэтническим регионом и характеризуется взаимодействием языков и культур, в исследовании рассмотрено проникновение автохтонных заимствований в региональный вариант русского языка в XVII-XVIII вв. по данным региональных исторических словарей и забайкальских памятников деловой письменности XVII-XVIII вв. и описана их различная судьба и особенности функционирования в современном региональном варианте русского языка на территории Забайкалья. Однако в настоящее время в русском народно-речевом узусе Восточного Забайкалья происходит процесс утраты части заимствований из автохтонных языков в связи с утратой реалий, которые они обозначали, или заменой их общерусскими синонимами. Языки автохтонных народов оставили след в забайкальской топонимии.

Русский язык оказал и оказывает ещё большее воздействие на автохтонные языки региона, безусловно, он обогатил лексику этих идиомов, русизмы в большинстве случаев были адаптированы принимающими языковыми системами. Буряты двуязычны, однако в их речевой коммуникации отмечается не всегда оправданное использование заимствований из русского языка, воздействие русского языка не только на лексику, но и грамматику бурятской речи. Среди эвенков на территории Забайкальского края носителей родного осталось крайне мало, не доходит до полусотни. Динамика развития двуязычия в настоящее время идёт не на пользу автохтонных языков.

Диахронное рассмотрение языковой ситуации в Восточном Забайкалье, начиная со второй половины XVII-XVIII вв. и до наших дней, свидетельствует о том, что она изменилась от равновесной до неравновесной с доминирующим русским языком при современном полиэтническом составе жителей края. Определены следующие стадии изменения языковой ситуации в Забайкальском регионе:

1. Языковая ситуация до прихода русскоязычного населения (до второй половины XVII века): на территории функционируют языки коренных народов.

2. Языковая ситуация во время активного заселения края русским населением XVII-XIX вв: в этот период наблюдается смена языковой ситуации, языки коренных народов перестают доминировать за счёт того, что количество русскоязычного населения увеличивается.

3. Языковая ситуация с XX века может быть охарактеризована как многокомпонентная с преобладающим количеством русскоязычного населения.

Наблюдается угасание воздействия автохтонных языков — всё это обуславливает своеобразную диахронную динамику русского речевого узуса в Забайкалье.

Об авторах

Руководитель проекта, редактор монографии и автор ряда параграфов — Игнатович Татьяна Юрьевна (Россия, Чита), Забайкальский государственный университет, доктор филол. наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания.

Биктимирова Юлия Викторовна (Россия, Чита), Забайкальский государственный университет, кандидат филол. наук, доцент, зав. кафедрой русского языка как иностранного.

Камедина Людмила Васильевна (Россия, Чита), Забайкальский государственный университет, доктор культурологии, доцент, профессор кафедры литературы.

Иванова Анастасия Викторовна (Россия, Чита), Забайкальский государственный университет, кандидат филол. наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания.

Лиханова Надежда Анатольевна (Россия, Чита), Забайкальский государственный университет, кандидат филол. наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания.

Пляскина Елена Ивановна (Россия, Чита), Забайкальский государственный университет, кандидат филол. наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания.

Филинкова Елена Олеговна (Россия, Чита), Забайкальский государственный университет, кандидат филол. наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания.

Цыдендамбаева Цыцык Ринчиндоржиевна (Россия, Чита), Забайкальский государственный университет, кандидат педагог. наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания

Башурова Марина Андреевна (Россия, Чита), Забайкальский государственный университет, магистр филологии, выпускник магистратуры «Русский язык в различных сферах коммуникации».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение. Теоретико-методологические основы исследования (Т.Ю. Игнатович)	5
Глава 1. Русский язык Нерчинского воеводства XVII–XVIII вв.	17
1.1. Рукописные памятники деловой письменности Нерчинской воеводской канцелярии XVII–XVIII вв. как лингвистический источник (Ю.В. Биктимирова)	17
1.2. Региональные лексические маркёры лингвистической идентичности забайкальцев по материалам региональной деловой письменности Нерчинского воеводства XVII–XVIII вв. (Ю.В. Биктимирова)	31
1.3. Заимствования в забайкальских русских памятниках деловой письменности XVII–XVIII вв. и их судьба (М.А. Башурова)	37
Глава 2. Динамика трансформации русского народно-речевого узуса в Забайкалье	66
2.1. Фонетические трансформации русского народно-речевого узуса со времён первых русских поселенцев и до наших дней (Т.Ю. Игнатович)	66
2.2. Трансформации в морфологии русского речевого узуса со времён первых русских поселенцев и до наших дней	86
2.2.1. Синхронный срез конца XVII–XVIII вв.: именные формы на начальном этапе формирования забайкальского русского речевого узуса (Ю.В. Биктимирова)	87
2.2.2. Синхронный срез 70-90-х годов XX в. — начала XXI в.: современные трансформации в морфологии забайкальского русского народно-речевого узуса (Т.Ю. Игнатович)	94
2.3. Формирование забайкальского региолекта (Т.Ю. Игнатович)	110
Глава 3. Забайкальская диалектная лексика: общая характеристика (Е.И. Пляскина)	116
3.1. Лексика забайкальских русских говоров как система	116
3.2. Общерусская лексика забайкальских говоров	127

3.3. Диалектная лексика забайкальских русских говоров: диалектная основа, систематизация	135
3.4. Автохтонные заимствования в забайкальской диалектной лексике.....	151
Глава 4. Лексикографическое описание забайкальской диалектной лексики и фразеологии	165
4.1. Лексикографическое описание лексики забайкальских говоров (Пляскина Е.И.).....	165
4.2. «Диалектный словарь Забайкальского края»: теоретические основы лексикографического описания забайкальской диалектной лексики (Е.И. Пляскина, Т.Ю. Игнатович).....	175
4.3. Забайкальская фразеология: «Словарь фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Забайкальского края» В.А. Пащенко (Т.Ю. Игнатович).....	181
Глава 5. Региональная народная культура в полиэтническом Забайкалье: разработка этнолингвистической модели, лексикографическое описание	197
5.1. Этнолингвистическая модель региональной народной культуры (Н.А. Лиханова).....	197
5.2. Регионально маркированный концепт и его языковая репрезентация.....	216
5.3. Этнолингвистическая модель забайкальской народной культуры в лексикографическом описании.....	222
Глава 6. Язык произведений современных забайкальских писателей и поэтов: актуальные языковые процессы и региональные особенности	240
6.1. Современная забайкальская проза в аспекте теории языковой композиции: активные процессы и модификации (А.В. Иванова).....	240
6.2. Словесные зёрна Бориса Макарова для возрастания добра (Л.В. Камедина)	274
6.3. Диалектная лексика в произведениях забайкальских писателей (Е.И. Пляскина).....	293
Глава 7. Забайкальский медиадискурс и городское языковое пространство: общероссийские тенденции и региональные особенности	304

7.1. Забайкальский медиадискурс как сегмент общероссийского медиадискурса (А.В. Иванова)	304
7.2. Эргонимикон г. Читы (А.В. Иванова)	316
7.3. Транспортная эпиграфика г. Читы (Е.О. Филинкова)	344
Глава 8. Динамика региональной языковой ситуации в полиэтническом Забайкалье	356
8.1. Современное русско-бурятское языковое взаимодействие (Ц.Р. Цыдендамбаева)	356
8.2. Динамика языковой ситуации в полиэтническом Забайкалье (Т.Ю. Игнатович)	374
Заключение	384
Об авторах	390

Научное издание

Игнатович Татьяна Юрьевна, **Биктимирова** Юлия Викторовна,
Камедина Людмила Васильевна и др.

**РУССКИЙ ЯЗЫК В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ:
ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов

Подписано в печать 14.12.2019. Формат 60х84/16. Усл. печ. л. 23,02.
Тираж 500 экз. Заказ 867.

Издательство «Бук». 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.
Отпечатано в типографии «Т8 Издательские Технологии»,
г. Москва, Волгоградский пр-т, д. 42, корп. 5